

К 1257797

В. Б. КОНАСОВ

**СУДЬБЫ
НЕМЕЦКИХ
ВОЕННОПЛЕННЫХ
В СССР**

Поступ. в банк плат

П

Плательщик

Код

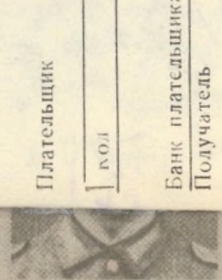
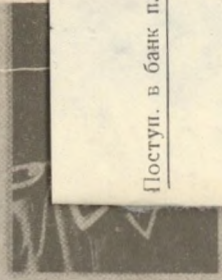
Банк плательщика

Получатель

Код

Банк получателя

Плательщик

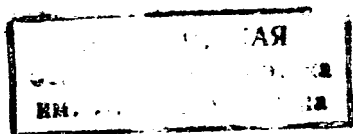

В. Б. Конасов

СУДЬБЫ
НЕМЕЦКИХ
ВОЕННОПЛЕННЫХ
В СССР:
дипломатические,
правовые
и политические
аспекты проблемы
ОЧЕРКИ И ДОКУМЕНТЫ

К 1254494

Вологда
1996

ББК 63.3(2) 622

К64

Конасов В. Б.

К64 Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы / Послел. доктора исторических наук В. Н. Вартанова. — Вологда: Издательство Вологодского института повышения квалификации педагогических кадров, 1996. — 320 с.: ил.

Книга посвящена малоисследованным и дискуссионным проблемам истории военного плена. На сегодняшний день — это первое, наиболее полное исследование о судьбах немецких военнопленных, публикуемое в России. Монография рассчитана на историков, читателей, интересующихся драматическими событиями второй мировой войны и послевоенного периода.

Р е ц е н з е н т ы : директор Мемориального музея немецких антифашистов, кандидат исторических наук **А. А. Крупенников**, заместитель директора этого же Музея по научной работе, кандидат исторических наук **В. А. Всеволодов**.

ISBN 5—87590—018—0

© Издательство Вологодского института
повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров,
1996 г.

Введение

МОГЛА ЛИ СОСТОЯТЬСЯ ДИСКУССИЯ?

В бывшем СССР вопрос о судьбах иностранных военнопленных долгие годы был окружен плотной стеной умолчания. Официальное признание в исторической науке получила лишь одна тема — антифашистское движение немецких солдат и офицеров в лагерях НКВД. Целям и задачам этого движения, участию пленных в пропаганде на войска противника посвятили свои диссертации, монографии, статьи Н. Г. Погребной, Г. В. Ежова, А. С. Бланк, А. М. Шевченко, Л. И. Гинцберг, К. А. Селезнев и другие советские историки¹. Благодаря коллективным усилиям к середине 80-х годов в исследовании проблемы был накоплен солидный методологический фундамент, сбрасывать который со счетов на волне каких-либо конъюнктурных соображений было бы неразумно. Вместе с тем, в опубликованных работах присутствуют, по меньшей мере, два заслуживающих критики момента. Во-первых, возникновение и вся последующая деятельность таких антифашистских организаций, как Национальный комитет «Свободная Германия» и «Союз немецких офицеров», никоим образом не связываются с планами правительства СССР и объясняются исключительно инициативой самих немцев. Во-вторых, роль германских коммунистов-эмигрантов в политическом перевоспитании обитателей лагерных бараков чрезмерно преувеличивается.

Западногерманские историки рассматривали проблему на ином уровне — в контексте политики Москвы на международной арене. При этом Б. Шойриг, А. Фишер, Й. Крамарж в своих работах 60—80-х годов не вполне корректно противопоставляют лидеров НКСГ и СНО участникам заговора против Гитлера 20 июля 1944 года². Резко негативную оценку НКСГ дает К.-Г. Фризер. По его мнению эта организация была всего лишь «подсобным инструментом» в руках Кремля³.

Вполне очевидно, что при диаметрально противоположном подходе к изучению и освещению проблемы, во многом продиктованном реалиями «холодной войны», ни о какой плодотворной дискуссии между учеными двух стран не могло быть и речи. И лишь потепление климата в международных отношениях позволило историкам с большей степенью объективности взглянуть на прошлое.

В частности, исследование уже упомянутого германского ученого Б. Шойрига, посвященное генералу Вальтеру фон Зайдицу — впоследствии президенту «Союза немецких офицеров», отличает честная и принципиальная позиция⁴. А о практической деятельности НКСГ и СНО он отзывался так: «Сегодня, по прошествии более 40 лет, нельзя без потрясения читать их пропагандистские документы. Все воззвания наполнены страстным патриотизмом и горячим волнением за судьбы Германии. Каждое воззвание призывало командование сухопутных войск препятствовать гибели или предупредить то, что должно непременно произойти при дальнейшем бездействии»⁵.

Имеются веские основания говорить о том, что и наши историки намерены внести существенные коррективы в традиционное видение проблемы. В докладах А. А. Крупенникова, В. П. Галицкого, Л. Е. Решина и других участников состоявшейся осенью 1993 года «Российско-германской научно-практической конференции» констатируется: на начальном этапе войны призывы покончить с Гитлером и его режимом, как правило, не находили отклика среди немецких солдат; налицо четкое размежевание в пропаганде ГлавПУ РККА и НКСГ — лидеры последнего исходили из «национальных интересов» немецкого народа и стремились предотвратить катастрофу, к которой вел Германию Гитлер; критика политического курса Москвы была чревата печальными последствиями — одни военнопленные, как, к примеру, бывший президент СНО генерал Вальтер фон Зайдиц, оказались на скамье подсудимых, другим — откладывалась репатриация на родину⁶.

Время от времени право на публикацию в СССР получали мемуары бывших немецких военнопленных (Р. Петерсхаген, В. Мюллер, Г. Вельц, В. Адам, О. Рюле, Л. Штейдле)⁷ и бывших сотрудников ГлавПУ РККА и аппарата НКВД (К. В. Крайнюков, М. И. Бурцев, Н. И. Пузырев, А. С. Бланк)⁸. Главное место в мемуарах отводится анализу эволюции мировоззрения немецких солдат, оказавшихся в советском плену, формам и методам антифашистской пропаганды. В правдивом освещении этой страницы истории военного плена особых сомнений не возникает. А вот сцены из лагерной жизни, быт и нравы обитателей бараков авторы явно идеализируют. Объяснение этому, помимо прочего, следует искать в сфере пропаганды на идеологическом фронте. Не секрет, что бывшие военнопленные из числа западных немцев не скупились в своих воспоминаниях на трагические подробности о голоде, изнурительной работе и произволе советских властей⁹.

Пока в Москве на самом высоком уровне решался вопрос о публикации мемуаров того или иного участника минувших событий,

в ФРГ шла интенсивная разработка проблемы в целом. Еще в 1957 году приступила к работе специальная научная комиссия по изучению материалов о пребывании солдат и офицеров вермахта в плену Югославии, Великобритании, США, Советского Союза и других стран. В течение двух лет комиссию возглавлял профессор из Мюнхена Ганс Кох, а после его смерти — профессор из Гейдельберга Эрих Машке, ставший главным редактором 15-томного труда (22 книги) «К истории немецких военнопленных во второй мировой войне». В 1974 году публикация этого сериала, занявшая в общей сложности двенадцать лет, была завершена¹⁰.

Книги, однако, далеко не сразу попали в руки читателю. По мере выхода одного тома за другим, каждый из них получал гриф «Для служебного пользования» и направлялся в учебные заведения бундесвера в качестве учебного пособия по истории второй мировой войны. Такое решение министр иностранных дел Вилли Брандт мотивировал следующим образом: «Этим самым мы с самого начала избежим недоразумения, будто при помощи массовой публикации преследуются политические цели и провоцируется общественная дискуссия внутри и даже вне страны. Последняя разбередила бы у всех или у многих старые раны и была бы вредна для внешней политики федерального правительства»¹¹. Лишь в 1976 году депутаты бундестага пришли к выводу о том, что материалы о судьбе немецких военнопленных можно предать гласности.

Как показала жизнь, к подобному повороту событий наша историческая наука была не готова. Сотрудник Института военной истории Г. М. Иваницкий получил в свое распоряжение семь томов (со 2-го по 8-й), посвященных пребыванию немецких военнопленных в Советском Союзе, на предмет их критического обзора. Однако профессионально выполнить поставленную перед ним задачу историк смог только частично. Краткий обзор каждого тома был дан, а вот с критикой работы западногерманских коллег дела обстояли неважно. По сути дела рецензент не привел ни одного контраргумента, ни одного факта, который бы опровергал то или иное положение многотомного труда. Тем не менее, в закрытом «Информационном бюллетене» он вынужден был, отдавая дань времени, сделать вывод глобального характера: «Публикация так называемых документов «К истории немецких военнопленных во второй мировой войне» представляет собой крупную идеологическую диверсию реакционных кругов ФРГ, цель которой заключается в попытке подорвать процесс нормализации отношений между СССР и ФРГ, а также наметившееся ослабление международной напряженности»¹².

Год спустя, на этот раз в открытой печати, была опубликована еще одна критическая статья¹³. Многообещающее название «Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР», однако, мало соответствовало содержанию. Повторив прежние обвинения в адрес «фальсификаторов истории», авторы к разбору работы ученых из ФРГ так и не приступили, а завели речь о гуманном отношении советских властей к поверженному противнику. В качестве доказательства использовались отзывы пленных, ранее опубликованные в книге, подготовленной к изданию в Берлине сотрудниками аппарата МВД¹⁴. Не оспаривая правдивости этих свидетельств из-за колючей проволоки, заметим, что к документам подобного рода следует подходить с большой осторожностью. Некоторые из них написаны обитателями лагерных бараков под нажимом, из-за боязни ухудшить собственное положение, отсрочить необдуманном отказом возвращение на родину. Специальная инструкция МВД СССР за № 389 от 16 июня 1949 года, к примеру, предписывала получать от всех репатрируемых «положительные отзывы о своей жизни в плену», ибо в дальнейшем каждый такой отзыв, резолюция собрания, митинга, групповое письмо «будут иметь большое значение для опровержения клеветнических и провокационных выступлений за границей»¹⁵.

В первой половине 80-х годов были опубликованы две статьи, посвященные медицинскому обеспечению немецких военнопленных в госпиталях Красной Армии¹⁶. Их авторы — Р. А. Марасанов и А. Н. Мельничук в одном случае, М. Ф. Войтенко и Г. А. Грибовская — в другом, приводят сведения о количестве вражеских солдат, принятых на обслуживание фронтовыми медиками в ходе Сталинградской битвы и на завершающем этапе войны, а также о нормах госпитального пайка и характере лечебных процедур. Статистика умерших от ран и болезней отсутствует, ее «компенсируют» примеры гуманного обращения врачей со своими пациентами. Тенденциозный характер подборки источников подтверждает тот факт, что документы Военно-медицинского музея Министерства обороны СССР исследователи проблемы использовали избирательно. Мимо их внимания прошли отчеты и акты проверок, содержащие информацию об остаточном принципе обеспечения пленных продовольствием и медикаментами, неудовлетворительной эвакуации в тыл, безобразных условиях содержания раненых и больных в отдельных госпиталях¹⁷.

Скромный перечень публикаций, подготовленных советскими историками по интересующей нас проблеме, завершает книга профессора А. С. Бланка, изданная в Кёльне¹⁸. Бывший офицер НКВД, переводчик лагеря для высшего командного состава в Суздале

профессионально описал быт и нравы своих подопечных за колючей проволокой. Много внимания уделено в монографии эволюции взглядов генералов и офицеров, в конечном счете порвавших с Гитлером и его режимом. Критический анализ многотомного труда западногерманских историков построен на выявлении тенденциозно подобранных свидетельств. К таковым ученый прежде всего относит заявления вернувшихся из плена о «голодном психозе», «невыносимых условиях работы», «повальной смертности». Справедливо заметив, что подобные документы не могут служить основанием для выводов обобщающего характера, А. С. Бланк напоминает своим коллегам из ФРГ о зверствах и издевательствах фашистов над советскими военнопленными. В высшей степени убедительно звучит эта тема в «Открытом письме профессору Эриху Машке», которое опубликовано в конце книги¹⁹.

Сегодня можно только догадываться, в каком случае историки эпохи сталинизма, «хрущевской оттепели» и развитого социализма высказывались по той или иной проблеме по убеждению, а в каком, дабы не поставить крест на карьере ученого, придерживались официально принятой точки зрения. Напомнить об этом нелишне потому, что тезис автора монографии о неукоснительном соблюдении советской стороной норм международного права находится в противоречии с фактами. Попытка западногерманских историков осудить репрессивную политику Кремля, жертвами которой становились практически все красноармейцы, побывавшие в фашистском плену, названа вмешательством во внутренние дела СССР. А критика закрытых судебных процессов, нередко выносивших солдатам вермахта сомнительные приговоры, объявлена «жалобной песней по военным преступникам»²⁰. Как и его предшественники, А. С. Бланк делает вывод, что многотомная «История» не имеет под собой научной основы и преследует явно неблагоприятные цели — активизировать реваншистские настроения и реабилитировать фашизм²¹.

Исключительно негативная оценка труда западногерманских исследователей, на которой, вне всякого сомнения, сказались императивы режима и идеологические штампы времен «холодной войны», прочно утвердилась в советской науке. В 1989 году специалист в области зарубежной историографии А. Н. Мерцалов по-прежнему усматривал в «Истории немецких военнопленных» одну из наиболее опасных антикоммунистических концепций²². Потребовалось еще два года, прежде чем в монографии М. И. Семиряги впервые прозвучала иная оценка: авторы документации «объективно изложили положение немецких военнопленных», лишь иногда

нарушив этот принцип «драматизацией реальных тягот» и «обелением фашистской клики»²³.

К сожалению, свое заключение по адресу многотомного труда вышеупомянутый историк не подкрепил более или менее развернутым анализом. А между тем Д. Картельери, Х. Флейшхаккер, В. Ратца, К. Беренс, В. Шварц, К. Бёме и Г. Робель²⁴ обращаются к самым различным сторонам жизни немецких военнопленных в СССР, начиная с вопроса о сексуальных привязанностях обитателей лагерных бараков и кончая такой дискуссионной проблемой, как судьба немцев, бесследно исчезнувших за колючей проволокой.

Авторы признают, что большинство советских граждан разделяло с военнопленными те же самые трудности — люди плохо питались и умирали от голода в неурожайные годы, жили в землянках, надрывались на тяжелой работе. Вместе с тем подвергается критике официально признанная в бывшем СССР система ценностей. Лишь очень немногие обитатели лагерных бараков верили в пропагандистские заявления о том, что «плановая экономика», «коллективное сельское хозяйство» и «социалистическое соревнование» способны в кратчайшие сроки решить все проблемы.

В таблицах, графиках, схемах, приведенных на страницах многотомного труда, обобщены сведения о нормах питания, трудовом использовании лагерного контингента, уровне смертности, количестве репатриированных на родину. В целом ряде случаев расчеты исследователей весьма точны, как, например, при определении количества и места дислокации лагерей на территории СССР. Однако же, встречаются и ошибки, обусловленные дефицитом такой информации, получить которую можно было только в советских архивах. Так, автор четвертого тома В. Ратца подсчитал, что занятость немцев в промышленности и сельском хозяйстве превысила за годы плена 1 млрд. 250 млн. человеко-дней²⁵. Более скромная цифра фигурирует в итоговом докладе министра внутренних дел С. Н. Круглова: «За период с 1943 года по 1 января 1950 года военнопленные отработали 1077564200 человеко-дней, выполнив работ на сумму около 50 млрд. рублей»²⁶. Поскольку в докладе идет речь о трудовом вкладе в развитие народного хозяйства СССР не только немцев, но и пленных иной национальности общим числом свыше миллиона человек, то ошибка в расчетах В. Ратца очевидна.

Приходится акцентировать внимание на данном обстоятельстве потому, что авторы документации подводят читателя к мысли о чуть ли не решающей роли немецких военнопленных в восстановлении советской экономики²⁷. Тезис достаточно спорный, как, впрочем, и некоторые другие выводы западногерманских историков, к анализу

которых мы обратимся несколько позже. Однако уже сейчас можно сказать, что любого рода критика не перечеркнет значения проделанной ими работы.

Среди публикаций более позднего периода несомненный интерес представляют монографии М. Ланга и А. Леманна. Первый из упомянутых авторов исследовал вопрос об уголовном преследовании немецких военнопленных в СССР в конце 40-х — начале 50-х годов²⁸. По мнению историка, закрытые заседания военных трибуналов не имели ничего общего с законностью и правосудием. Большинство обвиняемых было осуждено по различным статьям Уголовного кодекса за преступления, весьма далекие от того, чтобы классифицировать их как нарушение норм международного военного права. Подозрительно много — почти 42% от общего числа обвиняемых — привлекли к ответственности за шпионаж (ст. 58-6 УК РСФСР)²⁹.

Профессор из Гамбурга А. Леманн, в отличие от своего коллеги, делает попытку охватить весь круг проблем, связанных с пребыванием немецких военнопленных в СССР. Работа привлекает не столько новизной материала, сколько нестандартным подходом к раскрытию темы. Автор смело проводит исторические параллели, цитирует классиков мировой литературы, углубляется в психологический анализ. Историк старается быть объективным, о чем говорит, к примеру, следующая цепочка выстроенных им наблюдений. Судьба военнопленных, наряду с таким вопросом, как объединение Германии, была для немцев проблемой общенациональной. Однако потребовалось преодолеть экономические трудности, обрести государственность, прежде чем общество смогло уделить им материальную, а потом и нравственную поддержку. Именно с этого времени, т. е. с начала 50-х годов, политическое давление на СССР по поводу репатриации последних «узников войны» заметно усилилось. Возвращавшихся на родину в ФРГ встречали как героев, ораторы произносили патетические речи, раздавались требования учредить специальную награду за длительное пребывание в советском плену. В развернутой политиками пропагандистской кампании чувствовалась некоторая односторонность — все словно забыли «об ужасной судьбе русских военнопленных в Германии»³⁰.

В западногерманской литературе по военной истории довольно часто встречаются ссылки на исследование, которое провел американский историк, специалист в области международного права А. М. де Цаяз. Анализируя ситуацию с нарушением законов и обычаев войны со стороны СССР, этот ученый приводит такие данные: до 95% солдат и офицеров вермахта, попавших в плен в 1941—1942 гг., были убиты красноармейцами или погибли от

произвола советских властей несколько позже³¹. Более осторожен в выводах относительно причин высокой смертности военнопленных Н.-Н. Нольте, по мнению которого летальный исход могли повлечь объективные причины, например, трудности в снабжении продовольствием³². Так или иначе, но только документы о расстрелах немцев, оказавшихся в руках Красной Армии, больше не являются тайной для российского читателя — отдельную публикацию этой печальной теме посвятил журнал «Новое время»³³.

О неослабевающем интересе ученых и общественности ФРГ к судьбе соотечественников, находившихся в русском плену, говорит многое. За последнее время активизировали свою работу по розыску сведений о солдатах и офицерах вермахта, предположительно погибших в советских лагерях и тюрьмах, германский Красный Крест и Народный союз по уходу за немецкими военными могилами. В мае 1995 года в Бонне проходила выставка, посвященная немецким и советским военнопленным. Месяц спустя архивные материалы о судьбах немецких солдат в России экспонировались на международной конференции в Гамбурге. Переиздаются мемуары «узников войны». Более или менее подробные сведения о пребывании военнопленных в СССР включаются в различные справочные издания по военной истории³⁴. Только что вышла из печати брошюра Р. Денель, в которой впервые предпринята попытка рассмотреть проблему на региональном уровне³⁵. Базой для исследования вопроса о жизни отвоевавшихся солдат вермахта в лагерях Вологодской области исследователю послужили западногерманские источники и одна из работ автора настоящей монографии³⁶.

Совершенно иначе складывалась ситуация с изучением проблемы иностранных военнопленных в бывшем СССР. Путь к правде оказался долгим и тернистым, что лишний раз подтверждает дискуссия вокруг трагедии в Катынском лесу. Почти полвека советские историки придерживались версии Сталина — польские офицеры из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей расстреляны немцами. В заявлении ТАСС от 13 апреля 1990 года ответственность за это преступление была возложена на органы НКВД. Немало сделали для торжества исторической справедливости российские ученые А. С. Прокопенко, Н. С. Лебедева, В. С. Парсаданова, Ю. Н. Зоря, журналист В. К. Абаринов³⁷. К сожалению, «Военно-исторический журнал» во главе с его главным редактором генералом В. И. Филатовым, в угоду политическим амбициям, начал отстаивать прежнюю, сталинскую версию³⁸. Последнюю точку в этой затянувшейся истории поставила публикация рассекреченных документов, в том числе протокола политбюро ЦК ВКП(б), на котором более 20 тысячам поляков и был вынесен смертный приговор³⁹.

С начала 90-х годов в печати появились литературные очерки, рассказывающие о жизни иностранных военнопленных в СССР. Ветераны вермахта Х. Фрэдерт, Э. Штоль, Х. Шалов, очевидец событий Е. Г. Нилов в весьма доброжелательном тоне, но и не приукрашивая действительности, описывают лагерный быт, отношения обитателей лагерных бараков с администрацией, охраной, обслуживающим персоналом и гражданским населением⁴⁰.

В условиях большей открытости архивных фондов за изучение проблемы взялись и российские ученые. Историк В. П. Галицкий, к примеру, обратился к таким вопросам, как организация армейских приемных пунктов и лагерей военнопленных в 1941—1945 гг.; государственная политика по отношению к «узникам войны»; социальные и психологические проблемы солдат неприятельских армий в условиях военного плена⁴¹. Почти одновременно вышли работы о пребывании в лагерях и тюрьмах Советского Союза японских, венгерских, американских и испанских солдат⁴². Автору настоящей монографии и его коллеге А. В. Терещуку принадлежат первые брошюры и статьи о судьбах немецких военнопленных⁴³.

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена наиболее дискуссионным и малоизученным аспектам этой проблемы. В первой главе рассматривается вопрос о попытках Международного Красного Креста, нейтральных стран, союзников СССР по антигитлеровской коалиции облегчить участь «узников войны» путем переговоров. Какую позицию заняли на этих переговорах Москва и Берлин? Как расценивали, руководствуясь Гаагской и Женевскими конвенциями, правовой статус военнопленных заинтересованные стороны? Дискуссия вокруг этих вопросов имеет давнюю историю.

Еще в 1941 году на дипломатическом уровне обсуждалась такая проблема, как правовое положение советских партизан, ставшая позднее предметом острой полемики между обвинением и защитой на Нюрнбергском процессе. В 1943 году вышла из печати монография Ф. Шайдла, в которой вопрос правовой защиты «узников войны» рассматривается в контексте исторических событий⁴⁴. Несколько позднее в полемику с Международным Красным Крестом, заявившим протест против уголовного преследования пленных до момента капитуляции одной из сторон, вступил профессор А. Н. Трайнин⁴⁵.

Критике послевоенных процессов над солдатами и офицерами вермахта посвятил свою работу Р. Маруах⁴⁶. Исследование проведено, как говорится, «по горячим следам», а поэтому страдает недостатком точных цифр и документированных фактов. Общую тенденцию в практике советского правосудия автор, однако, подметил верно. Не обременяя себя доказательствами, военный трибунал

выносил суровый приговор только на том основании, что обвиняемый некогда принадлежал к войскам, принимавшим участие в преступлениях на оккупированной территории⁴⁷. Годы спустя к выводу о том, что подобная практика противоречила принципам законности и требованиям международного права, пришел В. П. Галицкий⁴⁸.

Как известно, в 1929 году советское руководство отказалось подписать Женевскую конвенцию о военнопленных, а в июле сорок первого заявило о своем признании Гаагской конвенции, которую в свое время ратифицировала царская Россия. В этой связи безусловный интерес представляют работы Б. Мейснера и Р. Лауна, анализирующие отношение СССР к международным соглашениям о законах и обычаях войны⁴⁹. Среди советских ученых, уделивших хотя бы некоторое внимание правовым аспектам военного плена, можно назвать П. С. Ромашкина, Н. С. Алексеева, А. И. Полтарака, Л. И. Савинского, Н. М. Минасяна⁵⁰. Справедливо критикуя злодеяния фашизма, авторы даже не допускают мысли о том, что нарушение законов и обычаев войны могло иметь обоюдный характер. И лишь в одной из последних монографий М. И. Семиряги бегло упоминается о непоследовательной политике Москвы по отношению к Женевской конвенции⁵¹.

К интересному, но достаточно спорному выводу приходит западногерманский ученый К.-Г. Фризер, обращаясь к истории вопроса о легитимности политической пропаганды среди военнопленных. Если Гаагская конвенция трактует этот вопрос положительно, то Женевское соглашение 1929 года, по мнению историка, наложило запрет на подобного рода деятельность⁵². И хотя автор монографии не доводит свою мысль до конца, нетрудно догадаться, на что именно он намекает. Упорное нежелание СССР присоединиться к Женевской конвенции накануне и в ходе второй мировой войны можно объяснить тем, что Москва не желала лишать себя удовольствия заниматься идеологической перековкой плененных солдат неприятельских армий.

Вопрос о дипломатическом разрешении проблемы «узников войны» впервые прозвучал в воспоминаниях представителей Международного Красного Креста. Насколько трудно шли переговоры по облегчению участи советских и немецких военнопленных, упоминают в своих мемуарах бывший уполномоченный МККК в Анкаре доктор М. Юнод⁵³ и вице-президент Красного Креста Швеции граф Ф. Бернадот⁵⁴. В 1948 году в Женеве был опубликован «Отчет МККК», содержащий сведения о переписке с Москвой и Берлином в годы второй мировой войны⁵⁵. Позднее эту информацию выборочно процитировал и прокомментировал в своем исследовании К. Бё-

ме⁵⁶. Еще через несколько лет перечисленные источники, а также документы нацистского МИД использовал при написании монографии К. Штрайт⁵⁷. С точки зрения этого западногерманского ученого, реальный шанс улучшить положение советских и немецких военнопленных был безвозвратно упущен уже в начале войны по вине фашистского руководства⁵⁸. К противоположному выводу приходит Й. Хоффманн, считающий, что его коллегу ввела в заблуждение пропагандистская нота Кремля от 17 июля 1941 года⁵⁹.

Так или иначе, но именно К. Штрайт наиболее подробно исследовал вопрос об ответственности Берлина за срыв переговоров по облегчению участи «узников войны». К сожалению, анализу достаточно противоречивой и непоследовательной позиции Москвы он и его коллеги уделяют гораздо меньше внимания. Попытка восполнить этот пробел, опираясь на документы отечественных архивов, предпринята автором настоящей монографии.

Не потеряла своей актуальности проблема репатриации немецких военнопленных на родину, различные аспекты которой рассматриваются во второй главе. Историки ФРГ весьма скептически относятся к заявлению ТАСС от 5 мая 1950 года о завершении репатриации (освобождено и направлено на родину 1939063 чел., остается в СССР на положении военных преступников и подсудимых 13532 чел., временно задержаны по болезни 14 чел.)⁶⁰. Одним из первых подверг критике правительственное сообщение К. Бёме, подробным образом исследовавший вопрос о количестве немцев, возвратившихся из русского плена в западную и восточную зоны оккупации Германии⁶¹.

Высокую оценку в ФРГ получила книга историка из США А. Смита «Пропавший миллион»⁶². Автор обращает внимание читателя на то, что советские, американские и британские военные власти не сумели организовать персональный учет немецких солдат в период их массового пленения. Союзники, однако же, вскоре овладели ситуацией. Что касается Москвы, то она по политическим, экономическим и иным мотивам вообще была не заинтересована в разглашении достоверной информации о поверженном противнике. Историк ставит под сомнение данные о количестве репатриированных (1003974 чел.) и остающихся в СССР немецких военнопленных (890532 чел.), названные в сообщении ТАСС от 15 марта 1947 года⁶³. Об авторской позиции по поводу этих цифр красноречиво свидетельствует само название книги.

К проблеме репатриации обращаются и уже упомянутые нами западногерманские историки М. Ланг и А. Леманн. Первый подробно рассматривает вопрос о возвращении на родину последних немецких военнопленных. Не лишено оснований предположение

историка о том, что восстание в Берлине 17 июня 1953 года приостановило уже запланированную репатриацию⁶⁴. А вот ситуацию на переговорах в Москве в августе того же года он истолковывает неверно. Как позднее убедится читатель, для советского правительства предложение делегации ГДР освободить от отбытия наказания большую группу «военных преступников», отнюдь не было неожиданностью⁶⁵.

В монографии А. Леманна затронут такой ракурс проблемы, как негативные последствия затянувшегося освобождения военнопленных в материальной, социальной и духовной сферах жизни германского общества. Историк, в частности, приводит удручающую статистику разводов, число которых в стране к концу 40-х годов достигло критической отметки⁶⁶.

Широкое распространение получила версия о том, что переговоры в Москве в сентябре 1955 года, положительно решившие судьбу последних немецких военнопленных, проходили в духе откровенного политического диалога. Высоко оценивает позицию канцлера ФРГ Конрада Аденауэра и советских лидеров Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина, к примеру, М. Ридель⁶⁷. Похоже, что рассекреченные документы МИД СССР позволят более четко расставить акценты в данном вопросе.

В ноябре 1995 года проблема репатриации немецких военнопленных была затронута на Международной научно-практической конференции в Москве. Российский исследователь В. П. Галицкий видит в этой теме исследования три аспекта: правовой, политический, нравственный. Старший научный сотрудник Института военной истории Г. М. Иваницкий совершенно справедливо предлагает не упускать из виду еще один весьма немаловажный аспект — экономический. Одной из причин длительного задержания бывших солдат и офицеров вермахта в советском плену вне всякого сомнения была нехватка рабочей силы в стране. В отличие от своего коллеги, Г. М. Иваницкий не столь категоричен в выводе о том, что СССР якобы сделал все возможное для скорейшей репатриации немецких военнопленных на родину.

Третья глава монографии посвящена судьбам военнопленных немецких генералов. Читатель сможет ознакомиться с ранее недоступными материалами о фельдмаршале Фридрихе Паулюсе и генерале артиллерии Гельмуте Вейдлинге, возглавившем оборону Берлина за несколько дней до капитуляции третьего рейха.

В основу книги легли документы из фондов архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), архива Военно-медицинского

музея Министерства обороны России (ВММ МО), архива Управления внутренних дел Вологодской области (архив УВД ВО). При подготовке монографии использована также периодическая печать военных лет и первого послевоенного десятилетия, сборники документов по истории Великой Отечественной войны и внешней политики, отечественная и зарубежная литература, несколько микрокопий из Фрайбургского военного архива, любезно предоставленных автору коллегами из Германии.

Каждый очерк сопровождается подборка документов, что, как думается, вполне оправданно. На страницах очерков раскрывается суть проблемы, дискутируются наиболее принципиальные вопросы. Документы позволяют воссоздать картину исторического прошлого во всем многообразии его сторон и коллизий. При этом читатель получает дополнительную возможность либо утвердиться в авторской позиции, либо вынести от публикуемого материала свое видение проблемы.

Документы располагаются в хронологическом порядке и сгруппированы так, чтобы, насколько это возможно, реконструировать естественный ход событий. Некоторые из них снабжены редакционным заголовком. Все архивные материалы приводятся полностью и лишь в отдельных случаях, когда это не противоречит традициям и правилам археографии, даются в сокращении. Пропуски обозначены отточием, заключенным в квадратные скобки. Орфография и стилистика документов сохранены. Пунктуация приведена в соответствие с современными грамматическими нормами.

Иллюстративная часть книги представлена фотоматериалами из бывшего, так называемого «Особого архива» — ныне ЦХИДК, периодической печати сороковых и пятидесятых годов, зарубежной литературы. Снимки отображают различные стороны военного плена в хронологической последовательности. Наконец, в «Примечаниях» указываются источники и даются краткие комментарии к тексту очерков.

Глава первая

ПОПЫТКИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

В середине 60-х годов германские ученые привели такие данные: из 5,75 млн. советских военнопленных погибли от голода, болезней и физического насилия около 3,3 млн. человек¹. Сегодня одни российские исследователи склонны согласиться с этими цифрами, другие считают их неоправданно завышенными². По подсчетам наших зарубежных коллег в руках СССР оказалось свыше 3 млн. солдат и офицеров вермахта, из которых приблизительно 1,15 млн. человек внесены в скорбный список безвозвратных потерь. И хотя дискуссия вокруг этих цифр также не завершена³, страшная трагедия плена ни у кого не вызывает сомнения. Сотни тысяч военнопленных вернулись на родину калеками, морально и духовно надломленными людьми. Многие потеряли за время пребывания на чужбине родных и близких, лишились семьи, дома.

Историков уже давно волнует вопрос: существовала ли более полувека тому назад хотя бы какая-то возможность облегчить участь пленных путем переговоров на дипломатическом уровне? И если о позиции Берлина в переговорном процессе, благодаря работам наших западногерманских коллег многое уже известно, то об ответных шагах Москвы этого не скажешь. Документы советской стороны с грифом «совершенно секретно» были надежно спрятаны в архивах и вплоть до настоящего времени не подлежали оглашению.

Запрет на изучение проблемы имел еще одну негативную сторону. До сих пор в целом ряде вопросов, связанных с правовым положением узников второй мировой войны, в нашей исторической науке нет полной ясности. Правопреемником каких ратифицированных царской Россией соглашений о защите жертв войны являлся, к примеру, Советский Союз накануне фашистской агрессии? Редакторы книги «Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта» оспаривают факт неприсоединения Кремля к Женевской конвенции о военнопленных. При этом они ссылаются на декрет СНК РСФСР, обнародованный в июне 1918 года⁴. Аргумент более чем странный, если учесть, что упомянутая конвенция принималась в 1929 году. Аналогичную ошибку допускает «Военно-исторический журнал», вызвавшийся дезавуи-

ровать «ложь, придуманную гитлеровцами в оправдание своих злодеяний». В доказательство того, что СССР якобы примкнул к странам-участницам Женевского соглашения в 1931 году, приводится текст декларации о присоединении Советского Союза к конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (?!)⁵. Мало того, что автор публикации просто перепутал одну конвенцию с другой, он преподнес названную декларацию как архивную находку, хотя она в свое время была официально опубликована⁶.

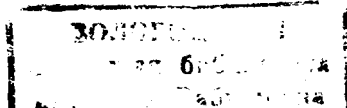
Как это ни прискорбно, но путает одну Женевскую конвенцию с другой член президентской комиссии по реабилитации жертв политических репрессий Л. Е. Решин, в чем автор монографии убедился на международной конференции в ноябре 1995 года. Считает излишним уважаемый исследователь обсуждать и вопрос о присоединении СССР к Гаагской конвенции. Не потому ли в статье, анализирующей причины трагической судьбы советских военнопленных (Российские вести, 1995, №№ 16 и 18), он и его соавтор ни словом не обмолвились о том, что все гуманные инициативы мирового сообщества по оказанию помощи «узникам войны» сталинским правительством были отвергнуты.

Избежать неясностей и недоговорок в вышеназванных вопросах нам поможет экскурс в историю 20—30-х годов. Обращаясь к этому периоду, мы, во-первых, проследим эволюцию взглядов советского руководства на проблему ратификации международных соглашений о защите жертв войны. Во-вторых, что не менее важно, выясним причины, заставившие Кремль внести коррективы в свою позицию после памятной даты — 22 июня 1941 года.

СССР и соглашения о защите жертв войны

Во время первой мировой войны в руках России оказалось свыше 3,5 млн. солдат вражеских армий. Большевицское правительство видело в них потенциальных союзников, способных понести факал революции в свои страны. Всероссийский съезд военнопленных, проходивший в Москве в апреле 1918 года, призывал братьев по классу развернуть на местах борьбу за свержение капиталистического строя и установление диктатуры пролетариата. Около 2,5 млн. соотечественников, находившихся в плену Германии и ее союзников, новая власть надеялась в скором времени привлечь на свою сторону для борьбы с внутренним врагом. Эти причины не в последнюю очередь объясняют то, почему первые

1257494

правительственные декреты были проникнуты сочувственным и уважительным отношением к «узникам войны»: материальную поддержку получали не только возвращавшиеся на родину, но и семьи тех, кто еще продолжал пребывать вдали от дома. Одновременно по указанию В. И. Ленина были установлены контакты с Международным комитетом Красного Креста, который возглавлял швейцарец Густав Адор. 2 июня 1918 года правительство заявило о том, что оно признает все международные конвенции о защите жертв войны, ранее ратифицированные царской Россией. Еще через три года МККК счел возможным объявить: РСФСР получает право на покровительство Женевских соглашений⁷.

С образованием СССР вопрос о присоединении к конвенциям Красного Креста вновь оказался на повестке дня. Однако к этому времени Ленин и его соратники уже с несколько иных позиций подходили к проблеме военного плена. По постановлению Совета Рабочей и Крестьянской обороны от 1 августа 1919 года, семьи военнослужащих РККА, рискнувших перейти на чужую сторону, лишались всех видов государственного пособия и земельного надела⁸. Что касается солдат Белой армии, то их с мая 1920 года стали препровождать не в лагеря военнопленных, а в лагеря принудительных работ. Особая комиссия из представителей НКВД, ВЧК и военного ведомства после соответствующей проверки откомандировывала более благонадежных в Красную Армию, менее — в так называемые Трудовые армии. Наконец, зачисленные в категорию «неблагонадежных» направлялись на принудительные работы по месту жительства, если там была «установлена и укреплена советская власть»⁹.

16 февраля 1925 года правительство Швейцарии ознакомило СССР с теми изменениями, которые предполагалось внести в недалеком будущем в конвенцию «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях»¹⁰. Обсуждение новой редакции названной конвенции, равно как и вопроса о присоединении к действующей, принятой в Женеве еще в 1906 году, началось в обстановке дискуссии о характере будущей войны. Сторонники оборонительной стратегии поддерживали провозглашенный в проекте принцип покровительства медицинским частям и учреждениям. При этом специалист в области международного права Е. А. Корвин выдвинул следующие аргументы: в предстоящей войне нельзя исключить вероятность отступления, территориальных потерь, пленения красноармейцев. В руках противника могут оказаться походные лазареты, госпитали. «Мы более, чем кто-либо, — доказывал ученый, — заинтересованы в выделении санитарного персонала из

общей массы пленных и в использовании его для ухода за больными и ранеными красноармейцами в неприятельском плену»¹¹.

Однако у проекта конвенции нашлось и немало противников. Предоставлять медикам вполне разумные привилегии (возможность заниматься в плену исполнением своих прямых обязанностей, право быть обмененными в ходе вооруженного конфликта и т. п.) они считали излишним. Возражения облекались в псевдореволюционную фразу о непомерно высокой цене покровительства. Конвенция запрещает врачам, сестрам милосердия и санитарам участвовать в боевых действиях, а «красному медработнику» негоже быть «равнодушным зрителем развертывающейся на его глазах социальной драмы вооруженной борьбы двух миров»¹².

На правительственном уровне, однако, возобладал чисто практический подход к проблеме. 16 июня 1925 года СНК СССР принял постановление о присоединении к Женевской конвенции «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Этим же постановлением было оформлено признание Гаагского соглашения «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 года», в основу которого заложен принцип покровительства госпитальным судам Красного Креста¹³. А вот Гаагское соглашение «О законах и обычаях сухопутной войны», регламентировавшее в специальном разделе права военнопленных, ждала иная судьба. Эта конвенция, в гораздо большей степени чем предыдущие, затрагивала интересы наступательной стратегии, сковывала инициативу первого удара рядом запретов. И, видимо, не случайно на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 года Сталин назвал Гаагскую мирную конференцию, впервые обсуждавшую упомянутый документ еще на рубеже XIX и XX столетий, «образцом беспримерного лицемерия буржуазной дипломатии», форумом, участники которого «шумом и песнями о мире стараются прикрыть дело подготовки к новой войне»¹⁴.

К концу двадцатых годов в СССР практически завершился процесс формирования военной доктрины, исходившей из абсолютного приоритета наступательной стратегии над оборонительной. Наиболее отчетливо контуры этой доктрины были обозначены в трудах маршала Б. М. Шапошникова (Мозг армии. В трех кн. 1927—1929 гг.) и военного теоретика В. К. Триандафиллова (Характер операций современных армий. 1929 г.). Симптоматично, что через несколько месяцев был подвергнут аресту другой видный военный теоретик А. А. Свечин — один из немногих, кто последовательно продолжал отстаивать идею стратегической обороны. На волне этих событий пришло известие о созыве конференции в Женеве, призванной, с одной стороны, пересмотреть конвенцию о

раненых и больных, а с другой — выработать такую конвенцию о военнопленных, которая бы, в отличие от Гаагской, более подробно, во всех деталях расписала их права и обязанности.

Свое принципиальное отношение к последнему из названных документов Сталин, судя по всему, строил, руководствуясь следующей логикой: в будущей войне, которая, несомненно, будет вестись на чужой территории, в плену противника окажется крайне мало красноармейцев, а потому связывать себя какими-либо обязательствами на международном уровне — неразумно. Специальная комиссия, возглавляемая первоначально членом коллегии НКВД Ф. А. Ротштейном, а затем консультантом Совета Труда и Оборона СНК СССР И. Я. Левенсоном, приступила в сентябре 1928 года к работе над собственным документом под названием «Кодекс военного плена»¹⁵.

15 мая 1929 года руководитель военно-морского ведомства К. Е. Ворошилов получил служебную записку: «Народный Комиссариат по Иностранным Дела́м считает необходимым поставить Вас в известность, что высшая инстанция (Сталин — *прим. В. К.*) не признала возможным участие СССР в созываемой в июне с. г. в Женеве конференции по пленным и раненым»¹⁶. В эти же дни по приказу Москвы покинул Женеву и. о. наркома по иностранным делам М. М. Литвинов. И когда 27 июля 1929 года главы делегаций от сорока семи государств скрепили своими подписями два новых международных соглашения, то подписи советского представителя ни под одним из них не было.

Работа конференции и ее итоги не освещались в советской печати. Читателю, взявшему в руки, к примеру, газету «Правда» за 1 августа 1929 года, оставалось только догадываться, на какой такой форум осуждающе намекает передовая статья: «... Все соглашения капиталистических государств являются не гарантией мира, а угрозой войны и подготовкой к войне». За рубежом между тем дипломатический демарш Москвы вызвал острую критику. В этой связи в Кремле пришли к выводу о том, что к конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях все-таки имеет смысл присоединиться. Что касается конвенции о военнопленных, то против ее принятия решительно возражали все заинтересованные ведомства.

Комиссия по подготовке «Кодекса военного плена» продолжала работать над документом, который бы «не воспроизводил деталей всех гарантий», предоставляемых «узникам войны» Женевским соглашением. При этом особенно тщательно отшлифовывались формулировки, затрагивающие характер неизбежного вооруженного столкновения с капиталистическим миром. С учетом пожеланий

наркома по военным и морским делам К. Е. Ворошилова было внесено предложение считать военнопленными не только солдат вражеских армий, но и «лиц, принадлежащих к населению незанятой войсками РККА территории противника, поднявшемуся для вооруженной борьбы против РККА при ее приближении»¹⁷. Такая формулировка, противоречившая международному праву, нацеленная на подавление малейшей попытки неповиновения со стороны мирных граждан, явно преследовала интересы доктрины наступательной войны. Целям этой же доктрины отвечало положение о том, что Наркомвоенмор по согласованию с наркоматом по иностранным делам разрешается вводить на чужой территории «режим военного плена без формального состояния войны»¹⁸.

Еще 21 ноября 1929 года отрицательное заключение по вопросу о присоединении к конвенции представил исполком Красного Креста. Гуманная по своим целям и задачам организация мотивировала принятое решение тем, что конвенция, во-первых, «отказывается от всякого вида репрессалий в отношении военнопленных», а, во-вторых, обеспечивает захваченным в плен офицерам привилегированное положение. «Выговорить желательные изменения в тексте конвенции уже поздно», — сожалело руководство Красного Креста¹⁹.

На завершающем этапе этой внутриправительственной эпопеи события развивались следующим образом. 8 февраля 1930 года коллегия НКВД постановила признать конвенцию о раненых и больных, так как ее основные положения не противоречат интересам СССР, а от подписания конвенции о военнопленных, «ввиду существенных оговорок со стороны Наркомвоенмора», отказаться²⁰. 12 мая 1930 года это решение было подтверждено постановлением ВЦИК. Наконец, 25 августа 1931 года о присоединении Советского Союза к конвенции «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» мировая общественность была оповещена специальной декларацией. Правда, при этом красноармейцам, военным и гражданским медикам внушалось, что принятый документ «представляет собой часть буржуазного права войны», и подписал его СССР только для того, чтобы «облегчить положение массы братьев по классу, массы трудящихся, поставленных враждебным ему классом по ту сторону фронта»²¹.

Отказ Москвы присоединиться к Гаагской и Женевской конвенциям о военнопленных дал о себе знать уже в первые месяцы второй мировой войны. Многочисленные запросы МККК о судьбе поляков, оказавшихся в руках Красной Армии в результате «освободительного похода», как правило, оставались без ответа. Предложение об оказании помощи в розыске пропавших офицеров из

Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей, в силу известных причин, тем более было проигнорировано²². Попытка председателя МККК Макса Губера решить проблему освобождения «узников войны» с помощью Германии (последняя была заинтересована в возвращении на родину поляков немецкого происхождения) имела незначительный успех. Хотя, как справедливо заметил в одном из своих докладов в Берлин германский посол граф Вернер фон Шуленбург, руководствуясь статьей 20-й Гагской конвенции, Москва была обязана после дефинитивного окончания войны в Польше «освободить военнопленных для возвращения домой, не взирая на их национальную принадлежность»²³.

Негативное отношение Советского правительства к инициативам МККК, направленным на облегчение участи жертв войны, характеризуют и другие факты. На телеграмму Макса Губера от 20 марта 1940 года, содержащую просьбу сообщить условия пересылки посылок в адрес обитателей лагерных барачков, председатель исполкома Красного Креста П. Г. Глебов откликнулся только шесть месяцев спустя²⁴. А когда в Старобельске польские врачи, ссылаясь на Женевскую конвенцию об улучшении участи раненых и больных, поставили вопрос о своем освобождении, то лагерное начальство в какой-то момент даже растерялось. Коллективное заявление 130 медиков было направлено Л. П. Берии, поскольку оперативно-чекистский отдел волновало, не пора ли вербовать агентуру из числа кандидатов на «освобождение»? Начальник лагеря А. Г. Бережков, в свою очередь, попросил начальника УПВИ НКВД П. К. Сопруненко выслать ему текст упомянутой конвенции «для ознакомления и руководства». Петр Карпович не замедлил вразумить подчиненного: « Женевская конвенция врачей не является документом, которым Вы должны руководствоваться в практической работе. Руководствуйтесь в работе директивами Управления НКВД по делам военнопленных»²⁵.

На пятый день советско-финской войны, 4 декабря 1939 года, Макс Губер телеграфировал правительству СССР о том, что МККК готов оказать посредничество в передаче справок о военнопленных и раненых²⁶. Однако и в этом случае стороны не достигли взаимопонимания. Без ответа остался протест Красного Креста Финляндии по поводу бомбардировки госпиталей, жилых кварталов и, как следствие, гибели людей. Послание это оказалось в руках Л. П. Берии, который переправил копию документа председателю СНК СССР В. М. Молотову, тот в свою очередь — в наркомат иностранных дел, чем все и завершилось²⁷.

Наконец, обратим внимание еще на одно немаловажное обстоятельство. Отказ подписать Гагское и Женевское соглашения имел

оборотную сторону медали, о которой в Кремле, взяв на вооружение доктрину наступательной войны, почему-то не задумывались. Фашистское руководство заранее оправдывало преступные методы достижения победы над СССР, освобождало немецких солдат от груза юридической и моральной ответственности за нарушение норм международного права. Вот показания начальника генерального штаба ОКХ Франца Гальдера на Нюрнбергском процессе: «До начала наступления на Россию фюрер созвал совещание всех командующих, имеющих отношение к верховному командованию... На этом совещании фюрер сказал, что против русских должны применяться средства войны не те, что против Запада... Так как русские не признают Гаагской конвенции, то и обращение с их военнопленными не должно быть в соответствии с решениями Гаагской конвенции»²⁸.

Первые инициативы МККК и встречные шаги СССР

Уже на следующий день после нападения Германии на Советский Союз Макс Губер известил наркома иностранных дел Молотова о готовности МККК осуществлять посредничество в обмене списками военнопленных. В телеграмме за № 6183 говорилось, что информация о каждом «узнике войны» (имя и фамилия, воинское звание, место рождения, состояние здоровья) будет доводиться, во-первых, до враждующих сторон, во-вторых, до семей, которые обратятся в МККК за справкой о судьбе близкого им человека. Тот факт, что Советский Союз не является участником Женевской конвенции о военнопленных, не будет служить препятствием в деле обмена информацией, тем более, если на телеграммы аналогичного содержания дадут положительный ответ другие воюющие стороны²⁹.

Учитывая печальный опыт «сотрудничества» в недалеком прошлом, в Женеве мало рассчитывали на благоприятную реакцию Москвы. Однако уже 27 июня Молотов телеграфировал о согласии СССР обмениваться списками на условиях взаимности. 2 июля Макс Губер смог сообщить, что к такому же решению пришла Финляндия. Одновременно, стремясь развить достигнутый успех, он просил наркома иностранных дел разрешить уполномоченному МККК встретиться с советским послом в Турции, где предполагается организовать агентство по сбору сведений об «узниках войны». 6 июля Молотов телеграфировал о принципиальном согласии с предложениями Международного комитета³⁰.

Положительная реакция Кремля на первые инициативы Женевы имеет под собой достаточно простое объяснение. Оказавшись в момент фашистской агрессии на грани полной дипломатической изоляции, СССР остро нуждался в союзниках, будь то эмигрантские правительства, политические партии или общественные движения. И было бы непростительной ошибкой проигнорировать авторитетную организацию, располагавшую к тому же механизмом правового воздействия на воюющие стороны. Серьезность намерений продолжить диалог с Женевой советское руководство продемонстрировало тем, что через несколько дней организовало «Центральное справочное бюро о военнопленных» при исполкоме Красного Креста. В принятом на этот счет «Положении» подчеркивалось — все сведения о солдатах и офицерах вражеских армий «даются ЦСБ только через Международный комитет Красного Креста»³¹.

Гуманный документ и суровая правда войны

1 июля 1941 года СНК СССР своим постановлением за № 1798-800 «сс» утвердил новое «Положение о военнопленных». Фашистская Германия первой нанесла удар, и ни в одном из пунктов названного документа не было даже намека на обращение с пленными в духе концепции наступательной войны. Наоборот, «Положение» вполне отвечало гуманным принципам Гаагской, а по некоторым позициям — и Женевской конвенции. Всем пленным гарантировалось сохранение жизни и здоровья, давалось право переписываться с близкими, беспрошечно и безлицензионно получать с родины и из нейтральных стран посылки. Не возбранялось ношение форменной одежды, знаков различия и боевых наград. На привлеченных к работам в народном хозяйстве распространялось действующее в СССР законодательство об охране труда.

Вместе с тем, некоторые весьма существенные моменты в жизни обитателей лагерных барачков «Положение» не регламентировало, либо же трактовало их иначе, чем это было предусмотрено международными соглашениями. Отсутствовал, допустим, запрет на размещение военнопленных в районах с неблагоприятным климатом, не оговаривалось выделение защитника обвиняемому, смертный приговор мог приводиться в исполнение без оповещения об этом державы-покровительницы. В Женевской же конвенции, во всех трех перечисленных случаях права пленного находились под защитой соответственно ст. 9-й, 61-й и 66-й³².

Основным требованиям «Положения» отвечали первые приказы, директивы и инструкции, предназначенные для администрации лагерей, конвойных войск, тыловых служб РККА, как то «Временная инструкция о конвоировании военнопленных из приемных пунктов в лагеря-распределители» от 4 июля 1941 г., директива «О медицинском обслуживании военнопленных в войсковом и армейском районах» от 20 июля 1941 г., приказ наркома внутренних дел № 0342 «С объявлением постановления СНК СССР об утверждении положения о военнопленных» от 21 июля 1941 г., «Инструкция о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» от 7 августа 1941 года.

Все эти документы, равно как и само «Положение», не идут ни в какое сравнение с директивами фашистского руководства по обращению с красноармейцами, оказавшимися в германском плену. Еще 8 июня 1941 года в войска вермахта был направлен так называемый «приказ о комиссарах». В этом приказе относительно «политических комиссаров всех званий» говорилось следующее: «Щадить в этой борьбе подобные элементы и обращаться с ними в соответствии с нормами международного права неправильно. Эти элементы представляют угрозу для нашей собственной безопасности... Поэтому, если они будут захвачены в бою или окажут сопротивление, их, как правило, следует немедленно уничтожать»³³. Можно сколько угодно говорить, что приказ этот был доведен только до узкого круга лиц, что в войска он попал с существенными оговорками, что его исполнению противились многие генералы и офицеры³⁴, но факт остается фактом — налицо вопиющее нарушение элементарных норм международного права и принципов гуманности.

Вместе с тем, требование западногерманских историков взглянуть на проблему с несколько иных позиций, глазами суровой реальности войны, следует признать вполне законным. С первого и до последнего дня кровопролитных сражений физическое уничтожение пленных допускали обе стороны. И пусть не покажется странным, но поначалу Германия располагала на этот счет более достоверными сведениями. Факты расстрелов немецких солдат и офицеров фиксировало, основываясь на показаниях очевидцев, специальное бюро по расследованию преступлений против прав человека при юридическом отделе верховного главнокомандования вермахта. Конечно, при желании протоколы этого бюро можно объявить фальшивкой, но как быть с документами советской стороны?

В приказе командующего 5-й армией генерал-лейтенанта М. И. Потапова от 30 июня 1941 года говорилось, что бойцы и

командиры, «озлобленные действиями фашистских бандитов», никого из немцев в плен не берут, а «расстреливают их на месте»³⁵. При этом пагубные последствия расправы над обезоруженным неприятелем генерал усматривал отнюдь не в нарушении законов и обычаев войны. Подобные случаи, как отмечалось далее в приказе, во-первых, «создают трудности в определении противостоящего противника», а, во-вторых, «вредны с политической точки зрения, так как наша задача состоит в том, чтобы побудить немецких солдат перейти на сторону Красной Армии. Если же они узнают, что пленных расстреливают, то переход прекратится»³⁶.

Не стоит удивляться, что процитированный документ объясняет вред применения чрезвычайных мер не только усложнением боевой задачи, но и политическим мотивом. Многие в эти дни продолжали находиться под гипнозом известного сталинского тезиса: если империалисты развяжут войну со страной социализма, то пролетариат напавшей державы непременно повернет оружие против своих же буржуазных правительств. Комиссар 31-го стрелкового корпуса в директиве от 14 июля 1941 года разъяснял: «...Немецкий солдат — рабочий и крестьянин — воюет не добровольно, и если он сдается в плен, то перестает быть врагом»³⁷.

В ряде случаев командиры частей и соединений оправдывали расстрелы пленных угрозой окружения, отсутствием поблизости армейских приемных пунктов НКВД, глубоким рейдом по тылам противника. В боевом донесении 206-й стрелковой дивизии от 13 июля 1941 года сказано: «Противник в ходе боя потерял примерно 400 человек убитыми. Около 80 немцев сдались в плен и были ликвидированы»³⁸. Лишь в августе сорок первого, когда о недостойном поведении Красной Армии заговорила зарубежная пресса, в приказах и директивах военного командования появилось упоминание об ответственности военнослужащих за нарушение норм международного права, а случаи несанкционированных расстрелов немецких солдат пошли на убыль³⁹.

Дипломатические демарши сторон

6 июля 1941 года СССР обвинил Германию в нарушении Женевской конвенции «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». В Женеву был направлен телеграфный протест советского Красного Креста по поводу бомбардировок немецкой авиацией госпиталей в городах Гродно, Лида, Минск, Смоленск⁴⁰. Германия, в свою очередь, предъявила претензии советскому командованию по поводу уничтожения собственных госпиталей при отступлении. Обвинение, надо сказать, не беспоч-

венное, поскольку подразумевает нарушение той же самой конвенции о раненых и больных. А вот очередной шаг Берлина на дипломатическом уровне похож носил провокационный характер. Вряд ли немцы рассчитывали на взаимность, поручив державе-покровительнице Болгарии прозондировать отношение Москвы к размещению в бассейне Северного Ледовитого океана и Балтийского моря своих госпитальных судов.

Так или иначе, но 11 и 12 июля болгарский посланник Иван Стаменов вручил представителю наркомата иностранных дел одну за другой две соответствующие ноты. Официальный ответ не заставил себя ждать. Кремль категорически отверг предложение Германии, заявив, что усматривает в нем тайный умысел — намерение использовать пароходы со знаками Красного Креста в военных целях⁴¹. В итоге Берлин ничего не потерял, но зато получил возможность дискредитировать СССР в глазах мирового общественного мнения. Как мы уже знаем, Гагское соглашение от 18 октября 1907 года «О применении к морской войне начал Женевской конвенции» было признано советским правительством и обязывало его в случае войны предоставлять покровительство госпитальным судам противника. И хотя в ответной ноте наркомат иностранных дел умудрился не упомянуть это обстоятельство, спасти положение не удалось. Германские дипломаты и министерство пропаганды во главе с Й. Геббельсом не упустили шанс обвинить Москву в неуважении к международному праву.

Нота от 17 июля — гуманная инициатива, фарс или ...?

Свою готовность урегулировать с нацистским руководством вопросы обращения с военнопленными Советский Союз подтвердил нотой от 17 июля 1941 года. Шведскому правительству, защищавшему интересы Москвы на переговорах с Берлином, было заявлено, что СССР признает Гагскую конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны и обязуется ее соблюдать на условиях взаимности. Через два дня нота была доведена до сведения министерства иностранных дел Германии, а 1 августа сотрудник правового отдела доктор Э. Альбрехт представил руководству свои соображения относительно инициативы Кремля. По мнению Альбрехта, нота СССР преследует пропагандистские цели, но именно по этой причине, дабы не давать козырь противнику, отклонять ее нецелесообразно. Кроме того, советско-немецкая договоренность — это, пожалуй, единственный способ позаботиться о содержании немецких солдат в русском плену⁴².

С иных, более жестких позиций рассматривали инициативу СССР Гитлер и его ближайшее окружение. Во-первых, как считает западногерманский историк К. Штрайт, верховное командование вермахта, не сомневавшееся в те дни в близком успехе кампании на Востоке, не желало связывать инициативу войск соглашением о законах и обычаях войны. Во-вторых, Гитлер хотел сохранить за собой свободу действий в ликвидации пленных, чьи политические взгляды или национальная принадлежность не вписывались в рамки нацистской идеологии. В-третьих, и Гитлер, и его генералы были дезориентированы сообщениями с фронтов о якобы поголовных расстрелах русскими всех немцев, оказавшихся в их руках⁴³.

Разноречивые оценки дают ноте от 17 июля германские историки. Одни считают инициативу СССР «фарсом» и «пропагандистским мероприятием», другие усматривают в ней отчаянную попытку заставить Германию соблюдать международные соглашения⁴⁴. Тот же К. Штрайт пишет, что упомянутая нота свидетельствовала о стремлении Советского Союза перевести «взаимное обращение с пленными на принципы гуманности». В Кремле были якобы озабочены судьбой более 2 млн. красноармейцев, оказавшихся в лагерях Германии⁴⁵.

К сожалению, с этими доводами западногерманского историка трудно согласиться. Сегодня вряд ли нужно доказывать, что судьба соотечественников была глубоко безразлична Сталину, более того — он испытывал к ним какое-то патологическое недоверие. Уже 28 июня 1941 года вышел совместный приказ НКГБ, НКВД и Прокурора СССР за № 00274/00834 «О порядке привлечения к ответственности изменников родине и членов их семей». Под действие этого приказа попадали не столько настоящие изменники, сколько бойцы, вышедшие из окружения, отставшие от своих частей. К тому же, военным трибуналам давалось право заочно осуждать красноармейцев и командиров, оказавшихся за линией фронта⁴⁶. По другому, ныне хорошо известному приказу Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 года — военнослужащие, попавшие в плен, объявлялись «злостными дезертирами», а их близким грозил арест (семьи командиров и политработников) или же лишение государственного пособия (семьи красноармейцев)⁴⁷.

Истинные причины появления ноты от 17 июля следует, на наш взгляд, искать в сфере, весьма далекой от соображений гуманности. Германские историки почему-то упускают из виду одно немаловажное обстоятельство — советскому документу предшествовал меморандум правительства Швеции. Еще 14 июля глава шведской миссии Вильгельм Ассорссон вручил представителю наркомата иностранных дел меморандум, в котором впервые на официальном

уровне ставился вопрос о признании Кремлем Гагской конвенции. Не менее любопытны содержание и тон ответа, прозвучавшие в «Памятной записке», переданной шведскому посланнику заместителем наркома иностранных дел С. А. Лозовским: «...В войне с напавшей на СССР фашистской Германией Советский Союз имеет дело с таким врагом, который систематически грубо нарушает все международные договоры и конвенции. Это обстоятельство ставит Советское правительство перед необходимостью соблюдать указанную выше Гагскую Конвенцию в отношении фашистской Германии лишь постольку, поскольку эта конвенция будет соблюдаться самой Германией»⁴⁸.

В свою очередь, хотя и достаточно жесткую, но позитивную реакцию Москвы на меморандум правительства Швеции можно объяснить как минимум двумя причинами. Во-первых, советское руководство в те дни было готово любыми возможными средствами, в том числе международноправовыми, сдержать наступательную мощь германской военной машины. В этом отношении Гагская конвенция от 18 октября 1907 года, по некоторым позициям уже не отвечавшая требованиям современной войны, СССР вполне устраивала. Такие статьи этого документа, как допустим 25-я, 26-я, 27-я, ограничивали возможности противника в использовании авиации, танков, дальнобойных орудий. Во-вторых, руководство наркомата иностранных дел небезосновательно прогнозировало, что со стороны МККК в любой момент может последовать официальное предложение присоединиться к Женевской конвенции. Такой поворот событий признавался нежелательным. Гагская конвенция, в отличие от Женевской, налагала на СССР гораздо меньше обязательств. Первая насчитывала 97 статей, регламентирующих права пленных, вторая — всего 18 статей. Особенно болезненно воспринимало руководство страны, впитавшее в себя атмосферу всеобщей шпиономании и подозрительности, тот факт, что Женевское соглашение предусматривает обязательное посещение лагерей делегатами МККК и держав-покровительниц.

Переговоры в Анкаре

Пока в Москве ожидали реакции Берлина на свою ноту, на другом уровне события разворачивались более стремительно. 17 июня советский посол С. А. Виноградов получил известие о том, что уполномоченный МККК доктор Марсель Жюно выехал в Анкару. Вопросы, затронутые Жюно на переговорах, в какой-то мере отражали интересы германской стороны. Накануне он побывал в Берлине и встретился с руководством управления по делам военно-

пленных, работу которого курировал генерал-лейтенант Герман Рейнеке.

Выразив удовлетворение принципиальным согласием Москвы соблюдать положения Гаагской конвенции, уполномоченный МККК заявил, что с его точки зрения Советскому Союзу есть смысл присоединиться и к Женевскому соглашению. Затем он поинтересовался, создано ли при Красном Кресте СССР справочное бюро по наведению справок о военнопленных и, если создано, то каков его адрес? Поскольку в момент переговоров Виноградов не располагал такого рода информацией, то вопрос повис в воздухе. После небольшой паузы Жюно продемонстрировал образцы карточек-извещений, переданных ему сотрудниками германских служб, и приступил к обсуждению чисто технических сторон этой проблемы. Было решено использовать при заполнении сведений на советских военнопленных русский алфавит, а фамилии оказавшихся в плену немцев писать латинскими буквами. Не вызвало возражений предложение о том, чтобы карточки-извещения на генералов и офицеров имели красную полосу по диагонали⁴⁹.

В ходе дальнейших переговоров уполномоченный МККК дал разъяснение по эксплуатации канала связи между СССР и Германией. Немецкая сторона направляет свои списки в Женеву, оттуда их фотокопии через Софию поступят в Анкару, а затем в Москву. В обратной последовательности и таком же порядке будут поступать в Берлин списки немецких военнопленных. Именно в этот момент беседы Жюно рискнул несколько предвосхитить события. Будучи проинформированным о том, что его коллеги Карл Буркхардт и Эдуард де Аллер намереваются посетить один из лагерей русских военнопленных в Германии, он выдал желаемое за действительное. Как следует из записи в служебном дневнике советского посла, уполномоченный МККК заявил: «...Важно получить список хотя бы на несколько сотен человек, чтобы начать это дело. Немцы уже начали представлять подобные сведения в Международный Комитет в Женеву»⁵⁰.

Затем Жюно еще раз подчеркнул целесообразность присоединения СССР к Женевской конвенции. Это и только это даст возможность делегатам Красного Креста беспрепятственно «посещать лагеря советских военнопленных и добиваться улучшения их положения». Переговоры завершились на несколько неожиданной ноте. Делегат МККК заговорил о том, что его организация существует на добровольные пожертвования правительств и частных лиц. Только что поступили взносы от Германии и Великобритании. «Можно было ясно понять, — пишет Виноградов, — намек на то,

что Международный Комитет Красного Креста рассчитывает и на некоторую денежную помощь от Советского правительства»⁵¹.

Телеграмма Вышинского и циркулярная нота НКВД

22 июля 1941 года Макс Губер телеграфировал Молотову о согласии Италии и Словакии обмениваться списками пленных и раненых. Причем, как подчеркивал председатель МККК, первое из названных государств обязуется присоединиться к Женевской конвенции о военнопленных на условиях взаимности. Телеграмма заканчивалась словами: «...Были бы рады услышать позицию Советского правительства по этому поводу»⁵².

В Москве, судя по всему, от Италии, не признававшей до последнего дня ни Гаагского, ни Женевского соглашений, такой бурной активности не ожидали. Прогноз, однако, оправдался — так или иначе, но СССР следовало теперь выразить свое отношение к конвенции об обращении с пленными на официальном уровне. Текст ответной телеграммы от 8 августа 1941 года подготовил заместитель наркома иностранных дел Вышинский, который, по своему, блестяще справился с поставленной задачей. Отказ принять предложение Италии звучал довольно убедительно и одновременно оставлял возможность для маневра на дипломатическом уровне. Прежде всего Вышинский отметил, что СССР признает как Гаагскую, так и Женевскую конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Последняя содержит статью 4-ю, которая обязывает воюющие стороны обмениваться информацией о раненых и больных воинах. В отношении всех остальных пленных эту проблему можно решить с помощью статьи 14-й Гаагского соглашения. Следовательно, при процедуре обмена сведениями вполне можно обойтись и без Женевской конвенции о военнопленных⁵³.

В Женеве, однако, ответ Вышинского вызвал легкое разочарование. Статья 14-я Гаагского соглашения, на которую он ссылался не носит обязывающего характера и оставляет окончательное решение вопроса об обмене сведениями за правительством, в чьем распоряжении оказались «узники войны». Более того, слова «обмен сведениями» в этой статье отсутствуют вообще⁵⁴. И видимо, не случайно многие западногерманские историки называют заявление заместителя наркома иностранных дел весьма «расплывчатым»⁵⁵.

В этот же самый день, 8 августа 1941 года, из-под пера Вышинского вышел еще один документ. Им была циркулярная нота НКВД посольствам США, Японии, Швеции и Болгарии, в которой,

помимо уже двух упомянутых в телеграмме соглашений, говорилось о признании еще одного — Женевского Протокола от 17 июня 1925 года «О запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств»⁵⁶. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что в число «общеизвестных международных договоров, касающихся права войны» (формулировка из циркулярной ноты НКВД), не попала Гаагская конвенция «О применении к морской войне начал Женевской конвенции». Объяснить это можно только тем, что СССР раз и навсегда хотел пресечь притязания Германии на размещение в зоне боевых действий своих госпитальных судов. Хотя с точки зрения дипломатической практики и сложившихся традиций проявлять «забывчивость» по отношению к ранее признанному соглашению было по меньшей мере некорректно.

Очередной раунд переговоров в Анкаре

13 августа 1941 года первый секретарь советского посольства в Анкаре А. Жегалова официальным письмом уведомила Женеву об организации при исполкоме СОКК и КП СССР центрального справочного бюро. При этом она посчитала нужным напомнить, что в функции этого бюро входят прием и передача сведений о военнопленных, отправка писем и посылок, а также сбор, хранение и пересылка по назначению вещей умерших солдат неприятельских армий. А вот ответа на главный вопрос, когда в адрес МККК начнут поступать справки, письма, посылки и прочее, — в послании Жегаловой не было. Тем не менее, Международный комитет тут же передал это сообщение Германии и ее союзникам⁵⁷.

Между тем, атмосфера переговоров в Анкаре резко ухудшилась. Немецкого посла в Турции Франца фон Папена интересовало, правда ли что Сталин объявил о намерении подвергнуть репрессиям семьи пленных красноармейцев. Ведь в этом случае, ни о каком обмене списками и переписке «узников войны» со своими близкими, не может быть и речи. Официальный запрос по поводу мучивших германскую сторону сомнений Папен поручил сделать уполномоченному Красного Креста. Как и следовало ожидать, реакция Виноградова на запрос Жюно была негативной — ни Сталин, ни Советское правительство никогда не делали приписываемых им заявлений⁵⁸.

20 августа представитель МККК сообщил Папену о том, какой ответ он получил в советском посольстве. После длительного и бурного обсуждения больной темы в руках Жюно оказался список советских военнопленных, насчитывающий 300 имен и фамилий.

Вручая его своему собеседнику, германский посол подчеркнул, что связывает с этой процедурой последнюю возможность получить от русских сведения о пропавших немецких летчиках⁵⁹.

22 августа Макс Губер уведомил СССР о том, что список советских военнопленных в ближайшее время прибудет в Москву. В этой связи начальнику УПВИ НКВД майору госбезопасности П. К. Сопруненко было поручено представить в исполком СОКК и КП список на 300 пленных немцев. 25 августа в адрес МККК ушла телеграмма весьма многообещающего содержания: «Исполнительный Комитет Союза Красного Креста и Красного Полумесяца СССР подтверждает получение Вашей радиogramмы относительно посылки первого списка русских военнопленных. В свою очередь, наши списки будут составлены латинским шрифтом. Находящимся в СССР военнопленным разрешено посылать почтой своим семьям открытки для военнопленных. На остальные Ваши запросы ответ поступит дополнительно, Морозов. Заместитель Председателя Исполнительного Комитета»⁶⁰.

6 сентября еще одна телеграмма, но уже из Анкары, ушла в адрес заведующего средневосточным отделом НКВД С. И. Кавтарадзе. Советского посла беспокоил тот факт, что справочное бюро Красного Креста задерживает отправку ответных списков⁶¹. Ответа из Москвы не последовало. А между тем 19 сентября советское посольство посетил представитель МККК Эдуард де Аллер. Последний проинформировал Виноградова о том, что он вместе со своим коллегой по МККК К. Буркхардтом посетил лагерь советских военнопленных в Хаммерштейне. При этом уполномоченный Красного Креста нарисовал идиллическую картину жизни красноармейцев в немецком плену: благоустроенный быт, хорошее питание, малообременительные работы, «отеческое» отношение к своим подопечным коменданта лагеря и т. п. Разумеется, такие «теплые воспоминания» могут быть объяснены как минимум двумя причинами: во-первых, стремлением Германии произвести благоприятное впечатление на Международный Красный Крест; во-вторых, готовностью самого МККК принять желаемое за действительное.

Сообщая эту информацию советскому послу, де Аллер, судя по всему, рассчитывал на благоприятную реакцию собеседника. Однако Виноградов, ознакомившись с продемонстрированными ему фотоснимками, усомнился в том, что видит перед собой военнослужащих Красной Армии. Эти люди в поношенном гражданском платье больше походят на мирных жителей оккупированных районов, которых немцы насильно вывезли в Германию⁶².

Через пять дней де Аллер снова посетил посольство СССР и представил Виноградову дополнительные доказательства того, что

на снимках изображены пленные бойцы и командиры РККА. Беседа проходила довольно напряженно. Уполномоченный МККК настаивал на выдаче виз для поездки в Советский Союз делегату Женевы М. Жюно и его переводчику. При этом де Аллер подчеркнул, что нельзя усматривать в намеченном визите только желание посетить лагеря для немецких военнопленных. Делегаты МККК своими консультациями могли бы оказать советской стороне реальную помощь в работе по правильному составлению списков, заполнению карточек-извещений и т. д. Виноградову ничего не оставалось, как поддержать такое заявление представителя Красного Креста и пообещать содействие в получении визы на то и другое лицо. Однако он тут же счел нужным поинтересоваться мнением МККК по поводу взаимных обязательств СССР и Германии по Гаагской конвенции⁶³.

Последнее замечание советского посла привело уполномоченного МККК в некоторое замешательство, поскольку негативная позиция Берлина на этот счет ему в общих чертах была известна. Признав, что Германия отнюдь не всегда придерживается законов и обычаев войны, де Аллер вместе с тем поставил встречный вопрос: как согласуется с Гаагской конвенцией партизанское движение на оккупированной территории Советского Союза? Сопро-тивление населения допустимо лишь до момента оккупации, но никак не позднее. Теперь в затруднительном положении оказался Виноградов, которому потребовалась консультация Москвы. Заместитель наркома иностранных дел В. Г. Деканозов* лично разъяснил, как глубоко ошибается представитель МККК, делая подобные заявления. Однако он же запретил советскому послу вступать с де Аллером в какие-либо «дискуссии или практические перегово-ры» по данной проблеме без специального разрешения⁶⁴.

28 сентября Виноградов направил в наркомат иностранных дел очередное письмо, в котором вновь просил проконтролировать работу справочного бюро с той целью, чтобы последнее представило, наконец, «первые списки военнопленных» и ответило «на остальные запросы» уполномоченного МККК доктора Жюно. Между тем, исполком Красного Креста, равно как и созданное при нем бюро справок, хранили молчание только потому, что без санкции Молотова или Вышинского не могли предпринять никаких шагов на международном уровне. Председатель СОКК и КП С. А. Колесни-

*Любопытно, что в то время как В. Г. Деканозов готовил инструкцию в Анкару, немцы уже не числили его в живых. 4 августа 1941 г. фон Папен, ссылаясь на «достоверные источники», сообщил руководству МИД: русский посол после прибытия в Москву был допрошен, а затем расстрелян (ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 100, л. 286).

ков уже пытался проявить самостоятельность в решении проблемы переписки пленных со своими семьями, но потерпел неудачу. На его письмо от 17 сентября 1941 года заместитель наркома связи Г. А. Омельченко ответил, что он «не считает возможным» говорить о каком-либо обмене письмами «до получения по этому вопросу специальных указаний Правительства»⁶⁵.

Инициативы МККК терпят неудачу

Еще в августе в Женеву стала поступать информация о высокой смертности среди советских военнопленных. В этой связи МККК внес Берлину следующее предложение: продукты питания и одежду для русских можно было бы закупить при согласии СССР и за его счет в нейтральных странах. Разумеется, на переговорах с Советским Союзом будет поднят вопрос об оказании аналогичной помощи немецким военнопленным со стороны Германии. Руководители главного штаба вооруженных сил не возражали против инициативы МККК, но поставили два условия: во-первых, помощь не должна иметь адресного характера (Москва все равно не представляет списки), а, во-вторых, посылки будут распределяться лагерным руководством (Москва все равно не допускает делегатов МККК на свою территорию). Хотя выдвинутые немцами условия не укладывались в рамки Гаагской конвенции, Международный комитет не протестовал. В конечном счете важно было сдвинуть дело с мертвой точки и осуществить гуманитарную акцию⁶⁶.

21 октября МККК телеграфировал советскому Красному Кресту о своем намерении оказать помощь «узникам войны». Первоначально инициатива Женевы вроде бы находила понимание у советского руководства. Заместитель председателя СОКК и КП П. Д. Диваков обратился за поддержкой к заместителю председателя СНК СССР Р. С. Землячке, которая, в свою очередь, попросила Молотова внимательно отнестись к поступившему предложению. Нарком иностранных дел поручил изучить вопрос своему заместителю Вышинскому. Продолав этот круг традиционного российского бюрократизма, телеграмма МККК и все сопроводительные документы попали в руки заведующего правовым отделом НКВД А. П. Павлова. Заключение последнего во многом предопределило провал задуманной Международным комитетом акции. Заведующий правовым отделом, ссылаясь на Гаагскую конвенцию, поставил решение вопроса о посылках в зависимости от гарантий их доставки конкретным адресатам⁶⁷.

В сентябре 1941 года в тылу немецкой группы армий «Центр» рассматривался вопрос об освобождении из плена инвалидов-красноармейцев⁶⁸. Похоже, что задуманное мероприятие имело прямое отношение к событиям в Анкаре. В это самое время уполномоченный МККК вел переговоры с той и другой стороной об обмене тяжелоранеными и больными военнопленными. Однако уже в октябре Марсель Жюно поделился с премьер-министром Турции Рефик Сайдамом информацией о том, что переговоры по обмену успеха не имели. А 14 ноября 1941 года штаб Главного командования вооруженных сил Германии давал следующий ответ на запросы заинтересованных инстанций: «В настоящее время прибытие тяжелораненых немецких военнопленных на родину невозможно. Советские военнопленные, отнесенные к категории инвалидов, остаются поэтому в германском плену»⁶⁹.

Попытки США и Швеции облегчить участь «узников войны»

Наряду с МККК, судьбой пленных были озабочены в те дни и страны, пока еще не втянутые в орбиту второй мировой войны. Особую активность на дипломатическом уровне продемонстрировали правительственные и общественные круги США. Еще в начале июля 1941 года Генеральный секретарь Комитета помощи военнопленным при Союзе христианской молодежи Трэм Стронг (брат небезызвестной Анны Луизы Стронг, автора книг об СССР «Эра Сталина», «Новый путь Литвы» и др.) и член этого же комитета известный публицист профессор Джером Дейвис посетили советского посла в Вашингтоне К. А. Уманского. Подчеркнув, что в задачу их организации входит оказание помощи «культурно-морального характера», они предложили начать такую работу в лагерях для немецких военнопленных. Через несколько дней Стронгу удалось получить согласие Берлина на благотворительную акцию в пользу советских военнопленных. Уведомив об этом Уманского, лидеры Комитета, судя по всему, надеялись на взаимность со стороны Москвы. Дабы подчеркнуть целесообразность принятия предложений американцев, советский посол заверил свое руководство, что «в антифашистских настроениях комитета сомневаться не приходится». С мнением посла был полностью солидарен заведующий отделом США наркомата иностранных дел Г. Н. Зарубин, который попросил Лозовского выдать профессору Дейвису визу на въезд в СССР⁷⁰. Однако, как показали дальнейшие события, инициатива американцев была использована в одностороннем порядке.

В Москве дождались, когда Дейвис побывает в Германии и представит соответствующую информацию. После чего «Правда», ссылаясь на агентство «Рейтер», опубликовала короткое сообщение о тяжелом положении советских военнопленных в лагерях нацистской империи⁷¹. Надеждам лидеров молодежной организации оказать помощь немецким военнопленным сбыться, увы, было не суждено.

Осенью 1941 года по просьбе Макса Губера правительство США подключилось к решению вопроса о присоединении СССР к Женевской конвенции о военнопленных. Однако переговоры с советской стороной, как свидетельствует отчет американского посла Л. Штейнгардта, закончились безрезультатно. Отказ был мотивирован тем, что акт присоединения предполагает обращение к правительству Швейцарии, отношения с которым у Советского Союза крайне натянутые. Следующая попытка убедить Москву в целесообразности признания упомянутого соглашения была принята 13 ноября 1941 года. В этот день посольство США направило СССР официальную ноту, в которой, в частности, говорилось, что у Германии имеются основания, по крайней мере формального характера, содержать советских военнопленных в более худших условиях, чем всех остальных. В ответной ноте, датированной 25 ноября 1941 года, аргументы американской стороны были признаны несостоятельными. При этом делалась ссылка на статью 82-ю не признанной Советским Союзом Женевской конвенции, которая гласит, что государство, связанное названным соглашением, обязано его выполнять по отношению ко всем участникам вооруженного конфликта, независимо от того, подписано оно ими или нет. К тому же, статья 9-я конвенции предусматривает размещение военнопленных в лагерях по расовой принадлежности, а это противоречит статье 123-й Конституции — Основному Закону страны социализма⁷².

В Вашингтоне подозревали, что доводы, выдвинутые в ответной ноте СССР, несколько надуманны. И время в конце концов подтвердило обоснованность этих подозрений. Когда органам НКВД стала выгодной организация чисто немецких лагерей, то о пресловутой статье 123-й Конституции никто даже и не вспомнил. Зато появилось соответствующее постановление правительства за № 1084-268 «сс» от 14 мая 1945 года⁷³. Между тем на территории СССР находились еще десятки тысяч плененных военнослужащих самой различной национальности.

Категорический отказ присоединиться к Женевской конвенции позднее не помешал обвинителям от Советского Союза во главе с Р. А. Руденко неоднократно ссылаться на этот документ в Нюрн-

берге. Однако суд над главными военными преступниками, признав их ответственность за бесчеловечное обращение с советскими военнопленными, пришел к выводу: Женевская конвенция «не была обязывающим соглашением между Германией и Россией»⁷⁴.

Еще 24 июня 1941 года шведский посланник в Москве Вильгельм Ассорссон был приглашен на прием к заместителю наркома иностранных дел Лозовскому. Последний высказал просьбу о том, чтобы нейтральное государство взяло на себя защиту интересов СССР в Германии. Шведское правительство ответило согласием, и советская сторона с удовлетворением восприняла это известие. Во-первых, кандидатов на роль державы-покровительницы можно было пересчитать на пальцах одной руки, а кроме того внушал доверие сам Ассорссон, чье досье внимательно изучили руководители внешнеполитического ведомства⁷⁵.

Не ограничившись меморандумом от 14 июля, дипломаты нейтральной державы выступили с новой инициативой. При шведской миссии в Берлине было создано специальное отделение, сотрудники которого намеревались, наряду с МККК, осуществлять функцию посредника в обмене сведениями о военнопленных. В Москве узнали об этом из официальной ноты, врученной представителю наркомата иностранных дел советником шведской миссии Ленартом Нюландером. В ноте выражалась надежда, что СССР «благосклонно одобрит принятые меры»⁷⁶.

22 августа шведы сделали первый запрос о судьбе предположительно находившихся в советском плену двух военнослужащих вермахта — младшем лейтенанте фон Брай-Штейнбурге и унтер-офицере Клар. Однако через три дня Нюландеру было отказано в предоставлении нужной информации. Характерно, что такой ответ санкционировал лично Молотов. Негативная реакция на этот и последующие запросы шведской миссии тем не менее не мешала советской стороне обращаться к представителям нейтральной державы с поручениями весьма деликатного свойства. Так, Ассорссона попросили проверить достоверность сообщения агентства «Ассошиэйтед Пресс» о том, что германское командование издало приказ о переводе советских военнопленных, в отличие от всех остальных, на пониженные нормы питания. 31 октября шведский посланник подтвердил опасения СССР при встрече с заведующим отделом скандинавских стран П. Д. Орловым. При этом он добавил, что просьбу заполучить⁷⁷ копию немецкого приказа* выполнить, к сожалению, не удалось⁷⁷.

*Речь идет о приказе «Снабжение русских военнопленных» от 8 октября 1941 года. Текст этого приказа опубликован. См.: Военно-исторический журнал, 1991, № 11, с. 41—42.

Тогда же, в октябре 1941 года, МККК, обеспокоенный ухудшением климата переговоров в Анкаре, обратился за помощью в установлении контактов с Москвой к Красному Кресту Швеции. Представитель последнего фрейлина королевского двора Квинхе, несколько месяцев тому назад тепло принятая посланником СССР в Стокгольме А. М. Коллонтай, решила воспользоваться знакомством в целях облегчения участи «узников войны». Она направила на имя «мадам Коллонтай» два письма, суть которых сводилась к следующему: все проблемы и спорные вопросы могут быть решены, если делегат традиционно нейтральной Швейцарии выедет в Москву, а делегат советского Красного Креста, в свою очередь, сможет посетить Женеву. Увы, это разумное предложение не встретило понимания в наркомате иностранных дел⁷⁸.

**По ту и эту стороны фронта.
Нота правительства СССР
от 25 ноября 1941 года**

Накануне похода на Восток, 16 июня 1941 года, начальник отдела по делам военнопленных при управлении общих дел Главного штаба вермахта подполковник Ганс-Йоахим Брейер подписал директиву, согласно которой в отношении советских военнопленных аннулировались правовые нормы, предусмотренные Гаагской и Женевской конвенциями. После того, как СССР сообщил МККК о согласии обмениваться списками, упомянутая директива подверглась незначительной корректировке. В частности, приказ от 2 июля 1941 г. предписывал возобновить поименную регистрацию военнослужащих Красной Армии, плененных войсками вермахта⁷⁹.

Эта и другие инициативы, направленные на некоторое смягчение участи «узников войны», принадлежат группе военного права при управлении разведки и контрразведки. Единомысленники, объединившиеся вокруг графа Гельмута Джеймса фон Мольтке, пытались изменить существующее обращение с советскими военнопленными, мотивируя свои усилия следующими аргументами. Во-первых, любой произвол, противоречащий военным традициям и нормам международного права, порождает безнаказанность и разлагает дисциплину в войсках. Во-вторых, бесправное положение русских вынуждает их оказывать неповиновение, что требует увеличения численности карательных команд. Между тем, главная задача армии состоит в исполнении своего долга на полях сражений. В-третьих, трудно ждать от противника снисхождения до тех пор, пока существуют и проводятся в жизнь директивы, подобные «приказу о комиссарах». В-четвертых,

необходимо убедить врага в том, что Германия готова соблюдать законы и обычаи войны, ибо только это позволит облегчить судьбу немецких военнопленных в Советском Союзе.

Из всех приведенных аргументов нацистское руководство было способно адекватно воспринимать только последний. Да и то потому, что настроение населения нацистские идеологи оценивали как фактор, с которым следует считаться. По этой причине и начальник общего управления Главного штаба вооруженных сил Герман Рейнеке, и министр пропаганды Йозеф Геббельс, и министр иностранных дел Иоахим Риббентроп в какой-то мере даже поощряли контакты с МККК и умеренные шаги на дипломатическом уровне⁸⁰.

31 июля 1941 года в адрес СССР поступила нота болгарской миссии, в которой перечислялись вопросы, прежде всего волновавшие Берлин: какими еще международноправовыми актами, помимо Гаагской конвенции, намерен руководствоваться Советский Союз в войне с Германией; учреждено ли при исполкоме СОКК и КП справочное бюро о военнопленных; могут ли представители державы-покровительницы посещать лагеря, где содержатся солдаты и офицеры вермахта? Когда 12 августа Иван Стаменов явился на прием к заведующему отделом Балканских стран Н. В. Новикову, то позиция Москвы по первым двум вопросам уже была известна. И посланника Болгарии интересовало только одно — получают ли разрешения сотрудники миссии на доступ в лагеря военнопленных? Но ответа на этот вопрос он так и не получил. Новиков лишь туманно пообещал Стаменову вернуться позднее к данной проблеме⁸¹.

Между тем ведомство адмирала Вильгельма Канариса сумело заполучить сведения о существовании в подмосковном Тушино лагеря для немецких военнопленных. Таким образом, у графа Мольтке и его коллег по группе военного права появились доказательства того, что слухи о поголовных расстрелах русскими всех обезоруженных немецких солдат и офицеров, мягко говоря, преувеличены. Одновременно свежей информацией смог воспользоваться болгарский посланник. 22 августа в наркомат иностранных дел поступила нота, в которой заострялся вопрос о визите представителя державы-покровительницы в лагерь военнопленных, находящийся «в окрестностях Москвы». При этом подчеркивалось, что германская сторона уже предоставила аналогичную возможность делегатам Красного Креста из Женевы⁸².

Официальный отказ на просьбу болгарской миссии имел непосредственное отношение к дипломатическому демаршу Берлина. Германское министерство иностранных дел, более пяти недель тянувшее с ответом на советскую ноту от 17 июля, наконец-то,

приняло окончательное решение. 25 августа нота с громкими обвинениями в адрес СССР, проект которой правил лично Гитлер, была отправлена по назначению. «Правительство Германии, — говорилось в этом документе, — может лишь выразить свое крайнее изумление тем, что советское правительство, несмотря на поведение своих войск по отношению к попавшим в их руки немецким солдатам, еще считает допустимым говорить о применении международных правовых норм при обращении с военнопленными и при этом поднимать вопрос о взаимных обязательствах. Само собой разумеется, что правительство Германии всегда обращалось с военнопленными в соответствии с существующими международными правовыми положениями»⁸³.

Поражает не столько откровенный цинизм заключительной фразы, сколько то, что СССР не решился публично ответить на заявление своего противника. Ассорссону была вручена «Памятная записка», которую 8 октября представитель шведской миссии в Берлине передал германской стороне. Москва категорически оспаривала тот факт, что в отношении немецких военнопленных Советский Союз не придерживался общепризнанных обычаев войны, тем более — Гаагской конвенции. Только исключительно тяжелая ситуация на советско-германском фронте вынудила правительство СССР прибегнуть к оправдательной тактике*.

Ответ Берлину по поводу жестокого обращения с советскими военнопленными был дан в самый критический момент — 25 ноября 1941 года, когда исход битвы за Москву был еще не ясен, но зато отчетливо просматривалось нежелание Германии вступать в какие-либо контакты с СССР. Нота, при всей своей пропагандистской направленности, отражала реальное положение вещей. Противник справедливо обвинялся в нарушении Гаагской конвенции и пренебрежительном отношении к гуманным принципам международного права. Делалась в ней ссылка и на информацию, полученную от шведской миссии, согласно которой пленные красноармейцы ставились в более худшие условия продовольственного обеспечения. Большая часть документа была посвящена перечислению фактов насилия над «узниками войны», а в финале звучало предупреждение об ответственности «преступного гитлеровского правительства» за «бесчеловечные действия германских военных и гражданских властей». Что касается Женевской конвенции, на присоединение к которой Советского Союза возлагали надежды МККК и другие члены мирового сообщества, то о ней в ноте ничего не говорилось⁸⁴.

*В этой связи заслуживает внимания получившая известное распространение версия о том, что в октябре 1941 г. СССР готов был заключить мир с немцами.

В самой Германии к этому времени вопрос о том, насколько отвечает интересам нацистского государства признание Москвой упомянутого соглашения, уже не дебатировался. 8 сентября вступили в силу так называемые «Распоряжения об обращении с советскими военнопленными», один из пунктов которых гласил: «...Большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение, как с честным солдатом, в соответствии с Женевским соглашением»⁸⁵. Отчаянная попытка графа Мольтке и его коллеги профессора права Гюнтера Йенике пресечь объявленный произвол закончилась провалом. На докладной записке, подготовленной ими для адмирала Канариса, который также придерживался мнения о необходимости отменить названные «Распоряжения», начальник верховного главнокомандования генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель 23 сентября 1941 года начертал: «Размышления соответствуют солдатским понятиям о рыцарской войне! Здесь речь идет об уничтожении мировоззрения. Поэтому я одобряю эти меры и защищаю их»⁸⁶.

На следующий день германский посол в Анкаре фон Папен заявил представителю МККК, что руководство рейха, потеряв надежду на какую-либо взаимность, больше не собирается представлять списки советских военнопленных в Женеву. В итоге период благоприятных возможностей облегчить участь «узников войны» завершился безрезультатно. Принципиально различные цели мало способствовали сближению позиций двух враждующих сторон. Одна, сделав шаг навстречу, затем прибегла к тактике лавирования и обещаний, поскольку надеялась решить главную проблему — любой ценой сдержать наступательный порыв противника. Другая, в предвкушении скорой победы, не желала связывать себя правовыми соглашениями и пыталась путем небольших практических уступок на дипломатическом уровне облегчить положение своих пленных солдат и офицеров. Нота от 25 ноября 1941 года как бы подвела черту под временем надежд и разочарований той и другой стороны.

«Не нужно посылать списков...»

В конце ноября 1941 года Марсель Жюно выехал из Анкары в Берлин на переговоры с генералом Рейнеке. 19 декабря Макс Губер получил известие о том, что верховное командование вермахта готово передать МККК список на 500 тысяч советских военнопленных. Увы, Рейнеке явно поспешил сообщить уполномоченному Красного Креста приятную новость. Против положительного решения вопроса выступил Гитлер, пустивший в ход два

довода. Договоренность обмениваться списками может породить иллюзию у немецких солдат по поводу того, что русские будут иначе относиться к пленным. Кроме того, сравнивая полученные сведения со своими данными, в Москве убедятся, что не все попавшие в плен красноармейцы живы. Упорное молчание СССР на запросы о судьбе военнослужащих вермахта в ближайшие полтора месяца укрепило позиции фюрера. 9 февраля 1942 года нацистское руководство вынесло окончательное решение: Германия больше не будет отсылать в Женеву никаких списков и одновременно прекращает доступ делегатов Красного Креста в лагерь для советских военнопленных⁸⁷.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением историка К. Штрайта об ответственности Берлина за несостоявшуюся акцию по облегчению участи «узников войны». Вместе с тем, ради исторической справедливости следует сказать, что Молотов опередил Гитлера — еще 13 января 1942 года на докладной записке Вышинского, посвященной вопросу обмена сведениями, нарком написал: «Не нужно посылать списков (немцы нарушают всякие правовые и другие нормы)»⁸⁸. Правда, в отличие от Германии, СССР не считал необходимым официально уведомить МККК о своей принципиальной позиции. В результате в полном неведении относительно намерений Москвы остались не только руководители Красного Креста в Женеве, но и западногерманские историки, годы спустя обратившиеся к этой проблеме.

Как показывает анализ архивных документов, приоритет в решении наиболее важных вопросов, связанных с судьбами своих и иностранных военнопленных, в годы войны принадлежал наркомату иностранных дел. Справочное бюро при исполкоме Красного Креста лишь формально обладало предоставленными ему правами. Перед УПВИ НКВД стояли свои, сугубо специфические задачи: вести персональный учет пленных, обеспечивать контроль за их содержанием и охраной, проводить антифашистскую работу в лагерях и т. п. Что касается военного ведомства, то его прерогативы в решении проблемы «узников войны» были, как это ни странно, еще более ограничены. В начале апреля 1942 года заместителю наркома обороны генералу Е. А. Щаденко срочно потребовались данные о безвозвратных потерях на советско-германском фронте⁸⁹, и сотрудникам Центрального бюро по учету потерь среди личного состава действующей Красной Армии пришлось обращаться за справкой в ... наркомат иностранных дел. Заведующий правовым отделом А. П. Павлов был столь любезен, что выслал германский список пленных красноармейцев на 297 чел., румынский — на 640 чел., итальянский — на 117 чел., общий список умерших советских военноплен-

ных на 17 чел., а также — схемы могил и выдержки из международных конвенций. Однако он тут же предупредил начальника 1-го отдела упомянутого бюро полковника Шавельского: «Обращаю Ваше внимание на тот факт, что на неоднократные предложения со стороны Международного Комитета Красного Креста об обмене сведениями о военнопленных с немцами и их союзниками мы не отвечали. Это обстоятельство Вам необходимо учесть при использовании указанных выше сведений и ни в какую переписку с М.К.К.К. по этому вопросу не вступать...»⁹⁰.

Помимо МККК, судьбой военнопленных в СССР продолжали настойчиво интересоваться державы-покровительницы. 17 декабря 1941 года эту проблему, будучи на приеме у заместителя заведующего 4-м Европейским отделом Г. М. Пушкина, затронул болгарский посланник Стаменов. После беседы Пушкин и его коллега по наркомату иностранных дел, заведующий 3-м Европейским отделом В. С. Семенов, пришли к выводу о том, что «вопрос о военнопленных требует принципиального решения». Однако резолюция наркома на докладной подчиненных была более чем лаконична: «Не отвечать»⁹¹.

Дипломаты Швеции, по крайней мере, получали ответы на свои запросы, но в каждом из них с завидным постоянством давался отказ предоставить нужную информацию. Единственное, что время от времени варьировалось, так это мотивы отказа. Отрицательное заключение на меморандумы шведской миссии от 9 и 17 марта 1942 года наркомат иностранных дел, к примеру, обосновал тем, что Германия захватила «принадлежащее Советскому Посольству, Торговому Представительству и Консульствам СССР имущество»⁹². Впрочем, когда представители державы-покровительницы стали проявлять «излишнюю» настойчивость, то Молотов 31 августа 1942 года на очередной докладной своих сотрудников наложил более пространную резолюцию: «Если шведы будут настаивать, сказать кому следует, что в связи со зверским обращением гитлеровцев с советскими военнопленными отрицательная позиция СССР, сама собой понятна и не требует объяснений»⁹³.

Между тем Румыния, более регулярно, чем другие воюющие стороны, направлявшая в МККК сведения о советских военнопленных, предложила СССР в марте 1943 года произвести обмен списками. Как говорилось в телеграмме уполномоченного Красного Креста из Анкары, вопрос затрагивает интересы 40 тысяч пленных красноармейцев. С поступившей информацией Вышинский счел необходимым ознакомить заместителя наркома внутренних дел С. Н. Круглова, который, в свою очередь, потребовал от начальника УПВИ НКВД Петрова соответствующую справку. Генерал-майор

сообщил о том, что при всем желании произвести обмен списками невозможно. Во-первых, такого большого количества румынских солдат в лагерях НКВД попросту нет. Во-вторых, имеющийся в наличии контингент страдает сыпным тифом и в ближайшее время ожидается его «известная убыль». 6 апреля 1943 года эти же самые аргументы Круглов изложил наркомату иностранных дел⁹⁴. Возможно, история не имела бы продолжения, но 19 апреля на имя Молотова поступила телеграмма из Женевы, в которой Макс Губер вежливо напоминал советскому наркому об обещании почти двухлетней давности осуществлять обмен списками об «узниках войны». Учитывая откровенно гуманную инициативу противника, в Москве решили пойти на компромисс, уведомив Женеву, что все румынские солдаты, находящиеся в советских лагерях, получают право на переписку.

Второе обстоятельство, способствовавшее некоторому прогрессу в решении проблемы, связано с тем, что после Сталинграда в руках Красной Армии оказалось немало офицеров и генералов 6-й армии. Уже тогда с некоторыми из них спецслужбы СССР связывали надежды на получение важной оперативно-стратегической информации. В расчете на «взаимопонимание» были даны ответы на запросы МККК о судьбе фельдмаршала Паулюса, генерала Даниэльса и некоторых других высокопоставленных чинов⁹⁵. В Женеве эта инициатива была воспринята как обнадеживающий симптом, и Макс Губер сделал попытку еще раз вернуться к вопросу об обмене списками. На помощь были подключены американский и британский Красный Крест. А между тем, благоприятно развивающийся ход событий явно не устраивал Гитлера и его ближайшее окружение. Министр иностранных дел Риббентроп потребовал 11 марта 1943 года от сотрудников германского посольства в Стокгольме провести с правительством нейтральной державы переговоры по поводу того, чтобы президент шведского Красного Креста принц Карл оставил намерение обращаться к Москве по вопросу обмена списками. При этом он предложил своим подчиненным пустить в оборот следующие доводы: Кремль наверняка представит фальшивые списки, что приведет к ненужным страданиям родных и близких; если же Германия ответит взаимностью, то семьи советских военнопленных будут тут же подвергнуты репрессиям⁹⁶. Неизвестно, проводили ли в жизнь указания своего шефа сотрудники германского посольства, но только Риббентроп волновался зря. Ни на предложение шведского Красного Креста от 18 апреля 1943 года, ни на аналогичные инициативы американского и британского Красного Креста Советский Союз не дал положи-

тельного ответа, сославшись на нарушение Германией норм международного права.

«Переписка осуществлялась в минимальных размерах»

Ровно через год после того, как председатель советского Красного Креста С. А. Колесников рискнул поднять вопрос о переписке военнопленных, с аналогичной инициативой выступило УПВИ НКВД СССР. Правда, гуманные цели этого ведомства имели несколько односторонний характер — на переписку с близкими могли рассчитывать только иностранные военнопленные. О предоставлении такого же права пленным красноармейцам наркомат внутренних дел никаких предложений в правительство не вносил. В сентябре-ноябре 1942 года в нескольких лагерях немцам разрешили написать на родину, подвергнув затем почтовые открытки тщательному отбору. УПВИ НКВД ставило перед собой задачу организовать работу так, чтобы «в письмах личного характера в достаточно завуалированной форме» пропагандировать хорошие условия жизни в СССР. За четыре месяца (сентябрь — декабрь) в сектор иностранного радиовещания отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ было передано 312 писем, отправлено на почтовые станции МККК в Стокгольм и Анкару 3096 писем. С января 1943 года переписку разрешили во всех лагерях, однако осуществлялась она, как сказано в докладной записке наркома внутренних дел С. Н. Круглова на имя Л. П. Берии, **«в минимальных размерах, обусловливаемых интересами оперативной службы или агитационными целями»**⁹⁷.

К концу 1943 года МККК переправил в Германию 6000 почтовых открыток. Возможно, ни одна из них так бы и не попала в руки адресатов, но помогло удачное стечение обстоятельств — передача службы цензуры от вермахта к полиции на какое-то время повлекла сбой в работе хорошо отлаженного механизма. Поскольку половину писем не удалось задержать, руководство вермахта оказалось в затруднительном положении. Первые подозрения относительно того, что в планы Москвы входит мобилизация старых коммунистов на сопротивление, не подтвердились. Перепроверка выявила всего 52 «крамольных» письма. Однако возникла новая проблема. Слухи о том, что немецкие солдаты, попавшие в плен на Восточном фронте, вовсе не расстреляны и не сгинули в Сибири, молниеносно распространились по стране. Кроме того, генерал-лейтенанту Рейнеке предстояло отчитаться о вручении почтовых открыток перед МККК. В этой связи вопрос о том, как быть с

неврученной и вновь поступающей корреспонденцией, был поставлен перед Гитлером. Кейтель и Геббельс трижды заводили разговор на эту тему, но фюрер был непреклонен — почта из СССР не должна попасть в руки немецкому обывателю⁹⁸.

В Москве же, не значительную по объему переписку рассматривали как пропагандистское мероприятие, а потому на благожелательную реакцию Берлина и не рассчитывали. До конца войны пленные смогли направить на родину еще 25534 письма и 8676 писем было передано Главному Политическому управлению РККА. Последние сбрасывались с самолетов над Германией, Румынией и Венгрией. Что касается почтовых открыток из-за линии фронта, то их смогли получить 10914 военнопленных⁹⁹.

В переписке участвовали и находившиеся в советском плену румынские солдаты и офицеры, на долю которых приходится не менее 30—40 % всей полученной и отправленной корреспонденции. Объясняется это тем, что после Сталинграда усилиями МККК между СССР и Румынией было достигнуто определенное взаимопонимание. Возможность написать родным и близким получили и советские военнопленные, а также жители оккупированных румынской армией районов, прежде всего — Одессы. Письма, однако, до адресатов не доходили. Почтовые открытки покрывших себя «позором плена» красноармейцев направлялись «на учет и хранение в исполком Красного Креста», а письма гражданских лиц переправлялись в НКВД. Самое любопытное заключается в том, что МККК пробовал направлять часть посланий (как с румынской территории, так и из-за границы вообще) не в справочное бюро в Москву, а по указанному на почтовой открытке адресу. Однако эта нехитрая уловка, говорившая о недоверии Женевы к официальным советским инстанциям, успеха не имела. 14 июня 1943 года начальник международного управления наркомата связи докладывал в наркомат иностранных дел: «В соответствии с Вашим письмом от 10 мая с. г. за № 85 Московским Почтамтом задержан ряд писем М.К.К.К., адресованных в различные местности СССР»¹⁰⁰.

Обмен корреспонденцией между Советским Союзом и Румынией Макс Губер и его единомышленники расценивали как реальный шанс распространить этот процесс на все воюющие стороны. Узнав в октябре 1943 года об отказе нацистского руководства разрешить переписку русским военнопленным, МККК не сразу решился сообщить неприятную новость в Москву. А между тем советскую сторону эта проблема не так уж и волновала, в чем Женева окончательно убедилась через несколько месяцев. 10 марта 1944 года уполномоченный МККК Вальдемар Верлин сообщил посольству СССР в Тегеране, что его коллеге в Берлине удалось

добиться разрешения на переписку жителям оккупированных областей и советским гражданам, вывезенным в Германию. Ответа на это многообещающее заявление не последовало¹⁰¹.

Судьба гуманитарной помощи

1 декабря 1941 года уполномоченный МККК Карл Буркхардт встретился с послом СССР в Великобритании И. М. Майским. Представитель Женевы проинформировал советского дипломата о том, что его коллега в Германии доктор Роланд Марти несколько дней назад побывал в одном из немецких лагерей. Удалось установить, что пленные красноармейцы, получают явно недостаточное питание. Судьба этих людей сейчас во многом зависит от правительства СССР. Германские власти не возражают против того, чтобы «узникам войны» была оказана гуманитарная помощь. Великобритания, в свою очередь, дала разрешение на вывоз продовольствия из своей колонии Конго. Немцы, конечно, рассчитывают на взаимность, а потому Международный комитет вынужден в очередной раз поставить вопрос о посещении лагерей для военнопленных в Советском Союзе¹⁰².

Майский с должным пониманием отнесся к просьбе Буркхардта, пообещав ему поддержку в самых высоких инстанциях. Многие говорили за то, что на этот раз переговоры могут завершиться успешно. Заведующий правовым отделом Павлов, к мнению которого в стенах внешнеполитического ведомства, безусловно, прислушивались, был за то, чтобы один из делегатов Красного Креста ознакомился, наконец, с положением пленных солдат и офицеров вермахта. 15 января 1942 года Макс Губер, ссылаясь на заверения советского посла в Лондоне, напомнил Молотову: его сотрудники готовы в любое время выехать в Москву. Список из шести человек, высланный председателем МККК, давал консульскому отделу право выписать въездную визу наиболее достойному кандидату. Таковым в конечном счете был признан швед Гёст Седегрэн, проживавший в России в период первой мировой войны. Не возражали против кандидатуры шведа и органы НКВД¹⁰³.

16 февраля 1942 года Макс Губер телеграммой подтвердил информацию Буркхардта о том, что британское правительство принимает меры по закупке продовольствия для советских военнопленных. 28 февраля председатель МККК сообщил о намерении Красного Креста Канады предоставить в распоряжение «узников войны» пятьсот тысяч облаток витаминов. При этом он заверил Молотова, что гарантирует успех задуманной акции, если его коллеги смогут посетить Советский Союз. Однако нарком иностранных

дел мыслил уже иными категориями. Сталин вынашивал в те дни малореальные планы скорого разгрома немцев, и его ближайший соратник чутко уловил настроение вождя, не желавшего отягощать себя бременем дополнительных обязательств на дипломатическом уровне. Соответствующим образом вел себя и Вышинский. В докладной записке он посетовал на то, что Губер вновь пытается получить согласие на приезд в СССР своего делегата, и порекомендовал не отвечать на послание из Женевы. Молотов наложил на этом документе краткую резолюцию: «Согласен»¹⁰⁴.

Убедившись в том, что ответа на инициативы мирового сообщества от СССР ждать нечего, МККК решил довести начатое дело до конца путем контактов с Берлином. К сожалению, Макса Губера и его единомышленников поджидало новое разочарование. Верховное командование вермахта, первоначально давшее согласие на распределение посылок для советских военнопленных под контролем делегатов Международного комитета, изменило свои планы. 2 сентября 1942 года немцы поставили условие — груз с гуманитарной помощью должны распределять коменданты лагерей, присутствие при этой процедуре уполномоченных Женевы является излишним. Не удовлетворенный такой постановкой вопроса, Губер обратился к правительству Финляндии, которое приняло условия МККК. В результате положение красноармейцев, содержащихся в финском плену, несколько улучшилось¹⁰⁵.

Еще одна попытка облегчить участь военнопленных была принята вскоре после Сталинградского сражения. 10 марта 1943 года уполномоченный МККК Р. Курвуазье встретился с первым секретарем советского посольства в Анкаре С. С. Михайловым. Он сообщил, что с наступлением весны в лагерях Германии участились случаи заболеваний сыпным тифом. Особенно много больных среди русских военнопленных. Угрозе подвергается, в первую очередь, жизнь медицинского персонала, поскольку на приобретение сыпнотифозной вакцины «не выделяется никаких фондов». В настоящее время на закупку этого препарата МККК ассигновал 320 швейцарских франков. Руководство Красного Креста готово приобрести новые партии вакцины для русских врачей, медсестер и санитаров, но его интересует, намерена ли Москва возместить произведенные и предстоящие расходы?¹⁰⁶ Увы, как свидетельствуют архивные материалы, советское руководство не пожелало обсуждать данный вопрос. Единственным мероприятием, которое Международный комитет смог довести до логического конца, стало распределение среди советских военнопленных в середине 1944 года посылок с целебными травами. Примечательно, что германская сторона настояла на том, чтобы люди за колючей проволокой не знали

о происхождении лекарственных снадобий, закупленных на средства МККК¹⁰⁷.

За год до этой акции потерпела неудачу инициатива Женевы по улучшению положения немецких военнопленных в СССР. Валютные сбережения по поручению родственников обитателям лагерных барачков намеревался переводить базельский «Швейцеришер Банкфайр»¹⁰⁸. Некоторых успехов в облегчении участи «узников войны» удалось добиться американскому Комитету помощи военнопленным при Союзе христианской молодежи. Информацию на этот счет, в частности, можно отыскать в служебном дневнике доверенного лица наркомата иностранных дел О. П. Шевцова, который 3 марта 1944 года встретился с лидерами молодежной организации в Нью-Йорке. Из записи в дневнике за этот день узнаем, что месяцем ранее американцы передали для красноармейцев, находящихся в лагерях Германии, художественную литературу, музыкальные инструменты и спортивный инвентарь. Правда, нет гарантии, что вся партия гуманитарной помощи попала по назначению. Доступ в лагерь, где содержатся русские, закрыт. Немцы требуют встречных шагов со стороны СССР, о чем лидеры Комитета поставили в известность посла СССР в Вашингтоне А. А. Громыко, но ответа пока не получили¹⁰⁹.

В ходе дальнейшей беседы с советским представителем лидер Союза христианской молодежи Трэм Стронг не без намека заметил, что на территории третьего рейха сейчас работают около 800 делегатов Красного Креста и их добровольных помощников из Женевы. Однако эта новость ни в коей мере не повлияла на позицию Москвы, которая с завидным постоянством отказывала сотрудникам Макса Губера в выдаче въездной визы в страну социализма. Прецедент подобного рода вообще имел место лишь однажды. За колючую проволоку был допущен делегат Лиги Международного Красного Креста — организации, основанной в 1919 году в США. Отчет об этом неординарном событии тут же попал на страницы газеты «Свободная Германия»¹¹⁰. За рубежом «сенсацию» встретили, однако, весьма прохладно. Во-первых, посещение лагерей военнопленных официально считалось прерогативой МККК. Лига же была призвана решать иную задачу — оказывать помощь мирному населению, пострадавшему от войн, эпидемий и стихийных бедствий. Кроме того, восторженный отзыв анонимного делегата о положении немецких военнопленных в стране социализма отчетливо носил на себе следы пропаганды¹¹¹.

В годы войны Советский Союз откликнулся на просьбу правительств США, Великобритании и Японии быть посредником в деле обмена посылками, предназначенными для военнопленных. На ана-

логичную любезность с их стороны Москва неизменно отвечала отказом. Между тем, по данным наших западногерманских коллег, из 235473 английских и американских солдат и офицеров, содержащихся в лагерях Германии, за весь период войны умерло 7348 человек. И всего за десять дней (21 октября — 30 октября 1941 года) на оккупированной польской территории из 361612 погибло 45690 советских военнопленных¹¹². Баланс поистине убийственный, ибо получается, что за каких-то два дня за колючей проволокой нацистских лагерей в одной только Польше военнослужащих Красной Армии погибло больше, чем их товарищей по плену из числа союзных армий за всю войну. Списывать эти страшные цифры исключительно на злодеяния фашистского режима было бы неверно. Ответственность за гибель людей от голода и болезней лежит и на сталинском правительстве, проявившем преступное равнодушие к судьбам своих соотечественников.

СССР и «предприятие, имеющее большой опыт и стаж в грязном деле пособничества агрессорам»

Настойчивые попытки МККК наладить деловые отношения с Москвой вынудили председателя исполкома Красного Креста СССР Колесникова обратиться непосредственно к Молотову. В письме, направленном в адрес наркома 5 мая 1943 года, он откровенно признал, что возглавляемая им организация не выполняет возложенных на нее задач по облегчению участи военнопленных. «Согласно указаний Наркоминдела, — писал Колесников, — мы ни на один запрос, как единичный, так и групповой, ни Международному Красному Кресту в Женеве, ни его филиалу в Анкаре не отвечали». Автор письма, как показывает анализ этого документа, рассчитывал внушить Молотову две главные мысли. Во-первых, контакты с МККК поднимут пошатнувшийся авторитет Красного Креста СССР за рубежом. Во-вторых, враждебной антисоветской пропаганде, обвиняющей Москву в черством отношении к «узникам войны», будет дан достойный отпор¹¹³.

В конце концов исполкому СОКК и КП была предоставлена ограниченная свобода действий на международном уровне. В декабре 1943 года его сотрудник впервые получил возможность встретиться с уполномоченным МККК в Тегеране. Последний, однако, вряд ли остался удовлетворен состоявшейся беседой, ибо услышал нечто странное: розыск военнопленных является прерогативой Верховного командования Красной Армии. Исполком СОКК и КП

может в лучшем случае поддержать усилия Женевы по оказанию гуманитарной помощи «узникам войны». А еще через несколько месяцев, 9 августа 1944 года, уполномоченному МККК в Тегеране дали понять, что СОКК и КП вообще запрещено вступать в официальные контакты с Международным комитетом¹¹⁴.

Заявление, прозвучавшее в советском посольстве 9 августа, развеяло последние иллюзии по поводу сближения позиций между Женевой и Москвой. Вскоре это подтвердила гневная реакция СССР на «Обращение МККК к правительствам воюющих стран». Международный комитет предлагал, во избежание необъективности, отложить проведение судебных процессов над военнопленными до окончания войны. Одновременно «Обращение» напоминало, что практика привлечения их к уголовной ответственности противоречит статье 2-й Женевской конвенции. Иного мнения придерживался Советский Союз, публично осудивший на смертную казнь в конце 1943 года трех военнослужащих вермахта. И хотя справедливость вынесенного в Харькове приговора МККК под сомнение не ставилась, Москва обвинила Женеву в потворстве военным преступникам. В сентябре 1944 года профессор А. Н. Трайнин опубликовал статью «Бесчеловечный гуманизм», назвав в ней «Обращение» таким документом, место которому — «мусорный ящик истории»¹¹⁵.

Крайне болезненно воспринял СССР критику массового интернирования немцев — граждан Румынии, Венгрии, Югославии и других стран Западной Европы¹¹⁶. В такой обстановке нечего было даже и помышлять о том, что Советский Союз откликнется хоть на какое-то предложение Женевы по облегчению участи «узников войны». В апреле-мае 1945 года делегаты МККК и Красный Крест Швеции сумели спасти около 20 тысяч военнопленных — датчан, норвежцев, французов, поляков, чехов, многие из которых по национальности были евреями. Очевидец этих событий бывший федеральный канцлер ФРГ Вилли Брандт с особой теплотой пишет об «операции с легендарными белыми автобусами, доставившими спасенных в Швецию»¹¹⁷. В эти же дни, уведомив командование союзных войск, уполномоченные Красного Креста вскрыли склады, оставленные отступающими немцами. Продовольственные запасы раздавались нуждающимся узникам лагерей, в том числе пленным красноармейцам.

27 мая 1945 года посол США Аверелл Гарриман проинформировал Вышинского о бедственном положении делегации МККК в Берлине. При этом он подчеркнул, что генерал Дуайт Эйзенхауэр готов принять представителей Красного Креста, оказавших «неоценимую помощь союзным военнопленным»¹¹⁸. Одновременно с ана-

логичной просьбой к начальнику Генштаба РККА А. И. Антонову обратился глава американской военной миссии в Москве Джон Дин. Как выяснилось, без продуктов, медикаментов и горючего оказались следующие лица: уполномоченный Женевы доктор Отто Лехнер, его помощник Альберт де Кокатрис, секретарь мадам Урсула Раух и водитель санитарной машины Андре Фрутши. Отдав команду обеспечить швейцарских подданных самым необходимым, генерал армии Антонов 14 июня 1945 года доложил Молотову: «Считал бы возможным делегацию направить в район расположения американских войск»¹¹⁹. Однако Вышинский, которому нарком иностранных дел передал данный вопрос на окончательное решение, думал иначе. В отчете МККК, опубликованном через три года после войны, скупко говорится: «В июне сорок пятого наша берлинская делегация по неизвестным причинам была доставлена в СССР, где в течение нескольких месяцев находилась на положении интернированных»¹²⁰.

Весьма своеобразную реакцию Москвы на готовность американцев обеспечить покровительство делегатам Женевы можно объяснить двумя причинами. 16 июня 1945 года было опубликовано сообщение ТАСС, обвинявшее правительство Швейцарии в нежелании возратить на родину интернированных советских граждан. В качестве превентивной меры предусматривалось отстранение от репатриации освобожденных Красной Армией швейцарских граждан¹²¹. Однако, скорее всего, берлинская делегация оказалась в СССР не в качестве заложников, а потому, что советские спецслужбы интересовал доктор Отто Лехнер. Последний еще в феврале сорок пятого имел контакты с Ю. С. Жеребковым — доверенным лицом генерал-лейтенанта А. А. Власова, уполномоченным КОНР при германском МИД. Именно Лехнер передал в Женеву меморандум «Комитета освобождения народов России», требующий предоставления солдатам власовской армии традиционного в западных странах политического убежища¹²². Поскольку к середине июня 1945 года сам Власов, генерал-майор Ф. И. Трухин, генерал-майор Д. Е. Закутный и некоторые другие лидеры КОНР уже находились на Лубянке, то факт присутствия в этих же стенах уполномоченного Красного Креста (надо надеяться, не в качестве обвиняемого), увы, исключить нельзя.

Итог гуманной деятельности Международного комитета Красного Креста в годы второй мировой войны СССР подвел в начале 50-х годов. Карл Буркхардт был назван «ярким врагом демократии и другом немецких фашистов». Ярлык «специалиста по благополучным докладам в гитлеровских концлагерях» повесили на Отто Лехнера. Эти же упреки адресовали доктору Роланду Марти, а

бывшего президента МККК Макса Губера не без намека обвинили в его отнюдь не пролетарском происхождении. Походя было сделано удивительное «открытие». Оказалось, что МККК нельзя считать международной организацией, это скорее — «предприятие, имеющее большой стаж и опыт в грязном деле пособничества агрессорам, в деле сокрытия военных преступлений и обмана общественного мнения»¹²³.

Согласно Женевской конвенции

В декабре 1941 года правительство США предприняло очередную попытку убедить советское руководство в необходимости присоединиться к Женевской конвенции. Однако аргумент — это реальный шанс облегчить положение пленных красноармейцев в нацистских лагерях — не возымел должного действия. Потерпел неудачу и президент Франклин Рузвельт, вернувшись к данной проблеме при встрече с Молотовым в конце мая 1942 года. Нарком дал понять, что его больше беспокоят затянувшиеся сроки открытия второго фронта. А насчет пожелания пойти на компромисс с Берлином можно сказать только одно: немцы получают повод заявить о соблюдении норм международного права, тогда как советские военнопленные содержатся в бесчеловечных условиях. Рузвельту пришлось срочно свернуть разговор на большую тему и лишь посетовать на то, что американские солдаты в японском плену также страдают от недостатка питания¹²⁴.

В августе 1943 года Макс Губер обратился к правительствам воюющих держав с предложением произвести, руководствуясь статьей 72-й Женевской конвенции, обмен или репатриацию в одну из нейтральных стран тяжелобольных военнопленных. Советский Союз это предложение проигнорировал, а вот Великобритания воспользовалась предоставленной возможностью, заключив с Берлином соответствующее соглашение. По стечению обстоятельств судьба около двух тысяч солдат британской армии зависела от Москвы — их путь на родину лежал через Балтийское море, превратившееся в театр подводной войны между СССР и Германией. Лондон был вынужден попросить союзника о том, чтобы германские пароходы со знаками Красного Креста беспрепятственно проследовали по намеченному курсу. 18 сентября 1943 года посол Великобритании А. Керр напомнил сотрудникам наркомата иностранных дел о просьбе своего правительства. С правовой точки зрения отказывать англичанам никаких оснований не было. Однако в Москве крайне неохотно шли на решение возникшей проблемы. При обсуждении ответа англичанам, в частности, предлагалось

пустить в ход тот же самый аргумент, который в июле 1941 года фигурировал в ноте, переданной болгарскому посланнику Стаменову: коварные немцы смогут воспользоваться госпитальными судами в военных целях. В конце концов было решено «оказать просимое содействие», но не принимать на себя «безоговорочное обязательство» по обеспечению безопасного плавания германских пароходов с британскими пленными на борту¹²⁵.

В октябре 1943 года Германия и Великобритания благополучно произвели обмен тяжелооболными военными, а также медицинским персоналом, т. е. такими лицами, которые пользовались особым покровительством Женевской конвенции «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Два враждующих государства и в дальнейшем придерживались заключенного соглашения к неудовольствию со стороны Москвы. 17 февраля 1944 года «Правда» опубликовала заявление германского военнопленного Герхарда Махенса, который утверждал, что его лично и еще 26 немецких солдат после обмена, игнорируя международное право, вновь направили на фронт. Свое решение нацистские власти обосновали тем, что обмененные якобы не могут сражаться против англичан, а участие в боях против русских не возбраняется¹²⁶.

Правительство Великобритании отреагировало на эту публикацию довольно болезненно. В письме на имя Молотова посол Керр заметил, что отказывать в обмене ни упомянутому военнопленному, ни его товарищам, которые принадлежат к медицинскому персоналу германской армии, не имелось оснований. Кроме того, подобные сообщения в печати могут привести «к подрыву доверия советского народа к его союзникам»¹²⁷. В ответном письме Молотов дал понять британскому дипломату, что СССР вообще негативно относится к контактам Лондона с Берлином. Публикация в «Правде», надо надеяться, позволит Великобритании сделать «соответствующие выводы»¹²⁸.

На завершающем этапе войны ситуация, однако, изменилась. С общепризнанными нормами международного права считались все меньше и меньше. Решающий вклад СССР в разгром Германии обязывал США и Великобританию уважительно относиться к позиции советского руководства, если даже она не всегда устраивала союзников. К тому же, Вашингтон и Лондон беспокоила судьба соотечественников, освобожденных Красной Армией из нацистских лагерей. Ради их скорейшего возвращения на родину было заключено Ялтинское соглашение, но оно же, увы, предусматривало и выдачу Москве всех советских граждан, вне зависимости от их желания. Такая практика, конечно, шла вразрез с международным правом и принципами гуманности. Тем более, что в руках

союзников оказались не только коллаборационисты. Одни не желали возвращаться домой по политическим мотивам, другие подозревали, что сам факт пленения, работа на экономику Германии уже будут расценены как предательство. Что касается Гитлера, то он в последние месяцы войны вообще перестал считаться с любыми международными соглашениями. О намерении фюрера поставить крест на Женевской конвенции о военнопленных свидетельствуют дневниковые записи министра пропаганды Й. Геббельса и показания начальника Генерального штаба оперативного руководства вермахта А. Йодля на Нюрнбергском процессе¹²⁹.

Вопреки международному праву

На протяжении десятилетий в советской исторической науке поддерживался миф о неукоснительном соблюдении СССР правил ведения войны. Именно миф, ибо мы уже упоминали о расстрелах немецких военнопленных в первые месяцы сражений на Восточном фронте. Поспешно перевернув эту мрачную страницу истории, мы вряд ли докопаемся до истинной сути происходившего. Прежде всего надо принять во внимание следующее: Гитлер своими газовыми камерами, массовым умерщвлением евреев и прочими преступными приказами бросил вызов мировому общественному мнению. Сталин на это не решился. Расстрел польских офицеров в Катынском лесу, по-видимому, убедил советское руководство в том, что подданные иностранных государств требуют к себе иного отношения, нежели соотечественники, и забвение этого «правила» чревато осложнениями на дипломатическом уровне. Вместо геноцида против обезоруженных солдат и офицеров вермахта в ход было пущено гораздо более цивилизованное оружие: разоблачение бесчеловечной фашистской идеологии и практики, с одной стороны, и пропаганда гуманного отношения к поверженному противнику — с другой. Последняя подкреплялась заявлениями и протестами немецких военнопленных, которые откровенно приукрашивали положение в советских лагерях.

Так или иначе, но в приказах не встретишь и намека на то, что органы НКВД хотя бы в ничтожной мере поощряли нарушения международного права. Наоборот, в них звучит предупреждение: убийство, мародерство и иные действия, несовместимые с принципами гуманности, будут беспощадно пресекаться. Приказ № 00863 от 18 мая 1943 года, к примеру, доводил до личного состава войск НКВД информацию о том, что десять бойцов 233-го конвойного полка 35-й дивизии за обирание живых и мертвых, за лишение пленных положенного им суточного довольствия осуждены воен-

ным трибуналом, а помощник начальника конвоя А. И. Козик расстрелян¹³⁰.

Вместе с тем, как показывает анализ архивных документов, без крутых мер было просто не обойтись. Факты произвола по отношению к обезоруженному врагу были характерны не только для начального периода войны. Вот только одна выдержка из отчета начальника приемного пункта НКВД № 48 Воронежского фронта за 1943 год: «...По дороге военнопленных раздевают все, кому не лень. Попадает навстречу комсостав, просит у конвоя пару-тройку фрицев. Конвой выдает, и они их тут же расстреливают. В управлении 38-й армии — Ястребовка — расстреляли 32 человека»¹³¹.

Волна насилия чуть было не захлестнула советские войска весной 1945 года. 20 апреля Ставка Верховного Главнокомандования вынуждена была издать специальную директиву за № 11072 «Об изменении отношения войск Красной Армии к немецким военнопленным и гражданскому населению». Однако даже несколько месяцев спустя дикie расправы, бессмысленные пьяные погромы все еще давали о себе знать. В обзоре, составленном Бюро информации СВАГ в ноябре 1945 года, говорилось о том, что рост рядов компартии Германии тормозят «не изжитые до сего времени бесчинства военнослужащих Красной Армии», и данное обстоятельство используют в пропаганде против СССР враждебные элементы¹³². Как это ни прискорбно, но незаслуженную чашу позора в полной мере пришлось испытать вывезенным в Германию советским гражданам, в первую очередь женщинам. Недавно ушедший от нас талантливый историк и публицист П. Н. Кнышевский справедливо заметил, что «жутких фактов» (изнасилований, издевательств, угроз и насмешек над несчастными девушками) наберется «на многотомное повествование»¹³³.

Пропагандируя свою приверженность нормам международного права, в Кремле без всяких угрызений совести шли на обман мирового общественного мнения, если того требовала ситуация. В нарушение статьи 66-й Женевской конвенции, державе-покровительнице Болгарии не сообщалось о смертных приговорах, вынесенных немецким солдатам и офицерам. Переписка председателя Верховного Суда И. Т. Голякова с Вышинским, докладная записка последнего Молотову от 5 декабря 1942 года вскрывают причины того, почему данную информацию следовало держать в строгом секрете. Побег, антисоветская агитация, контрреволюционный саботаж, т. е. отказ от работы, можно было отнести к разряду особо опасных преступлений, если бы речь шла о советских гражданах. Что касается военнопленных, то им за подобные прегрешения по международному праву полагался в худшем случае

кратковременный арест с помещением на гауптвахту. А такого понятия как «антисоветская агитация» ни Гаагская, ни Женевская конвенции, разумеется, не знали. Кроме того, по признанию Вышинского, приговоры, вынесенные пленным немцам, составлены «неудовлетворительно (поверхностно, малоубедительно)». И если о них станет известно за рубежом, то критика в адрес Советского Союза неизбежна¹³⁴.

Архивные документы проливают свет еще на один вопрос: почему в мемуарах, письмах, рассказах немецких военнопленных нередко даются совершенно противоположные оценки тому времени, которое они провели за колючей проволокой. Очевидно, в этом повинны не только политические убеждения, пропаганда и государственная принадлежность (житель ФРГ, житель ГДР). Многое зависело от самого обитателя лагерного барака: его физической выносливости, жизненной энергии, умения адаптироваться в непривычной обстановке и т. д. Не последнюю роль играло и то, кто возглавлял лагерь или внутрилагерное подразделение — офицеры НКВД по своим профессиональным и нравственным качествам были люди разные. Однако существовал фактор общего порядка, надолго определявший судьбу военнопленного в Советском Союзе и, как следствие, его отношение к этому государству. Дело в том, что одни немецкие солдаты никогда не соприкасались с лагерями специального назначения, другие — провели в них лучшие годы своей жизни. Вопреки международному праву с мая 1943 года стала проводиться дифференциация пленных по принципу их потенциальной опасности для советского режима. Наряду с теми, кто подозревался в совершении военных преступлений, в лагеря Воркуты и Инты в тот период попало только за принадлежность к войскам СС около 3000 человек¹³⁵. Позднее, по приказу НКВД № 0016 от 11 января 1945 года были созданы так называемые режимные лагеря. Их обживали опять же военнослужащие СС, СД, сотрудники гестапо и полиции, а также лица, склонные к побегу. В обычных лагерях в несколько лучшем положении по сравнению со всеми остальными находились антифашисты. Они получали и повышенные нормы питания, и более сносное жилье, и более легкую работу.

Из материалов Нюрнбергского процесса известно, что нацисты привлекали советских военнопленных к транспортировке снарядов, расчистке минных полей, заставляли работать полуголодных людей на вредном производстве и т. п. Однако подобная практика, правда, в меньших масштабах имела место и в СССР. В ноте, врученной послу Ф. Т. Гусеву представителем министерства иностранных дел Великобритании 1 августа 1945 года, описаны мытарства подданного этой державы, имевшего несчастье оказаться вместе с плен-

ными немцами. Очень возмутил англичан тот факт, что некто Колин Хейлс был привлечен к разминированию 22-километрового минного поля. О том, что подобная практика вообще несовместима с Женевской конвенцией о военнопленных, Лондон почему-то умалчал¹³⁶.

Серьезные нарушения были допущены СССР в организации учета умерших и их погребении. В Женевской конвенции «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» говорится о необходимости уважительно относиться к могилам скончавшихся солдат неприятеля. Однако о каких могилах может идти речь, если в августе 1941 года, к примеру, трупы пленных направлялись не на кладбище, а в Харьковский крематорий¹³⁷, а трупы нескольких сотен немцев, погибших в лагерях Ленинградской области, были переданы для медицинских экспериментов в клиники города на Неве¹³⁸. Наконец, такие печальные факты. В 1950 году было зарегистрировано 337253 индивидуальных захоронения пленных солдат и офицеров самой различной национальности — немцев, венгров, румын, итальянцев. Погребены они были на 2088 кладбищах Советского Союза¹³⁹. А уже на 1 января 1953 года осталось всего 300 кладбищ, остальные сровняли с землей¹⁴⁰. Сегодня мы имеем еще более удручающую картину. Между тем наведение порядка на погостах, где покоится прах усопших, розыск затерянных могил — это не только требование норм международного права, но и веление нашего времени. Времени, на знамени которого сама история начертала слова: справедливость, милосердие, гуманизм, память.

1

ТЕЛЕГРАММА

Из Москвы

27 июня 1941 года

**ЖЕНЕВА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА
г. М. Губеру**

Советское Правительство готово принять предложение Международного Комитета Красного Креста относительно представления сведений о военнопленных, если такие же сведения будут представляться воюющими с советским государством странами

Народный комиссар иностранных дел Молотов
АВП РФ, ф. 054, оп. 22, п. 530, д. 73, л. 36. Копия.

2

**ПОЛОЖЕНИЕ О ВОЕННОПЛЕННЫХ
(УТВЕРЖДЕНО ПОСТАНОВЛЕНИЕМ
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР
№ 1798-800 с от 1 июля 1941 года)**

І. ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

1. Военнопленными признаются:

а) лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с СССР, захваченные при военных действиях, а также граждане этих государств, интернированные на территории СССР;

б) лица, входящие в состав вооруженных отрядов, не принадлежащие к вооруженным силам противника, если они открыто носят оружие;

в) гражданские лица, сопровождающие с соответствующего разрешения армию и флот неприятеля, как-то: корреспонденты, поставщики и другие лица, захваченные при военных действиях.

2. Воспрещается:

а) оскорблять военнопленных и жестоко обращаться с ними;

б) применять к военнопленным меры принуждения и угрозы с целью получения от них сведений о положении их страны в военном и иных отношениях;

в) отбирать находящееся у военнопленных обмундирование, белье, обувь и другие предметы личного обихода, а также личные документы и другие знаки отличия.

Ценные вещи и деньги могут быть изъяты у военнопленных на хранение под официальные квитанции уполномоченных на то лиц.

3. Инструкции и правила, издаваемые НКВД СССР в развитие настоящего положения, вывешиваются в местах, где они могут быть прочитаны всеми военнопленными. Эти инструкции и правила, а также приказы и распоряжения, относящиеся к военнопленным, объявляются им на русском и на знакомых им языках.

II. ЭВАКУАЦИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ

4. Военнопленные после взятия их в плен должны быть немедленно направлены в лагеря для военнопленных.

5. При взятии в плен производится по поручению командования части или соединения регистрация военнопленных.

При регистрации каждый военнопленный обязан назвать свою действительную фамилию, имя и отчество, возраст, место происхождения и метрикулярный номер.

Данные сведения передаются одновременно с военнопленными в пунктах их дальнейшего следования.

6. Раненые или больные военнопленные, нуждающиеся в медицинской помощи или госпитализации, должны быть немедленно направлены командованием части в ближайший госпиталь. Военнопленные после выздоровления передаются администрации госпиталя в лагерь для военнопленных.

7. Содержание военнопленных (питание, санитарное, медицинское и другое обслуживание) производится:

а) до момента поступления военнопленных в приемные пункты лагерей для военнопленных — распоряжением командования армии;

б) в дальнейшем — распоряжением органов НКВД СССР.

III. УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИХ ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

3. Приемные пункты лагерей для военнопленных разворачиваются в армейском тылу по указанию командования армии, а лагеря организуются вне зоны военных действий распоряжением НКВД СССР по согласованию с наркомом обороны.

9. Военнопленные обеспечиваются жилыми помещениями, бельем, одеждой, обувью, продовольствием и другими предметами первой необходимости, а также денежным довольствием по нормам, установленным Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных.

Список предметов и продуктов снабжения военнопленных с указанием норм и выдачи их вывешиваются на видном месте в бараках, госпиталях и других помещениях, где размещены военнопленные. Получение военнопленными продовольственной и иной помощи со стороны не должно вызывать уменьшение видов довольствия, получаемого ими за счет государства.

10. Военнопленные офицеры и другие приравненные к ним лица размещаются отдельно от других военнопленных и обеспечиваются жилыми помещениями, одеждой, бельем, обувью, продовольственными и другими предметами первой необходимости, а также денежным довольствием по установленным нормам.

11. Военнопленным разрешается носить их форменную одежду и знаки различия и отличия. Ношение и хранение военнопленными оружия воспрещается.

12. Военнопленные в медико-санитарном отношении обслуживаются на одинаковых условиях с военнослужащими Красной Армии. Для медико-санитарного обслуживания военнопленных помимо штатного состава лагерей возможно привлечение лиц медицинского состава неприятельской армии из числа военнопленных.

13. Военнопленным предоставляется право:

а) при первой возможности сообщить на родину о своем нахождении в плену;

б) приобретать за свой счет продукты, одежду, белье, обувь и другие предметы личного обихода и первой необходимости;

в) беспоплотно, безлицензионно получать с родины и из нейтральных стран посылки с продовольствием и продуктами, одеждой и прочими предметами первой необходимости;

г) получать с родины и из нейтральных стран денежные переводы.

14. Для поддержания внутреннего порядка и связи с военнопленными администрация назначает из состава военнопленных уполномоченных или старших комманд, групп, барачников и т. п. (в зависимости от условий размещения военнопленных), через которых военнопленные и сносятся с администрацией лагеря по всем вопросам.

15. Почтовая корреспонденция (закрытые и открытые письма, денежные переводы и письма с объявленной ценностью), отправляемая и получаемая военнопленными, пересылается бесплатно в порядке, определенном Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных.

16. Деньги в иностранной валюте, присылаемые военнопленным, обмениваются на советскую валюту по существующему курсу.

Военнопленным разрешается иметь на руках деньги в пределах норм, устанавливаемых Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных. Излишки денег сверх норм сдаются администрацией

лагерей в государственные трудовые сберегательные кассы. Выдача денег сверх установленных норм производится разрешением администрации лагерей.

17. Военнопленные могут составлять завещание. Порядок удостоверения факта смерти военнопленных и места погребения их должны быть надлежащим образом оформлены.

18. Деньги и документы умерших военнопленных для направления наследникам передаются Центральному справочному бюро при Исполкоме Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.

Продовольственные посылки, прибывшие на имя умерших военнопленных, передаются через уполномоченных или старших для распределения между военнопленными.

19. Военнопленные обязаны подчиняться администрации и выполнять как все правила, указанные в настоящем Положении, так и правила внутреннего распорядка, издаваемые Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных.

IV. ТРУДОВОЕ УСТРОЙСТВО ВОЕННОПЛЕННЫХ

20. Военнопленные рядового и унтер-офицерского состава могут привлекаться к работе как в лагере, так и вне лагеря в промышленности и сельском хозяйстве Союза ССР на основании особых правил, разрабатываемых Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных. Офицеры и приравненные к ним военнопленные могут привлекаться к работам лишь с их согласия.

21. На военнопленных, привлекаемых к работе, распространяется постановление об охране труда и рабочем времени, применяющиеся в данной местности к гражданам Союза ССР, работающим в той же отрасли труда.

22. Военнопленные, привлекаемые к работе в различных отраслях народного хозяйства, получают зарплату в размере, установленном Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных.

Из заработной платы военнопленных производится удержание на возмещение расходов по содержанию (оплата жилой площади, коммунальных услуг, питание, если организовано общее котловое довольствие).

23. Обеспечение военнопленных жилой площадью и коммунальными услугами производится за счет предприятий и организаций, в которых военнопленные заняты на работе.

24. Военные с момента поступления их на работу снимаются со всех видов довольствия, получаемого ими за счет государства.

25. Использование труда военнопленных воспрещается:

а) на работе в районах боевых действий;

б) для обслуживания личных нужд администрации, учреждений, а также для обслуживания личных нужд других военнопленных (денщиество).

V. УГОЛОВНАЯ И ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ

26. Дела о преступлениях, совершаемых военнопленными, рассматриваются Военными трибуналами по Законам Союза ССР и Союзных Республик.

Неисполнение военнопленным приказа лица, которым он подчинен, сопротивление этим лицам или оскорбление их действием при исполнении ими служебных обязанностей приравнивается к соответствующему воинскому преступлению.

27. За поступки, не влекущие за собой уголовной ответственности в судебном порядке, военнопленные подвергаются дисциплинарным взысканиям. Виды этих взысканий определяются правилами, издаваемыми Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных применительно к Дисциплинарному уставу Красной Армии.

28. Военнопленные, находящиеся под следствием или приговоренные судом к какой-либо мере наказания, а также подвергнутые дисциплинарному взысканию, не могут дополнительно подвергаться за те же проступки каким-либо ограничениям сверх тех, которые связаны с их состоянием под следствием или судом, а также с отбывтием наложенных на них дисциплинарных взысканий по приговору суда.

29. О каждом вынесении обвинительного приговора надлежащий суд сообщает Исполкому Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца не позднее 20 дней со дня вынесения приговора.

Приговор, осуждающий военнопленного к высшей мере наказания, немедленно по его вынесении сообщается Исполкому Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и может быть приведен в исполнение не ранее указанного сообщения.

VI. ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СПРАВОК И ПОМОЩИ ВОЕННОПЛЕННЫМ

30. Обмен списками военнопленных и сношение по делам военнопленных с иностранными и международными краснокрестными организациями или справочными бюро осуществляется Исполнительным Комитетом Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.

Для этой цели при Исполкоме Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца учреждается Центральное бюро о военнопленных, действующее на основе особого положения, утверждаемого указанным Комитетом по соглашению с Народным комиссариатом иностранных дел.

31. Представители иностранных и международных краснокрестных организаций допускаются на территорию Союза ССР для оказания помощи военнопленным с особого разрешения Народного комиссариата иностранных дел.

ВММ МО, ф. 1, оп. 35484, д. 142, лл. 111–115.

**ВСЕ ПЕРЕДОВОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
КЛЕЙМИТ ПОЗОРом ФАШИСТСКИХ БАНДИТОВ,
БОМБАРДИРУЮЩИХ СОВЕТСКИЕ ГОСПИТАЛИ
И САНИТАРНЫЕ ПОЕЗДА!**

**ПРОТЕСТ СОЮЗА ОБЩЕСТВ КРАСНОГО КРЕСТА
И КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА СССР**

Союзом Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР отправлена в Женеву Международному Комитету Красного Креста следующая телеграмма:

«Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР заявляет решительный протест против неоднократных бомбардировок санитарных формирований и учреждений вторгшимися на территорию СССР немецкими войсками. С 22 по 28 июня немецкие бомбардировщики атаковали и разрушили госпитали в городах Гродно, Лиде, Минске, Смоленске. Они подвергли также бомбардировке с воздуха санитарный поезд в гор. Львове и целый ряд полевых санитарных учреждений, несмотря на ясное обозначение и видимость отличительных знаков, установленных Женевской конвенцией для этих учреждений. При бомбардировке пострадали медицинский персонал, раненые и больные, находившиеся на излечении в госпиталях».

Озверевшие фашистские варвары подвергают бомбардировке с самолетов не только города с мирным советским населением, но и санитарные учреждения и формирования, пользующиеся, как известно всему миру, покровительством Международной Женевской конвенции Красного Креста от 1929 года.

За период военных действий фашистские бомбардировщики атаковали и разрушили военные госпитали в Гродно, Лиде, Минске, Смоленске, несмотря на ясное обозначение и видимость отличительных знаков, установленных Женевской конвенцией для учреждений санитарной службы. Они бомбардировали военно-санитарный поезд в Львове и целый ряд полевых санитарных учреждений. При бомбардировке пострадали медицинский персонал, раненые и больные, находившиеся на излечении в госпиталях, в том числе раненые немецкие военнопленные.

Фашисты добились полного уничтожения госпиталей. Бомбардировка госпиталей проводилась с жестоким упорством несколько раз подряд. Так, например, на гродненский госпиталь 22 июня были последовательно сброшены 4 авиабомбы крупного калибра. Обвалившимся потолком засыпаны раненые и хирурги, производившие срочные операции. На смоленский госпиталь 28 июня фашистские летчики, кроме фугасных авиабомб, сбросили большое количество зажигательных бомб.

28 июня во Львове при бомбардировке военно-санитарного поезда, прибывшего для погрузки и эвакуации раненых, сброшенным потоком бомб вместе с поездом разбита и санитарная машина. Много раненых было убито и многие получили повторные ранения. Неоднократно вражеские самолеты и артиллерия били по полевым санитарным учреждениям, дивизионным пунктам медицинской помощи и полевым подвижным госпиталям.

Исполком Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР 6 июля 1941 года через Международный Комитет Красного Креста в Женеве заявил телеграфно протест против варварской бомбардировки санитарных учреждений, совершаемой фашистскими летчиками.

Пусть знает весь мир, в том числе и обманутые Гитлером немецкие солдаты, что фашистские стервятники попирают, как и все свои договоры и обязательства, и Женевскую конвенцию 1929 года об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Пусть знают все немецкие солдаты, что вместе с ранеными бойцами Красной Армии фашистские летчики расстреляли в госпиталях и раненых немецких военнопленных, находившихся на излечении в госпиталях СССР.

Печат. по: Санитарная оборона, 1941, № 7, с. 10.

4

В НАРКОМИНДЕЛЕ

ОТКЛОНЕНИЕ СОВЕТСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ХОДАТАЙСТВА ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, СООБЩЕННОГО БОЛГАРСКИМ ПОСЛАННИКОМ Г-НОМ СТАМЕНОВЫМ, О ПРИМЕНЕНИИ РЕЖИМА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ГААГСКОЙ КОНВЕНЦИЕЙ 18 ОКТЯБРЯ 1907 г., К ЯКОБЫ ГОСПИТАЛЬНЫМ ГЕРМАНСКИМ СУДАМ В БАЛТИЙСКОМ МОРЕ И СЕВЕРНОМ ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ

Нотами от 11 и 12 июля с. г. Болгарский Посланник в Москве г. Стаменов по поручению германского правительства довел до сведения Правительства СССР, что германское правительство, ссылаясь на Гаагскую Конвенцию от 18 октября 1907 г., намерено использовать в Балтийском море и в Северном Ледовитом океане в качестве военных госпитальных судов несколько больших германских пароходов.

В ответ на это заявление Народный Комиссар Иностранных Дел т. Молотов В. М. 13 июля с. г. сообщил г. Стаменову, что после установления фактов систематического военного нарушения германским правительством международных договоров и соглашений, Советское Правительство не может верить тому, что германское правительство будет действительно соблюдать правила Гаагской Конвенции 1907 г. Советское Правительство уже заявляло протест

против имевших место, вопреки элементарным принципам международного права, обстрелов со стороны германской армии советских госпиталей. Ввиду этого Советское Правительство имеет все основания подозревать, что германское правительство постановления Гаагской Конвенции соблюдать не будет, и что госпитальные суда будут им использованы в военных целях. Ввиду изложенного, Советское Правительство не может согласиться на применение в отношении этих судов режима, предусмотренного Гаагской Конвенцией от 18 октября 1907 года.

Печат. по: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Док. и мат. Т. 1. М. 1944. С. 133.

5

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

В ответ на меморандум Шведской Миссии в Москве от 14 июля с. г., в котором Шведское Правительство просит сообщить, признает ли Советский Союз обязательной для себя в нынешней войне с Германией Гаагскую Конвенцию от 18 января 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны, Народный Комиссариат Иностранных дел имеет честь сообщить следующее:

Советское Правительство признает для себя обязательной Гаагскую конвенцию от 18 января 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны. Однако, Советское Правительство считает необходимым подчеркнуть, что в войне с напавшей на СССР фашистской Германией Советский Союз имеет дело с таким врагом, который систематически грубо нарушает все международные договоры и конвенции. Это обстоятельство ставит Советское Правительство перед необходимостью соблюдать указанную выше Гаагскую Конвенцию в отношении фашистской Германии лишь постольку, поскольку эта конвенция будет соблюдаться самой Германией.

Примечание. Считать правильным вместо «18 января 1907 года» — «18 октября 1907 года».

Москва, 17 июля 1941 г.

АВП РФ, ф. 140, оп. 25, п. 33, д. 1, л. 2. Копия.

6

Министерство Иностранных Дел
Турецкой Республики.

№ 12059 -32

Перевод с французского

Телеграммой от 23 июня 1941 г. Международный Комитет Красного Креста сообщил в Министерство Иностранных Дел, что он обеспечивает с момента военных действий, согласно Женевской Конвенции от 27 июля

1929 г. относительно обращения с военнопленными, деятельность Центрального Агентства по розыску военнопленных с целью передачи воюющим государствам сведений, касающихся раненых, военнопленных и гражданских интернированных лиц.

В связи с новым расширением конфликта Международный Комитет Красного Креста запросил согласие Турецкого Правительства принять на его территории Делегацию Комитета, который в контакте с властями и Красным Полумесяцем создает в Турции Бюро для централизации получения списков и официальных сведений, исходящих от заинтересованных воюющих стран, правительства которых уведомили Комитет об их согласии по этому вопросу.

Правительство Республики в свою очередь, соглашаясь в принципе на это предложение, приняло Господина доктора Марселя Жюно в качестве делегата Комитета Красного Креста.

Доводя о выше-изложенном до сведения Посольства СССР, Министерство Иностранных Дел имеет честь ему представить Гос. доктора Жюно, делегата Красного Креста, который возьмет на себя задачу создания в Турции Бюро для получения списков и сведений и в качестве уполномоченного Красного Креста будет прибегать к услугам Посольства для выполнения своей миссии.

Посольство СССР.

Анкара, 23 июля 1941 г.

Перевод верен: подпись.

АВП РФ, ф. 132, оп. 26, п. 87, д. 31, л. 7. Подлинник.

7

23 июля 1941 года.

СЕКРЕТНО

Экз. № 1

№ 390/ССША

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СОЮЗА ССР — тов. ЛОЗОВСКОМУ С. А.

Уманского посетил генеральный секретарь «Комитета помощи военнопленным при американском союзе христианской молодежи» Трэм Стронг (брат Анны Луизы Стронг) и известный американский публицист — Дейвис.

Этот Комитет организован в Женеве в 1939 году и представляет собой массовую мелкобуржуазную культурническую организацию, в которой представлены разные направления, включая и фракцию наших друзей.

Комитет не является религиозной организацией.

Комитет занимается не материальной, а только «культурно-моральной» помощью военнопленным, снабжая их литературой, музыкальными инструментами и т. д.

Стронг и Дейвис внесли предложение начать работу комитета среди немецких пленных в СССР, что даст возможность настоять перед немцами на его допуск к этой работе среди наших военнопленных в Германии.

Комитет готов согласовать с нами списки людей, которые будут работать среди наших военнопленных. По сообщению тов. Уманского в антифашистских настроениях комитета сомневаться не приходится.

Уманский поставил вопрос перед руководителями Комитета о расширении его деятельности, т. е. включить в работу комитета посылку продовольственных посылок из США в Германию для наших военнопленных.

Позже Стронг в официальном письме сообщил Уманскому, что комитет заручился принципиальным согласием Берлина на включение наших военнопленных в сферу деятельности комитета в Германии, при условии допуска комитета для такой же работы среди германских пленных в СССР.

Стронг также сообщил, что комитет может взять на себя, в сотрудничестве с Красным Крестом, организацию продовольственных посылок нашим военнопленным в Германии. Уманский считает возможным принять предложение комитета, как с точки зрения возможности материальной помощи нашим военнопленным в Германии, так и как канал для связи с ними через людей, которые охотно окажут нам в этой области немалую практическую услугу.

Комитет просит дать въездную визу в СССР профессору Дейвису для переговоров с Советским Правительством.

Отдел США и руководители нашего Красного Креста считают, что предложение Комитета заслуживает внимания и полагают бы возможным выдать профессору Дейвису визу на въезд в СССР для переговоров с Советским Правительством.

Профессор Дейвис был в СССР 14 раз.

Заведующий отделом США — (Г. Зарубин)

АВП РФ, ф. 054, оп. 20, п. 519, д. 92, лл. 18–19. Подлинник.

8

24 июля 1941 г.

Утверждено
Зам. Председателя
Исполкома СОКК и КП
Диваков

ПОЛОЖЕНИЕ О ЦЕНТРАЛЬНОМ СПРАВОЧНОМ БЮРО ПО ДЕЛАМ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПРИ ИСПОЛКОМЕ СОЮЗА ОБЩЕСТВ КРАСНОГО КРЕСТА И КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА СССР

І. ЗАДАЧИ ЦСБ

1. Собирает справочные сведения о военнопленных и осуществляет выдачу справок о военнопленных как Красной Армии, так и неприятельских армий.

Примечание: справки о военнопленных неприятельских армий даются ЦСБ только через Международный Комитет Красного Креста.

2. Помимо выдачи справок:

- а) получает и направляет письма и посылки в адрес военнопленных;
- б) собирает, хранит и пересылает по принадлежности ценности, документы, фотокарточки, письма и проч., которые могут остаться после военнопленных, освобожденных из плена, умерших, а также обнаруженные на убитых.

3. ЦСБ, выполняя задачу концентрации всех сведений о военнопленных, получает таковые, с одной стороны, от Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных, с другой — через Международный Комитет Красного Креста и организаций Красного Креста нейтральных стран — о военнопленных Красной Армии.

4. Почтовые отправления и получения ЦСБ освобождаются от оплаты весовыми и почтовыми сборами.

II. СТРУКТУРА ЦСБ

1. Формируется на правах Управления при Исполкоме СОКК и КП и содержится по смете последнего.

2. Имеет в составе:

- а) отдел о военнопленных Красной Армии и Флота;
- б) отдел о военнопленных неприятельской армии;
- в) отдел пересылки и хранения материальных ценностей, документов, писем и посылок;
- г) секретариат.

3. Отделы работают по инструкциям, утверждаемым Президиумом Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.

4. ЦСБ имеет угловой штамп и круглую печать с изображением креста и полумесяца и букв СССР, а по окружности — ЦСБ при Исполкоме СОКК и КП.

Согласовано с НКВД 11 июля 1941 г.

и Управлением НКВД СССР

по делам военнопленных и интернированных

21 июля 1941 г.

Начальник иностранного отдела
Исполкома СОКК и КП
подпись (Большакова)

ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 4е, д. 14, лл. 113—115. Подлинник.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА ШВЕДСКОЙ МИССИИ

Ссылаясь на памятную записку Народного Комиссариата по Иностранным делам от 17-го июля с. г. относительно того, что Советское Правительство

признает для себя обязательной Гагскую Конвенцию от 18-го октября 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны, Шведская Миссия имеет честь по поручению своего Правительства довести следующее к сведению Народного Комиссариата по Иностранным Дела́м.

Шведское Правительство исходит с точки зрения, что желание Правительства Союза ССР есть, что со стороны Швеции меры были приняты для защиты Советских интересов в Германии также по отношению к находящимся в Германии советским военнопленным. Шведское Правительство для этой цели организовало особенное отделение в Шведской Миссии в Берлине. Это отделение будет работать под руководством посланника Эйнар Экстранд, который уже прибыл в Берлин. Требуемый персонал будет предоставлен по надобности.

Шведское Правительство настоящим просит у Правительства Союза ССР благосклонно одобрить принятые меры и добавляет, что это было бы в большой степени в интересах советских военнопленных, если планируемая организация для надзора их обращения и т. д. через шведские органы, могла быть реализована незамедлительно.

Москва, 2-го августа 1941 года.

Печать.

АВП РФ, ф. 140, оп. 25, п. 33, д. 4, лл. 68—68 об. Подлинник.

10

№ 4

Копия

ЦИРКУЛЯРНАЯ НОТА НКИД

Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, свидетельствуя свое почтение Шведской Миссии, имеет честь сообщить, что в настоящей, навязанной Советскому Союзу, войне с Германией Правительство Союза ССР будет соблюдать общеизвестные международные договоры, касающиеся права войны, и, в частности:

1. Гагскую Конвенцию от 18 октября 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны.

2. Женевский Протокол от 17 июня 1925 года о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств.

3. Женевскую Конвенцию от 27 июля 1929 года об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях.

Советское Правительство считает, однако, необходимым заявить, что, ввиду систематического нарушения гитлеровской Германией международ-

ных договоров и конвенций, Советское Правительство будет соблюдать в отношении Германии указанные выше договоры и конвенции постольку, поскольку они будут соблюдаться самой Германией.

Москва, 8 августа 1941 года.

Верно: подпись

АВП РФ, ф. 140, оп. 25, п. 33, д. 1, л. 29. Копия.

11

**ИЗ ОТЧЕТА ЗАВЕДУЩЕГО ОТДЕЛОМ БАЛКАНСКИХ СТРАН
Н. В. НОВИКОВА О СВОЕЙ БЕСЕДЕ
С БОЛГАРСКИМ ПОСЛАННИКОМ В СССР ИВАНОМ СТАМЕНОВЫМ,
СОСТОЯВШЕЙСЯ 12 АВГУСТА 1941 ГОДА**

[...] Стаменов сказал, что Болгарская Миссия получила ноту НКВД по вопросу о применении СССР международных конвенций о правилах ведения войны. В этой ноте выражено принципиальное отношение НКВД также и к конвенции о военнопленных. Однако, помимо принципиального отношения НКВД, Миссию интересует конкретный вопрос, поставленный в болгарской ноте, а именно — о возможности представителю Миссии посещать лагеря для военнопленных.

Я ответил ему, что по этому вопросу я его проинформирую дополнительно [...]

АВП РФ, ф. 054, оп. 20, п. 519, д. 85, л. 11. Копия.

12

Всем членам и кандидатам ЦК ВКП(б).
Секретарям обкомов, крайкомов.
ЦК компартий союзных республик.
Председателям обл. крайисполкомов, СПК республик.
Всем секретарям райкомов, горкомов и председателям
райисполкомов и горисполкомов.

Без публикации

**ПРИКАЗ
СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ
КРАСНОЙ АРМИИ
№ 270**

16 августа 1941 года

Не только друзья признают, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части

Красной Армии, громадное их большинство, командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой — прямо героически. Даже те части нашей армии, которые случайно оторвались от армии и попали в окружение, сохраняют дух стойкости и мужества, не сдаются в плен, стараются нанести врагу побольше вреда и выходят из окружения. Известно, что отдельные части нашей армии, попав в окружение врага, используют все возможности для того, чтобы нанести врагу поражение и вырваться из окружения.

Зам. командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенант Болдин, находясь в районе 10-й армии около Белостока, окруженной немецко-фашистскими войсками, организовал из оставшихся в тылу противника частей Красной Армии отряды, которые в течение 45 дней дрались в тылу врага и пробивались к основным силам Западного фронта. Они уничтожили штабы двух немецких полков, 26 танков, 1049 легковых, транспортных и штабных машин, 147 мотоциклов, 5 батарей артиллерии, 4 миномета, 15 станковых пулеметов, 3 ручных пулемета, 1 самолет на аэродроме и склад авиабомб. Свыше тысячи немецких солдат и офицеров были убиты. 11 августа генерал-лейтенант Болдин ударил немцев с тыла, прорвал немецкий фронт и, соединившись с нашими войсками, вывел из окружения вооруженных 1654 красноармейца и командира, из них 103 раненых.

Комиссар 8 мех. корпуса бригадный комиссар Попель и командир 406 сп полковник Новиков с боем вывели из окружения вооруженных 1778 человек. В упорных боях с немцами группа Новикова — Пополя прошла 650 километров, нанося огромные потери тылам врага.

Командующий 3-й армией генерал-лейтенант Кузнецов и член военного совета армейский комиссар 2 ранга Бирюков с боями вывели из окружения 498 вооруженных красноармейцев и командиров частей 3-й армии и организовали выход из окружения 108 и 64-й стрелковых дивизий.

Все эти и другие многочисленные подобные факты свидетельствуют о стойкости наших бойцов, командиров и комиссаров.

Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам.

Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова из окружения вышел, пробившись из окружения части группы Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу.

Генерал-лейтенант Понеделин, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддавшись панике, трусил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги.

Командир стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов, оказавшись в окружении немецко-фашистских войск, вместо того, чтобы выполнить свой

долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выхода из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу. В результате этого части 13-го стрелкового корпуса были разбиты, а некоторые из них без серьезного сопротивления сдались в плен.

Следует отметить, что при всех указанных выше фактах сдачи в плен врагу члены военных советов армий, командиры, политработники, особосотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Понеделиным, Кирилловым и другим сдаться в плен врагу.

Эти позорные факты сдачи в плен нашему залятому врагу свидетельствуют о том, что в рядах Красной Армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою Советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы. Но эти трусливые элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава. Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при некоторых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя.

Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя! Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожать.

Можно ли считать командирами батальонов или полков таких командиров, которые прячутся в щели во время боя, не видят поля боя, не наблюдают хода боя на поле и все же воображают себя командирами полков и батальонов? Нет, нельзя! Это не командиры полков и батальонов, а самозванцы. Если дать волю таким самозванцам, они в короткий срок превратят нашу армию в сплошную канцелярию. Таких самозванцев нужно немедленно смещать с постов, снижать по должности, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из рядов младшего начсостава или из красноармейцев.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ:

Председатель

Государственного Комитета Обороны

Зам. Председателя

Государственного Комитета Обороны

Маршал Советского Союза

Маршал Советского Союза

Маршал Советского Союза

Маршал Советского Союза

Генерал армии

И. СТАЛИН

В. МОЛОТОВ

С. БУДЕННЫЙ

К. ВОРОШИЛОВ

С. ТИМОШЕНКО

Б. ШАПОШНИКОВ

Г. ЖУКОВ

Печат. по: Военно-исторический журнал, 1988, № 9, с. 26–28.

13

Получено почтой

22.VIII. 41 г.

Царско-Болгарская Миссия

№ 852-15

22-го августа 1941 года

Царско-Болгарская Дипломатическая Миссия в Москве свидетельствуя свое совершенное почтение, имеет честь довести до сведения Народного Комиссариата Иностранных Дел следующее:

Согласно сообщения Правительства Германии, по полученным ему сведениям от советских военнопленных в окрестностях Москвы находился лагерь германских военнопленных.

Припоминая, что в Германии была дана возможность членам Международного Красного Креста навещать лагеря советских военнопленных, Правительство Германии просит Болгарскую Миссию ходатайствовать чтобы Правительство Союза ССР разрешило подходящему лицу навестить этот лагерь германских военнопленных.

Ходатайствуя о получении этого разрешения, Миссия просит Международный Комитет Иностранных Дел не отказать в любезности сообщить ей решение Правительства Союза ССР по этому вопросу.

Миссия заранее выражает свою благодарность за любезное удовлетворение настоящей просьбы.

В НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

(Орфография и пунктуация
сохранены)

Москва

Верно: подпись.

АВП РФ, ф. 74, оп. 22, п. 12, д. 1, л. 80.

14

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ
МОСКВА

Шведская Миссия разрешает себе обратиться к всегда столь любезному посредству Народного Комиссариата Иностранных Дел по поводу получения справок относительно младшего лейтенанта германской армии по фамилии фон Брай-Штейнбург, Отто Франц, входящего в состав четвертой батареи 46-го моторизованного артиллерийского полка. Брай-Штейнбург пропал 7 июля 1941 года и предполагают вероятным, что он взят в плен Красной Армией, вместе с унтер-офицером Клар — в отношении которого справка тоже с благодарностью ожидается — в районе г. Купель, 50 км. к востоку от Тарнополя и 54 км. к юго-западу от Старокопстантинова в УССР.

Шведская Миссия заранее выражает Народному Комиссариату Иностранных Дел свою благодарность за сообщение об этих лицах, о судьбе которых весьма заинтересованы в Швеции — находятся-ли они в советском плену. — Москва, 22 августа 1941 года.

Печать шведской миссии.

АВП РФ, ф. 140, оп. 25, п. 33, д. 4, л. 107. Подлинник.

Посольство СССР в Турции
6 сентября 1941 г.
№ 680

**ЗАВ. СРЕДНЕ-ВОСТОЧНЫМ ОТДЕЛОМ НКВД
тов. КАВТАРАДЗЕ**

Препровождаю при этом два письма здешнего представителя Красного Креста доктора Жюно, адресованные им Зам. Председателя Общества Красного Креста и Красного Полумесяца тов. Морозову.

Прошу также выяснить в нашем Центральном Бюро военнопленных, чем объясняется тот факт, что оно до сих пор не дает никакого ответа на запросы Жюно относительно присылки списков, находящихся у нас германских военнопленных. Как Вам известно, немцы уже дали первый список наших красноармейцев, захваченных ими в плен. Дальнейшие списки будут даны лишь после того, как Красный Крест получит такие же данные от нас.

Приложение: упомянутое.

Посол СССР в Турции: —
/Виноградов/.

АВП РФ, ф. 132, оп. 26, п. 87, д. 31, л. 2. Копия.

Секретно

Приложение к журналу № 3058/41 от 8.IX — [19] 41 [г.]

**РАСПОРЯЖЕНИЯ
ОБ ОБРАЩЕНИИ С СОВЕТСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ
ВО ВСЕХ ЛАГЕРЯХ ВОЕННОПЛЕННЫХ**

**I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБРАЩЕНИЯ
С СОВЕТСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ**

Большевизм является смертельным врагом национал-социалистической Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом привита ему в кровь и плоть. Он ведет ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение, как с честным солдатом, в соответствии с Женевским соглашением.

Поэтому вполне соответствует точке зрения и достоинству германских вооруженных сил, чтобы каждый немецкий солдат проводил бы резкую грань между собою и советскими военнопленными. Обращение должно быть холодным, хотя и корректным. Самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия, а тем более поддержки. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для окарауливания советских военнопленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих.

Поэтому предлагается безоговорочное и энергичное вмешательство при малейших признаках неповиновения, а особенно в отношении большевистских подстрекателей. Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно и полностью устранены с помощью оружия (штык, приклад и огнестрельное оружие). Правила о применении вооруженными силами оружия применимы лишь с ограничениями, т[ак] к[ак] эти правила исходят из предпосылок общей мирной обстановки. В отношении советских военнопленных даже из дисциплинарных соображений следует весьма резко прибегать к оружию. Подлежит наказанию всякий, кто для понуждения к выполнению данного приказа не применяет или недостаточно энергично применяет оружие.

По совершающим побег военнопленным следует стрелять немедленно, без предупредительного оклика. Не следует производить предупредительных выстрелов. Существовавшие до сих пор правила, и в особенности Х/ДФ 38/11 стр. 13 и т. д., в связи с этим меняются. С другой стороны, запрещается всякий произвол. С военнопленным, желающим работать и проявляющим послушание, следует обращаться корректно. Вместе с тем никогда не следует упускать из виду необходимости осторожности и недоверия к военнопленному. Применение оружия по отношению к советским военнопленным, как правило, считается правомерным.

Следует воспрепятствовать всякому общению военнопленных с гражданским населением. Это относится в особенности к оккупированным областям. И в военных округах в империи следует самым строгим образом отделять от военнопленных командный состав (офицеров и сержантов), что уже проделано в действующей армии. Следует сделать невозможным всякое общение между командным и рядовым составом, даже при помощи знаков.

Командирам следует организовать из подходящих для этой цели советских военнопленных лагерную полицию как в лагерях военнопленных, так и в больших рабочих командах, с задачей поддержания порядка и дисциплины. Для успешного выполнения своих задач лагерная полиция внутри проволочной ограды должна быть вооружена палками, кнутами и т. п. Применять эти орудия избияния немецким солдатам безоговорочно запрещается. Следует создать в лагере исполнительный орган из самих военнопленных, члены которого снабжаются лучшим питанием, с которыми лучше обращаются и предоставляют лучшее размещение, чем будет значительно облегчена деятельность немецких караульных команд.

* Так в документе.

II. ОБРАЩЕНИЕ С ЛИЦАМИ ОТДЕЛЬНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

В соответствии с ранее изданными приказами в тылу (в генерал-губернаторстве и в 1-м военном округе) точно так же, как и в лагерях империи, уже произошло разделение военнопленных по признаку их национальной принадлежности. При этом имеется в виду следующие национальности: немцы (фольксдойче), украинцы, белорусы, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, румыны, финны, грузины.

В тех случаях, когда это разделение из особых соображений еще не было произведено, нужно его при первой возможности произвести. Это особенно относится к новым военнопленным, попадающим в военные округа.

Лица следующих национальностей должны быть отпущены на родину: немцы (фольксдойче), украинцы, белорусы, латыши, эстонцы, литовцы, румыны, финны.

О порядке отпуска этих военнопленных последуют особые приказы.

В тех случаях, когда есть основания предполагать, что отдельные лица этих национальностей в соответствии с их убеждениями могут оказаться опасными для Германии и национал-социализма, их следует исключить из ряда отпускаемых военнопленных и с ними следует поступить в соответствии с изложенным в разделе III.

III. ВЫДЕЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ И ПОЛИТИЧЕСКИ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ, ВЗЯТЫХ В ПЛЕН ВО ВРЕМЯ ПОХОДА НА ВОСТОК

1. Цель

Вооруженные силы должны при первой возможности освободиться от всех элементов среди военнопленных, в которых можно усматривать большевистские движущие силы. Особые условия похода на Восток требуют и особых мероприятий, которые должны быть проведены с готовностью принять на себя полную ответственность без бюрократических и административных влияний.

2. Пути к достижению цели

А. Помимо разделения в лагерях военнопленных по национальному признаку (см. раздел II) военнопленные (в том числе и националы), а также находящиеся в лагерях гражданские лица должны быть разделены следующим образом: а) политически нежелательные, б) политически безопасные, в) заслуживающие особого политического доверия (которых можно использовать для восстановления оккупированных областей).

Б. Разделение военнопленных по национальным признакам, отделение командного состава и т. д. производится силами лагерных органов. Для разделения военнопленных по их политическим убеждениям рейхсфюрер СС

* Лица немецкой национальности, проживавшие на территории СССР.

предоставляет оперативные команды полиции безопасности и СД. Они непосредственно подчинены начальнику полиции безопасности и СД, проходят специальную подготовку для выполнения своих особых задач и проводят свои мероприятия в рамках лагерного внутреннего распорядка в соответствии с инструкциями, получаемыми от начальника полиции безопасности и СД.

Коменданты лагерей и в особенности их офицеры контрразведки обязаны теснейшим образом сотрудничать с оперативными командами.

3. Дальнейшее обращение с разделенными в соответствии с п[унктом] 2 группами

А. Военнослужащие

О судьбе выделенных в качестве политически нежелательных элементов решение принимает оперативная группа полиции безопасности и СД. В тех случаях, когда отдельные лица, считавшиеся подозрительными, в дальнейшем окажутся неподозрительными, их следует возвращать в лагерь к остальным военнопленным. Следует удовлетворять просьбы оперативных команд о выдаче дальнейших (так в оригинале — К. И.) лиц. Офицеры будут подлежать многократному отбору в качестве политически нежелательных. К военнослужащим следует относить и тех солдат, которые были взяты в плен в гражданском платье.

Б. Гражданские лица

В тех случаях, когда они не являются подозрительными, следует стремиться к их скорейшему возвращению в оккупированные области. Срок для этого указывает соответствующий командующий войсками (или н[ачальник] тыла армии) по согласованию с соответствующим н[ачальни]ком полиции безопасности и СД. Решающей для их возвращения является гарантированная работа на родине или в специально создаваемых рабочих организациях. За охрану во время возвращения на родину несет ответственность командующий войсками (или начальник тыла армии). По возможности лагерь выделяет команды для сопровождения. С политически нежелательными гражданскими лицами следует поступать в соответствии с п[унктом] «А».

В. Заслуживающие политического доверия лица

[Такие] должны быть привлечены к работе по отбору политически нежелательных элементов и к прочим работам по управлению лагерями (особенно следует обращать внимание на немцев (фольксдойче), но при этом следует считаться с тем, что и среди этих имеются элементы, которые должны расцениваться как политически нежелательные).

Если заслуживающие доверия лица оказываются особенно подходящими для использования на работах по восстановлению оккупированных областей, то возражать против просьбы оперативной команды полиции безопасности и СД об их освобождении из лагеря допустимо только в тех случаях, когда в данном лице заинтересована контрразведка.

IV. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА РАБОТЕ

1. Общие вопросы

Советские военнопленные могут быть поставлены на работу только в составе закрытых колонн, строжайшим образом изолированно от гражданских лиц и от военнопленных других национальностей (использование колоннами). Речь может идти только о таких предприятиях, где военнопленные могли бы работать под постоянной охраной караульных команд. Изоляция от гражданских лиц и военнопленных других национальностей должна иметь место не только в общежитиях, но и на местах работы. Следует при этом считаться с тем, что присутствие третьих лиц не должно помешать караульным командам в немедленном применении оружия.

2. Особые правила для использования рабочей силы на территории империи

Наивысшим основным условием для использования советских военнопленных на территории империи является обязательная гарантия безопасности жизни и имущества немцев.

За порядок использования на работе советских военнопленных здесь несут ответственность исключительно военные учреждения, ведающие предоставлением рабочей силы.

Поэтому в первую очередь военнопленные должны быть использованы на работах, подведомственных вооруженным силам. Местные органы по использованию рабочей силы могут входить с предложениями об использовании военнопленных в гражданском секторе, но решение о порядке использования излишествующих военнопленных принимают военные органы. На тех гражданских предприятиях, где отсутствуют все необходимые предпосылки для обеспечения постоянной охраны и обязательной изоляции от гражданского населения, использование военнопленных разрешено быть не может. Если одна из предпосылок отпадает позднее, рабочая команда должна быть немедленно отозвана.

В остальном должна самым точным образом выполняться директива № 74 ОКВ (отдел военнопленных) за № 5015/41 от 2 августа 1941 г[ода]. Все нарушения этой директивы должны пресекаться.

3. Охрана

Для охраны советских военнопленных должны назначаться по возможности хорошо обученные энергичные и предусмотрительные караульные команды, обучение которых должно систематически проводиться через штаб основного лагеря «М».

На каждых 10 военнопленных должен назначаться по меньшей мере один караульный. Никогда не следует посылать одного караульного: если в рабочей команде состоит менее 10 человек, то для ее охраны должны назначаться двое караульных. Желательно, чтобы караульные команды были вооружены руч-

ными гранатами. Охрана более значительных колонн должна быть вооружена пулеметами и автоматами.

Рабочие места должны часто проверяться соответствующими офицерами или опытными унтер-офицерами. Они должны следить за тем, чтобы точно соблюдались изданные приказы.

Прилагаемая памятка должна стать предметом частого и систематического обучения.

Общезнания советских военнопленных, состоящих в рабочих командах, должны постоянно охраняться и ночью и время от времени проверяться надзирающими органами.

V. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Начальники по делам военнопленных лично ответственны за то, чтобы подчиненные им подразделения в точности соблюдали вышеизложенные «распоряжения». Выполнение этой задачи ни в коем случае не может прерываться или ослабляться под предлогом смены учреждений. Поэтому все ново-прибывшие учреждения и подразделения должны быть на ходу обучены содержанию настоящих «распоряжений».

Перевел полковник Розенблит

Печат. по: Военно-исторический журнал, 1991, № 11, с. 38–41.

17

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА НАЧАЛЬНИКА АБВЕРА АДМИРАЛА ВИЛЬГЕЛЬМА КАНАРИСА ОТ 15 СЕНТЯБРЯ 1941 ГОДА, АДРЕСОВАННАЯ НАЧАЛЬНИКУ ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ ВЕРМАХТА ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛУ ВИЛЬГЕЛЬМУ КЕЙТЕЛЮ*

Иностранный отдел/Абв. - № 9731/41 Секр. Начальнику верховного командования вермахта. Докладная записка** о предписаниях по обращению с советскими военнопленными. Отн.: 2 ф 24.11 АВА/Военноп. (1) № 3058/41 Секр. от 8.9.1941 г.

1.1. Правовое положение следующее:

Женевское соглашение о военнопленных не действует между Германией и СССР, но действуют основные положения международного права об обра-

* Докладная записка подготовлена сотрудниками VI группы (военного права) управления разведки и контрразведки графом Гельмутом Джеймсом фон Мольтке и профессором Гюнтером Йенике.

** Пометка от руки генерал-фельдмаршала Кейтеля: «Размышления соответствуют солдатским понятиям о рыцарской войне! Здесь речь идет об уничтожении мировоззрения. Поэтому я одобряю эти меры и защищаю их. К 23.9.»

щении с военнопленными. Последние с 18-го века утвердились в том, что военный плен не является ни мстью, ни наказанием, а лишь заключением в целях безопасности, единственно для предотвращения дальнейшего участия военнопленных в боях. Это основное направление получило развитие в связи с точкой зрения, распространенной во всех армиях, что убийство или ранение безоружных противоречит военной концепции; одновременно в интересах любого государства, ведущего войну, знать, что его собственные солдаты в случае взятия в плен будут защищены от жестокого обращения.

2. Постановление в виде приложения к обращению с советскими военнопленными* исходит, как ясно из дополнительных положений, из совершенно другой концепции. Согласно ей — военная служба в Советах рассматривается не как выполнение солдатского долга, а — вследствие совершенных советскими русскими убийств — характеризуется в целом как преступление. Тем самым отрицается действие норм военного права в борьбе против большевизма, и, кроме этого, отвергается многое из того, что считалось, исходя из прежнего опыта, не только целесообразным для военного времени, но и непременным условием для поддержания дисциплины и боевого духа в собственных войсках.

3. Постановление составлено в самых общих чертах. Но если иметь в виду господствующие принципы, то эти так рьяно одобряемые меры неминуемо приведут к произволу, истязаниям и убийствам, даже в случае формального запрета такого произвола.

а) Это вытекает уже из предписания о применении оружия в случаях неповиновения. Охране и ее начальникам, как правило, не знающим языка военнопленных, часто невозможно определить, является ли невыполнение приказа следствием недоразумения или протеста. Положение: «Применение оружия против советских военнопленных, как правило, является законным», — освобождает охрану от любого раздумья.

б) Обращение с военнопленными остается далеко за пределами контроля со стороны вермахта. Но внешне ответственность сохраняется.

аа) Отделение гражданских лиц и политически нежелательных военнопленных и определение их судьбы будут осуществлять оперативные отряды полиции безопасности** и СД, руководствуясь основными направлениями, которые вермахту неизвестны и выполнение*** которых невозможно проверить.

бб) Вооружение такого рода лагерной полиции дубинками, плетью и другими инструментами противоречит военной концепции даже в том случае, если оно выполняется заключенными лагеря; вермахт дает тем средства наказания в чужие руки, не имея возможности действительно проверить их применение.

* См. документ № 16 настоящей монографии.

** Пометка на полях генерал-фельдмаршала Кейтеля: «Очень целесообразно!»

*** Пометка на полях генерал-фельдмаршала Кейтеля: «Ни в коем случае!»

с) В заключительном замечании постановления комендантам лагеря для военнопленных рекомендуется действовать более жестко, чем предусмотрено, чтобы они были уверены в том, что им самим не придется нести ответственность.

4. Общеизвестно, что несправедливое обращение вызывает дух сопротивления, таким образом, охрана всегда будет очень трудным делом.

Уже в постановлении предусмотрен 1 охранник на 10 пленных, так что для нынешнего числа около 1,5 млн. работоспособных военнопленных потребуется 150000 человек охраны.

5. В приложении 2 дается перевод русского указа о военнопленных*, который соответствует основным положениям общего международного права и Женевскому соглашению о военнопленных. Без сомнения, этот указ на фронте остается без внимания, но все же оба — русский указ и немецкое постановление — прежде всего предназначены для отечественных областей.

Если и трудно предположить, что русский указ будет соблюдаться в русской части Советского Союза, то нельзя отрицать опасности того, что немецкое постановление будет подхвачено вражеской пропагандой и будет противопоставлено этому советскому указу.

6. Восстановление оккупированных областей, жизненно важное для немецкой военной экономики, будет затруднено. Для военнопленных, которых можно использовать для управления этими областями в силу их антибольшевистских взглядов, специального образования или в силу каких-либо других причин, будет по политическим мотивам невозможно после освобождения работать на нас. Даже если они захотят это сделать после всего пережитого в лагерях. Вместо того, чтобы использовать разногласия внутри населения оккупированных областей для облегчения немецкого управления, делается все для мобилизации всех внутренних сил России в единой враждебности.

7. С учетом особенностей русского театра военных действий, воля враждебных групп к сопротивлению может укрепляться под воздействием средств массовой информации противника и быстро распространяющихся слухов.

8. Возможные источники информации будут закрыты. Военнопленные, которые могли бы использоваться как внутриполитические противники большевистского режима для разведывательных целей, в особенности, представители национальных меньшинств, готовые к вербовке, от этой готовности откажутся. Это особенно относится к народам Кавказа, такого важного в военно-экономическом отношении региона.

9. Отпадает возможность протестовать против плохого обращения с солдатами вермахта в советском плену**.

11. Иностранный отдел разведки не принимал участия в разработке этого постановления. По мнению иностранного отдела разведки, против него имеются серьезные возражения, касающиеся как основных положений, так и,

* Имеется в виду «Положение о военнопленных от 1.07.41 г. (см. док. № 2).

** Пометка на полях генерал-фельдмаршала Кейтеля: «Тоже бесполезно».

несомненно, вытекающих из него орицательных последствий политического и военного характера.

Печат. по: Война Германии против Советского Союза. (1941–1945). Каталог выставки под ред. Р. Рюрупа. — Берлин: Аргон, 1992, с. 111–114.

18

Посольство СССР в Турции
28 сентября 1941 г.

№ 610

ЗАВ. СРЕДНЕ-ВОСТОЧНЫМ ОТДЕЛОМ тов. КАВТАРАДЗЕ

Направляю Вам полученный мною от члена Международного Комитета Красного Креста де Аллер Краткий доклад о его посещении лагеря наших военнопленных в Германии и фото-снимки этого лагеря.

Считаю необходимым напомнить еще раз в этой связи, что наше Бюро по делам военнопленных до сих пор не присылает ни списков немецких и других военнопленных, ни ответов на остальные запросы здешнего представителя Красного Креста д-ра Жюно.

Полагаю, что нам следовало бы направить Международному Комитету первые списки военнопленных хотя бы на несколько сот человек и вообще включиться в практическую работу Красного Креста, так как иначе у работников Международного Красного Креста создается впечатление, что мы не желаем работать в этой области.

- Приложение: 1. Доклад де Аллер о посещении лагеря русских военнопленных.
2. Фото-снимки лагеря.

Посол СССР в Турции (Виноградов)

Копия верна: подпись.

АВП РФ, ф. 132, оп. 26, п. 87, д. 31, л. 3. Копия.

СССР – НКВД
ПРАВОВОЙ ОТДЕЛ

4 ноября 1941 года

Секретно
№ 817 ПО

ПОСОЛЬСТВО СССР В ТУРЦИИ
ТОВ. ВИНОГРАДОВУ С. А.
АНКАРА

Член Международного Комитета Красного Креста де Аллер в беседе с Вами 24.IX-41 г. заявил, что «в соответствии с существующими международными правилами, гражданские лица, застигнутые с оружием в руках, вообще не имеют права пользоваться режимом военнопленных, а подлежат расстрелу на месте».

Вам следует категорически возражать против такого рода совершенно неправильных утверждений.

В действительности, глава 1 приложения к известной конвенции 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны предусматривает следующее:

«Приложение к конвенции Положения о законах и обычаях сухопутной войны.

ОТДЕЛ 1
О ВОЮЮЩИХ

Глава I
О том, кто признается воюющим

Статья I

Военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам, если они удовлетворяют всем нижеследующим условиям:

- 1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных;
- 2) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак;
- 3) открыто носят оружие, и
- 4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны.

Ополчение или добровольческие отряды в тех странах, где они составляют армию или входят в ее состав, понимаются под наименованием армии.

Статья II

Население незанятой территории, которое при приближении неприятеля добровольно возьмется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками и

которое не имело времени устроиться согласно статье I, будет признаваться в качестве воюющего, если будет открыто носить оружие и будет соблюдать законы и обычаи войны.

Статья III

Вооруженные силы воюющих сторон могут состоять из сражающихся и несражающихся. В случае захвата неприятелем как те, так и другие пользуются правами военнопленных».

Таким образом, утверждение де Аллера о том, что гражданские лица, застигнутые с оружием в руках, подлежат расстрелу на месте — ложно и не только не находится «в соответствии с существующими международными правилами», но и прямо противоречит им.

Об изложенном доводится до Вашего сведения и ориентировки. Это, однако не означает, что Вы должны вступать в дискуссию или практические переговоры с де Аллера по вопросу о военнопленных, поскольку не будут даны специальные указания НКВД.

Заместитель Народного Комиссара Иностранных Дел

(В. Деканозов)

Верно: Фомина

АВП РФ, ф. 0132, оп. 24а, п. 239, д. 47, лл. 1–2. Копия.

20

ОТВЕТНАЯ НОТА НКВД СССР ПОСОЛЬСТВУ США В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

25 ноября 1941 года

Народный Комиссариат Иностранных Дел, свидетельствуя свое почтение Американскому Посольству, имеет честь в ответ на ноту Посольства от 13 ноября 1941 года сообщить следующее:

Советское Правительство, выражая свою признательность Правительству США за проявленное им внимание к положению советских военнопленных в Германии, не может, однако, согласиться с утверждением, содержащимся в указанной ноте Посольства США, что неприменение германскими властями к советским военнопленным, а также находящимся в Германии военнопленным других стран установленных международными договорами и обычаями правил обращения с военнопленными объясняется, якобы, тем, что Советский Союз не является участником Женевской Конвенции 1929 года и что на Германии не лежит обязательство применять положения этой Конвенции к советским военнопленным в Германии.

Германское правительство и германские власти, не считаясь с международным правом, грубо и систематически нарушая все международные догово-

ры и соглашения, в том числе и относящиеся к обращению с военнопленными, проводят в отношении советских военнопленных режим кровавого произвола, бесправия и издевательства, который не может быть оправдан никакими ссылками на неучастие СССР в Женевской Конвенции. Такого рода ссылки тем более лишены всякого основания, что Советское Правительство еще 17 июля с. г. в ноте Шведскому Правительству, а также 8 августа с. г. в ноте, переданной всем аккредитованным при Правительстве СССР посольствам и миссиям, заявило о своей готовности соблюдать на началах взаимности все положения о законах и обычаях сухопутной войны IV Гаагской конвенции 1907 года, в том числе и положения о военнопленных.

В соответствии с этим Советское Правительство с первых же дней войны с вероломно напавшей на СССР гитлеровской Германией и ее сообщниками строго и в полном объеме применяет к военнопленным воюющих стран все принципы и положения, предусмотренные указанной Гаагской Конвенцией, совпадающие с основными принципами и положениями в отношении военнопленных Женевской Конвенции 1929 года.

Советское Правительство считает также необходимым обратить внимание Правительства США на то обстоятельство, что Германия, являясь участницей Женевской Конвенции, обязана, независимо от того, является ли участником этой Конвенции также и Советский Союз, полностью соблюдать все правила и положения Конвенции в силу содержащейся в ней статьи 82-й, устанавливающей, что во время войны, если одна из сторон не является участником Конвенции, положения последней, тем не менее, будут оставаться обязательными как и между воюющими странами, которые участвуют в этой Конвенции.

Что касается вопроса об отношении Советского Правительства к принципам Женевской Конвенции 1929 года и возможности для СССР присоединиться к этой Конвенции, то Советское Правительство, солидаризуясь со всеми положениями и принципами этой Конвенции, не может, однако, принять положение статьи 9-й Конвенции, где устанавливается размещение в лагерях военнопленных по расовой принадлежности, что находится в прямом противоречии со статьей 123-й Конституции (Основного Закона) СССР. Именно на этом основании Советское Правительство не может дать свое согласие на присоединение Советского Союза к Женевской Конвенции 1929 года.

В посольство Соединенных

Штатов Америки

Куйбышев

Верно: Р. Кондратьева

НОТА НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
тов. В. М. МОЛОТОВА
О ВОЗМУТИТЕЛЬНЫХ ЗВЕРСТВАХ ГЕРМАНСКИХ ВЛАСТЕЙ
В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Народный Комиссар Иностранных Дел тов. В. М. Молотов направил всем Послам и Посланникам стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, ноту следующего содержания:

«По поручению Правительства Союза Советских Социалистических Республик имею честь довести до Вашего сведения следующее:

Советское Правительство располагает многочисленными фактами, свидетельствующими о систематических зверствах и расправах, чинимых германскими властями над пленными красноармейцами и командирами Красной Армии. За последнее время эти факты стали особенно многочисленны и приняли особенно вопиющий характер, разоблачая тем самым еще раз германскую военщину и германское правительство, как банду насильников, не считающихся ни с какими нормами международного права, ни с какими законами человеческой морали.

Советским Военным Командованием установлены многочисленные факты, когда захваченные в плен, большей частью раненые, красноармейцы подвергаются со стороны германского военного командования и германских воинских частей зверским пыткам, истязаниям и убийствам. Пленных красноармейцев пытаются раскаленным железом, выкалывают им глаза, отрезают ноги, руки, уши, носы, отрубая пальцы на руках, вспарывают животы, привязывают к танкам и разрывают на части. Подобного рода изуверства и позорные преступления фашистско-германские офицеры и солдаты совершают на всем протяжении фронта, всюду, где они только появляются и где в их руки попадают бойцы и командиры Красной Армии.

Так, например, в Украинской ССР на острове Хортица, на Днепре, после ухода немецких частей, выбитых Красной Армией, были найдены трупы пленных красноармейцев, замученных немцами. Пленным отрезали руки, выкалывали глаза, вспарывали животы. На юго-западном направлении у деревни Репки на Украине после отступления немцев с занятой ими позиции были обнаружены трупы командира батальона Боброва, политрука Пятигорского и двух бойцов, руки и ноги которых были пригвождены к кольям, а на телах чернели пятиконечные звезды, вырезанные раскаленными ножами. Лица погибших были изрезаны и обожжены. Тут же, неподалеку, был найден труп красноармейца, накануне попавшего к немцам в плен, с обгоревшими ногами и отрезанными ушами. При взятии нашими частями деревни Холмы (Северо-Западный фронт) были обнаружены изуродованные трупы красноармейцев, причем один из них был сожжен на костре. Это был красноармеец Осипов Андрей из Казахской ССР. На станции Грейгово (Украинская ССР)

немецкие части захватили в плен небольшую группу красноармейцев и несколько дней не давали им никакой пищи и воды. Нескольким пленным отрезали уши, выкололи глаза, отрубили руки, а затем закололи их штыком. В июле с. г. у железнодорожной станции Шумилино немецкие части захватили в плен группу тяжело раненых красноармейцев и тут же их добили. В том же месяце в районе города Борисова Белорусской ССР, захватив в плен 70 тяжело раненых красноармейцев, гитлеровцы всех их отравили мышьяком. В августе месяце под местечком Заболотье немцы захватили на поле боя 17 тяжело раненых красноармейцев. Три дня им не давали пищи. Затем все семнадцать истекавших кровью пленных красноармейцев были привязаны к телеграфным столбам, в результате чего трое пленных красноармейцев скончались; остальные 14 были спасены от верной смерти подоспевшим советским танковым подразделением старшего лейтенанта Рыбина. В деревне Лагутино в районе Брянска, немцы привязали к двум танкам раненого красноармейца и разорвали его на части. В одном из пунктов, западнее Брянска, недалеко от колхоза «Красный Октябрь», было найдено 11 обгоревших трупов бойцов и командиров Красной Армии, захваченных фашистами. На руках и на спине одного из красноармейцев остались следы пыток раскаленным железом.

Зарегистрирован ряд случаев, когда германское командование во время атак гонит под угрозой расстрела пленных красноармейцев впереди своих наступающих колонн. Такие случаи, в частности, зарегистрированы в районе совхоза «Выборы», Ленинградской области, в районе Ельни, Смоленской области, в Гомельской области Белорусской ССР, в Полтавской области Украинской ССР и ряде других мест.

Возмутительным издевательствам, пыткам и зверским истязаниям систематически подвергаются раненые и больные красноармейцы, находящиеся в госпиталях, попавших в руки германских захватчиков. Имеется бесконечное количество фактов, когда беззащитных больных и раненых красноармейцев, находящихся в лазаретах, фашистские изуверы прикалывают и расстреливают на месте. Так, в М. Рудня, Смоленской области, фашистско-германские части захватили советский полевой госпиталь и расстреляли раненых красноармейцев, санитаров и санитарок. Здесь погибли раненые бойцы Шаламов, Азимов, лейтенант Дилеев, санитарка 17-летняя Варя Бойко и др. Известны многочисленные факты насилия и надругательства над женской честью, когда в руки гитлеровских захватчиков попадают медицинские сестры и санитарки.

Гитлеровские разбойники не щадят даже захваченных в плен представителей медицинского персонала частей Красной Армии. В районе деревень Кудрово и Борисово, Ленинградской области, был зверски замучен начальник дивизионного медицинского пункта, военврач 3-го ранга И. С. Лыстого. Он весь был исколот штыками. В голове и плече имелись пулевые раны. Лицо носило следы диких побоев. Несколько в стороне, в лесу, нашли тело изуродованного санитаря П. М. Богачева. В другом месте валялся на дороге труп растерзанного шофера санитарной машины Горбунова.

В немецких лагерях для советских военнопленных больные и раненые красноармейцы не получают никакой медицинской помощи и обречены на вымирание от тифа, дизентерии, воспаления легких и других болезней. В германских лагерях для советских военнопленных царит полный произвол, доходящий до крайнего зверства. Так, в Порховском лагере пленных красноармейцев круглые сутки держат под открытым небом, несмотря на холодную погоду. Рано утром их поднимают ударами палок и дубинок и выгоняют на работы, не считаясь с состоянием здоровья. Во время работы охрана, состоящая из финских и немецких солдат, непрерывно подгоняет пленных плетьюми, а заболевших и ослабевших красноармейцев забивает палками до смерти. В Чернухинском лагере на Украине за малейшее нарушение установленного порядка пленные систематически избиваются резиновыми дубинками и расстреливаются на месте без всякого предупреждения. Только за один день 17 сентября в Чернухинском лагере было расстреляно 95 человек.

Такое же зверское обращение с военнопленными практикуется немцами и на пересыльных пунктах, при переброске советских военнопленных. В районе села Демьяновка Украинской ССР пересыльный пункт для военнопленных расположен под открытым небом. На этом пункте пленным дают только ничтожное количество вареного проса. Многие пленные умирают от истощения. Во время следования пленных к местам назначения ослабевших пристреливают на месте. При переброске советских военнопленных из Хорола в с. Семеновка на Украине красноармейцев заставляли все время бежать. Падавших от усталости и истощения немедленно расстреливали.

Среди солдат и офицеров гитлеровской армии процветает мародерство. С наступлением зимних холодов мародерство стало принимать массовый характер, причем гитлеровские разбойники в погоне за теплыми вещами не считаются ни с чем. Они не только сдирают теплую одежду и обувь с убитых советских бойцов, но снимают буквально все теплые вещи — валенки, сапоги, носки, фуфайки, телогрейки, ушанки с раненых бойцов, раздевая их догола и напяливая на себя все, включая до теплых женских вещей, снятых с раненых и убитых медицинских сестер.

Пленных красноармейцев морят голодом, по неделям оставляя без пищи или выдавая ничтожные порции гнилого хлеба или гнилой картошки. Не давая советским военнопленным пищи, гитлеровцы заставляют их рыться в помойках и разыскивать там остатки пищи, выброшенные германскими солдатами, или, как это имело место в ряде лагерей, в том числе и в лагере м. Корма Белорусской ССР, бросают советским военнопленным за колючую проволоку трупы дохлых лошадей. В Витебском лагере в Белоруссии пленные красноармейцы 4 месяца почти не получали пищи. Когда группа пленных красноармейцев подала немецкому командованию письменное заявление с просьбой выдать им пищу для поддержания жизни, немецкий офицер спросил — кто писал это заявление — и 5 человек красноармейцев, подтвердивших, что это заявление писали они, — тут же были расстреляны. Аналогичные факты вопиющего произвола и зверств наблюдаются и в других лагерях (Шитьковский, Демьянский и др.).

Стремясь к массовому истреблению советских военнопленных, германские власти и германское правительство установили в лагерях для советских военнопленных зверский режим. Германским верховным командованием и министерством продовольствия и земледелия издано постановление, которым для советских военнопленных установлено питание худшее, чем для военнопленных других стран как в отношении качества, так и в отношении количества подлежащих выдаче продуктов. Установленные этим постановлением нормы питания, — например, 600 граммов хлеба и 400 граммов мяса на человека в месяц, — обрекают советских военнопленных на мучительную голодную смерть. Бесчеловечно жестоко проводя в жизнь свой позорный и явно незаконный режим содержания советских военнопленных, германское правительство, однако, всячески старается скрыть от общественного мнения изданные по этому вопросу германским правительством постановления. Так, на соответствующий запрос Советского Правительства Шведское правительство сообщило, что опубликованные в европейской и американской печати сведения о вышеупомянутом постановлении германского правительства соответствуют действительности, но текст этого постановления не опубликован и поэтому недоступен.

Лагерный режим, установленный для советских военнопленных, является грубейшим и возмутительным нарушением самых элементарных требований, предъявляемых в отношении содержания военнопленных международным правом и, в частности, Гаагской Конвенцией 1907 года, признанной как Советским Союзом, так и Германией. Германское Правительство грубо нарушает требование Гаагской Конвенции, обязывающей воюющие страны обеспечивать военнопленных такой же пищей, как и свои собственные войска (ст. 7 приложения к 4 Гаагской Конвенции 1907 года).

Ввиду серьезной нехватки людских ресурсов в германской армии, гитлеровцы в отношении военнопленных идут на многие грубые нарушения Гаагской Конвенции 1907 года, подписанной Германией. В своей преступной практике систематических злодейских нарушений международного права германская военщина и германское правительство дошли до того, что избиваниями и угрозами расстрела заставляют красноармейцев работать в качестве ездовых на повозках, на машинах и транспорте, перевозящем боеприпасы и другие военные грузы на фронт, в качестве подносчиков боеприпасов на огневые позиции и т. д. Все это делается в нарушение прямого запрещения Гаагской Конвенцией использования пленных на работах, имеющих какое-либо отношение к военным действиям.

Все эти факты свидетельствуют о наличии зверского кровавого режима, который царит в германских лагерях для советских военнопленных, о бесчеловечной жестокости гитлеровских властей и о невыносимых страданиях, которые приходится испытывать красноармейцам и командирам Красной Армии, попавшим в плен к гитлеровским бандитам.

Все эти факты являются вопиющим нарушением со стороны германского правительства элементарных принципов и норм международного права и международных соглашений, подписанных представителями самой же Германии.

Доводя об этих ужасающих фактах до сведения всех стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, Советское Правительство с возмущением протестует перед всем миром против варварских актов нарушения германским правительством элементарных норм международного права.

Советское Правительство с негодованием протестует против зверского обращения с пленными красноармейцами со стороны германских властей, нарушающих самые элементарные нормы человеческой морали, и возлагает всю ответственность за эти бесчеловечные действия германских военных и гражданских властей на преступное гитлеровское правительство Германии. Примите и пр.

Москва, 25 ноября 1941 г.

В. МОЛОТОВ»

Печат. по: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Док и мат. Т. 1. М. 1944. С. 162 – 167.

22

СЕКРЕТНО

экз. № 1

«17» декабря 1941 года

№ 537/3Е

СПРАВКА

О ЗАПРОСАХ БОЛГАРСКОЙ МИССИИ ПО ПОВОДУ ЭВАКУАЦИИ ГЕРМАНСКИХ ПОДДАННЫХ И ОТНОСИТЕЛЬНО ВОЕННОПЛЕННЫХ.

(К беседе т. Пушкина со Стаменовым 12 декабря 1941 г.)

Болгарская миссия, начиная с августа м-ца с. г., обращалась в НКВД с рядом запросов по поводу эвакуации германских подданных и относительно германских военнопленных.

Наиболее крупными вопросами были:

1. Вопрос об обмене моряков. В Германии к 22.VI.-41 г. находилось 29 советских пароходов и в настоящее время там интернировано 792 советских моряка. В СССР оказался лишь один немецкий пароход «Клаус Рикмерс» с 33 немецкими моряками.

Германское правительство по вопросу об обмене моряками несколько раз меняло свою позицию. 9 августа с. г. болгары сообщили о германском предложении обменять команды 12 уже «разысканных» в Германии советских пароходов на команду германского парохода «Клаус Рикмерс». 23 августа с. г. НКВД в своей ноте № 62 выразил согласие на такой обмен, оговорив, что командам остальных 17 советских пароходов должен быть гарантирован беспрепятственный выезд в СССР, как только они будут разысканы.

3 сентября с. г. в ноте № 870-15 болгары сообщили о новом предложении германского правительства — обменять команду «Клаус Рикмерс» плюс 5 бывших служащих Германского посольства или членов их семей (2 человека из них оказались гражданами СССР, а 3 не были разысканы) на 60 человек из

состава экипажей 8 советских пароходов. Следует заметить, что в составе упомянутых выше команд 12 советских пароходов значится 373, а не 60 человек.

В связи с этим было решено, по указанию т. В. М. Молотова, никакого ответа немцам на эту последнюю ноту не давать.

13 сентября болгары обратились к нам с нотой по поводу интернирования немцев в Иране, содержащей следующую угрозу: «Под германской властью, — было сказано там, — имеется достаточно советских подданных, над которыми могут быть упражнены репрессалии, если придется, до похищения германских подданных из Ирана». Немцы заявили, что в случае освобождения германских подданных в Иране и их беспрепятственного выезда в Германию, Германия разрешит выезд в Турцию «находящимся в германских руках 194 советским гражданам».

24 сентября с. г. НКВД попросил болгар «передать германскому правительству, что правительство Союза ССР нагую ноту германского правительства возвращает без рассмотрения» (нота НКВД № 66).

Вслед за тем, 11 ноября, немцы предложили уже **через шведов**, а не через болгар, обменять интернированных в Германии невоенных советских граждан, в том числе 199 моряков (не 792!) на интернированных в СССР германских граждан. По заявлению немцев 200 — 300 советских граждан **в возрасте военнообязанных** интернировано в Западной Германии. Несколько раньше немцы предложили нам обменяться общими списками интернированных. По устному ответу зам. нач. 2-м управлением НКВД т. Райхмана, НКВД признает обмен списками пока нецелесообразным. Никакого ответа на эти последние демарши шведов с нашей стороны не давались.

2. Как видно из вышеизложенного, немцы постоянно связывали вопрос о моряках с общим вопросом об обмене интернированными гражданами. Однако, кроме того, они присылали через болгар запросы о судьбе и сроках эвакуации отдельных немецких граждан, находившихся перед войной на территории СССР и интернированных, или оказавшихся на территории военных действий (всего свыше 50 человек, из них некоторые советские граждане). Относительно большинства интересующих Германию лиц в распоряжении 3-го Европейского отдела имеются справки НКВД, в которых НКВД уведомляет об отсутствии у него возражений против эвакуации.

Следуя общей директиве т. В. М. Молотова, ответа на эти запросы болгар мы не давали. Что же касается эвакуации этих лиц, то немцы не выдвинули каких-либо других предложений, кроме изложенных в п. 1.

3. Относительно военнопленных от болгар поступали следующие запросы:

а) Указание учреждения, занимающегося сообщением имен германских пленнх и пр. — 31.VII — с. г.

б) Просьба болгар навестить лагерь военнопленных — 22.VIII — с. г.

в) Отдельные персональные запросы о судьбе пропавших без вести или пленных германских офицеров (около 10 человек).

Остальные германские запросы касательно военнопленных проходили через шведов в Стокгольме.

Никакого ответа на эти запросы НКВД не давал, по известным Вам обстоятельствам.

Наши предложения:

1. Ответить Стаменову устно, что Советское Правительство уже дало ответ Германии об обмене моряками нотой от 23 августа № 62. (Обмен команды «Клаус Рикмерс» на команды 29 советских пароходов, задержанных в Германии).

2. Вопрос об обмене списками интернированными гражданами затянуть, ибо такой обмен для нас сейчас ничего не дает.

3. Вопрос о военнопленных требует принципиального решения.

ЗАВ. 3-м ЕВРОПЕЙСКИМ ОТДЕЛОМ — подпись (Семенов)

ЗАМ. ЗАВ. 4-м ЕВРОПЕЙСКИМ ОТДЕЛОМ — подпись (Пушкин)

АВП РФ, ф. 074, оп. 29, п. 111, д. 4, л. 2. Подлинник.

23

ТЯЖЕЛОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГЕРМАНИИ

Нью-Йорк. 30 декабря. (ТАСС). Как передает агентство Рейтер, представитель американской ассоциации христианской молодежи профессор Джером Дэвис, недавно прибывший из Германии, сообщает, что, по признанию самих немцев, русские пленные поставлены в худшие условия по сравнению с другими военнопленными. Дэвис сам видел, что в течение целой недели русские получали только репу и немного трески.

«Правда», 1941, 31 декабря.

24

ТЕЛЕГРАММА

Из Женевы
28 февраля 1942 г.

Народному Комиссару
Иностранных Дел
Москва

В связи с нашими телеграммами 4757 и 5767 сообщаем, что Канадский Красный Крест предлагает для русских военнопленных в Германии 500 тысяч облаток витаминов. Мы добились принципиального согласия германских властей на коллективные посылки для русских пленных. Британские власти требуют наблюдения наших делегатов за распределением. Мы могли бы

добиться этих условий, если русское правительство согласилось бы на посылку делегатов Международного Красного Креста в СССР.

Международный Красный Крест. 7 084.

Перевел: подпись (Подцероб).

АВП РФ, ф. 054, оп. 21, п. 524, д. 66, л. 122. Подлинник.

25

ОТВЕТНЫЙ МЕМОРАНДУМ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР ШВЕДСКОЙ МИССИИ

В ответ на меморандумы Шведской Миссии от 9 и 17 марта 1942 года Народный Комиссариат Иностранных Дел имеет честь сообщить Шведской Миссии, что ввиду систематического и грубого нарушения германским правительством общепризнанных норм международного права, а также ввиду захвата германским правительством принадлежащего Советскому Посольству, Торговому Представительству и Консульствам СССР имущества, находящегося на территории Германии, Народный Комиссариат Иностранных дел не считает возможным вступать с германским правительством в какие бы то ни было переговоры и соглашения.

Куйбышев,

«28» марта 1942 года

АВП РФ, ф. 140, оп. 26, п. 34, д. 1, л. 13. Копия.

26

НОТА НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР В. М. МОЛОВОТА от 27 апреля 1942 г.

**«О ЧУДОВИЩНЫХ ЗЛОДЕЯНИЯХ, ЗВЕРСТВАХ И НАСИЛИЯХ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ОККУПИРОВАННЫХ
СОВЕТСКИХ РАЙОНАХ И ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГЕРМАНСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА И КОМАНДОВАНИЯ ЗА ЭТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»**

Раздел VI*

ИСТРЕБЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Что гитлеровское правительство является бандой убийц и поставило своей целью истребление наших граждан — это видно также из чудовищных преступлений гитлеровцев в отношении советских военнопленных.

* Документ публикуется в сокращенном виде: I — V разделы ноты опущены.

В распоряжении Советского Правительства имеются сейчас многие сотни новых документальных подтверждений кровавых преступлений в отношении советских военнопленных, о которых говорилось в ноте Правительства СССР от 25 ноября 1941 года. Непреложно установлено, что германское командование, желая мстить за поражение своей армии в последние месяцы, ввело повсеместную практику физического уничтожения советских военнопленных.

На всем протяжении фронта, от Арктики до Черного моря, обнаружены трупы замученных советских военнопленных. Почти во всех случаях эти трупы носят следы страшных пыток, предшествовавших убийству. Части Красной Армии обнаруживают в отбиваемых ими у немцев блиндажах, деревно-земляных точках, а также в населенных пунктах трупы убитых после зверских пыток советских военнопленных. Все чаще повторяются такого рода факты, зафиксированные в актах, подписанных очевидцами: 2-го и 6-го марта 1942 года на Крымском фронте в районе высоты 66,3 и деревни Джантора были найдены 9 трупов военнопленных красноармейцев, настолько зверски истерзанных фашистами, что опознать удалось лишь 2 трупа. У замученных военнопленных были выдернуты ногти на пальцах, выколоты глаза, у одного трупа была вырезана вся правая часть груди, у других — обнаружены следы пыток огнем, многочисленные ножевые раны, разбитые челюсти. В Феодосии были найдены десятки трупов замученных красноармейцев-азербайджанцев. Среди них: Джафаров Исмани-Заде, которому гитлеровцы выкололи глаза и отрезали уши, Алибеков Кули-Заде, которому гитлеровцы вывернули руки, а затем закололи штыком, ефрейтор Ислам-Мамед Али оглы, которому гитлеровцы вспороли живот, Аскеров Мустафа оглы, привязанный проволокой к столбу и умерший от ран в этом положении. Такие же зверства творят на Крайнем Севере и финские пособники германских фашистов. На Карельском фронте при наступлении частей Красной Армии были обнаружены десятки трупов израненных красноармейцев, замученных финскими фашистами. Так, у красноармейца Сатаева финны выкололи глаза, отрезали губы, вырвали язык. У красноармейца Гребенникова они отрезали ухо, выкололи глаза и вставили в них пустые гильзы. Красноармейцу Лазаренко после долгих пыток финны раздробили череп и набили туда сухарей, в ноздри вогнали патроны, а на груди раскаленным металлом выжгли пятиконечную звезду.

Вот некоторые факты массовых убийств советских военнопленных из длинного трагического списка этих убийств.

В деревне Красноперово, Смоленской области наступающими частями Красной Армии найдено 29 раздетых трупов пленных красноармейцев и командиров без единой огнестрельной раны. Все пленные убиты ножевыми ударами. В том же районе, в деревне Бабаево, гитлеровцы поставили у стога сена 58 пленных красноармейцев и двух девушек-санитарок и подожгли стог. Когда обреченные на сожжение люди пытались бежать из огня, немцы их перестреляли. В деревне Кулешовке немцы, захватив 16 тяжело раненных бойцов и командиров, раздели пленных, сорвали с их ран повязки, морили их голодом, кололи штыками, ломали руки, раздирали раны, подвергали иным пыткам, после чего оставшихся в живых заперли в избе и сожгли.

В деревне Стренево Калининской области немцы заперли в здании школы 50 пленных раненых красноармейцев и сожгли их. В городе Волоколамске оккупанты запретили красноармейцам, запертым на 5 этаже дома № 3/6 по Пролетарской улице, выходить из этого дома, когда в нем возник пожар. Пытавшихся выйти или выброситься из окон расстреливали. В огне погибли и расстреляны 60 пленных. В деревне Поповка Тульской области немцы, загнав в сарай 140 пленных красноармейцев, подожгли их. В огне погибло 95 человек. В 6-ти километрах от станции Погостье Ленинградской области немцы, отступая под натиском частей Красной Армии, расстреляли разрывными пулями после страшных побоев и зверских пыток свыше 150 советских военнопленных. У большинства трупов отрезаны уши, выколоты глаза, обрублены пальцы, у некоторых отрублены одна или обе руки, вырваны языки. На спинах трех красноармейцев вырезаны звезды. Незадолго до освобождения гор. Кондрово Смоленской области частями Красной Армии в декабре 1941 года немцы расстреляли за городом свыше 200 пленных красноармейцев, которых они вели через город раздетыми и разутыми, тут же расстреливая как обесшленных, не могущих продолжать идти дальше красноармейцев, так и тех местных граждан, которые выносили и на ходу бросали пленным куски хлеба.

За последнее время установлен ряд новых случаев использования германским командованием советских военнопленных в целях очистки минных полей и других опасных для жизни работ. Так, в районе деревень Большая и Малая Влоя десятки пленных, построенные в сомкнутые ряды, в течение четырех суток гонялись гитлеровцами по заминированному полю. Ежедневно на минах взрывалось несколько пленных. Этот способ убийств военнопленных предусмотрен приказами германского командования. В приказе по 203 пехотному полку за № 109 сказано: «Главкомандующий армией генерал-фельдмаршал Рундштедт приказал, чтобы вне боевых действий, в целях сохранения германской крови, поиски мин и очистку минных полей производить русскими пленными. Это относится также и к германским минам».

Лишение военнопленных одежды, особенно теплой, производится в порядке систематического и поощряемого германским командованием мародерства. В зимних условиях оно для военнопленных было равносильно смерти от замерзания. Все это делается по приказам германского командования. В приказе штаба 88 полка 34 немецкой пехотной дивизии, озаглавленном «Положение с обмундированием», предлагается: «Не задумываясь, снимать с русских военнопленных обувь». Что этот приказ не случаен, видно уже из того, что еще до вероломного нападения на СССР германское командование предусматривало использование такого порядка снабжения своих частей. В делах 234 пехотного полка 56 дивизии найден циркуляр за № 121/4 от 6 июня 1941 года «О принципах снабжения в восточном пространстве», на 8 странице которого сказано: «На снабжение одеждой не рассчитывать. Поэтому особенно важно снимать с военнопленных годную обувь и немедленно использовать всю пригодную одежду, белье, носки и т. д.».

С целью массового уничтожения советских военнопленных они лишаются пищи, обрекаются на медленную голодную смерть, а в некоторых случаях отравляются заведомо недоброкачественной пищей. В распоряжении советских органов имеется приказ № 202 Штаба упомянутого выше 88 полка, в котором говорится: «Конские трупы будут служить пищей для русских военнопленных. Подобные пункты (свалки конских трупов) отмечаются указателями. Они имеются вдоль шоссе в Мало-Ярославце и в деревнях Романово и Белоусово».

Приказ по 60 мотопехотной дивизии за № 166/41 прямо требует массового убийства военнопленных. В приказе говорится: «Русские солдаты и младшие командиры очень храбры в бою, даже отдельная маленькая часть всегда принимает атаку. В связи с этим нельзя допускать человеческого отношения к пленным. Уничтожение противника огнем или холодным оружием должно продолжаться вплоть до его полного обезвреживания...».

Инструкция германского командования об обращении с советскими военнопленными за № 1/3058 содержит следующие наставления: «Против малейших признаков непослушания действовать энергично и прямо, оружием пользоваться беспощадно. Употребление палок, тростей и хлыстов не должно иметь места. Мягкотелость, даже перед послушным и трудолюбивым пленным, доказывает лишь слабость и не должна иметь места» (из пункта 2). «На работе постоянно сохранять дистанцию к пленным, позволяющую немедленно применить оружие» (из пункта 3).

Всего этого оказалось недостаточно. Изданный от имени Гитлера, как главнокомандующего, приказ верховного командования германской армии от 14 января 1942 года гласит (пункт 2): «Всякое снисхождение, человечность по отношению к военнопленному строго порицаются. Германский солдат всегда должен давать чувствовать пленному свое превосходство... Всякое опоздание применения оружия к пленному таит в себе опасность. Главнокомандующий надеется, что данный приказ будет полностью выполняться».

Советское Правительство продолжает получать достоверную информацию о положении пленных красноармейцев на оккупированных немцами территориях СССР, а также в глубоком германском тылу и в оккупированных Германией европейских странах. Эта информация свидетельствует о дальнейшем ухудшении режима для военнопленных красноармейцев, поставленных в особенно плохие условия, по сравнению с военнопленными других стран, о вымирании советских военнопленных от голода и болезней, о режиме подлого издевательства и кровавых жестокостей, которые применяются к красноармейцам гитлеровскими властями, давно поправшими самые элементарные требования международного права и человеческой морали.

Переданный Советскому Послу 13 февраля с. г. в Лондоне меморандум Правительства Польской Республики о положении советских военнопленных на польской территории и на территории ряда оккупированных немцами советских областей дополняет нашу информацию многочисленными фактами бесчеловечного обращения германских властей с советскими военнопленными. В польском меморандуме справедливо говорится, что «обращение с совет-

скими военнопленными представляет, вероятно, самую гнусную страницу немецкого варварства».

Несмотря на все это, Советское Правительство, верное принципам гуманности и уважения к своим международным обязательствам, не намерено даже в данных обстоятельствах применять ответные репрессивные мероприятия в отношении германских военнопленных и по-прежнему придерживается обязательств, принятых на себя Советским Союзом по вопросу о режиме военнопленных по Гаагской Конвенции 1907 года, подписанной также, но столь вероломно нарушенной во всех пунктах, Германией.

В то же время Советское Правительство заявляет, что преступные гитлеровские правители и их пособники, виновные в убийстве советских военнопленных, должны понести всю тяжесть ответственности за эти чудовищные злодеяния.

Интересы всех свободолюбивых народов, интересы всего человечества требуют, чтобы как можно скорее и раз навсегда покончить с шайкой оголтелых убийц, именуемой правительством гитлеровской Германии.

Печат по: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Док. и мат. Т. 1. М. 1944. С. 230 – 234.

27

ПРОТЕСТ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПРОТИВ ЗВЕРСТВ И НАСИЛИЙ ГЕРМАНСКИХ ВЛАСТЕЙ В ОККУПИРОВАННЫХ СОВЕТСКИХ РАЙОНАХ

МЕЖДУНАРОДНОМУ КОМИТЕТУ КРАСНОГО КРЕСТА

Женева (Швейцария)

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы, немецкие военнопленные лагеря № 74, ознакомились с нотами Народного Комиссара по Иностранным Делах Советского Правительства господина В. М. Молотова об обращении с военнопленными в Германии и гражданским населением в оккупированных районах Советского Союза.

Мы не поверили бы описанным в нотах зверствах, если бы сами не были свидетелями подобных же зверств. Не желая быть ответственными за эти преступления, мы решили выступить открыто с разоблачением Гитлера и его клики. Ниже приводим заявления очевидцев преступлений, совершенных в разное время и на различных участках фронта немецкими военными властями.

Ефрейтор 10 роты 312 пехотного полка 206 пехотной дивизии Адольф Кесс из Обершварцах сообщает:

«В конце августа 1941 года наша дивизия была расположена у реки Двины. Отсюда взвод моей роты под командованием фельдфебеля Кольберга

пошел в разведку в деревню, находящуюся на другой стороне реки. Как только было установлено, что деревня эта не занята противником, Фельдфебель отдал приказ заняться «организацией» питания. Он отобрал у жителей хлеб, мед и все съестное вообще. Это был настоящий грабеж».

Унтер-офицер 14 роты 303 пехотного полка Ганс Мандельке из Шнейде-мюль сообщает:

«С 12 октября до 7 ноября 1941 г. я застрял со своим броневином в гор. Холме. Здесь я имел возможность ознакомиться с жизнью в лагере русских военнопленных. Пленные днем и ночью находились на отгороженном открытом поле. Во время дождя их одежда промокала до нитки, и они дрожали всем телом».

Солдат 1 роты 45 полка 6 танковой дивизии Франц Биронский из Тихау сообщает:

«6 декабря 1941 года мы вынуждены были под напором русских отступить в деревню Языково. Из штаба полка был получен приказ поджечь деревню. Наш командир роты лейтенант Лев отдал приказ обыскать все дома и захватить с собой все съестное и кур. Когда мы в полночь оставили деревню, многие солдаты были нагружены мешками. Деревня была ограблена до нитки. После этого приступили к работе саперы. Через некоторое время горела вся деревня».

Старший ефрейтор 8 роты 235 полка 102 пехотной дивизии Карл-Гейнц Мейснер из Берлина сообщает:

«8 ноября 1941 года моя рота находилась в местечке Большая Коша. Здесь мы получили приказ командования дивизии занять и поджечь близлежащие деревни. 12 ноября этот приказ был выполнен. Гражданское население не было предупреждено и поэтому не имело возможности спасти хотя бы самое необходимое».

Старший ефрейтор 13 роты 473 полка 253 пехотной дивизии Артур Франке из Бремена сообщает:

«Во время боев западнее Невеля наше командование через громкоговорители призывало русских сдаться в плен, обещая им сохранить жизнь. При наступлении мы обнаружили на одной просеке несколько русских повозок. Возницы поднимали белые платки и давали знаки о том, что они сдаются. Это были крестьяне из близлежащих деревень. Тем не менее они все до единого были расстреляны».

Ст. ефрейтор 12 роты 303 полка 162 пехотной дивизии Ганс Эггерт из Шверина сообщает:

«В ноябре 1941 года неизвестными ночью были убиты два наших солдата, стоявшие на посту. Чтобы добиться выдачи виновников, все мужское население было согнано в один дом и заперто. После многочисленных допросов, которые не дали результатов, командир нашей роты капитан Рунге на третий день дал приказ выбрать наиболее подозрительного из жителей деревни и расстрелять его. Деревня, в которой это произошло, называется Аниково и находится приблизительно в 100 километрах юго-западнее Калинина».

Солдат 10 роты 118 полка 36 пехотной дивизии Эрнст Шейтгауэр из Нейнкирхена сообщает:

«В сентябре 1941 г. в Луге были сооружены виселицы, на которых вешали гражданских лиц. Только после того, как однажды утром рядом с повешенными русскими нашли повешенного немецкого солдата, публичные казни на время прекратились».

Солдат разведывательного отряда 31 дивизии Герман Цодер из Вены сообщает:

«В начале ноября 1941 года я был вызван в Водкино, что лежит в 60 км восточнее Брянска, к начальнику полевой почты Рейнике. При мне он обыскивал двух гражданских лиц, преступление которых состояло в том, что они мирно шли по дороге. Обыск не дал никаких результатов. У одного из них нашли бритву. За это ему кулаком разбили в кровь лицо. Рейнике приказал чиновнику полевой почты Гейнцу Шмидту и посыльному Бернгарду Винцу отвести этих двух человек в сборный лагерь. Вскоре солдаты вернулись и доложили: »При попытке к бегству пленные застрелены».

Солдат 3 роты 35 пехотной дивизии Эдмунд Беднарик из Верхней Силезии сообщает:

«Когда мы в начале ноября 1941 года проходили через Волоколамск, мы увидели там 6 повешенных: 4 мужчин и 2 девушек. Лейтенант Шварп приказал остановиться и выстроил нас полукругом возле повешенных. Он сказал нам: эти партизаны будут висеть здесь, пока не сгниют. Унтер-офицер Пельц забавлялся тем, что раскачивал трупы двух девушек, отпуская похабные остроты».

Солдат 3 роты 66 пехотного полка 3 пехотной дивизии Курт Вегенер из Цербста сообщает:

«Командир отделения унтер-офицер Якоб Трирвейлер 18 ноября 1941 г., когда мы были в Калининe, приказал нам разграбить квартиры и магазины и забрать все наличное продовольствие. Все ценное он присвоил себе. Он приказал расстреливать всех пленных. 9 декабря мы встретили недалеко от Клина раненого красноармейца. Унтер-офицер выстрелил в него из пистолета-автомата, а потом размозжил ему голову прикладом».

Старший ефрейтор 3 роты 88 полка 15 пехотной дивизии Гергард Рихтер сообщает:

«Вблизи Глохово 4 декабря 1941 г. к нашей линии обороны подошли двое раненых русских с поднятыми руками. Унтер-офицер Вольфганг Зиберт застрелил их, заявив, что он поступает так по приказу свыше».

В начале января этого года нам в ожесточенном бою удалось занять село Редькино, которое почти полностью было разрушено нашим огнем. При осмотре развалин мы наткнулись на трех гражданских лиц, которые, несмотря на все попытки заставить их говорить, отказались дать какие-либо показания. Чтобы покончить с ними быстро, их объявили партизанами и повесили. Приказ о казни их отдал заместитель командира 81 полка Шмидт.

Старший ефрейтор 2 дивизиона 67 арtpолка 10 танковой дивизии Роберт Михаэлис из Гамбурга сообщает:

«В начале сентября 1941 г. моя часть участвовала в боях у Тайцы, что находится недалеко от Ленинграда. Однажды нашим солдатам, сопровождавшим обоз с боеприпасами, сдались в плен 2 заблудившихся русских солдата. Штабной вахмистр отвел их в сторону от дороги и застрелил из пистолета».

Старший ефрейтор 13 роты 62 пехотного полка 7 дивизии Рудольф Латцельсбергер из Ландсгута сообщает:

«В ноябре 1941 г. наш полк проходил через одну деревню. 2 солдата вели 4-х пленных красноармейцев. Наш командир взвода лейтенант Гернбиллер крикнул солдатам: «Зачем вы ведете этих свиней, гоните их в лес и дайте там каждому по свицовой пилюле». Солдаты повели их в лес, лейтенант поехал за ними. Вскоре мы услышали несколько выстрелов. Когда лейтенант вернулся, он цинично бросил: «Еще на 4 меньше».

Старший ефрейтор 7 роты 240 полка 106 пехотной дивизии Норберт Лют из Дортмунда сообщает:

«Это было 2 октября прошлого года в Орше. Когда наш штаб батальона был расквартирован в здании школы, к нам робко подошли трое совсем еще молодых, видимо, очень испуганных парней, вылезших из близлежащего блиндажа. Они были в гражданской одежде, но носили красноармейские пилотки.

Командир батальона старший лейтенант Вонторра велел задержать их и запереть в сарай. Все трое без всякого допроса были расстреляны таким путем: сначала из сарая вызвали самого младшего и послали его по направлению к лесу, за ним следовал унтер-офицер Бринкманн, который с близкого расстояния выстрелил ему в затылок. То же самое было сделано и с двумя другими. Таким образом, каждый из них перед своей смертью был свидетелем расстрела другого».

Солдат 3 роты 29 полка 3 моторизованной дивизии Рихард Райзер из Карлсруэ сообщает:

«В ноябре 1941 г. мы были расположены у реки Нара. Каждый день в обеденное время к нам приходила 60-летняя старуха, которой принадлежал этот дом и оставалась у нас на несколько часов. Мы давали ей есть и пить. Об этом узнал старший лейтенант Зифге. Он приказал тотчас, без всякого допроса, расстрелять старуху, заявив, что она шпионка».

Ефрейтор 1 батареи 1 дивизиона 268 пехотной дивизии Эрих Шпрунг из Хемница сообщает:

«В течение нескольких дней мы стояли на отдыхе в одной деревне недалеко от Вязьмы. Однажды вечером один солдат привел к нашему лейтенанту старика из деревни и обвинил его в том, что он украл два одеяла. Старик со слезами уверял, что он ни в чем неповинен. Он и в самом деле не был виноват. Тем не менее на другой день по приказу командира батареи старшего лейтенанта Баттерслебен он был расстрелян».

Ефрейтор 4 роты 312 полка 206 пехотной дивизии Эрих Розенгарт из Кенигсберга сообщает:

«Мы вошли в Невель. Гражданское население, находившееся там, старалось спасти имущество от свирепствовавшего пожара. Унтер-офицер Никель

из моей роты забавлялся тем, что отрезал мужчинам бороды, угрожая при этом расстрелом. Потом он с единомышленниками занялся грабежом. К нему обратился старик, умоляя пощадить его и ничего не уничтожать. В ответ на это унтер-офицер стал бить старика ногами и застрелил его из пистолета».

Ефрейтор 8 роты 11 полка 14 мотодивизии Георг Лейснер из Лейпцига сообщает:

«Это было 4 августа 1941 г. вблизи Велижа. Группа солдат во главе со своим обер-лейтенантом согнала из ближних домов мирных жителей и бросила их в реку. В тех, кто умел плавать, они до тех пор бросали камнями, пока все несчастные не утонули».

Ефрейтор разведывательного отряда 87 пехотной дивизии Фриц Гойзлер из Вайсенфельза сообщает:

«В начале июля мы находились в Августове. Нас заставили производить расстрелы совместно с эсэсовцами и под наблюдением гестапо. Как-то за один день было расстреляно 269 человек. Это были белорусы, русские, евреи и поляки, в том числе 14 девушек и женщин. Приговоренные к смерти группами в 25 человек подводились ко рву в 50 м длины, 2 м ширины и 1.20 — 1.50 м глубины и с расстояния в 6 — 8 метров их по двое расстреливали в спину. Вторая, третья и т. д. группы видели перед собой расстрелянных до них людей, лежавших в длинном рву. Последними расстреляли 14 девушек и женщин. Перед их глазами прошли все жертвы, подло убитые выстрелами в затылок. Если кто-либо еще оставался жив, то его доканчивали эсэсовцы из автомата или пистолета. Из 269 человек только 2 кричали и плакали».

Можно было бы удлинить этот перечень зверств и преступлений. Но достаточно и приведенных фактов, чтобы видеть, что эти зверства и преступления со стороны германских военных властей являются не единичными случаями, а, как совершенно правильно отметил Народный Комиссар по Иностранным Делах В. М. Молотов в своих нотах, системой, исходящей от руководителей нынешней Германии.

Мы на собственном опыте убедились, что, вопреки утверждениям наших офицеров, а также немецких газет, с нами с момента нашего пленения обращаются в полном соответствии с требованиями международного права. У нас нет основания жаловаться на плохое обращение. Напротив, комиссары обращались с нами всегда особенно вежливо и приветливо, даже тогда, когда некоторые из нас отказывались дать показания по тем или иным пунктам. Мы имеем достаточное и хорошее питание, спим на соломенных матрацах, с чистыми простынями и еженедельно ходим в баню. Врачи и санитары следят за нашим здоровьем.

Для удовлетворения наших культурных запросов в наше распоряжение предоставлены библиотека, читальня и клуб. Кино, концерты нашего собственного оркестра и хора заполняют наш досуг.

Мы, 115 солдат, поднимаем наш голос протеста против зверств, которым подвергаются советские военнопленные и мирное население оккупированных районов.

Мы обвиняем Гитлера и его клику, как вдохновителей совершенных и совершаемых ныне преступлений.

Мы просим Международный Комитет Красного Креста довести наш протест до мирового общественного мнения.

Все вышеуказанное в заявлении подтверждаем.

Вальтер Гейбих, торг. служащий, Берлин, 428 отряд связи.

Гейнц Эггерингхауз, помощник шофера, Эссен, 1 полк СС дивизии «Рейх».

Франц Биронский, сельхоз. техник, Тихау, Верхняя Силезия, 1 рота 45 полка 6 танк. дивизии.

Эдмунд Беднарик, шофер, Гросс Пониав, Верхняя Силезия, 3 рота 35 пехотной дивизии.

Карл Ридезель, каменщик, Эверсбах Дилькрайз, 6 рота 181 полка 52 пех. дивизии.

Доктор Герман Цодер, почтовый инспектор, Вена, разведотряд 31 пех. дивизии.

Франц Пошпель, сапожник, Ратибор, Верхняя Силезия, 132-й строительный батальон.

Георг Лейснер, инструментальщик, Лейпциг, 8 рота 11 полка 14 мотодивизии.

Ганс Мандельке, шофер, Шнейдемюль, 14 рота 303 полка.

Ефрейтор Эрих Розенгарт, Кенигсберг, монтер, 4 рота 312 полка 206 пех. дивизии и другие — всего 115 подписей.

Май 1942 г.

«Правда», 1942, 4 июня.

28

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ КРАСНОГО КРЕСТА Женева

Исполнительный комитет Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР препровождает при сем по просьбе группы немецких военнопленных подписанное ими в мае месяца 1942 года заявление о зверствах и насилиях германских властей в оккупированных советских районах.

Приложение: фотокопия заявления немецких военнопленных в адрес Международного Комитета Красного Креста.

Председатель исполкома Союза обществ
Красного Креста и Красного Полумесяца СССР
«17» июня 1942 г. подпись (Колесников)

Примечание. 25 июня 1942 г. на документе от руки сделана пометка: «По указанию тов. Лозовского в Анкару направлен франц. текст письма т. Колесникова вместе с заявлением немецких военнопленных».

АВП РФ, ф. 132, оп. 27, п. 94, д. 70, л. 11. Подлинник.

ТЕЛЕГРАММА

Из Женевы
25 июля 1942 г.

Его превосходительству
МОЛОТОВУ
Народному Комиссару
Иностранных Дел
Москва

Финляндское правительство просит нас обратиться еще раз к Правительству СССР с тем, чтобы получить информацию о финских военнопленных, находящихся во власти советских сил. Списки, которые мы уже получили от финляндского правительства, могут быть немедленно обменены при нашем посредничестве, как только будут получены также списки финских военнопленных. Принцип взаимности, принятый согласно заявлениям советского и финляндского правительств в 1941 г., мог бы быть, таким образом, в действительности обеспечен в соответствии с Гаагской Конвенцией 1907 г. и Женевской Конвенцией 1929 г. о раненых и больных.

Ввиду того, что все его различные предложения относительно посылки в Москву делегации для облегчения начала этой работы остались без ответа, Международный Комитет Красного Креста ограничивается сегодня предложением приступить к взаимной и одновременной посылке сведений о военнопленных и предоставляет себя в полное распоряжение в качестве посредника по обмену.

Международный Комитет Красного Креста одновременно с этой телеграммой направляет Вашему Превосходительству письмо, чтобы дать дополнительные сведения по всей совокупности вопроса.

ГУБЕР.

Международный Красный Крест. 4073.

Перевел — подпись: (Подчероб)

Примечание. На документе имеется резолюция А. Я. Вышинского: «Т. Павлов пр. дать справку по аналог. вопросам».

АВП РФ, ф. 054, оп. 22, п. 530, д. 73, л. 23. Подлинник.

30

СЕКРЕТНО

Экз. № 1

«19» августа 1942 г.

№ 277

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
тов. ЛОЗОВСКОМУ

9 февраля 1942 г. Исполком Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР за подписью уполномоченного СОКК и КП —

Мяскова прислал через нас письмо Международному Комитету Красного Креста с приложением заявления 63 германских военнопленных и французского текста ноты т. Молотова. В настоящее время наше посольство в Турции препроводило нам ответ на упомянутое письмо. Подтверждая получение письма, МККК сообщает, что «противная сторона» представила документацию аналогичного характера и хотя, как говорится в письме МККК, «только факты, непосредственно установленные на месте нашими собственными делегатами, могли придать такому посредничеству в глазах различных заинтересованных сторон характер беспристрастия и дать повод обратиться к ответственному правительству с законными рекомендациями» МККК, «уступая официальной просьбе» СОКК и КП, имеет намерение переслать полученную документацию германскому Красному Кресту. К письму прилагается меморандум «Об отношениях Международного Комитета Красного Креста с Союзом Советских Социалистических Республик и Союзом Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца с 1939 г.» Меморандум излагает историю вопроса об обмене списками военнопленных между СССР и воюющими с СССР странами и старается подчеркнуть, что все предложения МККК оказать содействие и помощь советским военнопленным остались без ответа также, как и просьба МККК относительно разрешения на въезд в СССР делегата МККК для посещения лагерей для военнопленных, захваченных в плен частями Красной Армии.

Правовой Отдел не считал бы целесообразным отвечать на это письмо МККК, так как он не видит оснований менять занятую нами в соответствии с указаниями В. М. Молотова позицию в отношении посредничества МККК в деле обмена списками военнопленных («не отвечать»). По мнению Правового Отдела нет необходимости также разрешать сейчас вопрос и о допуске на территорию СССР делегата МККК.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОТДЕЛА

Переслать письмо МККК от 26 июня 1942 г. в Исполком СОКК и КП СССР, рекомендуем ему на это письмо не отвечать.

ЗАВЕДУЮЩИЙ ПРАВОВЫМ ОТДЕЛОМ

подпись: (Павлов)

Примечание. На документе имеется резолюция А. С. Лозовского: «Согласен».

АВП РФ, ф. 054, оп. 21, п. 523а, д. 57, л. 35. Подлинник.

5/6 декабря 1942 г.

№ 707-в

ТОВ. МОЛОТОВУ В. М.

Тов. Ульрих прислал сообщения и приговоры относительно германских военнопленных Хоберга, Мюка, Штрауфа, Рампича и Крума, осужденных к расстрелу за контрреволюционную агитацию, саботаж и невыполнение норм выработки в лагерях военнопленных, побег — в одном случае (Штрауф) и подготовку к побегу, в другом (Рампич), из лагерей.

Согласно ст. 29 «Положения о военнопленных», утвержденного Совнаркомом 1.VII-1941 г., о каждом вынесенном приговоре суд должен сообщать Исполкому Красного Креста не позднее 20 дней со дня вынесения приговора с приложением копии приговора. Приговор, осуждающий военнопленного к высшей мере наказания, немедленно по его вынесении сообщается Исполкому Красного Креста и может быть приведен в исполнение не ранее месяца после указанного сообщения.

Согласно 4-й Гаагской Конвенции, признанной нами для себя обязательной, справочное бюро о военнопленных, организуемое с открытия военных действий каждым из воюющих государств, должен фиксировать каждый случай смерти военнопленного.

Согласно ст. 66 Женевской Конвенции 1929 г. (к которой мы не присоединились, но об отсутствии возражений против принципов которой мы в свое время нотифицировали американцам) о вынесении смертного приговора военнопленному полагается сообщать государству, взявшему на себя защиту интересов военнопленных данной страны.

Учитывая, что гитлеровская Германия не считается ни с какими конвенциями о военнопленных и массами истребляет советских бойцов и командиров, попавших в плен, считал бы правильным о вынесении смертных приговоров в отношении германских военнопленных Болгарское Правительство, как взявшее на себя защиту интересов Германии, не информировать.

По существу упомянутых выше дел необходимо отметить, что приговоры составлены неудовлетворительно поверхностно, малоубедительно и если бы эти приговоры стали известными за пределами СССР, то их можно было бы использовать, как материал для враждебной СССР пропаганды.

[...] Указанные выше приговоры, утвержденные директивной инстанцией, привести в исполнение. В случае Вашего согласия с изложенным выше, соответствующие указания будут мною даны тов. Ульриху.

п. п. А. Вышинский

5/XII

Верно: Фортаков

Примечание. В левом верхнем углу документа имеется пометка: «В. М. — за».

АВП РФ, ф. 054, оп. 21, п. 523а, д. 57, лл. 25–25об. Копия.

« » января 1943 года.

экз. №

**ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
тов. ВЫШИНСКОМУ А. Я.**

Международный Комитет Красного Креста в письме от 24 июля 1942 г. на имя Народного Комиссара Иностранных Дел т. Молотова, ссылаясь на свою телеграмму от того же числа, снова ставит вопрос об обмене, при посредстве МККК, сведениями о военнопленных между СССР и воюющими с СССР странами. К письму прилагается меморандум об отношениях Международного Комитета Красного Креста с Союзом Советских Социалистических Республик и с Союзом Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца с 1939 г.

Правовой Отдел имеет сообщить по этому вопросу следующее:

В связи с телеграммой МККК от 25 июля 1942 г. нами было принято решение, утвержденное тов. Молотовым, на телеграмму не отвечать. Упомянутый меморандум, посланный МККК также еще в июне с. г. в адрес Исполкома СОКК и КП СССР был нами послан 21 августа 1942 г. Председателю Исполкома СОКК и КП СССР т. Колесникову с указанием на препроводительное к нему письмо не отвечать.

Правовой Отдел полагает, что в настоящее время нет оснований пересматривать принятое решение.

Предложение Отдела:

На письмо Губера не отвечать.

ЗАВ. ПРАВОВЫМ ОТДЕЛОМ

подпись: (А. Павлов)

Примечание. Меморандум МККК от 24 июля 1942 г. был переведен с французского на русский язык референтом наркомата иностранных дел О. Чумаковой только 10 декабря 1942 года.

АВП РФ, ф. 054, оп. 22, п. 530, д. 73, л. 30. Подлинник.

«29» января 1943 г.

Экз. № 1

№ 89/4е

ТОВ. ВЫШИНСКОМУ А. Я.

Болгарская Миссия в 1941 и 1942 гг. время от времени просила сообщить ей сведения о судьбе пленных немцев. Вы дали тогда указание не

отвечать на подобные запросы Болгарской Миссии, что в апреле прошлого года было санкционировано тов. В. М. Молотовым.

Сейчас от болгар пришла новая нота (от 27/1) с аналогичным запросом. Полагаю, что нам не следует менять эту позицию и в настоящее время.

29/1-43г.

Подпись: (Н. Новиков)

АВП РФ, ф. 074, оп. 32, п. 112, д. 7, л. 1. Подлинник.

34

«18» мая 1943 года

Секретно

экз. № 1

№ 11 по-м

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ тов. Вышинскому А. Я.

Делегация Международного Комитета Красного Креста в Анкаре передала нашему Посольству в Турции следующие материалы:

1. Письма из Одессы от советских граждан, адресованные их родственникам в различные местности СССР. Среди них имеется также письмо гр. Бауман, адресованное Начальнику Военно-Медицинской Академии г. Куйбышева с запросом относительно сына Бауман и письмо гр. Васильевой, адресованное Начальнику Мурманского Морского Пароходства с запросом относительно отца Васильевых. Кроме того, имеются два письма из Одессы, адресованные — одно в Иран, другое в Албанию.

2. Письма наших военнопленных в Румынии, адресованные их родственникам.

Правовой Отдел полагает, что письма из Одессы следует переслать в НКВД СССР для сведения. Письма же советских военнопленных, как мы это делали в прошлом — Центральному Справочному Бюро о военнопленных при Исполкоме СОКК и КП СССР для учета и хранения.

Проекты писем НКВД СССР и Центральному Справочному Бюро прилагаются.

ЗАВ. ПРАВОВЫМ ОТДЕЛОМ подпись: (А. Павлов)

Примечание. На документе имеется резолюция А. Я. Вышинского: «Согласен».

АВП РФ, ф. 054, оп. 22, п. 530, д. 73, л. 18. Подлинник.

« » июня 1943 года

Секретно

экз. №...

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ФИНАНСОВ СССР
тов. УРЮПИНУ

На В/№ 11-14/3с от 11/VI-с. г.

Народный Комиссариат Иностранных Дел считает, что личные вещи и ценности всякого рода, оставшиеся после смерти военнопленных вне зависимости от того, в чьем ведении вещи находятся, необходимо брать на учет и все данные, касающиеся таких вещей, пересылать в Центральное Справочное Бюро по делам военнопленных при Исполкоме Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, осуществляющее как учет самих военнопленных, так и принадлежащего последним личного имущества.

С администрацией этого бюро необходимо равным образом согласовывать и вопрос о том, где удобнее всего хранить вещи и ценности, принадлежащие умершим военнопленным.

Во всяком случае вещи и ценности, остающиеся после смерти военнопленных, не могут быть признаны выморочными и, следовательно, подлежащими реализации, а должны храниться впредь до особого на этот счет указания Наркоминдела.

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
(А. Вышинский)

Примечание. Первый экземпляр письма был направлен адресату 23 июня 1943 года.

АВП РФ, ф. 054, оп. 22, п. 529, д. 61, л. 90. Копия.

22 июля 1943 г.
 № 145/с

Секретно

Экз. № 1

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
тов. ВЫШИНСКОМУ

Прилагая при этом перевод телеграммы Британского Красного Креста с запросом о судьбе военнопленных неприятельских армий, прошу Ваших указаний о возможности дать Британскому Красному Кресту письменный

ответ аналогично рекомендованному Вами тексту для устного ответа Американскому Красному Кресту. Если письменный ответ давать нежелательно, то можно через нашего представителя в Англии проф. Саркисова дать такой же ответ устно. Одновременно прошу также Ваших указаний — можно ли использовать этот текст для ответа на письмо председателя Шведского Красного Креста принца Карла, копия которого была послана на имя В. М. Молотова 5-го мая с/г. за № 96/с.

Приложение. Перевод телеграммы и рекомендованный Вами текст устного ответа Американскому Красному Кресту.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА СОКК И КП:

подпись: (С. Колесников)

АВП РФ, ф. 054, оп. 22, п. 530, д. 73, л. 84. Подлинник.

37

27 июля 1943 г.

Секретно

№ 3918 с

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

тов. ВЫШИНСКОМУ А. Я.

Копия — ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

тов. КРУГЛОВУ С. Н.

26 июля с.г. Госбанк получил телеграмму от 23 июля с. г. из Базеля от Швейцарского банка «Швайцеришер Банкферайн» следующего содержания (перевод с английского):

«Можете ли Вы производить платежи германским военнопленным по поручению Международного Красного Креста Точка Мы указывали бы Вам фамилию и контрольный номер каждого военнопленного и кредитовали бы Вас в свободных швейцарских франках Точка Если это невозможно не могли бы Вы передать эту телеграмму Банку для внешней торговли или другому банку или сделать нам предложение которое можно было бы использовать для достижения намеченной цели точка Просим телеграфировать во всяком случае благодарим.

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ УПРАВЛЯЮЩИЕ
СЮИСБАНКА
(Швайцеришер Банкферайн)»

В связи с этим запросом прошу Ваших указаний Госбанку на предмет ответа упомянутому швейцарскому банку.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА СОЮЗА ССР

подпись: (Н. Чечулин)

АВП РФ, ф. 054, оп. 22, п. 529, д. 61, л. 128. Подлинник.

38

30 января 1944 г.

Заведующему Правовым
Отделом НКВД СССР тов. Павлову

По сообщению Исполкома Красного Креста и Красного Полумесяца за № 254/с от 24.11.43 г. в Центральном Справочном Бюро о военнопленных Исполкома СОКК и КП имеются письма, полученные на имя военнопленных через Международный Комитет Красного Креста.

На наш запрос о передаче этих писем нам Исполком СОКК и КП своим № 273/с от 8.12.43 г. сообщил, что у них имеется указание НКВД о хранении писем в Исполкоме СОКК и КП и вопрос о передаче им необходимо согласовать с НКВД.

В силу изложенного, прошу дать соответствующие указания Исполкому СОКК и КП о передаче указанных писем нам.

Заместитель начальника УПВИ
комиссар госбезопасности Н. Мельников

ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 9а, д. 10, л. 33. Копия.

39

**СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА, НАПРАВЛЕННАЯ 9 МАРТА 1944 ГОДА
ЗАВЕДУЮЩИМ ПРАВОВЫМ ОТДЕЛОМ НКВД
А. П. ПАВЛОВЫМ, КОМИССАРУ УПВИ НКВД Н. МЕЛЬНИКОВУ**

[...] На протяжении более чем двух лет мы систематически отказываем разного рода представителям Международного Красного Креста в передаче и сообщении сведений, касающихся военнопленных вражеских армий. При этом мы ссылались на то, что в отношении наших военнопленных гитлеровские власти и их пособники ведут политику массового истребления, не считаясь ни с какими нормами международного права [...]

В порядке исключения можно было бы, в частности, передавать некоторые письма, в которых отражены трудности гитлеровского тыла, результаты бомбежек, перебои в снабжении продовольствием. Причем передавать эти

письма отдельным, хорошо зарекомендовавшим себя в лагере, антифашистски настроенным лицам [...]

ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 9а, д. 10, л. 53. Подлинник.

40

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
С. Н. КРУГЛОВА, НАПРАВЛЕННАЯ НАРКОМУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Л. П. БЕРИЯ В АПРЕЛЕ 1944 ГОДА

Совершенно
секретно
тов. Берия

[...] Переписка была разрешена военнопленным лишь в январе 1943 года и осуществлялась в минимальных размерах, обуславливаемых интересами оперативной службы или агитационными целями.

В вопросе о нашей позиции в отношении правил, установленных Гаагской Конвенцией 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны, принципы которых положены в основу «Положения о военнопленных», Народный Комиссариат Иностранных Дел имеет особую точку зрения.

Заведующий правовым отделом НКВД СССР т. Павлов, ссылаясь на указания руководства НКВД, сообщил, что по их мнению «передача находящимся в СССР военнопленным вражеских армий адресованной им корреспонденции из-за границы может быть только исключением», считая таким исключением письма, отражающие трудности германского тыла, и личную переписку наиболее активных антифашистов.

Считаем более целесообразным разрешить и осуществлять переписку военнопленных в широком масштабе, так как это явится лучшим средством контрпропаганды против германских измышлений о расстрелах военнопленных и частично может быть использовано для распространения сведений о хороших условиях жизни в советском плену.

Прошу Ваших указаний.

Заместитель Народного Комиссара Внутренних Дел
Комиссар Госбезопасности II ранга
Круглов

« » апреля 1944 г.

ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 9а, д. 10, лл. 38 – 39. Копия.

21 сентября 1944 г.

№ 1358-А

Уважаемый Господин Министр,

Я имею честь препроводить Вам прилагаемую при сем памятную записку от 20 сентября сего года, содержащую описание новых фактов использования немцами на советско-германском фронте военнослужащих, возвращенных из английского плена.

С искренним уважением
подпись: Ф. Гусев

Господину А. Идену
Министру Иностранных Дел
Великобритании

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

Как известно, в газете «Правда» за 17 февраля и 10 марта 1944 года были опубликованы заявления немецких военнопленных Герхарда Махенса и Карла Вильде относительно нарушения немцами Женевской Конвенции 1929 года, а 13 мая британскому послу в Москве г-ну Керру было сообщено еще об одном случае неправильного использования немцами на советско-германском фронте военнослужащих, возвращенных из английского плена.

За последнее время компетентным властям стали известными новые случаи подобного использования лиц, возвратившихся из английского плена в Германию. Так, например, 29 июня 1944 года в районе Бобруйска Красной Армией был захвачен в плен ефрейтор 5 роты 12 санитарного батальона, 12 армейского корпуса Келлер Якоб, проживающий ранее в Пирмазене, Тальштрассе № 1 (Пфальц). Келлер показал, что 13 сентября 1942 года он был призван в армию и, пройдя подготовку на курсах санитаров, 23 марта 1943 года был направлен в 90 легкую танковую дивизию в Северную Африку. Через неделю после прибытия в Северную Африку он был захвачен в плен английскими властями под Тобруком и был направлен в специальный лагерь для медицинского санитарного персонала в 40 километрах к югу от Тобрука. 23 сентября 1943 года Келлер в числе 320 военнопленных медико-санитарного персонала был отправлен через Касабланку в Марсель для возвращения в Германию. Одновременно с ним в Марсель прибыл из Африки и другой транспорт с немецкими военнопленными, предназначенными для обмена, среди которых Келлер встретил своего товарища обер-ефрейтора Эрвина Игель из 90-й легкой танковой дивизии и его друга Гейнца Беноит из той же дивизии. По прибытии в Германию Игель был направлен на итальянский фронт, а Биноит — на советско-германский фронт, где он был ранен под Тарнополем. Келлер далее показал, что среди санитаров, обмененных вместе

с ним, находился танкист унтер-офицер Гейнц Вестрих, который за два дня до пленения присвоил документы убитого санитаря Курта Фрелих и под этой фамилией, военнопленного санитаря, возвратился на родину. Согласно показаниям Келлера после возвращения из плена в Германию около 70 санитаров, не имевших специальной подготовки и использовавшихся ранее для переноски раненых, были направлены на советско-германский фронт в 6 саперный батальон 6 пехотной дивизии под Бобруйск.

Другой военнопленный, ефрейтор Босс Фриц, 2 роты, 467 пехотного полка, 267 дивизии показал, что 8 мая 1941 года был призван в 12 запасной санитарный батальон в Бад Крейцах и после кратковременной подготовки был направлен в Тобрук в состав 1/33 санитарной роты, 15 танковой дивизии. 7 декабря 1941 года он был захвачен в плен английскими властями и помещен в 308 лагерь для военнопленных, после чего последовательно переводился в лагеря 304, 307, 133, 132, а 15 июля 1943 года прибыл в лагерь 21 в Канаде.

19 августа 1943 года он был направлен на санитарном судне «Леди Нельсон» в Бристоль, откуда в октябре 1943 года вместе с другими 800 военнослужащими был направлен через Гетеборг в Германию. Восемь или десять санитаров, предназначенных к обмену, не имели удостоверений Красного Креста и потому в лагере № 304 они были подвергнуты испытаниям по элементарным медицинским вопросам английским врачом капитаном Уайн, после чего получили от английских властей удостоверения о том, что они являются санитарями. Некоторые из немецких военнопленных, не являющиеся санитарями, имели удостоверения санитаров. Во время окружения под Тобруком писарь их роты, как заявляет Босс, выдал такие удостоверения 8 немецким солдатам — пехотинцам и артиллеристам. Лица, имевшие эти удостоверения, были обменены как санитары. Среди этих лиц был, в частности, радист Ганс Венц. Босс далее показал, что после девятидневного отпуска в Германии он вместе с 80 другими немцами, возвратившимися из английского плена, был направлен на советско-германский фронт, где они были использованы, как пехотинцы.

Советское правительство считает необходимым довести до сведения правительства Великобритании эти новые нарушения немцами Женевских конвенций 1929 года, имея в виду, что такого рода нарушения будут учтены и будет проявлена необходимая осторожность при обмене с немцами военнопленными и при возвращении так называемых «защищенных лиц», так как гитлеровская Германия является противником, который не останавливается ни перед какими нарушениями юридических норм международных конвенций.

20 сентября 1944 года.

АВП РФ, ф. 162, оп. 17д., п. 116а, д. 2, лл. 18 – 20.

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

17 октября 1944 г.

Дорогой Г-н Кукин,*

В письме за № 1358 от 21-го сентября сего года к Г-ну Идену, Г-н Гусев приложил **Памятную записку** относительно новых случаев использования немцами на советско-германском фронте военнослужащих, возвращенных из английского плена.

В отсутствии Г-на Идена и Г-на Гусева я пишу, чтобы сообщить, что правительством Его Величества обращено должное внимание на содержание **Памятной записки** и что Советское Правительство может быть уверено в том, что правительство Его Величества, как и прежде, будет проявлять бдительность при освобождении для возвращения немецких «защищенных лиц», находящихся в распоряжении английских властей, согласно Женевской Конвенции 1929 года о больных и раненых.

Искренне Ваш,

Подписано: Александр Кадоган.

Перевела: подпись (Смирнова)

19.10.44 г.

АВП РФ, ф. 162, оп. 17д, п. 116а, д. 5, л. 8.

ПОСЕЩЕНИЕ ЛАГЕРЯ И ГОСПИТАЛЯ

Возвращаясь с фронта, я посетил крупный лагерь для военнопленных и выступал там несколько раз перед 1500 офицерами и солдатами. Все они с интересом отнеслись к этому. Когда я выступал перед всем лагерем, неоднократно звучали возмущенные голоса в адрес Гитлера. Была заложена основа для дальнейшего активного сотрудничества с движением.

Лагерь производит превосходное впечатление. Оборудование и организация образцовые, несмотря на то, что лагерь еще строится.

Большую ценность для военнопленных имеют хорошо оборудованные мастерские: кузница, слесарная, токарная, швейная, сапожная, пекарня и, не в последнюю очередь, кухня. Множество материалов и инструментов. Пленные трудятся усердно. Лазарет и аптека хорошо укомплектованы. Питание вполне достаточное, вкусные блюда. Оборудуется большое помещение для

* К. М. Кукин — Временный поверенный в делах СССР в Великобритании.

духовной деятельности движения. Оно со вкусом и солидно обставляется. Наши сотрудники могут быть вполне этим довольны.

Затем я посетил госпиталь для тяжелораненых военнопленных. Это посещение произвело на меня особое впечатление. Жалею о том, что миллионы немецких мужчин и женщин не могут видеть этот лагерь. Тяжелораненые размещены в большом и просторном госпитале. Я лично разговаривал с большинством раненых. Все солдаты получают заботливый уход. Я убедился, что для выздоровления делаются сложные операции. Например, для лечения одного ослепшего применяли особую методику лечения, несмотря на то, что потеря зрения была медицински подтверждена. Все солдаты высказывают благодарность за заботу. Многие удивлены тем, что вопреки национал-социалистической пропаганде, с ними в России обращаются хорошо. Их также удивляло, что мне дали возможность посетить их.

«Свободная Германия», 1944, декабрь, № 49, с. 3. (Перевод с немецкого).

44

СОЮЗНАЯ КОНТРОЛЬНАЯ КОМИССИЯ В РУМЫНИИ

5 января 1945 г.
№ 031

гор. Бухарест

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ РУМЫНИИ КОРПУСНОМУ ГЕНЕРАЛУ РАДЕСКУ

На основании решения Верховного Главнокомандования прошу Вас:

В период с 10 по 20 января 1945 года произвести мобилизацию на работы трудоспособных граждан-немцев, независимо от подданства по следующим группам:

мужчин от 17 лет до 45 лет,

женщин от 18 лет до 45 лет.

Женщины, имеющие грудных детей (до одного года), от мобилизации освобождаются.

Мобилизованные граждане будут использованы на работах согласно решения Военного Командования.

Мобилизованные обязаны иметь с собой личные вещи: зимнюю одежду, обувь, белье, постельные принадлежности, личную посуду, предметы гигиены и продовольствия на 15 суток. Общий вес вещей не должен превышать 200 килограммов.

Подобный перечень вещей был вручен Вам лично.

Мобилизованные граждане-немцы будут иметь право переписки и право получения и отправки почтовых посылок.

В Ваших распоряжениях по мобилизации, прошу предусмотреть строгое наказание виновного и его семьи за уклонение от мобилизации и за укрывательство лиц, подлежащих мобилизации.

На тех лиц из подлежащих мобилизации по своему возрасту, которые по мнению Румынского Правительства или его местных органов заслуживают освобождения от мобилизации, прошу составить особые списки, которые представить в Союзную Контрольную Комиссию или Уполномоченному на месте.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СКК В РУМЫНИИ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ — (ВИНОГРАДОВ)

ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 13а, д. 5, л. 308. Подлинник.

45

2 февраля 1945

Записка по «ВЧ»

МОСКВА, НКВД СССР
тов. БЕРИЯ Л. П.

Докладываем итог выполнения постановления ГОКО № 7161—сс от 16.12.44 г. и Вашего приказа № 522 от 18 декабря 1944 г.

1. Всего интернировано немцев:

а) По Венгрии в границах 2-го Украинского фронта 20614 человек, из них: мужчин — 14371, женщин — 6243; в границах 3-го Украинского фронта 12359 человек, из них: мужчин — 7068, женщин — 5291.

Итого по Венгрии — 32973 человека, из них: мужчин — 21 439, женщин — 11534.

б) По Югославии — 10935, из них: мужчин — 3692, женщин — 7243.

в) По Болгарии — 281 человек, из них: мужчин — 183, женщин — 98.

г) По Чехословакии — 250 человек, из них: мужчин — 52, женщин — 198.

д) По Румынии — 80103 человека, из них: мужчин — 41250, женщин — 38853.

ИТОГО по перечисленным странам интернировано немцев 124542 человека, из них: мужчин — 66616, женщин — 57926.

2. Из общего числа интернированных освобождено до сборных пунктов по разным причинам (больные, нетрудоспособные, беременные женщины, лица других национальностей, служители религиозных культов и пр.) всего 12190 человек, из них: мужчин — 5446, женщин — 6744.

3. Отправлено в СССР по состоянию на 2 февраля 1945 года всего 74 эшелона с интернированными немцами общей численностью 112480 человек, из них: мужчин — 51375, женщин — 51105. В том числе:

а) Из Венгрии в границах 2-го Украинского фронта 19554 человека, из них: мужчин — 13921, женщин — 5643; в границах 3-го Украинского фронта 12359 человек, из них: мужчин — 7068, женщин — 5291.

Всего по Венгрии — 31923 человека, из них: мужчин — 20989, женщин — 10934.

б) Из Югославии — 10935 человек, из них: мужчин — 3692, женщин — 7243.

в) Из Болгарии — 75 человек, из них: мужчин — 55, женщин — 20.

г) Из Чехословакии — 215 человек, из них: мужчин — 49, женщин — 166.

д) Из Румынии — 69332 человека, из них: мужчин — 36590, женщин — 32742.

4. Операция была проведена силами оперативного состава НКВД—НКГБ, личного состава специально выделенных частей войск НКВД и частей Красной Армии.

[...] В личном составе войск и среди оперативного состава, принимавших участие в операции, потерь не было. 2 февраля с. г. операция закончена.

Аполлонов Горбатюк Сладкевич

ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 13а, д. 5, л. 94—96. Подлинник.

ИЗ ДНЕВНИКА ЙОЗЕФА ГЕББЕЛЬСА

31 марта 1945 г. Суббота.

[...] Антианглийская и антиамериканская пропаганда — вот теперь веление времени. Только в том случае, если мы сумеем разъяснить нашему народу, что англичане и американцы намерены поступить с ним так же, как и большевики, он займет другую позицию по отношению к врагу на Западе. Если нам удалось так ожесточить наш народ против большевиков и вызвать к ним ненависть, почему же мы не сможем сделать это и по отношению к англоамериканцам? Однако мы, вопреки моим советам, допустили ошибку: не вышли из Женевской конвенции. Сделай мы это, число немецких солдат, которые в теперешних боях на Западе сдались в англо-американский плен, наверняка не было бы таким большим, как, к сожалению, сейчас. Фюрер считает, что я абсолютно прав. Он дал уговорить себя Кейтелю, Борману и Гиммлеру всякой болтовней, а потому не сделал того, что является целесообразным. Фюрер признает, что я единственный, кто в этом вопросе был прав [...]

Печат. по: Новая и новейшая история, 1992, № 5, с. 224—225.

**ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ РККА
№ 11072 ОТ 20 АПРЕЛЯ 1945 г.**

**«ОБ ИЗМЕНЕНИИ ОТНОШЕНИЯ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ
К НЕМЕЦКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ И ГРАЖДАНСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ»**

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Потребовать от войск изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданскому населению, и обращаться с ними лучше. Жестокое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь смерти, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне.

2. В районах Германии к западу от линии: устья р. Одер, р. Одер до Фюрстенберг и далее р. Нейсе (западная) создавать немецкую администрацию, а в городах ставить бургомистров немцев. Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной Армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать.

3. Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и к панибратству с немцами.

Ставка Верховного Главнокомандования.

И. Сталин.

20.04.45.

Антонов.

Печат. по: Новое время, 1994, № 15, с. 15.

14 июня 1945 г.

Секретно

Экз. № 1

№ 128/75с

**НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
товарищу МОЛОТОВУ В. М.**

Представляю переводы двух писем генерала ДИН от 27 мая и 2 июня с. г. по вопросу Международной делегации Красного Креста в Берлине.

Одновременно докладываю, по сообщению штаба фронта указанная в письме генерала ДИН делегация действительно находится в Берлине.

Все члены делегации швейцарские подданные.

Делегация в своем распоряжении имеет 3 легковых машины и обеспечена полностью продовольствием и горючим.

Считал бы возможным делегацию направить в район расположения американских войск, находящихся в Германии.

Прошу Ваших указаний.

Приложение: Упомянутое на 3 листах.

НАЧАЛЬНИК ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ АРМИИ подпись: (АНТОНОВ)

Примечание. Надпись на документе гласит: «Тов А. Я. Вышинскому. По поручению тов. Молотова направляю Вам на Ваше имя решение.

14/VI.

Подцерб.

АВП РФ, ф. 0129, оп. 29, п. 176, д. 80, л. 50. Подлинник.

Глава вторая

ТРУДНАЯ ДОРОГА НА РОДИНУ.

(Репатриация немецких военнопленных из СССР: 1945—1955)

Как известно, союзники по второй мировой войне еще до поражения Германии приняли решение о наказании главных военных преступников и привлечении к ответственности активных членов фашистских партий и их военизированных организаций. Однако вопрос о дальнейшей судьбе сотен тысяч солдат и офицеров вермахта, которые к моменту капитуляции окажутся в плену трех великих держав, повис в воздухе. Впрочем, на Тегеранской конференции Сталин проговорился, что намерен в течение нескольких лет держать на восстановительных работах по меньшей мере 4 млн. немцев. Тогда же советский лидер произнес зловещую фразу о необходимости расстрелять костяк германской армии — офицерский корпус численностью 50 тысяч человек. И лишь негативная реакция У. Черчилля на это заявление вынудила Сталина выдать свои слова за неудачную шутку¹.

На Ялтинской конференции Ф. Рузвельт подчеркнул незаинтересованность США в привлечении германской рабочей силы. Сталин, в свою очередь, дал понять, что отказываться от использования принудительного труда не будет, но в целом к обсуждению данной проблемы «Советское правительство пока еще не готово»². Лукавил «отец народов», ибо в те дни первые эшелоны с немецкими мужчинами и женщинами, подданными Венгрии, Румынии, Югославии и Болгарии, уже катили на Восток. Только по секретному постановлению ГКО № 7161 «сс» от 16 декабря 1944 года на угольные шахты, предприятия черной металлургии и прочие объекты доставили более 112 тысяч человек, единственной виной которых была их принадлежность к немецкой национальности³.

Депортация гражданского населения о многом говорила даже непосвященному в большую политику. Не стоит удивляться тому, что весной сорок пятого все военнослужащие вермахта, начиная от генерала и кончая рядовым солдатом, предпочитали сдаваться в плен англичанам и американцам. Подписанная союзниками 5 июня 1945 года «Декларация о поражении Германии» как нельзя лучше

устроивала советскую сторону. Второй пункт статьи второй этого документа, вопреки Женевской конвенции, предоставлял «Главномандующему вооруженных сил соответствующего союзного государства» единолично решать вопрос о том, кого именно следует считать военнопленным⁴. А позиция Сталина на этот счет была предельно жесткой — все трудоспособные немцы должны быть доставлены в тыловые лагеря Советского Союза, где им предстоит возмещать нанесенный стране материальный ущерб.

У военнопленных, уже не первый год находившихся за колючей проволокой, оставалась смутная надежда на то, что о репатриации пойдет речь на одном из ближайших форумов победителей. Осведомители, к примеру, зафиксировали следующее высказывание президента «Союза немецких офицеров» генерала Вальтера фон Зайдлица: «...Было бы желательно, если бы Берлинская конференция обсудила вопрос о возвращении немецких военнопленных на родину. Учитывая, что целью Национального Комитета является сближение русского и немецкого народов, такое мероприятие усилило бы симпатии немцев к Советскому Союзу. В противном случае длительная задержка немцев в плену у русских и неизвестность об их дальнейшей судьбе, усилят беспокойство в Германии»⁵. У Зайдлица, к слову сказать, были веские основания для нравственных терзаний. На протяжении всей своей деятельности лидеры антифашистского движения настойчиво убеждали солдат по ту сторону фронта в том, что нельзя верить пропаганде Геббельса о долгих годах предстоящего плена в России в случае военного поражения. Но похоже мрачные предсказания нацистского министра пропаганды начинали сбываться. Потсдамская конференция не обозначила даже приблизительных сроков репатриации.

С юридической точки зрения к странам-победительницам трудно предъявить какие-либо претензии. В статье 75-й Женевской конвенции 1929 года сказано, что возвращение военнопленных на родину «должно производиться в кратчайший после заключения мира срок»⁶. Однако после ареста членов кабинета правительства Дёница и констатации того факта, что в Германии не существует какого-либо правительства вообще, заключать мир было попросту не с кем. В меморандуме МККК, направленном 21 августа 1945 года в адрес СССР, США, Великобритании и Франции, Макс Губер призывал великие державы с пониманием отнестись к сложившейся ситуации. Вряд ли приемлем формальный подход к документу международного права, когда речь идет о судьбах людей. В любом случае «*нельзя срок нахождения в плену делать неопределенным*»⁷. В Вашингтоне, как свидетельствуют архивные документы, реакция на меморандум Макса Губера была положительной. 17 ноября

1945 года посол А. Гарриман от имени своего правительства предложил советскому руководству одобрить инициативу МККК по поводу созыва в Женеве неофициального совещания по пересмотру конвенций о защите жертв войны. Однако в наркомате иностранных дел усмотрели в инициативе Международного комитета только намерение поскорее возвратить военнопленных на родину. Отрицательный ответ Вышинский мотивировал более чем странным образом: «...На мировое общественное мнение произвело бы неблагоприятное впечатление, если бы правительства главных участвовавших в войне стран уже в первые дни мира занялись подготовкой соглашения касательно военнопленных»⁸.

Год 1945.

«Просто освобождались... »

На завершающем этапе войны из армейских приемных пунктов и фронтовых лагерей было освобождено без направления в тыловые районы страны около 615 тысяч вражеских солдат⁹. Это были румыны, венгры, словаки, чехи, рядовые и унтер-офицеры других национальностей. В последние дни весны среди отпущенных на свободу появляются немцы, главным образом рядовые фольксштурма — калеки, старики, подростки из «Гитлерюгенд». Только лишь соображениями гуманности эту санкционированную приказом наркома внутренних дел № 00135 от 18 апреля 1945 года инициативу объяснить не стоит, ибо армейские приемные пункты и фронтовые лагеря уже тогда не справлялись с огромным количеством прибывавших военнопленных. Видимо, в чем-то прав был гросс-адмирал Карл Дёниц, когда писал: «Капитулирую мы зимой 1944—45 гг., в русский плен попало бы 3,5 млн. солдат Восточного фронта, который весьма еще далеко отстоял от линии англо-американского. Принять их, обеспечить продовольствием и разместить было бы для русских, даже при самом большом желании, организационно невозможно. Им пришлось бы пережить зимние месяцы в примитивных условиях, в открытом поле, результатом чего явилась бы ужасающе высокая смертность»¹⁰.

5 мая 1945 г. нарком внутренних дел Л. П. Берия и начальник Генерального штаба Красной Армии А. И. Антонов направили Верховному Главнокомандующему письменный доклад: в расположении войск 1, 2, 3-го Белорусского и 1, 2, 3-го Украинского фронтов находится на текущий момент 410 тысяч пленных. Среди них приблизительно 80 тысяч больных, а поэтому к отправке в СССР в срок до

12 июня 1945 г. запланировано 330 тысяч человек. По прибытии на место трудоспособные военнопленные будут использоваться на работах в 48 наркоматах согласно прилагаемому списку. Первым в этом списке был Наркомат угольной промышленности, получавший в свое распоряжение 41500 человек, за ним шли: Наркомстрой — 30750 человек, Наркомат путей сообщения — 27500 человек и т. д.¹¹

11 мая Берия доложил Сталину, что общее количество военнопленных составило 2 млн. 70 тысяч человек, среди них приблизительно 1 млн. 300 тысяч немцев. Все оставшиеся майские дни советский вождь регулярно получал информацию о том, насколько успешно проходит доставка в СССР рабочей силы, знакомился с предложениями наркоматов по ее рациональному использованию. К вопросу о судьбе иной категории пленных — инвалидов и больных, не пригодных к физическому труду, Сталин согласился вернуться только тогда, когда убедился, что картина складывается достаточно благополучная (с учетом отправленных в мае в тыловые лагеря СССР должно было поступить 1031350 вражеских солдат и офицеров)¹².

4 июня 1945 г. ГКО принял постановление № 8921 «сс» «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей для военнопленных». Суть постановления сводилась к тому, чтобы произвести рациональное распределение уже имевшейся и поступавшей с фронтов рабочей силы в лице отвоевавших вражеских солдат по различным отраслям хозяйства СССР. При этом были приняты во внимание предложение о трудовом использовании военнопленных, изложенное в уже упомянутой записке Сталину, а также оперативная информация с фронтов. Отдельным пунктом было проведено решение, обязывавшее НКВД освободить и репатриировать на родину из тыловых лагерей и спецгоспиталей до 225 тысяч нетрудоспособных вражеских солдат.

Во исполнение постановления ГКО, Берия издал приказ № 00698. Перед начальником ГУПВИ генерал-лейтенантом М. С. Кривенко ставилась задача организовать в лагерях и госпиталях тщательный отбор установленного решением высшей инстанции количества военнопленных. В списки на репатриацию разрешалось вносить только рядовой и унтер-офицерский состав. Уточнялось, кого в первую очередь следует отнести к категории нетрудоспособных — инвалидов, лиц, страдающих туберкулезом и дистрофией, хирургических больных с незаживающими ранами. Отбором репатрируемых должны были заниматься специальные комиссии, во главе либо с заместителем наркома внутренних дел союзной республики, либо, если речь шла о крае или области, с начальником

Управления НКВД. Свою работу комиссии, в состав которых категорически запрещалось включать врачей из числа военнопленных, должны были завершить через 10 дней. Поразительно, но в подробном регламентирующем каждую деталь приказе ни слова не говорилось ни о денежном расчете с репатрируемыми за их труд, ни о выдаче нуждающимся справки об инвалидности, ни даже о каком-либо документе, подтверждающем освобождение из плена¹³.

Как это вытекало из содержания постановления ГКО и последовавшего за ним приказа НКВД, на родину должны были выехать не пригодные к труду военнопленные вне зависимости от того, к какой национальности они принадлежали. Однако вскоре по этому поводу были сделаны указания. Под постановление ГКО № 8921 «сс» попали только немцы и австрийцы. Что касается нетрудоспособных военнопленных прочих национальностей, то они репатриировались примерно в те же сроки, но по другим правительственным решениям. Общее количество немцев и австрийцев, вернувшихся на родину по упомянутому постановлению ГКО, составило 232 948 человек¹⁴.

Едва успели прибыть на родину первые партии бывших солдат вермахта, попавших в списки на репатриацию, как вопрос о судьбе военнопленных вновь оказался в фокусе внимания советского руководства. Причин для этого было несколько: наличие в лагерях СССР дополнительно выявленного нетрудоспособного контингента, угрожающе высокая смертность среди пленных, не вывезенных в тыл по причине их непригодности к физическому труду, и, наконец, обязательства перед союзниками, нейтральными странами и недавно сформированными правительствами так называемых дружественных государств.

10 августа Берия представил Сталину проект постановления ГКО, согласно которому из районов бывших фронтов и тыловых лагерей страны подлежали освобождению и репатриации 708 тысяч военнопленных рядового и унтер-офицерского состава. Все репатрируемые были поделены на три группы. В первую входили подданные Чехословакии, Польши и Югославии — около 62 тысяч человек. Все они получали возможность отбыть на родину, вне зависимости от состояния здоровья (как больные, так и здоровые). Передачу этих пленных соответствующим иностранным властям поручалось осуществить НКВД СССР. Во вторую группу входили итальянцы, бельгийцы, голландцы, люксембуржцы, болгары, датчане, шведы, норвежцы, швейцарцы, американцы, англичане и греки — всего более 24 тысяч человек. Они также освобождались из лагерей, вне зависимости от своего физического состояния, но их передача представителям соответствующих государств должна бы-

ла осуществляться через аппарат Уполномоченного по репатриации при СНК СССР, который возглавлял генерал-полковник Ф. И. Голиков. Наконец, в третью, самую многочисленную группу входили нетрудоспособные немцы — 412 тысяч человек, венгры — 150 тысяч человек, румыны — 30 тысяч человек, австрийцы — 30 тысяч человек¹⁵.

13 августа 1945 г. этот проект без существенных изменений был утвержден постановлением ГКО № 9843 «сс», а Берия продублировал основные пункты принятого решения в своем приказе, датированном тем же числом (№ 00955). Относительно немецких военнопленных, подлежащих освобождению и репатриации на родину, в приказе говорилось следующее. Из Северной группы войск должно быть освобождено 142 тысячи человек, из Центральной группы войск — 54 тысячи человек, из Южной группы войск — 30 тысяч человек и из Группы советских оккупационных войск в Германии — 75 тысяч человек. Еще 111 тысяч не пригодных к физическому труду немцев должны быть отправлены на родину из тыловых лагерей и спецгоспиталей. Далее в приказе говорилось, что в списки на освобождение и репатриацию не должны попасть служившие в СС, СД, СА, сотрудники гестапо и выявленные участники зверств и злодеяний. Передачу пленных из бывших фронтовых лагерей следовало начать не позднее 15 августа, а отбор военнопленных, предназначенных к освобождению из тыловых лагерей и спецгоспиталей, должен был быть завершен к 1 сентября¹⁶.

Процесс возвращения военнопленных из СССР на родину протекал в 1945 г. особенно долго и мучительно. Низкая пропускная способность железных дорог, нехватка вагонного парка, непрерывавшийся поток встречных перевозок с возвращавшимися домой советскими гражданами и демобилизованными воинами привели в конце концов к срыву намеченных сроков. Вместо 15 октября, как это было определено, к примеру, августовским постановлением ГКО, репатриация завершилась только к концу года. И хотя контроль за предоставлением отъезжавшим военнопленным требуемого количества эшелонов возлагался лично на начальника Центрального управления военных сообщений генерал-лейтенанта В. И. Дмитриева, заявки НКВД зачастую удовлетворялись с опозданием и не в полном объеме. Под погрузку, как правило, выделялись совершенно не приспособленные для перевозки людей товарные вагоны.

Наиболее откровенно повествует о том, в каком тяжелом состоянии прибывали немцы к месту назначения, служебная записка начальника отдела НКВД по делам военнопленных Группы советских оккупационных войск в Германии, адресованная генерал-лейтенанту медицинской службы М. М. Гурвичу. «В лагерь военнопленных № 69

во Франкфурте-на-Одере, — говорилось в этом документе, — из тыловых лагерей нашей страны согласно решению Правительства поступают эшелоны с инвалидами, больными и физически ослабленными военнопленными для их последующего освобождения. В течение октября поступает по 4—6 эшелонов в сутки... В ближайшие 2—3 месяца во Франкфуртский лагерь из тыловых лагерей согласно указаниям Москвы должно быть принято, а затем освобождено до 300 тысяч больных». Далее в служебной записке подчеркивалось, что справиться с поставленной задачей будет крайне сложно, так как «среди прибывающих большой процент смертности: умирают в пути следования, в пункте прибытия, умирают в спецгоспитале». Свое обращение к генерал-лейтенанту медицинской службы Гурвичу, занимавшему, кстати сказать, должность начальника санитарного управления Группы советских оккупационных войск в Германии, представитель НКВД заканчивал просьбой о том, чтобы срочно открыть при лагере № 69 хотя бы еще один госпиталь¹⁷.

К сожалению, исчерпывающие сведения о судьбе немцев, отправленных из СССР на родину в соответствии с двумя упомянутыми постановлениями ГКО, отсутствуют. Однако есть достаточно веские основания и доводы, позволяющие утверждать, что многие из военнопленных, внесенные в списки на репатриацию, до дома так и не добрались, умерли в пути или уже по прибытии к месту назначения. Здесь, в лагере № 69 во Франкфурте-на-Одере, офицеры НКВД, по всей видимости, составляли *новые списки*, включая в них только живых и относительно здоровых людей, и после этого приступали к процедуре передачи репатриированных местным органам самоуправления. В Москве на эту порочную практику смотрели сквозь пальцы, ибо смертность среди военнопленных в те дни и без того была высокой. Согласно справке начальника учетного отдела ГУПВИ капитана госбезопасности А. Н. Бронникова за период с 1 июля по 20 октября 1945 г. в тыловых лагерях и спецгоспиталях умерло 35297 человек¹⁸.

Неизбежным следствием системы избирательного учета скончавшихся явилось появление не зафиксированной ни в одном документе ГУПВИ категории «пропавших без вести». Именно в разряд «пропавших без вести» попал, к примеру, немецкий летчик Адольф Аппель. На четвертый день войны в районе Киева приземлился немецкий бомбардировщик «Ю-88», 29 июня 1941 г. «Правда» опубликовала фотографию и письмо членов экипажа, в котором летчики, в том числе стрелок-радист Адольф Аппель, призывали соотечественников переходить на советскую сторону. Факт по тем временам крайне примечательный, и о нем сообщило не только

московское, но и английское радио. Знали о судьбе экипажа «Ю-88» и родственники Адольфа Аппеля, всю войну ждавшие от него хоть какой-то весточки из России. Наконец, в 1947 г. через Чехословацкую военную миссию они вышли на ГУПВИ МВД СССР. Выяснилось, что разыскиваемый содержался в лагере № 270 в Боровичах, откуда в августе сорок пятого был отправлен во Франкфурт-на-Одере и... пропал. Получив такую справку, заместитель начальника ГУПВИ генерал-майор Н. Т. Ратушный наложил на документе резолюцию: «Это явно то лицо, которое интересует чехословаков». Однако многоопытный службист был прекрасно осведомлен о принятых «правилах игры». А посему в ответе говорилось, что Аппель Адольф Генрих «в лагерях для военнопленных не содержался и ГУПВИ о нем сведениями не располагает»¹⁹. Аналогичный ответ был дан на просьбу матери ефрейтора германской армии Эриха Айхельсдёрфера, которая узнала на фотографии из книги «Военнопленные в Советском Союзе» (объекте гордости руководства МВД) своего единственного сына²⁰. Подобных примеров, увы, немало, и заинтересованный исследователь без труда обнаружит их в архивных документах.

Крайне драматично проходил процесс освобождения военнопленных из фронтовых лагерей. В течение нескольких недель, а то и месяцев, 418 тысяч человек жили на скудном пайке, ютились в переполненных бараках. За колючей проволокой процветало воровство. По ночам пленные норовили стащить друг у друга припрятанную пайку хлеба. Не мелочились интенданты, меняя продукты на водку и спирт. Один из таких случаев получил огласку, поскольку награбленное сбывалось владельцу спиртзавода немцу Мюллеру. Обеспечил «поставку» более одной тонны сахара, маргарина и растительного масла заместитель начальника продовольственно-финансовой службы лагеря № 432 младший лейтенант Раков. Руководители ГУПВИ МВД просто не могли не принять крутых мер по отношению к политически недалёковидному расхитителю, вступившему в контакт с представителем частного капитала²¹.

К моменту, когда пришло известие об освобождении, многие из обитателей бараков не могли передвигаться без посторонней помощи. Санитарные летучки, формирование которых для транспортировки инвалидов и больных должен был проконтролировать лично начальник тыла Красной Армии генерал армии А. В. Хрулев, куда-то запропастились. Военнопленные, как сказано в отчете ГУПВИ, «**просто освобождались из фронтового лагеря и самостоятельно следовали, куда заблагорассудится**». Командование, обремененное собственными заботами, о процедуре официальной передачи пленных (в обязательном порядке — двусторонний акт приема-передачи), видимо, не желало и

думать. «Некоторые лагеря, — читаем далее в отчете, — сохранили только именные списки на освобождение, некоторые заставили на этих листах расписаться самих освобожденных, а некоторые даже такого одностороннего документа не составили»²².

По-разному сложилась судьба пленных, которых в списки на освобождение не включили, но и вывозить в тыл тоже не стали. Речь идет о немцах, переданных СССР странам, попавшим под его влияние. Известно, к примеру, что визит в Москву делегации поляков во главе с премьер-министром Э. Осубка-Моравским завершился подписанием договора о советско-польской границе и соглашения по вопросу возмещения ущерба, причиненного германской оккупацией. В частности, по «Соглашению» Польша обязывалась поставлять в Советский Союз каменный уголь «в течение всего периода оккупации Германии»²³. И вовсе не случайно уже 18 августа 1945 г., на следующий день после торжественных проводов почетных гостей, Берия ознакомил Сталина с проектом постановления ГКО (утвержден под № 9865 «с»), по которому 50 тысяч немецких военнопленных, содержащихся в лагерях на территории Польши, в срок до 10 сентября текущего года передавались правительству Осубка-Моравского²⁴.

1500 немцев были переданы Чехословакии, после того как 23 ноября 1945 г. был заключен межправительственный договор, предусматривавший поставку в СССР урановой руды. Впоследствии их количество было доведено до 4500 человек. Более четырех лет военнопленные работали на «Яхимовских шахтах», облюбовав себе по прихоти начальства лагеря с громкими названиями «Свобода», «Равенство», «Братство». Время от времени одних, потерявших трудоспособность, отправляли в СССР (объект считался секретным и работавшие на нем репатриировались в последнюю очередь), других — передавали советскому акционерному обществу в Германии «Висмут»²⁵.

Под постановление ГКО № 8921 «сс» попали и немецкие военнопленные, находившиеся в госпиталях, расквартированных на территории Германии. 4 июля генерал-майор медицинской службы А. Я. Барабанов, занимавший должность начальника ВСУ (военно-санитарного управления) уже упраздненного 1-го Белорусского фронта, направил в санотделы армий следующую директиву: «Весьма срочно. Верховный Главнокомандующий Генералиссимус Советского Союза товарищ Сталин разрешил передачу из госпиталей Красной Армии местным органам власти военнопленных немцев-инвалидов, не нуждающихся в дальнейшем госпитальном лечении, не способных к физическому труду. Приступите немедленно к передаче указанных контингентов. В первую очередь, передайте рядовой

и сержантский состав, списки на передаваемых местным органам власти согласуйте со «СМЕРШ». О порядке передачи инвалидов — генералов и офицеров — указания будут даны дополнительно»²⁶.

Почти одновременно был получен еще один приказ, на этот раз за подписью маршала Г. К. Жукова, предписывавший передать госпитали, в которых содержатся немцы, под обслуживание репатриантов. На практике все это привело к ужасной неразберихе и спешке, необоснованной выписке тяжелораненых и различного рода экстремальным ситуациям. 19 июля 1945 года начальник отдела по репатрированным 3-й ударной армии полковник Н. К. Мячин докладывал: «При очередной встрече с представителями союзного командования нам было предложено принять от них 4000 советских раненых военнопленных... Отказался, так как не имеется возможности их госпитализировать в соответствующие лечебные учреждения»²⁷.

Итак, можно подвести первые итоги. По данным ГУПВИ НКВД в 1945 году было репатрировано в общей сложности 1009589 военнопленных. Из этого количества по постановлению ГКО № 8921 «сс» было отпущено на родину 195486 немцев. А вот сколько их было *фактически освобождено* по постановлению ГКО № 9843 «сс» ни в одном из отчетов обнаружить не удалось, и мы вынуждены принять на веру названную Берией цифру 412 тысяч человек. По крайней мере на 136287 немцев, попавших под освобождение в данный период, соответствующие документы об их репатриации отсутствуют»²⁸.

Год 1946.

«Под предлогом сосредоточения...»

Уже в январе 1946 г. в лагерях военнопленных вновь резко уменьшилось число трудоспособных. Обстановку удалось нормализовать только к весне, да и то не полностью. 21 мая министр внутренних дел С. Н. Круглов докладывал Сталину (копия — Молотову, Берии), что «в результате проведенных мероприятий в апреле с. г. достигнуто снижение заболеваемости и смертности». Для большей убедительности министр привел такие цифры. В лагерях и спецлагерях умерло в апреле 5216 чел., что на 2210 чел. меньше, чем в марте. Количество трудоспособных обитателей лагерных барачных бараков увеличилось на 2,1% и составило 66,5% от их общего количества. Доклад заканчивался на оптимистической ноте: «По данным за первую декаду мая заболеваемость и смертность среди военнопленных продолжают снижаться»²⁹.

В Кремле, однако, ситуацию оценивали более реалистично. Буквально через несколько дней министру внутренних дел было предложено подготовить проект постановления Совета Министров СССР, который 18 июня 1946 г. был утвержден за № 1263-519 «сс», получив наименование «Об отправке на родину больных и нетрудоспособных военнопленных немецкой и других западных национальностей». 27 июня 1946 г. во исполнение данного постановления Крутлов издал приказ № 00601, согласно которому репатриации подлежали «инвалиды, старики, длительно нетрудоспособные» лица рядового и унтер-офицерского состава, а также, что весьма существенно, отнесенные к категории не пригодных к физическому труду офицеры в звании до капитана включительно. Правда, относительно последних была сделана уже знакомая нам оговорка: служившие в СС, СД, СА и гестапо остаются в лагерях, несмотря на свое физическое состояние. Далее в приказе говорилось, что немцы, поляки, венгры, австрийцы, чехословаки, румыны, югославы и болгары будут отправляться на родину в три очереди. Контроль за прохождением эшелонов через государственную границу возлагается на начальника пограничных войск генерал-лейтенанта Н. П. Стаханова. Местом сбора и передачи репатрируемых немцев объявлялся лагерь № 69 (Франкфурт-на-Одере), поляков — лагерь № 284 (Брест), венгров, австрийцев и чехословаков — лагерь № 36 (Сигет), румын, югославов и болгар — лагерь № 176 (Фокшаны). Всю операцию намечалось завершить к 15 октября. К приказу прилагался подписанный начальником ГУПВИ генерал-лейтенантом Кривенко «Ориентировочный расчет репатрируемых» (см. таблицу)³⁰.

Республики	Подлежит репатриации			
	Лагеря	Госпитали	ОРБ*	Всего
РСФСР	58 633	29 733	4 700	93 066
Украина	8 730	15 245	2 550	26 525
Белоруссия	6 160	2 660	1 300	10 120
Молдавия	14 430	4 360	240	19 030
Узбекистан	60	20	—	80
Эстония	2 364	736	200	3 300
В целом	90 377	52 754	8 990	152 121

*ОРБ — отдельные рабочие батальоны. Каждый ОРБ насчитывал от 500 до 1000 человек (3 роты, 3 взвода). На 1 января 1946 г. в ОРБ состояло на учете 142571 человек военнопленных «западных национальностей» и 67809 японцев.

Пленных немцев, видимо, по причине их крайне неблагополучного физического состояния решено было отправить из СССР в первую очередь. Отправку последней партии намечалось осуществить не позднее 15 августа. За прием и размещение репатрируемых в советской оккупационной зоне согласно постановлению Совета Министров № 1263-519 «сс» отвечал Главнотрудоуправляющий СВАГ маршал В. Д. Соколовский, а по линии МВД — заместитель министра генерал-полковник И. А. Серов. Вообще репатриацию, по замыслу Круглова, следовало проводить в обстановке полной секретности, **«под предлогом сосредоточения нетрудоспособного контингента в специальных оздоровительных лагерях»**. О том, что им вскоре предстоит свидание с родными и близкими людьми, они должны были узнать только в самый последний момент, при приближении эшелона к государственной границе. От обитателей лагерных барачных, не попавших в список на репатриацию, освобождение их товарищей из плена тем более следовало держать в секрете³¹.

Как ни старались лагерная администрация и сотрудники оперативно-чекистских отделений ввести своих подопечных в заблуждение, сохранить «тайну» не удалось. К тому же по каналам МИД СССР, то ли преднамеренно, то ли по чистой случайности, произошла «утечка» информации. 2 июля 1946 г. председатель Международного Красного Креста Макс Губер направил в адрес Молотова пространное послание, в котором благодарил советское правительство «за великодушную инициативу» и намерение «в ближайшем будущем репатриировать 120 тысяч немецких военнопленных». Однако он упомянул и то обстоятельство, что отсутствие мирного договора с Германией привело к беспорядочному положению оказавшихся в плену немецких солдат. В создавшейся ситуации остается только надеяться, что державы-победительницы «соблаговолят уведомить военнопленных о тех мерах, которые они намерены предпринять для решения их судьбы в соответствии с принципами Женевской конвенции»³².

О предварительных итогах репатриации военнопленных, проводившейся по постановлению Совета Министров № 1263-519 «сс», свидетельствует докладная записка Круглова, направленная Сталину 23 октября 1946 г. Немцы направлялись в Германию через Брест, где нетранспортабельные снимались с маршрута и отправлялись в госпиталь. Здесь же, в Бресте, после непродолжительной проверки по линии оперотдела репатрируемых грузили в польские вагоны и транзитом через Польшу доставляли в Германию. По состоянию на 15 октября к месту назначения прибыло 142036 немецких военнопленных. В советскую зону оккупации передано 78874 человека, в американскую — 23297, в английскую — 30945 и французскую —

8920 человек. Что касается пленных других национальностей, то их к указанной дате в пункты передачи прибыло: венгров — 12154, австрийцев — 4409, румын — 2130 человек³³. Таким образом общее количество бывших солдат и частично младших офицеров неприятельских армий, возвратившихся на родину, превысило ранее запланированное более чем на 10000 человек. Что касается итогового количества немецких военнопленных, репатриированных из СССР по упомянутому выше постановлению ГКО, то оно, как следует из доклада, сделанного ровно месяц спустя, составило 146802 человека³⁴.

Ошибочно полагать, что отправка из Советского Союза на родину сверхпланового количества военнопленных диктовалась в те дни какими-либо иными соображениями, нежели стремлением лагерной администрации избавиться от недееспособной рабочей силы. Пытаясь по возможности смягчить удручающую картину возвращения на родную землю инвалидов, больных, ослабленных дистрофией людей, представители СВАГ и немецкие коммунисты проводили с прибывшими в лагерь № 69 во Франкфурте-на-Одере соответствующую моменту разъяснительную работу. За короткий промежуток времени было проведено три митинга, на которых присутствовало около 13 тысяч репатриированных. В организации этих митингов принимали участие руководящие работники СЕПГ Вильгельм Пик и Отто Гротеволь. «Возвращение военнопленных на родину, хотя и больных, — по заключению министра внутренних дел, — благоприятно отразилось на общественном мнении немецкого населения советской зоны оккупации»³⁵.

Обидно за пленных, которые, уже будучи на родной земле, вдруг внезапно пропадали из поля зрения своих товарищей. Такие таинственные исчезновения, точнее — перевод репатриированных в лагеря и тюрьмы советской зоны оккупации — хотя и довольно редко, но происходили. А объяснение им следует искать в специальной директиве МВД, обязывавшей отдел по делам военнопленных Группы советских оккупационных войск в Германии производить дополнительную проверку репатрируемых на предмет выявления «реакционно настроенных лиц». 27 ноября 1946 года Круглов заверил Сталина, что его люди осуществляют «тщательную оперативную фильтрацию» нетрудоспособного контингента, как «при комплектовании эшелонов, так и в перевалочных лагерях до передачи военнопленных соответствующим властям»³⁶.

Постановление Совмина СССР № 1263-519 «сс» предусматривало помимо репатриации нетрудоспособных военнопленных еще одно немаловажное условие. За счет экономии продовольствия, образовавшейся в связи с «разгрузкой» лагерей, администрации

разрешалось повышать нормы суточного довольствия на 10%. Однако крайне неблагоприятный прогноз (ввиду плохого урожая — менее 40 млн. тонн — в стране ожидался голод) вскоре заставил отказаться от ранее принятого решения. Более того, 15 ноября 1946 г., выполняя указание правительства, Крутлов издал приказ № 0450, существенно снижавший нормы питания, в том числе по хлебу, мясу и овощам³⁷.

В январе 1947 г. министр внутренних дел подписал целую серию приказов, директив, циркулярных писем, констатирующих «ухудшение физического состояния военнопленных». В одной из таких директив, к примеру, говорилось «о недопустимости сращивания работников лагерного аппарата» с теми пленными, которые работали на кухне, продовольственных базах и складах. В другой — предусматривались меры по борьбе «с хищениями и разбазариванием продовольствия». В директиве же, адресованной начальникам управлений лагерей и их заместителям по политчасти и оперативно-чекистской работе, говорились следующее: «...Предупреждаю, что в случае невыполнения указаний МВД по снижению смертности и заболеваемости, виновные будут привлекаться к самой строгой ответственности, вплоть до снятия с занимаемой должности и отдачи под суд»³⁸.

О неблагоприятной обстановке в лагерях военнопленных не хуже других был осведомлен и Сталин. Однако советского вождя в то время больше заботили не столько смертность и заболеваемость лагерного контингента, сколько угроза срыва производственных планов и заданий. 23 декабря 1946 г. Совет Министров принимает постановление № 2728-1124 «сс» с весьма примечательным названием «О вывозе из Германии немцев, содержащихся в тюрьмах и лагерях». На основе этого постановления Крутлов через три дня подписал приказ № 001196. По этому приказу из лагерей и тюрем советской зоны оккупации Германии надлежало отправить в СССР 27500 немцев, годных по состоянию здоровья «для работы на подземной добыче угля». Ответственным за отбор «физически здорового контингента» назначался заместитель министра внутренних дел генерал-полковник Серов. В свою очередь начальнику ГУПВИ Кривенко предлагалось в двухмесячный срок обеспечить возвращение на родину 27500 военнопленных и интернированных немцев. В число репатрируемых следовало включить инвалидов, женщин (беременных, имеющих детей, в возрасте старше 35 лет), а также лиц, на которых имелись компрометирующие материалы. Последних по прибытии на родину надлежало разместить в лагерях и тюрьмах, подконтрольных системе МВД СССР³⁹. Однако через несколько дней в приказ были внесены коррективы. На

родину отпустили только калек и женщин, а кандидатов на содержание в местах заключения оставили в Советском Союзе⁴⁰.

Кроме нетрудоспособных, шанс репатриироваться в первую очередь имели немецкие военнопленные, задолго до окончания войны попавшие в поле зрения ЦК ВКП(б) и Главного политуправления РККА. Речь идет о перебежчиках, лицах, доказавших свою принадлежность к коммунистической партии Германии, активистах Национального комитета «Свободная Германия», выпускниках антифашистских школ. Когда после капитуляции рейха в Берлин прибыла группа немецких коммунистов-политэмигрантов во главе с Вальтером Ульбрихтом, в Дрезден — во главе с Антоном Аккерманом, в Шверин — с Густавом Соботткой, то вместе с ними на родину вернулось и около 300 бывших военнослужащих вермахта, доказавших свою лояльность по отношению к СССР. Предварительно эти лица, в том числе учителя, врачи, священники, прошли соответствующую подготовку на базе двухмесячных курсов в Красногорском лагере. Заметной фигурой среди прибывших на родную землю был Гейнц Кесслер, еще в июле сорок первого перешедший на сторону Красной Армии. Быстро продвигаясь по служебной лестнице в Восточной Германии, он в конечном итоге стал министром национальной обороны ГДР.

Интересно, что в первые послевоенные месяцы перспектива скорейшего освобождения не была гарантирована даже тем немецким военнопленным, которые, казалось бы, подлежали репатриации по решению специальной комиссии ЦК ВКП(б). К примеру, 5 ноября 1945 г. эта комиссия рассмотрела ходатайство германских коммунистов об освобождении из советского плена некоего Рихарда Ратке. Проверка, проведенная ГУПВИ НКВД, показала, что «компрометирующего» материала на этого человека не имеется. Более того, Р. Ратке — член компартии Германии с довоенным стажем — положительно был охарактеризован руководством лагеря, в котором содержался как военнопленный. И, несмотря на это, ГУПВИ добились отсрочки освобождения Ратке, с тем, чтобы более тщательно изучить его личность. Бог ведает, сколько бы времени длилась эта проверка, если бы спустя 10 месяцев на имя заместителя министра внутренних дел СССР В. В. Чернышова не пришло письмо, подписанное зав. отделом ЦК ВКП(б) М. А. Сусловым, с повторным напоминанием о необходимости немедленного освобождения Ратке из плена. В Спасозаводской лагерь было направлено распоряжение:

Ратке Рихарда Густава освободить, одеть в хорошую одежду, обеспечить продуктами на 11 дней и в сопровождении офицера пассажирским поездом доставить в Москву⁴¹.

Задержка репатриации военнопленных-коммунистов, активистов антифашистской деятельности только на первый взгляд может показаться труднообъяснимой, в чем-то даже парадоксальной. В действительности процесс освобождения этих людей из лагерей НКВД-МВД имел свои априорно установленные пропорции, был строго дозирован. И дело здесь было отнюдь не в традиционном российском бюрократизме, которым легче всего было бы объяснить задержку репатриации названной категории военнопленных. Истинная причина заключалась в ином. С одной стороны, с помощью антифашистского актива лагерная администрация обеспечивала мобилизацию остальных пленных на выполнение производственных планов, устраивала различного рода субботники и воскресники. С другой стороны, в первую очередь из антифашистов формировалась агентурно-осведомительная сеть, позволявшая оперотделу вовремя выявить саботажников, членовредителей, идеологических противников. В то же время и Управление пропаганды Советской военной администрации в Германии нуждалось в проверенных кадрах, которых можно было бы использовать на немецкой земле.

30 марта 1946 года начальник ГлавПУ Вооруженных Сил генерал-полковник И. В. Шикин направил в ЦК ВКП(б) служебную записку, в которой писал: «Учитывая положительный опыт работы немецких военнопленных антифашистов, направленных нами в Германию, необходимо дополнительно отобрать 2000 военнопленных немцев из числа окончивших антифашистские школы и курсы в СССР и отправить их в распоряжение Управления политического контроля Советской Военной Администрации в Германии для использования на работе в органах самоуправления и демократических организациях»⁴². Во исполнение постановления ЦК ВКП(б) за № 370/231 от 22 июля 1946 г. в советскую зону оккупации для укрепления рядов СЕПГ было направлено 168 выпускников антифашистских курсов, функционировавших на базе лагеря № 165 (пос. Талицы Южского района Ивановской области). Перед отправкой на родину по традиции прошел митинг, на котором военнопленные приняли резолюцию, заканчивающуюся словами: «Слава Великому Сталину, мудрому вождю и учителю народов»⁴³.

Впрочем, стоило любому антифашисту усомниться в правильности политики советского государства, допустить недельные отзывы в адрес лагерной администрации, как его неизбежно ждала та же самая участь, что и всех других военнопленных. Печальна и поучительна в этом отношении судьба бывшего пилота люфтваффе графа Генриха фон

Айнзиделя. Правнук 1-го рейхсканцлера Германской империи Отто фон Бисмарка попал в русский плен в конце 1942 г. и вскоре стал участником антинацистского движения. В июле 1943 г. он был избран вице-президентом Национального комитета «Свободная Германия». После войны за его возвращение на родину ходатайствовала администрация СВАГ, а летом 1946 г. советские власти получили письмо матери Айнзиделя — графини Ирины Айнзидель-Петерсдорф, убедительно просившей освободить из плена ее единственного сына. В заключении МВД, подписанном по этому случаю Кругловым, в частности, говорилось: «Несмотря на длительную политическую обработку Айнзиделя в Национальном комитете «Свободная Германия» он, после вторжения советских войск на германскую территорию, стал разлагающе влиять на военнопленных немецких офицеров рассказами о «зверствах, чинимых русскими над немецким населением». Вывод, к которому пришел министр, напрашивался сам собой: «...Считаю досрочное освобождение Айнзиделя из плена нецелесообразным»⁴⁴.

Отдельную (хотя и немногочисленную) категорию военнопленных, получавших исключительные привилегии при решении вопроса о репатриации, составляли лица, имевшие высоких покровителей. Так, 8 октября 1946 г. начальник ГУПВИ Кривенко получил из Главного политуправления Вооруженных Сил СССР служебную записку, в которой предлагалось рассмотреть вопрос о репатриации трех человек: Герберта Кастена, сына члена секретариата ЦК СЕПГ, Бернхарда Бродде, сына ответственного работника СЕПГ в Саксонии, и Карла Трабольского, сына первого секретаря Лейпцигского горкома СЕПГ. Ходатайство исходило от Управления пропаганды советской военной администрации в Германии, для которого подобная помощь партийным функционерам ничего не стоила, однако сулила немалые выгоды. Кастена и Бродде репатриировали без каких-либо осложнений и проволочек, а вот с Трабольским произошла заминка. Ничего не подозревавший начальник отдела по делам военнопленных Вологодского управления МВД провел обычную проверку, и дал, как обычно, отрицательное заключение: лейтенанта вермахта Трабольского, плененного 15 мая 1945 г. в Чехословакии, освобождать было бы преждевременно. Правда, за время нахождения в лагере № 158 тот «ни в чем предосудительном замечен не был». Однако в 1943 г. находился в составе 39-й пехотной дивизии в районе Харькова, в августе того же года был ранен, потом вновь воевал — теперь уже в 340-м гренадерском полку в Норвегии. Такого рода боевые заслуги обычно не прощались. Но в данном случае Москва думала иначе: сына столь высокопоставленного работника СЕПГ в интересах дела не грех и освободить. Еще не успели высохнуть чернила на заключении бдительного службиста из Вологды,

как зам. начальника ГУПВИ генерал-лейтенант Ратушный отдал распоряжение: «...Содержащегося в лагере № 158 Трабольского К. С. прошу срочно направить в лагерь МВД № 69 во Франкфурте-на-Одере, где он будет передан местным германским властям. Пропуск через границу оформите в соответствии с приказом МВД № 00549. Передачу военнопленного необходимо произвести по акту, подлинник которого вместе с учетным делом вышлите в ГУПВИ»⁴⁵.

Разумеется, подавляющее большинство немецких военнопленных не могло рассчитывать на чье-либо покровительство и соответственно на льготный режим репатриации. Многочисленные ходатайства об освобождении, как правило, отклонялись и отправлялись в архив. В отчете ГУПВИ откровенно говорится, что в категорию больных, инвалидов и прочих нетрудоспособных лиц, подлежащих отправке на родину, намеренно включалось «очень небольшое количество здоровых военнопленных», чтобы не лишить «остающихся побудительного мотива к повышению производительности и качества труда»⁴⁶.

Год 1947.

«В соответствии с планом...»

Из приблизительно 5 млн. немецких военнопленных, оказавшихся в руках союзников СССР, к концу 1946 года большая часть уже была освобождена. В распоряжении США оставалось не свыше 50 тысяч, в распоряжении Великобритании — не свыше 500 тысяч человек. Менее интенсивно проводила репатриацию Франция, первоначально державшая в плену 1 млн. 85 тысяч солдат и офицеров вермахта. Однако и она к 31 декабря 1946 года репатриировала 345 тысяч немцев (еще 38000 бежали в Германию и 21500 человек умерли)⁴⁷.

Вероятно, медленные темпы репатриации пленных из СССР не вызвали бы такой острой критики, если бы не отношение Москвы (труднодоступное для восприятия западного менталитета) к проблеме в целом. Вокруг бараков за колючей проволокой продолжала царить атмосфера повышенной секретности. Строго дозированная переписка, запрет на посещение лагерей любыми правительственными и общественными организациями, запрет на гуманитарную помощь через иностранные посольства и миссии — все это отнюдь не способствовало духу доверия. В декабре 1946 года комиссия ЦК ВКП(б), проверявшая работу Управления пропаганды СВАГ, отметила возросшую активность западной прессы в «волнующем немецкое население» вопросе репатриации⁴⁸.

Между тем военнопленные в Советском Союзе продолжали связывать свои надежды на возвращение домой с событиями на международной арене. 10 июля 1946 года на сессии Совета министров иностранных дел в Париже с речью «О судьбах Германии и мирном договоре с ней» выступил Молотов. Разочарование, постигшее обитателей лагерных бараков, в полной мере отразило зафиксированное осведомителями высказывание генерала медицинской службы Карла Вробеля: «...Как понимать пункт, что мирный договор допустим лишь тогда, когда Россия и ее союзники установят надежность германского правительства и его готовность о точном выполнении условий репараций. При таком толковании произвол и безобразия расцветут, и ситуация, в которой находится сейчас Германия, будет вечной. А судьба военнопленных? Их вернут лишь после заключения мирного договора. Другими словами — мы имеем возможность вернуться домой лет через 20—40 или, вернее, никогда. Лучше, если нас сразу убьют или же этапируют в Сибирь»⁴⁹.

Новый повод для переживаний принесла очередная сессия СМВД, начавшая свою работу в Москве 10 марта 1947 года. Этот форум действительно мог стать поворотным пунктом в судьбе сотен тысяч немецких военнопленных. 12 марта при обсуждении доклада «О демилитаризации Германии» министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин заявил: «Мне представляется весьма важным, чтобы мы имели точную информацию о наличии всех военнопленных и, в особенности, чтобы нам сказали, когда и какими темпами они будут возвращены на родину. Германия в результате войны потеряла очень большую долю своих рабочих»⁵⁰. Молотов, в свою очередь, подверг критике «Заключение» американских и британских экспертов о том, что в СССР будто бы находится не менее 3 млн. немецких военнопленных. Еще через два дня Молотов, Бевин, госсекретарь США Джорж Маршалл и министр иностранных дел Франции Жорж Бидо ознакомили друг друга с цифрами, характеризующими количество репатриированных и пока еще остававшихся в плену солдат и офицеров вермахта. 15 марта эти сведения были опубликованы в печати. В сообщении ТАСС, в частности, говорилось, что на территории Советского Союза находится в настоящий момент 890 532 военнопленных немца; 1003974 человека освобождено и отправлено на родину⁵¹.

Включение назревшей проблемы в повестку дня во многом было продиктовано позицией американской стороны. Дело в том, что правительство США практически завершило репатриацию пленных, и госсекретарь уверенно пообещал коллегам по переговорам уже через три месяца отпустить на свободу последних 30976 немцев⁵². Кроме того, Маршалл небезосновательно рассчитывал на

поддержку не только английской, но и французской делегации. Еще 8 декабря 1946 года правительство США направило Франции ноту, содержащую требование репатриировать до 1 октября следующего года всех немцев, которые были взяты в плен войсками американской армии. Поскольку речь шла о 440 тысячах человек, французское правительство попросило отсрочку до июля 1948 года. Еще через шесть месяцев Франция пообещала освободить всех остальных немецких военнопленных. За неделю до сессии в Москве американские и французские эксперты провели очередной раунд переговоров по этой проблеме. В результате был подготовлен меморандум, в котором говорилось, что все военнопленные в течение 3-х месяцев будут иметь возможность выбора — или репатриироваться, или приобрести статус вольнонаемных во Франции. Правда, это правило не распространялось на эсесовцев и военных преступников⁵³.

Тем временем работа сессии в Москве продолжалась. 4 апреля Бевин обратился к Молотову с личным посланием, в котором поставил вопрос о сроках репатриации. Учитывая обостренный интерес СССР к судьбе перемещенных лиц, он предложил ему рассмотреть ту и другую проблемы одновременно. Возражений со стороны Молотова, разумеется, не последовало⁵⁴. На завершающем этапе переговоров, 23 апреля, было принято предложение советской делегации, суть которого сводилась к следующему: «...Немецкие военнопленные, находящиеся на территории союзных держав и на всех других территориях, будут возвращены в Германию до 31 декабря 1948 года. Репатриация военнопленных будет произведена в соответствии с планом, который будет разработан Контрольным Советом в Германии не позднее 1 июля 1947 года»⁵⁵.

* * *

Решение сессии СМВД, вдохнувшее оптимизм в сердца обитателей лагерных бараков, в политической сфере воплощалось в жизнь с превеликими трудностями. Миновало 1 июля, а Советский Союз и Франция так и не внесли в Контрольный Совет своих предложений по плану репатриации немцев. Более того, французский командующий заявил, что он не готов назвать ни сроков, ни ориентировочного количества кандидатов на возвращение в Германию, поскольку не решен вопрос о замене военнопленных другой рабочей силой⁵⁶. Нетрудно догадаться, что такая позиция командующего была продиктована не только личной инициативой. Еще 27 апреля председатель Совета министров Поль Рамадье сделал следующее признание: «Отправка из Франции немецких военнопленных будет иметь тяжелые последствия для нашего производства. Нам

придется прибегнуть к помощи всей свободной рабочей силы в Европе... Не следует забывать, что мы находимся в положении утопающего, голова которого возвышается над водой, но, как только мы забудем об этом, мы тотчас потонем⁵⁷.

После 11 июля жесткую позицию на переговорах в Контрольном Совете заняла американская сторона, объяснение чему следует искать на острие политических событий. Как ныне известно, первая реакция Москвы на речь Маршалла в Гарвардском университете, посвященную стратегии американской помощи государствам Европы, была положительной. И даже позднее, отказавшись участвовать в Парижской экономической конференции, советское руководство рекомендовало странам «народной демократии» послать в Париж своих делегатов. Телеграммы в Белград, Будапешт и другие восточноевропейские столицы, отменяющие это решение, полетели в ночь на 7 июля 1947 года, т. е. за пять дней до начала конференции. Причем, официальный отказ от участия в ее работе Румыния, Венгрия, Албания представили только 11 июля. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что именно в этот день американский командующий генерал Люциус Клей получил новую директиву о политическом курсе в Германии, 14 пункт которой гласил: «Во исполнение решения Совета Министров Иностранных Дел вы будете настаивать в Контрольном Совете на скорейшем возвращении всех германских военнопленных, которые находятся на территории союзных держав и на всех других территориях»⁵⁸. Приказ форсировать процесс репатриации, без учета интересов партнеров, и, надо думать, в первую очередь СССР, вряд ли был обусловлен исключительно заботой об экономическом возрождении Германии. В директиве Вашингтона легко угадывается намерение придать проблеме политический характер. Иначе, по-видимому, не могло и быть, ибо события 11 июля 1947 года окончательно раскололи Европу на два враждебных лагеря.

Через несколько месяцев после сессии СМВД в Москве было-го оптимизма в вопросе возвращения немцев на родину не было и у Великобритании. 8 сентября агентство «Рейтер» привело заявление премьер-министра К. Р. Эттли о том, что его правительство не может взять на себя каких-либо обязательств по скорейшему освобождению пленных. При этом Эттли дал понять, что, по его мнению, попытка прийти к соглашению о завершении репатриации до конца 1948 года «не будет иметь практической ценности»⁵⁹.

Советское руководство, между тем, разногласия в стане бывших союзников вполне устраивали. Однако главное даже не в этом. Задолго до того, как Контрольный Совет приступил к обсуждению совместного плана репатриации немецких военнопленных, МВД

подготовило свой план, который в середине мая был одобрен в Кремле. Но и это еще не все. Цифры, характеризующие количество репатриированных и оставшихся в плену немцев, названные в сообщении ТАСС от 15 марта 1947 года, мягко говоря, не соответствовали действительности.

* * *

Предвидя, что на сессии СМИД в Москве будет поднят вопрос о возвращении военнопленных на родину, Молотов в срочном порядке запросил в Министерстве внутренних дел соответствующую справку. К 10 марта 1947 года он имел документ, в котором говорилось: освобождено и направлено в Германию 785975 чел., продолжает оставаться в плену 988287 немцев⁶⁰. Многолетний опыт работы в руководящем кресле подсказывал министру иностранных дел, что «компетентные органы» не случайно избегают в своих отчетах приводить конкретные цифры, позволяющие оценить положение со смертностью среди обитателей лагерных барачков. Поэтому он предложил Сталину сообщить бывшим союзникам число немцев, содержащихся за колючей проволокой, заниженное ни много ни мало — почти на 100 тысяч человек⁶¹. Разрешение на фальсификацию было получено.

В самый последний момент, забрав два проекта «Заявления Советской Делегации», Молотов в окончательном варианте исправил еще одну цифру — количество немецких военнопленных, репатриированных из Советского Союза, было увеличено на 217 999 человек. Было ли это следствием более адекватных расчетов или очередной фальсификацией? Как показывает анализ архивных документов, сотрудники ГУПВИ МВД вели учет освобожденных и отправленных в Германию, используя приводимые и комментируемые ниже цифры.

Количество репатриированных	Краткий комментарий
195 684	По постановлению ГКО № 8921 «сс» от 04.06.1945 г. было освобождено 232948 военнопленных (195684 немца и 37264 австрийца).
412 000	В соответствии с постановлением ГКО № 9843 «сс» от 13.08.1945 г. должны были быть освобождены 412000 пленных немцев. Занимаясь подсчетами, сотрудники ГУПВИ МВД, по всей вероятности, брали за основу именно эту цифру, хотя в «Справке об освобождении и репатриации военнопленных» графа «фактически освобождено» осталась незаполненной.

146 802	Эта цифра фигурирует в докладе С. Н. Круглова И. В. Сталину. Что же касается «Справки об освобождении и репатриации военнопленных», то в ней говорится, что по постановлению СМ СССР № 1263—519 «сс» от 18.06.1946 г. освобождено 175 955 военнопленных «западной национальности», тогда как предполагалось освободить 152 121 человек. Дифференциация по национальностям отсутствует.
28 430	Как следовало из постановления СМ СССР № 2728—1124 «сс» от 23.12.1946 г., в Германию должны были отправить 27 500 пленных и интернированных немцев. Фактически же было репатриировано 28 430 военнопленных (без учета интернированных).
3 059	В указанное количество репатриированных прежде всего вошли выпускники антифашистских школ и курсов. Самая многочисленная группа (594 человека) была направлена в распоряжение СВАГ в ноябре 1946 года.
<i>Итого:</i> 785 975	

Вне всякого сомнения, руководство МВД передало Молотову вполне достоверную информацию о количестве репатриированных немецких военнопленных. Корректировка ее в сторону увеличения потребовалась министру иностранных дел для того, чтобы несколько смягчить легко прогнозируемую негативную реакцию бывших союзников на свое заявление. Он, конечно же, понимал, что британские и американские эксперты, определяя численность военнопленных немцев в Советском Союзе в 3 млн. человек, опираются не только на «безответственные сообщения буржуазной прессы», но и на печатавшиеся в годы войны сводки Совинформбюро. К слову, именно путем анализа этих сводок германские историки сделали вывод о том, что в плену СССР оказалось как минимум 3 млн. 155 тысяч солдат и офицеров вермахта⁶².

Однако заявление ТАСС от 15 марта 1947 года западная пресса встретила также крайне недоверчиво. Заведующий 3-м Европейским отделом МИД А. А. Смирнов по этому случаю писал Вышинскому: «Наша печать никак не реагировала на эту антисоветскую кампанию, которая до сих пор не утихает. Считал бы целесообразным поручить отделу печати с участием Совинформбюро подготовить несколько статей для публикации в наших газетах». Заместитель министра, не посвященный в манипуляции с цифрами на уровне первых руководителей страны, оставил на докладной записке заведомо невыполнимую резолюцию: «Согласен, но статьи должны быть основаны на фактическом материале»⁶³.

Молотов, между тем, предполагал, что при обсуждении сроков репатриации немецких военнопленных вопрос об их численности в

Советском Союзе вновь окажется на повестке дня сессии СМВД. Озабоченность министра иностранных дел этим обстоятельством вынужден был разделить и начальник ГУПВИ МВД генерал-лейтенант Т. Ф. Филиппов, подготовивший исключительно для внутрислужебного пользования следующий документ⁶⁴.

СПРАВКА

о движении военнопленных западных армий

1. Генштаб Красной Армии по указанию директивных инстанций обобщил к 7.VI-1945 г. все данные о военнопленных.

По данным Генштаба	— 3 849 526
— " — Совинформбюро	— 3 777 290
— " — НКВД СССР	— 3 023 825
в том числе немцев	— 1 741 961

2. По данным ТАСС от 15 марта 1947 г.

содержится военнопленных немцев	— 890 532
освобождено и отправлено на родину	— 1 003 974
	1 894 506

3. МВД СССР в письме В. М. Молотову от 8.III.47 г. сообщены данные, на два поставленные вопроса, о военнопленных западных армий:

содержится военнопленных	— 1 308 691
освобождено военнопленных	— 1 419 449
	2 728 140

В справках, приложенных к письму т. В. М. Молотова, указано:

содержится немцев	— 988 287
освобождено немцев	— 785 975
	1 774 262

4. Не сообщалась МВД СССР цифра умерших, убитых и т. п., т. к. не было запросов

Всего	— 488 927
из них немцев	— 294 724

5. Не сообщалась ввиду отсутствия запроса МВД СССР общая цифра принятых военнопленных с 22.VI.-41 г. по 1.II.-1947 г.

— 3 218 079

6. Нужно доказать и объяснить разницу между цифрой Совинформбюро и данными МВД СССР

	— 3 777 290
	— 3 218 079
	559 211

«21» марта 1947 года

подпись (Филиппов)

Кому надеялся разъяснить ситуацию со злополучными цифрами начальник ГУПВИ МВД, догадаться несложно. А вот ответить на вопрос, каким образом он рассчитывал это сделать, гораздо труднее. У генерал-лейтенанта Филиппова было три варианта: поставить под сомнение правдивость сообщений Совинформбюро и сведений Генштаба РККА; признать, что более полумиллиона человек не были взяты на учет НКВД-МВД, так как погибли при конвоировании на армейские приемные пункты, при транспортировке в тыл и умерли в стационарных лагерях и спецгоспиталях, но их смерть не нашла отражения в центральной картотеке учета; разделить с Совинформбюро и Генштабом ответственность за фальсификацию сведений о количестве военнопленных — в одном случае за ее завышение в целях пропаганды и преувеличения успехов армии, в другом — за ее занижение в целях сокрытия реальной картины смертности. Наиболее был близок к истине третий вариант, но, видимо, ворошить прошлое не пожелали в самой высокой инстанции, что избавило начальника ГУПВИ МВД от разговора на щекотливую тему.

Так или иначе, но с помощью Молотова расхождение между данными Совинформбюро и данными МВД частично было ликвидировано за счет увеличения численности взятых на учет пленных немцев (988287 + 785975 + 294724) с 2068986 до 2286985. Из чего же исходил министр, увеличивая число репатриированных ровно на 217999 человек? В категорию «освобожденных» были внесены: 99712 «мифических» немцев, т. е. те 10%, на которые Молотов предложил Сталину «приблизительно» снизить реальное количество находившихся в советском плену солдат и офицеров вермахта; 50000 немцев, переданных правительству Польши; 68287 австрийцев, репатриированных в 1945 году (37264 человека — по постановлению ГКО № 8921 «сс» и 31023 человека — по постановлению ГКО № 9843 «сс») ⁶⁵.

В начале июня заместитель министра иностранных дел Малик попросил руководство МВД дать подробную информацию о местах постоянного проживания германских подданных на момент их пленения. Содержание ответного письма было обескураживающим. Из него следовало, что в Советском Союзе находится 975633 немецких военнопленных, но 95932 немца являются подданными других государств. Заведующий 3-м Европейским отделом МИД Смирнов, изучив пришедший из МВД документ, моментально пришел к следующему выводу: в Германию может быть возвращено не 890532 немца, как это вытекало из заявления ТАСС от 15 марта 1947 года, а только 879706 человек. Поэтому он обратился к Вышинскому с вопросом о том, как поступить в сложившейся ситуации. Вышинский, в свою очередь, был вынужден переадресовать этот вопрос Молотову.

Министр иностранных дел похоже не ожидал подобного поворота событий. На докладной записке Смирнова осталась любопытная резолюция: «Цифры на Моск. СМВД утверждены мною. Надо сговориться»⁶⁶.

Вообще чехарда с цифрами выглядит в высшей степени интригующей, ибо именно здесь соприкоснулись и сплелись в причудливый комок самые разнообразные интересы, приоритеты, мотивации. И нам еще придется вернуться к разговору на эту тему.

Еще в период работы сессии СМВД, 14 марта 1947 года, было принято постановление СМ СССР № 1022-305 «сс», предусматривающее возвращение на родину 18000 военнопленных и 5000 интернированных немцев, потерявших свое здоровье на угольных шахтах страны. Репатриация согласно приказу МВД № 00430 от 19.04.47 г. осуществлялась по нижеприведенной разнарядке⁶⁷.

Республика, край, область	Подлежит вывозу			
	военнопленных из:			из рабочих батальонов интернированных
	лагерей	спецгос- питалей	итого	
Московская область	626	—	626	—
Новгородская область	250	—	250	—
Ростовская область	1 292	1 000	2 292	1 165
Тульская область	840	300	1 146	—
Ворошиловградская область	3 966	2 500	6 466	1 822
Сталинская область	4 059	1 600	5 659	2 013
Грузинская ССР	368	460	828	—
Эстонская ССР	433	300	733	—
Всего:	11 840	6 160	18 000	5 000

К началу мая в Германию успели отправить около десяти тысяч пленных немцев, после чего МВД приступило к реализации более масштабных задач. В действие вступил уже упомянутый нами план репатриации немецких военнопленных из Советского Союза. Основные положения этого плана Круглов по просьбе Вышинского довел до сведения Министерства иностранных дел. В лагерях, спецгоспиталях и рабочих батальонах содержится 978 тысяч солдат и офицеров германской армии. Из этого количества по постановлению СМ СССР № 1571-414 «сс» от 16.05.47 г. будет освобожде-

но и отправлено на родину до 1 октября 100 тысяч нетрудоспособных немцев. «Вывоз остальных 878 тысяч человек, — писал министр, — считаем наиболее целесообразным, с наименьшим ущербом для народного хозяйства СССР и с учетом технических возможностей по их транспортировке, произвести в следующие сроки:

а) в октябре-декабре 1947 г. и в январе-марте 1948 г. — 300 тыс. чел., по 50 тыс. чел. в месяц;

б) с апреля по сентябрь 1948 г. — 180 тыс. чел., по 30 тыс. чел. в месяц;

в) в октябре, ноябре и декабре 1948 г. — остальные, за исключением лиц, особо оговоренных⁶⁸.

Под «особо оговоренными лицами», как указывалось далее в документе, следовало понимать военнопленных, имевших шанс оказаться на скамье подсудимых по причине принадлежности к войскам СС, подразделениям абвера, полиции и т. п. Таковых по «прикидке» Крутлова насчитывалось примерно 50 тысяч человек. Бросается в глаза, что министр априори брал под подозрение огромное количество людей и на этом, не приемлемом с позиций международного права основании, лишал их возможности вернуться на родину.

Между тем Сталин и Молотов, по-видимому, не испытывали полного доверия к органам МВД и поэтому решили несколько ограничить их прерогативы в решении проблемы, имевшей большой международный резонанс. По постановлению СМ СССР № 1731-462 «с» от 26 мая 1947 г. целый ряд функциональных обязанностей по отправке немецких военнопленных в Германию поручалось исполнять аппарату Уполномоченного по делам репатриации при Совете Министров. Лагерь № 69 во Франкфурте-на-Одере поступал в распоряжение Министерства Вооруженных Сил. Это означало, что отныне передачу освобожденных по актам и спискам представителям оккупационных войск будут осуществлять армейские офицеры⁶⁹. Как вскоре выяснилось, более жесткий контроль за ходом репатриации имел под собой веские основания.

Получив приказ об освобождении нетрудоспособного контингента, лагерное начальство спешило избавиться в первую очередь от инвалидов и хронических больных. Некоторые так торопились, что даже документы на репатриацию забывали оформить надлежащим образом. Представитель Главного управления пограничных войск генерал-майор Рындзюнский жаловался в ГУПВИ, что эшелонные списки не подписываются, не заверяются печатью, в результате чего составы с репатрируемыми простаивают на государственной границе⁷⁰. Суэта и спешка, нежелание конвоя

возиться с умирающими неизбежно приводили к разного рода чрезвычайным происшествиям. 7 июня 1947 года на привокзальной площади Брянска участковый оперуполномоченный обнаружил беспомощно лежащего человека. После требования назваться и предъявить документы доходяга с трудом объяснил, что является освобожденным немецким военнопленным и в настоящее время возвращается на родину. Это были последние слова в его жизни. При трупe, как сообщил в Москву начальник отдела по делам военнопленных УМВД Брянской области, никаких документов не оказалось. Врачи в морге констатировали, что смерть наступила в результате истощения⁷¹.

8 июля 1947 года представитель СВАГ проинформировал Министрство иностранных дел о том, что уровень смертности среди прибывающих в Германию весьма высок. Вышинский по этому случаю обратился к Круглову с просьбой сообщить, какие шаги в связи с таким положением намеревается предпринять МВД. В ответном письме, подписанном заместителем министра внутренних дел Серовым, сквозило явное недоумение по поводу того, что объектом внимания МИДа стал вопрос о смертности репатрируемых. Объяснив Вышинскому, что случаи летального исхода имеют место «главным образом за счет больных дистрофией и туберкулезом», Серов счел нужным напомнить, какая именно категория военнопленных покидает лагеря по решению правительства⁷².

Впрочем, Вышинского и Молотова в те дни занимала иная проблема. Решение сессии СМИД по вопросу репатриации немецких военнопленных вызвало цепную реакцию — о судьбе «узников войны» тут же проявили беспокойство в других странах. Кампанию за освобождение соотечественников из русского плена подняли зарубежные средства массовой информации. В этой связи сотрудники МИДа вынуждены были подготовить для печати несколько «опровержений». Так, 7 июня 1947 года «Правда» писала: «С поощрения правительства Италии прошли молебны «о возвращении военнопленных из России», хотя правительству де Гаспери хорошо известно, что все итальянские военнопленные уже к концу прошлого года были полностью репатриированы из Советского Союза».

Одновременно в Москву шли запросы о судьбе иностранных подданных, а мировая общественность выражала настойчивое желание ознакомиться с положением пленных за «железным занавесом». 23 июня 1947 года заместитель министра внутренних дел Малик поинтересовался мнением МВД по поводу возможного контакта обитателей лагерных бараков с делегацией «Швейцарского Санитарного Центра». При этом он подчеркнул, что просьба эта исходит от «гуманной антифашистской организации нейтральных

стран». Ответ Круглова был более чем категоричен: «...МВД считает нежелательным посещение лагерей любыми иностранными делегациями»⁷³.

Как бы то ни было, репатриация немецких военнопленных из СССР продолжалась. 7 августа начальник ГУПВИ МВД Филиппов заверил Министерство иностранных дел, что к 1 октября решение правительства о возвращении на родину 100 тысяч нетрудоспособных солдат германской армии будет выполнено⁷⁴. А уже 11 октября 1947 года вышло постановление Совета Министров № 3535-1167 «сс», предусматривающее отправку в Германию еще 100 тысяч военнопленных немцев. Приказ Круглова за № 001078, изданный четыре дня спустя, разъяснял порядок исполнения правительственного решения. Как и прежде, от репатриации отстранялись военнослужащие СС, сотрудники абвера, гестапо и прочие обитатели лагерных барачков, на которых имелись компрометирующие материалы. Приложенная к приказу разнарядка учитывала то обстоятельство, что отправка пленных на родину идет с превышением плановой цифры примерно на 10 тысяч человек (см. таблицу)⁷⁵.

Республики	Подлежит репатриации			
	из лагерей	из ОРБ	из спецгоспиталей	всего
РСФСР	35 670	5 407	10 273	51 350
Украина	13 150	1 280	6 320	20 750
Белоруссия	3 695	565	1 140	5 400
Азербайджан	1 000	400	350	1 750
Армения	300	—	100	400
Грузия	1 900	50	550	2 500
Карело-Финская ССР	900	—	400	1 300
Казахстан	1 500	—	—	1 500
Латвия	1 800	40	460	2 300
Литва	400	—	200	600
Молдавия	100	—	50	150
Узбекистан	50	—	50	100
Эстония	985	15	500	1 500
Итого:	61 450	7 757	20 393	89 600

Год 1948. «С наименьшим ущербом...»

19 января 1948 года министр внутренних дел доложил Сталину, что за минувший год в Германию было отправлено в общей сложности 247325 нетрудоспособных немцев. В лагерях, однако, продолжало оставаться еще более 772 тысяч немецких военнопленных⁷⁶. Постановление СМ СССР № 396-152 «сс» от 21 февраля 1948 г., предусматривавшее возвращение на родину 300000 человек, подсказывало офицерам МВД в лагерях, что правительство явно не спешит с выполнением обязательств по завершению репатриации. И они не ошиблись в своих прогнозах. 10 ноября Круглов адресовал министрам внутренних дел союзных республик, начальникам УМВД краев и областей, начальникам лагерей (по особому списку) директиву за № 692 под грифом «сс», начинавшуюся словами: «МВД считает необходимым ориентировать Вас, что проводимая по решениям Правительства СССР репатриация немецких военнопленных к 31 декабря 1948 года завершена полностью не будет и предположительно продлится в течение всего 1949 года». Одновременно министр разъяснил, как следует бороться с нездоровыми настроениями обитателей лагерных барачков, которые надеются на скорое возвращение домой. Во-первых, такого рода настроения следует рассматривать «как грубейшее нарушение внутрилагерного режима». Во-вторых, необходимо своевременно выявлять «инициаторов антисоветской пропаганды». Красной нитью через всю директиву проходила мысль о том, что все военнопленные должны быть морально и физически готовы к новым свершениям на трудовом фронте⁷⁷.

Отказ от завершения репатриации военнопленных к концу 1948 года не в последнюю очередь объясняется массовым спросом на рабочую силу. Пережив спад промышленного производства в первом послевоенном году, Сталин и его ближайшее окружение, ободренные неплохими экономическими результатами в следующем, решили увеличить ряд показателей четвертой пятилетки. Попытка председателя Госплана Н. А. Вознесенского предостеречь правительство от этого шага успеха не имела. В создавшейся ситуации Госплан не рискнул отказаться от услуг обитателей лагерных барачков. Тем более, что на этом настаивали руководители министерств и ведомств, директора предприятий сталинской школы хозяйствования, видевшие решение всех проблем не в создании условий для повышения производительности труда, а в максимальном увеличении числа работающих. Министр

внутренних дел Круглов, предложивший проводить репатриацию «с наименьшим ущербом для народного хозяйства», не жалел красок, расписывая успехи своих подопечных. Так, 13 марта 1948 года он рапортовал Сталину: «Опираясь на антифашистский актив, политотделы лагерей добились дальнейшего расширения среди военнопленных трудового соревнования. Если в I квартале 1947 года в трудовом соревновании участвовало 2873 производственные бригады, в составе которых числилось 560900 военнопленных, то в IV квартале участвовало уже 35000 бригад с 764800 военнопленными». Нет смысла полностью цитировать этот преисполненный оптимизма документ, но одно выпященное замечание министра так и просится на бумагу: «...Некоторые военнопленные выполняют производственные нормы от 500 до 1000%»⁷⁸.

Реальный вклад пленных солдат немецкой армии в развитие народного хозяйства СССР и без сомнительных рекордов труда был весьма существенным. За 1948 год военнопленные, находившиеся в советских лагерях, произвели материальных ценностей на сумму 8 млрд. рублей⁷⁹. По самым скромным подсчетам не менее 5,5 млрд. рублей от этой суммы падает на долю немцев. География использования их труда также достаточно широка: угольные шахты Донбасса и Воркуты, строительные объекты Москвы и Ленинграда, леса Карелии и Вологодчины, заводы Урала и Сибири, порты Балтийского и Черного морей, ракетные полигоны на острове Селигер и в Капустинном Яре. В докладе Круглова, направленном Сталину 24 мая 1950 года, называлась следующая цифра: за период с 1943 по 1949 гг. в различных отраслях промышленности военнопленные выполнили работ на сумму около 50 млрд. рублей. И опять же — не менее 38 млрд. рублей следует отнести на счет немцев⁸⁰. Цена их трудового вклада в экономику СССР — это, конечно, не только сотни тонн металла и угля, но и долгие годы разлуки с близкими, несбывшиеся надежды, потеря жизненных ориентиров, наконец, смерть многих из них, ныне напоминающая о себе лишь кое-где сохранившимися могильными холмиками.

По «Журналу регистрации репатриированных» в 1948 году было отправлено в Германию 338223 человека военнопленных немцев (по докладу министра внутренних дел Сталину — 337694 чел.)⁸¹. Темпы репатриации, количество рядовых, офицеров и генералов, внесенных в списки на освобождение, характеризует нижеприведенная таблица⁸².

За 1948 год	Репатриировано			
	рядовых и ун-тер-офицеров	офицеров	генералов	всего
январь	17 160	—	—	17 160
февраль	14 019	—	—	14 019
март	37 380	59	—	37 439
апрель	39 486	1 291	—	40 777
май	52 440	1 473	—	53 913
июнь	50 872	320	—	51 192
июль	27 014	1 529	—	28 543
август	17 343	841	—	18 184
сентябрь	18 671	934	6	19 611
октябрь	24 616	1 579	—	26 195
ноябрь	20 307	2 531	—	22 838
декабрь	7 800	552	—	8 352
Итого	327 108	11 109	6	338 223

Репатриация 1948 года примечательна не только тем, что в Германию впервые смогли выехать шесть генералов, завоевавших доверие Москвы, в том числе завербованный «компетентными органами» генерал-лейтенант Мюллер Винценц⁸³. На ее темпы и характер, несомненно, повлияли события в Берлине. 20 марта 1948 года из Контрольного Совета в знак протеста против решения западных держав об организации выборов в западногерманское учредительное собрание вышел маршал В. Д. Соколовский. Через несколько дней советская сторона установила контроль за коммуникациями между Западным Берлином и Западной Германией. Противоположная сторона ответила на это выпуском денежной марки, общей для всех трех зон, объявив, что она будет иметь хождение во всем Берлине. А еще через несколько дней, 24 июня 1948 года, по приказу Москвы началась блокада германской столицы. Воздушный мост, организованный американским генералом Люциусом Клем с согласия президента Г. Трумена, просуществовал 322 дня. И лишь 12 мая 1949 года Сталин распорядился отменить неудавшуюся блокаду. В контексте этих драматических событий становится понятным, почему резко замедлились темпы репатриации в июле месяце, почему в списки на освобождение перестали включать западных немцев, почему, наконец, вплоть до середины февраля 1949 года Совет Министров не принимал, как то напрашивалось,

очередное постановление о возвращении на родину солдат и офицеров вермахта.

Год 1949.

«Считаем целесообразным также задержать...»

3 января 1949 года США, Великобритания и Франция обратились к СССР с нотами протеста по поводу нарушения обязательств по репатриации немецких военнопленных. Советское руководство более чем оперативно отреагировало на предъявленные претензии. Уже на следующий день было опубликовано сообщение ТАСС, осуждающее «ложные и клеветнические» заявления буржуазной прессы о задержании пленных в Советском Союзе. Их ограниченное количество на территории СССР объяснялось тем, что по вине бывших союзников Контрольный Совет не смог принять совместного плана репатриации. Западные державы должны были согласиться с мнением представителя СВАГ о включении в упомянутый план всех военнопленных, в том числе и выразивших желание остаться во Франции и Англии на правах вольнонаемных. Что же касается репатриации немцев из СССР, то она будет завершена в 1949 году⁸⁴.

Воинствующие аргументы советской стороны безупречными не назовешь, ибо смешивались воедино две несколько разные вещи: установленная сессией СМВД дата завершения репатриации и ее план. Последний, как мы уже знаем, был нужен для того, чтобы партнеры по переговорам согласовали между собой темпы репатриации, определили, в какие сроки и в каком количестве будут прибывать пленные в Германию *до 31 декабря 1948 года*. Сомнительным и не вполне корректным выглядело обвинение Франции и Англии в том, что под видом «работающих по найму» в их владениях удерживаются военнопленные. С тем же успехом в подобной практике можно было заподозрить СССР — органы МВД уже имели опыт вербовки обитателей лагерных бараков для работы на урановых рудниках в Чехословакии и акционерном обществе «Висмут» в Восточной Германии⁸⁵.

Официальный ответ на ноты бывших союзников был дан 24 января в так называемом «Меморандуме Советского Правительства». Повторив доводы в защиту своей позиции, изложенные в сообщении ТАСС, Кремль подтвердил, что репатриация военнопленных осуществляется по утвержденному им плану и будет закончена в 1949 году. Одновременно все три западные державы обвинялись в насильственном задержании в оккупаци-

онных зонах свыше 250 тысяч советских граждан, угнанных во время войны в Германию⁸⁶. Противоположная сторона расценила «Меморандум» как документ, искажающий реальное положение дел. Франция потребовала создать международную комиссию, Вашингтон напомнил Москве о том, что в ходе дипломатических контактов ее представители не раз обещали вернуть немцев на родину до конца 1948 года. Ответом на претензии западных держав стало заявление правительства СССР от 4 июня 1949 года, в котором отрицалась необходимость и дальше обсуждать «несуществующую» проблему⁸⁷.

Когда германские историки в подчеркнутой заботе Запада о судьбах военнопленных видят только гуманные намерения, в это верится с большим трудом. Политическое давление на СССР, особенно в вопросах для него действительно уязвимых, было неперенным атрибутом времен «холодной войны». К тому же, голоса в защиту узников советских лагерей укрепляли авторитет западных держав среди немецкого населения. С интересами нации вынуждены были считаться и политики Восточной Германии. 4 октября 1949 года, за неделю до своего избрания на пост президента ГДР Вильгельм Пик сообщил соратникам по СЕПГ о том, что правительственная программа «будет содержать заявление о возвращении всех военнопленных из Советского Союза до конца 1949 года»⁸⁸.

* * *

Приведенное ниже послание Круглова заместителю председателя Совета Министров СССР «тов. Берия Л. П.» начиналось со слов: «В соответствии с опубликованным в советской прессе 4 января 1949 года сообщением Правительства СССР о репатриации в 1949 году германских военнопленных, МВД докладывает свои соображения». А соображения министра сводились к следующему: отправить на родину в первом квартале — 50 тысяч чел., во втором — 120 тысяч чел., в третьем — 120 тысяч чел., в четвертом — 83744 человека немецких военнопленных. Ни в коем случае не подлежат репатриации 6180 немцев, на которых заведены следственные дела. **«Считаем целесообразным также задержать, — писал далее Круглов, — состоящих на особом учете, как служивших в частях СС, СА, СД, полиции, жандармерии, разведывательных и контрразведывательных организациях, в формировании карательного и специального назначения — 41297 человек»**⁸⁹.

Инициатива министра нашла поддержку не только у Берии, но и у остальных членов правительства, что подтвердило постановле-

ние СМ СССР № 751-287 «сс» от 19 февраля 1949 года, предусматривавшее отправку в Германию 373744 немцев и отстранение от репатриации почти 50 тысяч человек. Однако задержание в СССР такого большого количества солдат и офицеров вермахта требовало серьезного обоснования, которое можно было бы предъявить мировой общественности. Обоснование, в свою очередь, могло быть только одно — в Советском Союзе нет военнопленных, есть — военные преступники.

Между тем по состоянию на 20 января 1949 года (доклад Круглова Сталину) в СССР насчитывалось всего 3712 осужденных немцев и дела на 6242 человека находились в стадии расследования⁹⁰. А по требованию МККК, правительств заинтересованных государств, международной общественности Москва могла предъявить, не опасаясь упреков в свой адрес, в лучшем случае материалы на 221 военного преступника. Именно это количество немецких военнопленных было осуждено на открытых судебных процессах. Последние прошли по решению ЦК ВКП(б) в конце 1945— начале 1946 гг. в Брянске, Смоленске, Ленинграде, Великих Луках, Минске, Риге, Николаеве и по постановлению СМ СССР № 3209-1046 «сс» от 10 сентября 1947 года в Витебске, Новгороде, Бобруйске, Гомеле, Чернигове, Полтаве, Сталино, Севастополе и Кишиневе⁹¹. Что касается остальных, почти 3500 осужденных немцев, то их дела рассматривались, во-первых, в закрытых заседаниях Военных Трибуналов МВД, а, во-вторых, значительная часть приговоров была основана на весьма неубедительных свидетельских показаниях и доказательствах.

Впрочем, юридического обязательства предъявлять в распоряжение кого бы то ни было документы на осужденных у Кремля, как мы знаем, не было — СССР не подписал Женевскую конвенцию. А вот не затягивать закрытые процессы над немецкими солдатами и офицерами имело смысл. Дело в том, что в 1949 году во внешней политике СССР приоритетным курсом была объявлена «борьба за мир», за развертывание «движения сторонников мира». И стремление Москвы выглядеть в глазах миллионов людей «голубем» с оливковой ветвью в клюве требовало адекватного отношения к авторитетным международным организациям и форумам мира. Поэтому СССР не мог проигнорировать приглашение участвовать в Женевской конференции, которая должна была завершиться подписанием новых конвенций о защите жертв войны, в том числе — и конвенции о военнопленных.

Хранящиеся в ЦХИДК протоколы заседаний рабочей комиссии этого форума, в состав которой входили представители США, Великобритании, Франции и СССР, могут стать предметом отдель-

ного исследования⁹². Отметим лишь главное. При обсуждении проекта конвенции о военнопленных была, наконец-то, снята всякая двусмысленность в толковании сроков репатриации. В статье 118-й новой Женевской конвенции было записано: возвращение военнопленных на родину производится «тотчас же по прекращению военных действий»⁹³. Вместе с тем, советскую сторону не устраивало то, что под покровительство международного соглашения попали осужденные военнопленные. 12 декабря 1949 года посланцы Москвы Н. В. Славин, О. А. Богомолец и И. П. Кутейников, скрепляя документ своими подписями, сделали оговорку по статье 85-й: военные преступники «должны подчиняться режиму», который принят в той или иной стране, «для лиц, отбывающих наказание»⁹⁴.

Почему делегаты СССР настаивали именно на такой формулировке, догадаться несложно. Предоставлять осужденным военнопленным право на обжалование приговора в международные инстанции, право на встречу с уполномоченными МККК и т. д. Москва явно не желала. Тем более, что проблема привлечения пленных солдат и офицеров вермахта к судебной ответственности была решена весьма своеобразно. Ни закон № 10 Контрольного Совета в Германии от 20 декабря 1945 года о наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечества, ни Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев», ни другие юридические акты не обладали таким универсальным действием как Уголовный кодекс. Этот приснопамятный документ позволял привлечь военнопленного и за антисоветскую агитацию (ст. 58-10), и за взрывы и поджоги средств сообщения, связи, складов и мостов, «разумеется», с контрреволюционной целью (ст. 58-9), и за активную борьбу против рабочего класса и революционного движения (ст. 58-13) и т. д.⁹⁵

По решению правительства органы МВД должны были закончить рассмотрение дел на тех, кому предстояло пробыть в лагерях и тюрьмах Советского Союза еще несколько лет, к 1 октября 1949 года. В этой связи ГУПВИ МВД подготовило целую серию инструкций и директив, разъясняющих, как следует в сжатые сроки успешно выявить всех «военных преступников». В инструкции за № 389 от 16 июня 1949 года, подписанной заместителем начальника ГУПВИ по оперативно-чекистской работе А. З. Кобуловым, предписывалось «уделить первостепенное внимание контингенту, взятому на учет по так называемым формальным признакам», т. е. таким пленным, на которых, никаких других компрометирующих материалов, кроме службы в СС, СД, СА или

членства в НСДАП, «Гитлерюгенд» и других организациях профашистского толка, не было. Дабы найти «преступников» во чтобы то ни стало, Кобулов предлагал поднять «качество агентурной работы», внедрять агентов и осведомителей в «санотдел, антифашистскую школу, дежурную часть и т. д.» Наконец, еще одно указание, красноречиво свидетельствующее об отношении руководства МВД к соблюдению законности в собственном государстве. Оперотделам лагерей предлагалось готовить «особенно тщательно», «с соблюдением всех норм УПК» только «дела, предназначенные к передаче правительствам стран народной демократии»⁹⁶.

Несколько позднее приступила к работе так называемая междудеятельственная комиссия из представителей Министерства юстиции, МВД, МГБ и Прокуратуры СССР. По спискам, чаще всего на основании формальных признаков — «офицер, имеет награды», «допускает антисоветские высказывания», «уроженец западной зоны Германии» и т. п. — выносилось заключение о необходимости привлечения того или иного военнопленного к уголовной ответственности⁹⁷. Неудивительно, что на скамью подсудимых, наряду с теми, кто действительно заслуживал наказания, попадали и люди, совершенно не причастные к совершению противозаконных действий.

Такого обилия распоряжений о порядке проведения репатриации, как в 1949 году, история военного плена в СССР еще не знала. Вот только несколько документов: распоряжение № 387 «с» от 16.06.49 г. «Об окончании репатриации военнопленных», распоряжение № 465 «с» от 21.07.49 г. «О фактах незаконной репатриации военнопленных из лагерей МВД», распоряжение № 743 «сс» от 28.11.49 г. «О прекращении репатриации офицеров, служивших в СС, СД, гестапо, полиции, карательных частях и органах». В конечном итоге «смелый» план оставить в лагерях и тюрьмах Советского Союза около 50 тысяч человек пришлось пересмотреть. Слишком уж волновалась за судьбу немецких военнопленных мировая общественность, слишком уж неубедительными выглядели многие заключения оперотделов о необходимости привлечения обитателей лагерных барачных к уголовной ответственности. 28 сентября 1949 года междудеятельственная комиссия сочла возможным дополнительно репатриировать еще 17 988 человек, на которых отсутствовали «материалы о конкретной преступной деятельности против СССР»⁹⁸.

По мере приближения срока репатриации, обещанного заявлением ТАСС от 4 января 1949 года, обстановка в лагерях военнопленных становилась взрывоопасной. Практически в отчетах каждого лагеря звучат тревожные нотки по поводу того, что среди

обитателей лагерных барачков усилились антисоветские настроения. Вот ряд высказываний, которые включили в свой отчет руководители лагеря № 464 в Кемерово: «Верить русским офицерам нельзя, они неправду говорят на каждом шагу, обманывают нас. Таково же поведение и антифашистского комитета. Нам в прошлом году обещали родину, прошел год... Но уже сентябрь и нас еще много здесь, по-видимому, мы останемся в лагере, им нужна наша работа» (А. Мюллер); «Я очень интересуюсь, кто после 1 января 1950 г. из военнопленных еще будет работать для этих преступников» (Г. Клейн); «Я, например, с 1 января 1950 г. не работаю, пусть делают со мной, что хотят» (А. Вурм). И заключительные строки из упомянутого отчета: «Многие открыто заявляют о своем намерении бежать из лагеря... Резко упала производительность труда»⁹⁹.

В новогоднюю ночь 1950 года объявили голодовку немецкие военнопленные, добывавшие уран на Яхимовских рудниках. Причиной забастовки послужила не только задержка обещанного срока возвращения на родину, но и опрометчивое сообщение радиостанции советского сектора Берлина: «14 декабря 1949 года из Чехословакии отправлен последний эшелон военнопленных, остались одни военные преступники». Ни начальник лагеря П. Я. Тырков, ни его заместитель по охране и режиму С. Г. Морозов не смогли овладеть ситуацией. Более 1700 человек приступили к работе лишь после того, как на место происшествия прибыла комиссия во главе с начальником отдела спецлагерей МВД в Германии полковником В. П. Соколовым. А 15 января 1950 года Совет Министров СССР принял постановление за № 206-52 «сс» «О репатриации военнопленных немцев, работавших на Яхимовских рудниках в Чехословакии»¹⁰⁰.

17 марта 1950 года было принято постановление СМ СССР № 1108-396 «сс», предусматривающее «выдворение» из Советского Союза еще 17538 немцев¹⁰¹. Наконец, 5 мая 1950 года было опубликовано сообщение ТАСС: освобождено и направлено на родину 1939063 немецких военнопленных, 13532 человека остаются в СССР на положении военных преступников и подсудимых, 14 человек временно задержаны по болезни.

Что касается количества репатриированных за период с марта 1947 по апрель 1950 года, то оно составило в общей сложности 935089 человек (см. таблицу).

Количество репатриированных	Краткий комментарий
118 547	По постановлению СМ СССР № 1032-305 «сс» от 14 марта 1947 г. и по постановлению СМ СССР № 1571-414 «сс» от 20 мая 1947 года планировалось возвратить на родину в общей сложности 118 тысяч человек.
1 500	Указанное количество военнопленных включено в «Справку о репатриации», хотя фактически они были отправлены в Чехословакию для работы на урановых рудниках (распоряжение СМ СССР № 10068 «сс» от 30 июля 1947 года).
106 667	По постановлению СМ СССР № 3545-1167 «сс» от 11 октября 1947 г. планировалось репатриировать 100 тысяч человек.
292 754	По постановлению СМ СССР № 396-152 «сс» от 21 февраля 1948 года планировалось репатриировать 300 тысяч человек.
1 500	Еще одна партия военнопленных направлена на урановые рудники в Чехословакию (постановление СМ СССР № 1683-663 «сс» от 22 мая 1948 г.).
5 105	В распоряжение СВАГ направлены военнопленные немцы, прошедшие специальную подготовку на центральных антифашистских курсах (постановление СМ СССР № 2433-1019 «сс» от 6 июля 1948 г.).
373 490	Постановление СМ СССР № 751-287 «сс» от 19 февраля 1949 г. наметало завершить репатриацию немецких военнопленных. По подсчетам сотрудников ГУПВИ МВД, проведенным в начале декабря, до конца года в Германию должно было выехать 373 744 человека. Фактически было репатриировано несколько меньше.
17 988	28 сентября 1949 г. политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение междуведомственной комиссии о репатриации подучетного элемента, на который отсутствовал убедительный материал о преступной деятельности.
17 538	По постановлению СМ СССР № 1108-396 «сс» от 17 марта 1950 года отправке в Германию подлежала группа немецких военнопленных, репатриация которых именовалась как «выдворение из СССР»
Итого: 935 089	

* * *

Прежде чем было опубликовано сообщение ТАСС о завершении репатриации немецких военнопленных, министр внутренних дел предложил Сталину отрегулировать тайные манипуляции с цифрами. Круглов напомнил вождю о том, что по заявлению правительства от 15 марта 1947 года в СССР оставалось 890532

немца. Однако «резерв», созданный по инициативе Молотова (97755 человек), полностью не иссяк: всего будет репатрировано 935103 и останется отбывать наказание 13532 человека. Разницу в цифрах (935103 + 13532 — 890532) можно будет объяснить тем, что 58103 немца были выявлены среди военнопленных других национальностей¹⁰². Ни Круглова, ни Сталина ничуть не смутило то, что у международной общественности сразу же возникнут сомнения: «Неужели в Советском Союзе за период с марта 1947 года по май 1950 года не умер ни один пленный солдат или офицер германской армии?» В заявлении ТАСС от 5 мая 1950 г. были лишь слегка исправлены итоговые данные, поскольку 14 немцев нуждались в лечении и не могли выехать на родину. Вольно или невольно, но министр в своем докладе Сталину признал, что за три прошедших года скончалось (97755—58103), как минимум, 39652 человека. Сведения о движении немецких военнопленных, фигурировавшие в докладах Круглова Сталину, характеризует следующая таблица¹⁰³.

	Находится в СССР	Репатрировано	Умерло
На 1 марта 1947 г.	988 287	785 975	294 724
На 1 апреля 1948 г.	699 739	1 048 646	320 601
На 1 января 1949 г.	421 221	1 315 472	332 293
На 5 мая 1950 года: по данным министра по сообщению ТАСС	13 546 13 546	1 721 064 1 939 063	334 376 кол-во умерших не сообщалось

В таблице, однако, отражено лишь реальное количество репатрированных немецких военнопленных, но отнюдь не их реальная смертность, которая к маю 1950 года составила 355723 человека. Появление этой цифры необходимо прокомментировать. У ГУПВИ МВД, как свидетельствуют архивные документы, имелся свой «резерв» неучтенной рабочей силы. Молотову, к примеру, было сообщено: с начала войны пленено 3217067 солдат и офицеров западной национальности, в то время как «Справка» внутрислужебного пользования зафиксировала иную цифру — 3276763 человека¹⁰⁴. Наличие «резерва» не вызывает сомнения еще и потому, что крайне поразившее сотрудников МИДа и самого Молотова обстоятельство — число подданных Германии оказалось значительно ниже 988287 человек — ничуть не помешало МВД не только выполнить, но и перевыполнить план по репатриации немцев на родину. Так или

иначе, но к ноябрю 1948 года от «резерва», судя по всему, ничего не осталось. Между тем в эти дни заместитель начальника ГУПВИ генерал Петров принимал дела у генерала Филиппова, который готовился занять должность начальника УМВД Ленинградской области. Коллеги по работе решили навести порядок в делах. По их просьбе заместитель министра внутренних дел Серов списал 100025 военнопленных, якобы взятых на учет дважды. Правда, не преминул оставить на докладной подчиненных язвительную резолюцию: «Надо это было раньше сделать, а не тогда, когда полагается отчитываться. Ведь пайки-то получали на всех»¹⁰⁵. В результате «списания» общее количество немецких военнопленных увеличилось с 2068986 (2068986 + 217999 + 100025) до 2387010 человек. Заносить всех «списанных» в графу репатриированных сотрудники ГУПВИ МВД не рискнули, так как смерть 21347 немцев была официально зарегистрирована. В число «освобожденных» включили 78 678 пленных солдат вермахта, чья гибель не получила достаточного документального подтверждения. В итоге общее количество репатриированных возросло до 2017741 человека (1721064 + 217999 + 78678), а смертность составила 355723 человека (334376 + 21347)¹⁰⁶.

И, наконец, последний штрих к истории со «злополучными» цифрами. После 5 мая 1950 года было дополнительно выявлено и поставлено на учет 2 550 военнопленных немцев. Таким образом их количество составило (13546 + 2550) уже 16096 человек. Из них впоследствии было освобождено и отправлено в Германию 15132 и умерло в СССР 964 немца. В итоге в справке Главного управления мест заключения МВД СССР, на которую неоднократно ссылается в своих публикациях В. П. Галицкий, появились хорошо известные ныне цифры: всего пленено 2389560 (2387010 + 2550), репатриировано 2032873 (2017741 + 15132), умерло 356687 (355723 + 964) немецких военнопленных¹⁰⁷.

Вопрос о том, какова была реальная смертность пленных немцев в Советском Союзе, если *фактически на родину было отправлено 1736196 (1721064 + 15132) человек*, остается открытым. Однако есть веские основания и доводы полагать, что во фронтовом районе, на пути следования в тыл, в тыловых лагерях и спецгоспиталях скончалось отнюдь не 356687 немцев, а гораздо больше. Конечно, данные западногерманского историка Курта Бёме — погибло в русском плену не менее 1,1 млн. солдат и офицеров вермахта — явно завышены. Кстати, первоначально в своем исследовании он сделал вывод о том, что до марта 1947 года в Германию было возвращено 561000 военнопленных. Но уже на следующей странице, сославшись на возможность ошибки в сво-

их расчетах, Бёме пишет о целесообразности использования цифры, названной в сообщении ТАСС: репатрировано в Германию 1003974 пленных немца¹⁰⁸. Не потому ли, что более скромная цифра опрокидывала расчеты об исключительно высокой смертности немецких военнопленных в Советском Союзе?

Так или иначе, но в ходе нашего повествования мы убедились в том, что уже в послевоенное время в небытие кануло по меньшей мере 78000 «узников войны». Однако манипулирование цифрами началось раньше. В справке УПВИ НКВД от 20 января 1945 года, к примеру, сказано, что на 5 июля 1943 года на учете, включая умерших, состоит 171028 военнопленных¹⁰⁹. Между тем 26 февраля 1943 года Берия в своем докладе на имя Сталина привел такую цифру: взято в плен с начала войны 290029 солдат и офицеров вражеских армий¹¹⁰. Есть о чем задуматься! А сколько военнопленных не попало ни в один отчет, ни в один доклад руководителей НКВД-МВД? Сколько обезоруженных солдат и офицеров вермахта погибло от рук красноармейцев, ослепленных яростью к врагу? Сколько стало жертвой расправы со стороны партизан? Одним словом — вопрос о смертности немецких военнопленных в Советском Союзе — это тема отдельного исследования, которое требует кропотливой работы целого коллектива историков в архивах самых различных ведомств.

Май 1950—июнь 1953.

«Опубликование списков разрядило бы атмосферу...»

Сообщение ТАСС о завершении репатриации немецких военнопленных было встречено в Германии с большим недоверием. На этот раз голос в защиту «узников войны» открыто звучал не только из уст политиков, но и церкви. Члены Евангелического общества помощи интернированным и военнопленным, ссылаясь на данные своей картотеки, заявили, что еще о 28055 осужденных немцах Москва умолчала. Епископ Томас Хеккел назвал сообщение ТАСС «чудовищной ложью», поверить в которую отказывается человеческий разум. Обращаясь к братьям и сестрам в Восточной Германии с призывом помнить о судьбе соотечественников в России, он закончил свою проповедь словами Мартина Лютера: «...Крик скорби отверженных звучит в ушах бога громче, чем хвалебное пение ангелов на небесах»¹¹¹. В потоке искусно подогреваемого политиками негодования, увы, не было места объективности. Лишь епископ из Кёльна Фринкс

счел нужным сказать прихожанам не только о тяжелой участи немецких военнопленных, но и о «целых армиях» русских солдат, нашедших смерть в нацистских лагерях¹¹².

Оперативно отреагировали на сообщение ТАСС западные державы. Через несколько дней на совещании министров иностранных дел в Лондоне была достигнута договоренность предпринять шаги по выяснению судеб немцев, все еще не репатриированных из СССР. Затем последовал обмен нотами между Вашингтоном и Москвой по поводу японских (июль месяц) и германских (сентябрь месяц) военнопленных. Политическое давление на СССР нарастало. 20 октября 1950 года немецкая делегация вручила представителям Великобритании и США в Организации Объединенных Наций меморандум «О положении немецких военнопленных в Советском Союзе». В декабре того же года на 5-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН было принято решение о создании Специальной комиссии по делам военнопленных. Попытка советской делегации оспорить законность такого решения ссылкой на статью 107 Устава ООН, успеха не имела¹¹³. Летом 1951 года комиссия, которую возглавил Х. Г. Герреро, провела свою первую сессию. В процессе работы были рассмотрены материалы правительств ФРГ, Японии и Италии, «подтверждающие» нахождение на советской территории нескольких десятков тысяч подданных этих государств¹¹⁴.

8 января 1952 года заместитель министра иностранных дел Ф. Т. Гусев принял Временного Поверенного в делах США в СССР Кампинга, спешившего вручить ему ноту своего правительства. В переданном документе в очередной раз поднимался вопрос о судьбах «узников войны», количество которых украшали цифры с несколькими нулями. Одновременно в ноте выражалась надежда на то, что Советский Союз пересмотрит прежнюю позицию и примет участие в работе второй сессии Специальной комиссии ООН по делам военнопленных¹¹⁵. Ответная нота МИД СССР расценивала предложение правительства США сообщить заинтересованным странам информацию о «сотнях тысяч немецких и японских граждан» как «клеветнический выпад», как намерение «умалить вину военных преступников». Ссылка на «незаконность» комиссии ООН ставила крест на втором, гораздо более конструктивном предложении Вашингтона¹¹⁶.

11 февраля 1952 года Герреро обратился к министру иностранных дел Вышинскому с просьбой дать сведения о военнослужащих бывших вражеских армий, умерших в советском плену¹¹⁷. Оглашать информацию из разряда «совершенно секретных» в Москве, конечно, не собирались. А вот назревший вопрос о передаче в распоряжение ФРГ сведений об осужденных немецких военнопленных заслуживал внимания. Заместитель заведующего 3-м Евро-

пейским отделом Грибанов 18 февраля в служебной записке на имя заместителя министра иностранных дел А. А. Громыко писал: «Переписка осужденных со своими родственниками практически дает полную возможность составить списки таких лиц и они, несомненно, имеются у правительства Западной Германии... **Опубликование списков разрядило бы атмосферу вокруг реакционной пропаганды о судьбах военнопленных**»¹¹⁸. Громыко счел нужным поддержать это разумное предложение. Любопытно, что министры — внутренних дел С. Н. Крутлов и госбезопасности С. Д. Игнатьев — поддерживали инициативу сотрудников МИДа.

Благие намерения, однако, не воплотились в жизнь. Не последнюю роль в этом, по-видимому, сыграло то обстоятельство, что западные державы отклонили проект Основ мирного договора с Германией, изложенный в ноте от 10 марта 1952 года. Учитывая обостренный интерес правительства Конрада Аденауэра к проблеме «узников войны», Советский Союз включил в этот проект пункт об амнистии «всем бывшим военнослужащим немецкой армии, в том числе офицерам и генералам, всем бывшим нацистам»¹¹⁹. И хотя далее говорилось, что амнистия не распространяется на лиц, отбывающих наказание по суду, документы свидетельствуют: Москва в данном случае вполне могла пойти на уступки.

К моменту появления советской ноты в печати фактически был предreshен вопрос об освобождении и репатриации 592 неосужденных военнопленных и интернированных немцев, а также 145 немцев, у которых истек или истекал в ближайшие месяцы срок отбытия наказания. Все они вернулись на родину после того, как 2 апреля 1952 года вышло соответствующее постановление СМ СССР № 1616-576 «сс»¹²⁰. Кроме того, созданная по предложению Крутлова и Вышинского междуправительственная комиссия из представителей МВД, МГБ, МИД и Прокуратуры СССР готова была рассмотреть вопрос об освобождении пленных, привлеченных к уголовной ответственности за мелкие кражи, хищение лагерного имущества и другие малозначительные преступления. Так что еще несколько сотен немцев вполне могли рассчитывать на снисхождение властей, по-лучи проект воссоединения Германии по советскому варианту одобрение западных держав.

Вместе с тем, сказать, что любая инициатива по освобождению и репатриации «узников войны» встречала единодушную поддержку и понимание, значило бы погрешить против истины. 4 декабря 1951 года сотрудники МИДа докладывали Громыко, что против возвращения пленных на родину решительно возражает Вальтер Ульбрихт. Последний мотивирует свою позицию тем, что «социально-опасные лица», в коих он видит кандидатов на освобождение,

«могут быть использованы американцами при комплектовании западногерманской армии»¹²¹. По несколько иным причинам высказывались против отправки немцев на родину представители Советской Контрольной Комиссии в Германии. В частности, политсоветник СКК В. С. Семенов рассуждал так: «Если эти лица не являются преступниками и были задержаны в СССР по иным причинам, то возвращение их в Германию было бы использовано нашими врагами как доказательство того, что в СССР до сих пор задерживается большое количество военнопленных»¹²². С другой стороны, сотрудники аппарата СКК скептически относились к попыткам МВД склонить западных немцев к репатриации в ГДР. 27 декабря 1952 года заведующий 3-м Европейским отделом Грибанов докладывал Вышинскому о том, что советские представители в Германии сомневаются в целесообразности размещения в восточной зоне 349 кандидатов на освобождение, которые неминуемо перебегут из ГДР в западную зону¹²³.

Так или иначе, но на начало января 1953 года из лагерей и тюрем Советского Союза было освобождено и направлено в Германию 792 человека (см. таблицу).

Количество репатриированных	Краткий комментарий
12	В 1951 году репатриированы 12 из 14 военнопленных немцев, которые, согласно сообщению ТАСС, были задержаны в СССР по причине их болезни.
43	По постановлению СМ СССР № 684-343 «сс» от 6 марта 1951 г. подлежала отправке в Германию группа военнопленных и интернированных, семьи которых были переселены из Польши в Германию. За исключением одного заболевшего вся группа 13 апреля 1951 года прибыла в ГДР.
699	По постановлению СМ СССР № 1616-476 «сс» от 2.04.52. до конца года были возвращены на родину: а) военнопленные и интернированные немцы, отбывшие срок наказания, в количестве 145 человек; б) военнопленные и интернированные немцы, в количестве 554 человек, репатриация которых была отложена ввиду нахождения под следствием, болезни и невыясненного гражданства.
38	6 января 1953 года по постановлению СМ СССР № 1616-476 «сс» начальнику народонаселения МВД ГДР была передана еще одна группа военнопленных и интернированных немцев, в том числе один ребенок в возрасте нескольких месяцев.
Итого: 792 чел.	

Усилиями политиков проблема немецких военнопленных надолго перекочевала в сферу идеологического противостояния. И лидеры таких неправительственных организаций как Евангелическая церковь, немецкий Красный Крест, судя по всему, первыми осознали бесперспективность подобного подхода. 2 января 1951 года по приглашению патриарха Алексия в Москву прибыл глава Евангелической церкви земли Гессен Мартин Нимёллер. Поскольку пастор был известен как человек, прошедший нацистские лагеря, как решительный борец за мир и разоружение, правительство благосклонно восприняло этот визит. За время своего непродолжительного пребывания в столице СССР Нимёллеру удалось дважды поднять вопрос о судьбах немецких военнопленных. Первая беседа проходила 5 января в Советском комитете защиты мира, председателем которого в то время был писатель Н. С. Тихонов. Аргумент Нимёллера — «мирное сосуществование двух народов только укрепится при разрешении вопроса о пленных немцах» и его ходатайство облегчить их судьбу были восприняты в штыки. В ответ он услышал: «Как вы смеете в такой манере говорить об этих пленных, когда вы, немцы, угнали из нашей страны 12 млн. советских людей»¹²⁴.

Несостоявшийся диалог не помешал пастору попросить аудиенции у заместителя министра иностранных дел В. А. Зорина. Каких-либо конкретных результатов эта встреча не дала, но стороны, по крайней мере, вежливо изложили друг другу свою точку зрения на одну и ту же проблему. Более того, Зорин дал понять, что он готов продолжить переговоры в начатом направлении. На родине, однако, визит Нимёллера в Москву вызвал по большей части негативную реакцию. Пресс-служба СДПГ назвала усилия Нимёллера «абсолютно неубедительными». Федеральный канцлер Конрад Аденауэр посчитал, что пастор «унизил свое правительство». А комитет защиты жертв тоталитаризма во Франкфурте-на-Майне потребовал выслать Нимёллера из страны¹²⁵.

С 26 июля по 7 августа 1952 года в Торонто проходила конференция Международного Красного Креста, на которой, в частности, была принята резолюция № 20. Последняя обязывала национальные общества Красного Креста настойчиво ставить перед своими правительствами вопрос об освобождении «узников войны». Это обстоятельство решил использовать президент немецкого Красного Креста доктор Хайнрих Вайц, чей единственный сын находился в русском плену. Рассчитывал, видимо, Вайц и на поддержку своих коллег из Красного Креста СССР, тем более, что один из его руководителей Б. М. Пашков присутствовал на конференции в Торонто и даже был

избран вице-президентом Лиги обществ Красного Креста. Так или иначе, но Вайц выразил желание посетить Советский Союз с целью проведения переговоров по облегчению участи немецких военнопленных. Увы, он не встретил понимания ни у статс-секретаря МИД ФРГ профессора Вальтера Хальшштейна, ни у самого Конрада Аденауэра. В одном случае канцлер заявил, что поездка Вайца в Москву породит надежды в немецком обществе, которые сменит горькое разочарование. А в другом — сослался на мнение высокопоставленного чиновника из военной администрации США: советская сторона воспользуется визитом в «пропагандистских целях», но не более того¹²⁶.

Август 1953—май 1955.

«За исключением лиц, совершивших особо тяжкие преступления...»

Вскоре после смерти Сталина, 15 апреля 1953 года, Президиум ЦК КПСС поручил междуведомственной комиссии под председательством министра юстиции К. П. Горшенина пересмотреть приговоры в отношении тех иностранных граждан, «дальнейшее содержание под стражей которых не вызывается необходимостью». Через месяц комиссия пришла к заключению о том, что в числе прочих могут быть освобождены от наказания 12703 германских подданных. В конечном итоге было признано необходимым освободить от наказания 13137 немцев, из которых 6143 человека были осуждены советским военным трибуналом и содержались в тюрьмах ГДР¹²⁷.

Кампания по пересмотру приговоров осужденных привела к несколько парадоксальной ситуации: отпущенные из лагерей и тюрем, имея на руках справку об освобождении, не могли выехать на родину. В начале июня глава дипломатической миссии ГДР Рудольф Аппель обратился к заместителю министра иностранных дел Пушкину с просьбой разрешить эту проблему. При этом выяснилось, что 260 граждан Восточной Германии расселились по различным областям Советского Союза. Более того, 15 немцев уже получили от дипломатической миссии удостоверения граждан ГДР. В числе последних были и шесть немецких политэмигрантов: Альфред Темплер, Лотте Темплер, Курт Вернер, Эльзе Проскауэр, Эрих Вальтер и Елене Ейльман¹²⁸.

Судя по всему, вопрос этот разрешился бы без особых проволочек (ситуацию взял под контроль заместитель министра внутренних дел Серов), если бы не восстание в Берлине 17 июня 1953 года. Акт протеста против высоких расценок на производстве,

вылившийся в требование социального и национального освобождения, вынудил советское руководство отложить уже намеченное возвращение на родину 6994 военнопленных и интернированных немцев. Просьба исходила от правительства Отто Гротевоя, которое в связи со сложившейся обстановкой в стране «высказалось за освобождение в первой половине июля 6143 немцев, отбывающих наказание на территории ГДР и просило отложить на вторую половину июля репатриацию немцев, освобождаемых в СССР»¹²⁹.

В Москве к просьбе отнеслись с должным пониманием. Более того, освобождение военнопленных было представлено как инициатива правительства ГДР. В совместном коммюнике, принятом в Москве 22 августа 1953 года, говорилось, что все пленные, «**за исключением лиц, совершивших особо тяжкие преступления против мира и человечности**», будут репатриированы¹³⁰. В конечном счете было принято решение об отправке в Восточную Германию 5380 немцев. В лагерь № 69 во Франкфурте-на-Одере согласно плану МВД они должны были прибыть в следующие сроки: первая партия в количестве 969 чел. из Свердловска — до 1 октября, вторая партия в количестве 585 чел. из Ворошиловграда — до 28 сентября, третья партия в количестве 1086 человек из Свердловска — до 5 октября, четвертая партия в количестве 905 чел. из Ростова — до 3 октября, пятая партия в количестве 1027 чел. из Сталинграда — до 8 октября и шестая партия из Сталино в количестве 798 чел. — до 12 октября. Примечательно, что для транспортировки пятой партии выделялась усиленная команда сопровождения во главе с подполковником Г. В. Нестеренко¹³¹.

Репатриация бывших солдат и офицеров вермахта на родину осенью 1953 года была не единственным признаком грядущих перемен. Всех немцев, отбывавших наказание в лагерях ГУЛАГа, перевели к своим же товарищам в режимные лагеря военнопленных. На содержащихся в тюрьмах согласно приказу министра внутренних дел № 00576 от 24 июля 1953 года распространили право переписки, получения посылок и денежных переводов. Впервые за долгие годы родные и близкие поверили в то, что их надежды на возвращение мужей, отцов и сыновей были не напрасны.

На международном уровне вскоре произошло другое, не менее примечательное событие: 17 апреля 1954 г. Президиум Верховного Совета ратифицировал Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными¹³². Это был явный прогресс, ибо два года назад заместитель министра иностранных дел Малик, пытавшийся при поддержке руководства МВД форсировать решение данной проблемы, в конечном счете не встретил должного понимания¹³³. Ратификация документа, однако, ко многому обязывала. И вовсе не

случайно тремя днями ранее было принято постановление СМ СССР № 711-310 «сс», позволившее выехать на родину неосужденным военнопленным. Почти одновременно вернулись домой немецкие ученые и инженеры, вывезенные после войны в Советский Союз и направленные на работу в закрытые конструкторские бюро и НИИ.

Свое стремление поддерживать добрососедские отношения с ФРГ новое советское руководство продемонстрировало тем, что 25 января 1955 года Верховный Совет принял Указ «О прекращении состояния войны между СССР и Германией». Официальный прием ФРГ в НАТО был встречен созданием Организации Варшавского Договора. Однако Москва тут же дала понять, что не желает вести переговоры по германской проблеме с позиции силы: включение ГДР в систему объединенного командования было временно отложено. В искренность намерений Кремля Запад, тем не менее, поверил лишь после того, как 15 мая СССР подписал мирный договор с Австрией, согласившись вывести с ее территории свои войска.

Июнь — сентябрь 1955.

**«Я обращаюсь к великодушию
русского народа»**

7 июня 1955 года посол ФРГ в Париже Вольфрат фон Мальтцан уведомил советского посла С. А. Виноградова о том, что им получена нота правительства СССР по поводу «нормализации» отношений между двумя странами. 30 июня первому секретарю посольства во Франции В. П. Костылеву была вручена ответная нота. Бонн благосклонно трактовал позицию Москвы, но при этом подчеркивал необходимость оговорить круг вопросов, которые предстоит обсудить. В очередной ноте от 3 августа Кремль дал понять, что повестка дня будущих переговоров уже сформулирована — это установление дипломатических отношений, возобновление торговых и культурных связей между государствами. Вместе с тем, СССР не возражает против того, чтобы в ходе диалога были затронуты и иные насущные вопросы. 12 августа другая сторона предложила рассмотреть, как минимум, еще две принципиально важные проблемы: проблему «национального единства Германии» и проблему «освобождения немцев», задерживаемых «на территории или в сфере влияния Советского Союза»¹³⁴.

В ходе обмена нотами Кремль, конечно, зря разыгрывал недоумение: какие такие вопросы дополнительно желает обсудить прави-

тельство Аденауэра? В Москве давно догадались, что решение главной задачи политики Западной Германии непременно будут увязывать с освобождением «узников войны». Еще 14 июля Н. С. Хрущев сообщил в Берлин следующее: «Заклучив договор с ФРГ, мы намерены освободить от дальнейшего наказания и репатриировать в зависимости от места жительства либо в ГДР, либо в Западную Германию 5614 немецких граждан, в том числе 3708 военнопленных, 1906 гражданских лиц и 180 генералов бывшей гитлеровской армии»¹³⁵. Обращает на себя внимание то, что советское руководство не пожелало поделиться с правительством Отто Гротевольда исчерпывающей информацией об осужденных германских подданных, которых к тому времени в лагерях и тюрьмах СССР насчитывалось примерно 10 тысяч человек. Впрочем, лидеры Восточной Германии и без того не проявили энтузиазма, получив послание Хрущева.

К переговорам, которые начались в Москве 9 сентября 1955 года, в советском внешнеполитическом ведомстве готовились основательно. Были написаны характеристики на министра иностранных дел Генриха фон Брентано, председателя внешнеполитической комиссии бундестага Курта-Георга Кизингера и уж, конечно, на канцлера Федеративной Республики. В характеристике на Конрада Аденауэра, в частности, говорилось: «Активный сторонник политики «с позиции силы» и перевооружения Германии... Властолюбив, самоуверен и настойчив, пользуется большим влиянием и поддержкой среди парламентских и деловых кругов. Несмотря на преклонный возраст, деятелен и вынослив»¹³⁶.

Заблаговременно был подготовлен и главный документ, которым в ходе диалога с немцами руководствовались первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, председатель Совета Министров Н. А. Булганин, министр иностранных дел В. М. Молотов. Документ этот имел название «Указания к переговорам с Правительственной делегацией ГФР», а его 8-й пункт был целиком посвящен стратегии и тактике этих переговоров по проблеме немецких военнопленных. Поскольку интересующий нас фрагмент «Указаний» помещен в конце главы, отметим лишь два принципиально важных момента. Во-первых, согласие западногерманской делегации на установление дипломатических контактов уже предreshало положительное решение вопроса о судьбах «узников войны». Во-вторых, в «Указаниях» отсутствовала формулировка «военные преступники». И, видимо, не случайно. Советские лидеры отчетливо осознавали то обстоятельство, что правовая база (закрытые заседания военных трибуналов и Особого совещания, равно, как и многие приговоры) не выдерживает серьезной критики. В этой связи как-то

меркнет преисполненный негодования пафос речей Хрущева, Булганина, Молотова, которые бичевали «преступников, потерявших человеческий облик». И уже без всякого предубеждения воспринимаешь слова, прозвучавшие из уст вице-председателя бундестага Карло Шмида: «...Я не обращаюсь к справедливости. Я обращаюсь к великодушию русского народа, к великодушию, о котором я слышал так много...»¹³⁷

Когда согласно утвержденному сценарию советская сторона пошла на уступки, а разговор о судьбах военнопленных принял более доверительный характер, стенограммы совещаний за «круглым столом» перестали публиковаться в прессе. Не обошлось и без непредвиденных осложнений. Молотов, чья позиция в вопросах внешней политики, в отличие от Хрущева, была более консервативной, и министр иностранных дел ФРГ фон Брентано чуть было не завели переговоры в тупик. Обстановку разрядило совещание в узком составе, на котором присутствовали с советской стороны Хрущев, Булганин, Молотов и заместитель министра иностранных дел В. С. Семенов, с германской — Аденауэр, Брентано и Хальштейн. Была и еще одна подобная встреча, не зафиксированная ни в одном протоколе. На второй день переговоров Аденауэра посетили Хрущев и Булганин. Хрущев поделился с канцлером тем, что его мучило: жизненный уровень народа оставляет желать лучшего, а СССР вынужден наращивать свой вооруженный потенциал, дабы на равных разговаривать с Вашингтоном. Недешево обходится помощь Китаю, в котором уже сейчас проживает 600 млн. человек, и каждый год эта цифра вырастает еще на 12 миллионов¹³⁸.

При обсуждении вопроса о возможности освобождения от наказания 9626 «задерживаемых лиц» (такую цифру называли члены правительственной делегации СССР) Аденауэр завел речь о нахождении в СССР не менее 130 тысяч германских подданных. Такого количества немцев в лагерях и тюрьмах Советского Союза попросту не было. И даже в том случае, если бы канцлер ФРГ предъявил списки этих людей, воскресить умерших из небытия Москва была не в состоянии. Наконец, последнее. В ходе диалога ни та, ни другая стороны не смогли признать очевидного факта: в СССР отбывали наказание разные немцы — и военные преступники, и военнослужащие вермахта, обвинения против которых были шиты белыми нитками.

В коммюнике, провозгласившем установление дипломатических отношений между двумя странами, об освобождении пленных не говорилось ни слова. Соотечественники Хрущева узнали о положительном решении данного вопроса из статьи Курта-Георга Кизингера, которую 21 сентября перепечатала «Правда». Еще через

несколько дней, 29 сентября, в центральной прессе был почти дословно опубликован Указ Президиума Верховного Совета: 8877 немцев получили амнистию и 749 передавались правительствам ГДР и ФРГ для дальнейшего отбытия наказания.

Согласно сложившейся традиции, узаконенной инструкцией МВД за № 389 от 16 июля 1949 года, амнистированным ненавязчиво предлагали дать положительные отзывы о пребывании в советском плену. Бывший президент «Союза немецких офицеров» Вальтер Зайдлиц, переживший несправедливый приговор и унижение в стенах Новочеркасской тюрьмы, выразил «сердечную благодарность Верховному Совету». Капитан вермахта Эвальд Клейст, осужденный на 25 лет лишения свободы, тепло вспомнил медицинский персонал, делавший для излечения больных «все, что только возможно». И даже личный камердинер Гитлера майор войск СС Хейнц Линге написал: «Я не имею никаких жалоб и претензий против лагерного руководства и управления лагеря»¹³⁹.

Затем были банкеты по случаю возвращения домой, на которых советские офицеры и офицеры вермахта, еще вчера ходившие в ранге преступников, поднимали бокалы за дружбу между двумя народами. И, наконец, поезда, мчавшие на встречу с близкими людей, переживших более 10 лет плена. А еще позднее, в 1956 году, составы с опломбированными вагонами, доставившие в Германию 749 военнопленных, которых на родине не сочли возможным снова помещать в тюремные камеры...

**ИЗ ВОЗЗВАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА
«СВОБОДНАЯ ГЕРМАНИЯ» ЭРИХА ВАЙНЕРТА,
ОТ 21 ИЮНЯ 1945 ГОДА**

Кто считает несправедливым, что ему не позволяют сразу же после окончания войны поехать домой, тот пусть спросит сам себя, считал ли он несправедливым, когда миллионы отцов и сыновей других народов годами чахли в немецком рабстве или вовсе уничтожались в лагерях смерти, задумывался ли он о несправедливости, когда десятки тысяч честных немцев, начиная с 1933 г., вынуждены были жить на чужбине и не получали от своих родных и близких на родине никаких известий. Пусть он при этом, прежде всего, не забывает того, что его в эту страну никто не приглашал.

Немцы, выполним же наш долг, сознавая, что все зависит от нашего искреннего желания и проявления активной воли стать свободным народом среди свободных народов, снова нормально жить и трудиться! Чем энергичнее и охотнее каждый из вас приступит к делу по возмещению ущерба и чем скорее наш народ своим искренним поведением вернет к себе уважение других народов мира, тем быстрее военнопленные смогут покинуть чужую страну и тем скорее солдаты оккупационных войск покинут Германию.

Так давайте же приступим к выполнению большого дела! Лучшие антифашисты, беритесь за его руководство!

Любой дом, возрожденный из пепла, любой завод, пущенный в ход, любое колесо, начинающее снова крутиться, каждый трактор, выезжающий в поле, — все это должно наполнять радостью сердце немца, если он приложил свои руки к созданию чего-то нового. Но радость будет значительно большей, чем эта, когда после сделанной работы русский рабочий пожмет руку уезжающему на родину немцу и скажет: «Вы сняли с моего сердца нашу ненависть». С какой огромной гордостью вернется к себе на родину тот антифашист, к которому было проявлено это уважение от русского народа, которому немцы, ослепленные фашистской пропагандой, нанесли оскорбление. И какая жена или мать не согласится охотно подождать, чтобы в день возвращения прижать своего мужа к сердцу, который работал на чужбине ради самой Германии и ради того, чтобы вернуть свою утерянную честь немца, которая еще вчера была покрыта позором!

Солдаты! Вы выполняете свой долг по возмещению ущерба.

В ваших руках находится честь нашего народа!

Печат. по: За Германию — против Гитлера! Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. М. 1993. С. 424—425.

2

Сов. секретно

ДИРЕКТИВА
Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР
за 1945 год

№ 138

18 августа 1945 г.

гор. Москва

НАРОДНЫМ КОМИССАРАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗНЫХ
И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК,
НАЧАЛЬНИКАМ УНКВД КРАЕВ И ОБЛАСТЕЙ

В связи с приказом Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 00955 от 13 августа 1945 года и в дополнение к телеграмме от 15 августа 1945 года № 2227 об освобождении на родину части военнопленных —

РАЗЪЯСНЯЮ:

1. На агентуру, подлежащую освобождению, представляющую оперативный интерес в целях возможного использования за кордоном, немедленно нарочным выслать в Оперативное управление ГУПВИ НКВД СССР дела-формуляры с подробной характеристикой.

Впредь до особого распоряжения эту агентуру о предстоящем возвращении на родину не предупреждать, о закордонной работе с ней не уславливаясь, в число подлежащих освобождению не включать, продолжая с ней обычную работу в условиях лагеря.

2. Малоценных агентов, подпадающих под этот приказ, отправлять в общем порядке, не отбирая от них при отправке никаких обязательств в виде подписок о нелегальной работе с нами.

На заявления отдельных агентов о желании продолжать работу с нами за кордоном разъяснить, что это пожелание будет учтено.

Рабочие дела и дела-формуляры на отправленных агентов выслать в оформленном виде в Оперативное управление ГУПВИ НКВД СССР.

3. В соответствии примечания пункта 3 приказа НКВД СССР № 00955 — 1945 года освобождению не подлежат:

а) участники зверств, уже взятые на учет, а также и те из не взятых на учет, на которых имеются проверенные агентурные и официальные данные (заявления военнопленных, свидетельские показания, материалы с мест совершения злодеяний и т. д.);

б) лица, служившие в войсках «СС», и «СА», полевой полиции и жандармерии;

в) сотрудники Гестапо, «СД» включая «Абвер», разведывательных и контрразведывательных органов других государств;

г) руководящие члены фашистских партий и их организаций, как-то: национал-социалистической рабочей партии Германии, «Скрещенные стрелы», «Железная гвардия» и другие;

д) все лица подозрительные по вышеуказанным признакам, находящиеся в разработке;

е) осужденные в плену за совершенные преступления.

4. Дела-формуляры и прочие оперативные материалы на освобожденных и отправленных военнопленных сосредоточить в НКВД и УНКВД под рубрикой: «Архив освобожденных военнопленных».

5. По окончании освобождения военнопленных, немедленно представить в Оперативное управление ГУПВИ НКВД СССР отчет о проделанной работе по отсеву, с подразделением на категории, указанные в пункте 3 настоящей директивы.

Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР
генерал-полковник ЧЕРНЫШОВ

Архив УВД ВО, ф. 6, оп. 1, д. 472. Копия.

3

Сов. секретно

ДИРЕКТИВА
Народного Комиссара Внутренних Дел СССР
за 1945 год

СОДЕРЖАНИЕ

№ 157 О порядке отправки на родину военнопленных, освобождаемых по приказу НКВД СССР № 00955 — 1945 г. и директиве НКВД СССР № 2222 — 1945 года.

№ 157

13 сентября 1945 г.

гор. Москва

НАРОДНЫМ КОМИССАРАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИК,
НАЧАЛЬНИКАМ УНКВД КРАЕВ И ОБЛАСТЕЙ по списку

Во исполнение приказа НКВД СССР № 00955 от 13 августа 1945 года и в соответствии с Вашими данными, представленными по директиве № 2222

от 12 августа 1945 года из лагерей и спецгоспиталей республики (края, области) подлежат освобождению военнопленные рядового и унтер-офицерского состава следующих категорий:

а) все военнопленные независимо от физического состояния, следующих национальностей: поляки, французы, чехословаки, югославы, итальянцы, шведы, норвежцы, швейцарцы, люксембуржцы, американцы, англичане, бельгийцы, голландцы, датчане, болгары и греки;

б) больные военнопленные независимо от национальностей, кроме остро-заразных больных, кроме испанцев и турок, а также кроме участников зверств и лиц, служивших в войсках СС, СД, СА и гестапо;

в) военнопленные немцы, австрийцы, венгры и румыны только инвалиды и ослабленные. Освобождению не подлежат лица, отнесенные по физическому состоянию к первой, второй и третьей категориям, а также участники зверств и лица, служившие в войсках СС, СД, СА и гестапо, независимо от их физического состояния.

Больные военнопленные будут направляться на родину в санлетучках, остальные в обычных эшелонах, номера которых и срок подачи на указанные вами станции будут сообщены дополнительно.

Эшелоны и санлетучки с освобожденными военнопленными будут следовать только в двух направлениях:

а) немцы, поляки, а также национальности, подлежащие передаче органам репатриации французы, итальянцы, шведы, норвежцы, швейцарцы, люксембуржцы, американцы, англичане, бельгийцы, голландцы, датчане, болгары и греки — следуют во Франкфурт-на-Одере (Германия) в лагерь № 69. Поляки по этому пути движения будут разгружены в Познани (Польша) в лагерь № 177;

б) венгры, румыны, австрийцы, чехословаки и югославы следуют до станции Сигет (Румыния) в лагерь № 36.

В соответствии с этим ПРЕДЛАГАЕТСЯ:

1. При получении нарядов на вагоны обеспечить своевременное представление железной дороге заявок на подачу занаряженных вагонов. Заявка по сроку подачи вагонов, их количеству и станции погрузки должна строго соответствовать наряду.

2. В случае подачи железной дорогой недостаточно оборудованных вагонов, от вагонов не отказываться, принимать срочные меры по оборудованию вагонов своими средствами.

3. Погрузку военнопленных в вагоны эшелонов и санлетучек производить по национальному признаку.

4. Военнопленных, подлежащих передаче органам репатриации, одеть в годное трофейное обмундирование.

5. Всем военнопленным перед отправкой произвести тщательную комплексную санобработку.

6. Обеспечить освобожденных военнопленных продовольствием в полной норме и ассортименте на весь путь следования из расчета продвижения

эшелона 200 километров в сутки плюс пятидневный запас. Запретить выдачу муки взамен хлеба, выдавать только хлеб и сухари.

7. Для сопровождения эшелонов и санлетучек выделите наиболее толковых, инициативных офицеров и медперсонал с необходимым запасом медикаментов.

8. Обязайте начальника эшелона обеспечить горячим питанием военнопленных в пути следования и бесперебойное снабжение водой.

9. Об отправке эшелонов и санлетучек немедленно доложите.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

генерал-полковник ЧЕРНЫШОВ

Архив УВД ВО, ф. 6, оп. 1, д. 472. Копия.

4

25 октября 1945 г.

Начальнику санитарного управления
ГСОВГ генерал-лейтенанту Гурвичу

В лагерь военнопленных № 69 во Франкфурт-на-Одере из тыловых лагерей нашей страны согласно решения правительства поступают эшелоны с инвалидами, больными и физически ослабленными военнопленными для их последующего освобождения.

В течение октября поступает по 4—6 эшелонов в сутки. Кроме того в пути следования находится 100 эшелонов. В ближайшие 2-3 месяца во Франкфуртский лагерь из тыловых лагерей согласно указаниям Москвы должно быть принято, а затем освобождено до 300 тыс. больных.

С прибывающими эшелонами указанных категорий военнопленных поступает до 100 чел. в каждом эшелоне тяжелобольных, отяжелевших в пути следования, которых по состоянию здоровья нельзя передавать местным властям, а необходимо срочно госпитализировать до выздоровления (брюшной тиф, дизентерия и другие заболевания).

Имеющийся при лагере лазарет на 150 коек переполнен, на сегодня его загрузка — 1000 чел. Спецгоспиталь № 1762, закрепленный за лагерем, также переполнен, в нем до 2500 человек.

Местные больницы маломощны и также переполнены. Среди прибывающих большой процент смертности: умирают в пути следования, в пункте прибытия, умирают в спецгоспитале.

Срочно прошу выделить еще один спецгоспиталь для военнопленных.

Начальник отдела НКВД по делам военнопленных ГСОВГ
подполковник подпись

Примечание. Внизу докладной автор документа сделал приписку: «Значительное количество больных подлежит передаче органам репатриации и союзному командованию (англичане, французы)». На полях докладной записки

есть резолюция генерал-лейтенанта медицинской службы М. М. Гурвича:
«Выделить госпиталь № 498 во Франкфурте-на-Одере для данной цели».

ВММ МО, ф. 39, оп. 8965, д. 3, л. 304. Подлинник.

5

Отдел США
№ 2089
17.12.45. г.

Москва,
5 декабря 1945 г.

Уважаемый г-н Посол

В связи с вашим письмом от 17 ноября, в котором Вы уведомляете о предложении Международного Красного Креста созвать в Женеве неофициальное совещание по поводу возможного пересмотра международных соглашений относительно обращения с военнопленными и интернированными гражданами, сообщаю следующее.

Советское Правительство считает, что вопрос об обращении с военнопленными и интернированными гражданами в настоящее время, когда только что окончилась война, не является актуальным и срочным. По мнению Советского Правительства, на мировое общественное мнение произвело бы неблагоприятное впечатление, если бы правительства главных участвовавших в войне стран уже в первые дни мира занялись подготовкой подобного соглашения касательно военнопленных.

В связи с вышеизложенным, Советское Правительство не считает возможным согласиться с указанным предложением Международного Красного Креста.

Прошу Вас, г-н Посол, принять уверения в моем весьма высоком уважении.
Г-ну В. А. Гарриману
Чрезвычайному и Полномочному Послу
Соединенных Штатов Америки
Москва

п. п. Вышинский
Верно: подпись

АВП РФ, ф. 0129, оп. 29, п. 176, д. 80, л. 113. Копия.

6

17 мая 1946 г.

Совершенно секретно
экз. № 2

Товарищу Сталину И. В.

В соответствии с постановлением ГОКО № 7161сс от 16 декабря 1944 г. и № 7467 от 3 февраля 1945 г. на территориях Румынии, Югославии,

Болгарии, Чехословакии и Верхней Силезии были мобилизованы и интернированы немцы, всего в количестве 189472 чел., в том числе 51138 женщин, которые были вывезены в СССР и распределены для работы в народном хозяйстве.

В настоящее время из числа мобилизованных интернированных немцев, занятых на работе в промышленности, имеется до 20000 чел. нетрудоспособных — больных неизлечимыми недугами, беременных женщин, инвалидов и стариков.

Нетрудоспособные находятся на предприятиях Министерства угольной промышленности, черной металлургии, цветной металлургии, нефтяной промышленности и других и проживают в УССР — 14432 чел., РСФСР — 4700 чел. и в БССР — 800 чел.

Министерство внутренних дел СССР считает целесообразным в целях освобождения предприятий от нетрудоспособных разрешить вывезти указанные 20000 чел. интернированных немцев в Германию.

Прошу Вашего решения.

Министр внутренних дел Союза ССР
С. Круглов

ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 136, л. 199. Копия.

7

Сов. секретно

ПРИКАЗ
министра внутренних дел Союза ССР за 1946 год

СОДЕРЖАНИЕ:

№ 00601. Об отправке на родину больных и нетрудоспособных военнопленных немецкой и других западных национальностей.

№ 00601. 27 июня 1946 года. гор. Москва

Во исполнение Постановления Совета Министров Союза ССР № 1263-519сс от 18 июня 1946 года «Об отправке на родину больных и нетрудоспособных военнопленных немецкой и других западных национальностей».

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Министрам внутренних дел союзных и автономных республик и начальникам УМВД краев и областей освободить из лагерей МВД для военнопленных, из спецгоспиталей, из рабочих батальонов Министерства вооруженных сил СССР и отправить на родину: инвалидов, стариков, длительно нетрудоспособных и транспортабельных больных военнопленных рядового и

унтер-офицерского состава, а также младших офицеров и всех национальностей до капитана включительно, кроме японцев.

Ориентировочное количество подлежащих освобождению и направлению на родину военнопленных по республикам, краям и областям установить согласно приложению 1.

Освобождению не подлежат:

а) офицеры, служившие в войсках «СС», «СА», «СД» и гестапо, независимо от их физического состояния и национальности;

б) участники зверств, независимо от звания, физического состояния и национальности.

2. Для отбора подлежащих освобождению и отправке на родину военнопленных, исходя из количества имеющихся в республиках, краях и областях лагерей, спецгоспиталей, рабочих батальонов МВС, приказами МВД-УМВД назначить комиссии во главе с ответственными работниками МВД-УМВД с привлечением врачей и руководящего состава оперативных отделов лагерей.

Комиссиям отбор военнопленных закончить до 20 июля 1946 года.

По мере отбора подлежащих освобождению сосредотачивать их в отдельных лагерных отделениях, расположенных у железнодорожных станций.

Донести в ГУПВИ МВД СССР:

а) к 5 июля 1946 года предварительные данные о количестве подлежащих освобождению военнопленных по каждой национальности отдельно для предупреждения властей соответствующих стран и Советской Военной Администрации в Германии;

б) к 25 июля 1946 года о фактическом количестве отобранных военнопленных, подлежащих освобождению и отправке на родину, отдельно по каждой национальности с указанием пункта сосредоточения освобождаемых и станции погрузки, а также потребного количества вагонов.

4. Отбор и подготовку к отправке провести под предлогом сосредоточения нетрудоспособного контингента в специальные оздоровительные лагеря. Обеспечить сохранение строгой тайны об отправке на родину от всех военнопленных, в том числе и от подлежащих освобождению. От остающихся в лагерях военнопленных это должно быть скрыто и впредь, а освобожденным объявить об отправке их на родину только в пути следования эшелона при приближении к границе.

5. Отправку военнопленных на родину произвести в три очереди:

первую очередь отправить до 15 августа 1946 года (приложение 2);

вторую — с 15 августа по 15 сентября (приложение 3);

третью — с 15 сентября по 15 октября (приложение 4).

При планировании перевозок исключить возможность скопления эшелонов на перегрузочных станциях в пограничной полосе.

6. Передачу освобождаемых военнопленных произвести:

а) немцев через лагерь МВД № 69 (Франкфурт-на-Одере);

б) поляков через лагерь МВД № 284 (Брест-на-Буге);

в) венгров, австрийцев и чехословаков через лагерь МВД 36 (Сигет);

г) румын, югославов и болгар через лагерь МВД 176 (Фокшаны).

7. Начальнику ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенанту тов. Кривенко согласовать с Министерством иностранных дел СССР сроки, пункты и порядок передачи освобождаемых военнопленных представителям соответствующих государств.

8. Начальнику Отдела железнодорожных и водных перевозок МВД СССР генерал-майору тов. Аркадьеву:

а) обеспечить подачу вагонов по плану вывоза освобождаемых военнопленных;

б) обеспечить перевозку освобождаемых военнопленных от перевалочных пунктов: Фокшаны, Сигет, Брест и Франкфурт-на-Одере до пунктов непосредственной передачи их представителям соответствующих государств.

9. Начальнику ГУВС МВД СССР генерал-майору интендантской службы тов. Горностаеву обеспечить:

а) снабжение эшелонов продовольствием на весь путь следования и 10-суточным выгрузочным запасом в необходимом ассортименте с учетом летнего времени;

б) доснабжение при необходимости обмундированием и продовольствием прибывающих военнопленных в Бресте, Сигете, Фокшанах и Франкфурте-на-Одере.

10. Начальнику Управления конвойных войск МВД СССР генерал-лейтенанту тов. Бочкову выделить в распоряжение начальников эшелонов по одному офицеру на эшелон и одному рядовому на два вагона для предотвращения возможных случаев продажи или обмена военнопленными обмундирования и обуви в пути, поддержания в эшелоне необходимого порядка, оказания помощи начальнику эшелона по обслуживанию военнопленных и предупреждению отставания военнопленных от эшелона.

11. Министрам внутренних дел республик, начальникам УМВД краев и областей и начальникам лагерей обеспечить:

а) снабжение отправляемых военнопленных исправной обувью и обмундированием;

б) оборудование эшелонов кухонными очагами и снабжение необходимой посудой для приготовления и приема пищи и создание запасов питьевой воды в вагонах;

в) обеспечить погрузку и отправку освобождаемых военнопленных в сроки строго по плану по каждому пункту погрузки.

12. Для сопровождения эшелонов, обеспечения необходимого порядка в пути следования, организации питания и медико-санитарного обслуживания освобождаемых военнопленных назначить начальников эшелонов из числа заместителей начальников лагерей и выделить в их распоряжение офицеров от оперативных и учетных отделов, от отдела снабжения. На каждый эшелон выделить по одному врачу и необходимое количество медицинского персонала. Эшелоны обеспечить перевязочными средствами и медикаментами.

13. Начальнику Пограничных войск МВД СССР генерал-лейтенанту тов. СТАХАНОВУ обеспечить пропуск через государственную границу СССР эше-

лонов с освобождаемыми военнопленными и сопровождающих их лиц в указанных пунктах.

14. Для организации приема и передачи освобождаемых военнопленных местным властям соответствующих государств командировать к 15 июля 1946 года ответственных офицеров:

а) в Фокшаны —	подполковника	ДЕНИСОВА И. С.	— от ГУПВИ
	майора	СЕРГЕЕВА	— от ГУВС
	капитана	РЫЧКОВА А. А.	— от отдела перевозок;
б) в Сигет —	подполковника	ТАМАРЛАКОВА А. Б.	— от ГУПВИ
	майора	КУЗНЕЦОВА	— от ГУВС
	лейтенанта	АПРИНЦЕВА В. И.	— от отдела перевозок;
в) в Брест —	полковника	ПРИХОДЬКО И. К.	— от ГУПВИ
	подполковника	КРИВОШЕЙ	— от ГУВС
	ст. лейтенанта	СОЛДАТОВА Д. И.	— от отдела перевозок;
г) во Франкфурт-на-Одере—	майора	РОМАНОВА Н. И.	— от ГУПВИ
	майора	ТЮХИНА	— от ГУВС
	майора	АНТОНОВА И. А.	— от отдела перевозок.

15. Передачу освобождаемых военнопленных соответствующим властям и органам репатриации произвести по именным спискам по форме: №№ по порядку, фамилия, имя и отчество, год рождения, национальность, подданство или гражданство и воинское звание. Списки должны быть составлены отдельно по каждой национальности лагерями-отправителями в трех экземплярах.

16. Заместителю Министра внутренних дел СССР генерал-полковнику тов. СЕРОВУ через Советскую Военную Администрацию в Германии обеспечить прием и размещение прибывающих нетрудоспособных военнопленных в Советской оккупационной зоне.

17. Министру внутренних дел Белорусской ССР генерал-лейтенанту тов. БЕЛЬЧЕНКО и начальникам отделов по делам о военнопленных при Управлении тыла Южной группы войск майору тов. БРОННИКОВУ и Группы советских оккупационных войск в Германии подполковнику тов. ВЕЛЬЯМИНОВУ обеспечить прием и временное размещение прибывающих военнопленных в лагерях №№ 36, 69, 176 и 284 до передачи их местным властям.

18. Советнику МВД СССР при Министерстве Общественной Безопасности Польши тов. ДАВЫДОВУ организовать наблюдение за движением эшелонов с военнопленными немцами через Польшу в Германию и содействовать быстрейшему продвижению этих эшелонов по территории Польши.

19. Разрешить Министрам внутренних дел республик и начальникам УМВД краев и областей мобилизовать необходимый для подвоза нетрудоспособных военнопленных к станциям отправления транспорт органов и войск МВД.

Плановому отделу МВД СССР для обеспечения автотранспорта горючим выделить за счет сокращения отпуска другим потребителям 300 тонн бензина из фондов II квартала и распределить по областям и республикам в соответствии с количеством отправляемых военнопленных, согласно приложению 1. Распределение горючего в республиках и областях по лагерям произвести непосредственно Министрам внутренних дел — начальникам УМВД.

20. Для руководства отбором, отправкой и вывозом освобождаемых нетрудоспособных военнопленных организовать при МВД СССР оперативную группу в составе:

- Начальник группы — генерал-лейтенант ПЕТРОВ (зам. начальника ГУПВИ)
- Члены группы:
- генерал-лейтенант БОЧКОВ (начальник конвойных войск)
 - генерал-майор и/с ГРИГОРЯН (зам. начальника ГУВС)
 - генерал-майор АРКАДЬЕВ (начальник отдела перевозок)
 - генерал-лейтенант м/с ЗЕТИЛОВ (нач. санотдела ГУПВИ).

На оперативную группу возложить наблюдение за выполнением настоящего приказа и обеспечение всех мероприятий по вывозу военнопленных и передаче их местным властям.

Оперативной группе:

а) разработать на основе материалов МВД-УМВД план перевозок освобождаемых военнопленных и представить мне вместе с начальником ГУПВИ на утверждение 10 июля 1946 года;

б) установить связь со всеми исполнителями на местах и принять все меры по оказанию помощи МВД-УМВД;

в) о выполнении мероприятий и ходе работы докладывать мне: до 15 июля каждую пятидневку, а с 15 июля — ежедневно.

21. Отpravку освобождаемых военнопленных закончить до 15 октября 1946 года.

Приказ передать по телеграфу, в лагеря не передавать. Министрам внутренних дел и начальникам Управления МВД приказ объявить для исполнения только начальникам лагерей и их заместителям.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

Генерал-полковник

С. Круглов

Верно: подпись П. Цветкова

ГРАФИНЯ
ИРИНА ЭЙНЗИДЕЛЬ-ПЕТЕРСДОРФ
УРОЖДЕННАЯ
ГРАФИНЯ БИСМАРК

БАД-ГАРЦБУРГ
БЛИЗ БРАУНШВЕЙГА
БИСМАРКШТРАССЕ, 24
9 июля 1946

В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫМИ КРАСНЫЙ КРЕСТ

МОСКВА
ГЛАВНЫЙ ПОЧТАМТ
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК 48

Я являюсь родною внучкою великаго государственнаго человека Бисмарка, заветом котораго был вечный и нерасторгаемый мир с русским народом. Когда Император Вильгельм II-ой поддался проискам темных сил и вынудил моего деда погаты в отставку, гениальный старец на смертном одре повторял: «Никогда не обнажайте меча против России».

Затем моя родина докатилась до зловещего деспотизма австрийского проходимца Гитлера и наша семья не могла остаться безучастной к судьбе отечества: мой муж оказался замешанным в дело 20 июля 1944 года, покушении на злосчастнаго маниака и исчез в застенках Гестапо. О терзаниях, перенесенных моим мужем от фашистских палачей, может засвидетельствовать чудом оставшийся в живых соратник его, находившийся вместе с ним в концентрационном лагере «БУХЕН-ВАЛЬД», — граф Вернер фон Альвенслебен, Шенбек/Бремен, Кирхвеч, 161, Ролофф.

Единственный сын мой, Генрих, которому сейчас только 25 лет попал в 1942 году в плен и, верный традициям семьи, сразу примкнул к немецкому антифашистскому движению, развернувшемуся в СССР.

Тем временем был разрушен наш дом со всею обстановкой во время одного из воздушных налетов Союзников на Берлин, где находилась наша недвижимость. Я очутилась на улице, без средств, в одиночестве (мне уже 58 лет) и лишенную поддержки сына.

Я обращаюсь к Великому Государственному Дятелю ГЕНЕРАЛИССИМУСУ ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ с просьбой помочь родной внучке другого исторического человека БИСМАРКА — вернуть мне из плена моего юнаго сына и скрасить последние годы жизни стареющей матери. Я знаю и верю, что в душе у СТАЛИНА живо чувство справедливости и человеколюбия. Он не забудет того, что муж мой погиб, подготавливая покушение на врага Вашей родины и палача моей страны — презренного Гитлера и прикажет вернуть несчастной, оставленной всеми матери, ея единственного сына.

*графиня Ирина Эйндзидель Петерсдорф
урожд. графиня Бисмарк*

Примечание. Сохранены орфография и пунктуация автора.

АВР РФ, ф. 082, оп. 30, п. 129, д. 17, лл. 78–79.

**О РЕАКЦИИ ВОЕННОПЛЕННОГО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА МЕДИЦИНСКОЙ
СЛУЖБЫ КАРЛА ВРОБЕЛЯ* НА ЗАЯВЛЕНИЕ В. М. МОЛОТОВА
ПО ГЕРМАНСКОЙ ПРОБЛЕМЕ НА 6-Й СЕССИИ СМВД В ПАРИЖЕ.
(Из докладной записки министра внутренних дел С. Н. Круглова,
направленной 12 июля 1946 г. И. В. Сталину)**

[...] Это заявление означает для нас вечное рабство. Оно вызовет в Германии и среди военнопленных большую ненависть. Как понимать пункт, что мирный договор допустим лишь тогда, когда Россия и ее союзники установят надежность германского правительства и его готовность заботиться о точном выполнении условий репараций. При таком толковании произвол и безобразия расцветут и ситуация, в которой сейчас находится Германия, будет вечной. А судьба военнопленных? Их вернут лишь после заключения мирного договора. Другими словами — мы имеем возможность вернуться домой через 20—40 лет или вернее никогда. Лучшее, если нас сразу убьют или же этапируют в Сибирь. Тогда мы хотя будем знать, что с нами. Если Молотов не возражает против голосования, против Федеральной Германии или об отделении Рурской области, то пусть он разрешит немцам голосовать и о судьбе Восточной Пруссии, Силезии и Померании. [...]

ГА РФ, ф. Р. -9401, оп. 2, д. 138, лл. 151—159. Копия.

10

11 августа 46 г.
3726/к

Сов. секретно
экз. № 2.

ТОВ. СТАЛИНУ И. В.

Во исполнение постановления ЦК ВКПб № 370/231 от 22 июля с. г. МВД СССР направлены в распоряжение Руководства Социалистической единой партии Германии 168 военнопленных немцев, окончивших антифашистские курсы.

Перед отправкой военнопленные приняли на митинге резолюцию, текст которой прилагается.

Министр внутренних дел Союза ССР
С. Круглов

ГА РФ, ф. Р. -9401, оп. 2, д. 138, л. 354. Копия.

* Генерал-майор медицинской службы Карл Вробель умер в советском плену в 1948 г. от тяжелого заболевания.

Заместителю министра
иностраннх дел
тов. Деканозову В. Г.

12 сентября 1946 г.

На Ваш запрос от 28 августа с. г. относительно возвращения из плена бывшего лейтенанта германской армии Генриха Эйнзидель сообщаю, что в материалах об Эйнзиделе имеются отрицательно характеризующие его моменты.

Эйнзидель 18-летним юношей в 1939 году добровольно вступил в германскую авиацию. Он — участник осады Сталинграда, на Восточном фронте сбил 31 самолет.

Несмотря на длительную политическую обработку Эйнзиделя в Национальном Комитете «Свободная Германия», он, после вторжения советских войск на германскую территорию, стал разлагающе влиять на военнопленных немецких офицеров рассказами о «зверствах чинимых русскими над немецким населением». Эйнзидель отрицательно относится к решениям Потсдамской Конференции.

В сентябре 1945 г. Эйнзидель выдвигался КПГ в числе других военнопленных на работу в Германию, но комиссией ЦК ВКП(б) не был пропущен.

Ввиду изложенного, считаю досрочное освобождение Эйнзиделя из плена нецелесообразным.

Министр внутренних дел Союза ССР
(С. Круглов)

АВП РФ, ф. 082, оп. 30, п. 129, д. 17, л. 82. Подлинник.

12

Перевод с немецкого
Сталинград 23.9.46.

Вальтер Заров
лагерь 362/5

В ЦК ВКП(б)
тов. Маленкову Г. М.

Глубокоуважаемый товарищ!

Подписавший это письмо со времени капитуляции Германии 8.5.1945 г. находится в русском плену, с 28.1.46 г. в лагере 362/5 в Сталинграде. Я прошу Вас проверить, справедливо ли, что я до сих пор нахожусь в плену. Я бы написал вам раньше, но до сих пор все надеялся, что с июня 1945 г. по сей день неоднократно проводившиеся Центральным Комитетом регистрации изменят мою судьбу, надеялся, что меня освободят. Поскольку этого до сих пор не произошло, я как член КПГ считаю себя обязанным обратиться к Вам, секретарю победоносной коммунистической партии, и рассказать о своей политической деятельности.

Основание: Будучи в Германии, я смог бы больше, чем здесь, за колючей проволокой, быть полезным немецкому пролетариату в деле создания крепкой КП Германии и в борьбе с разногласиями, которые рано или поздно станут очевидными, между капиталистическими кругами Англии и советской Россией, родиной трудящегося народа.

Моя автобиография: Я, Вальтер Заров, родился 19.10.1913 г. в Берлине (Веддинг) в семье рабочего Вильгельма Заров. С 1920 по 1928 год учился в народной школе. В 1927 г. вступил в союз юных спартаковцев. С 1929 г. — член комсомола Германии, в 1931 г. принят в компартию Германии. В 1928 г. поступил учеником в бюро кампании АЭГ. В 1930 г. был уволен на неопределенный срок за коммунистическую пропаганду и за создание молодежной группы на предприятии. Затем работал в руководстве подрайона Веддинг в качестве оргруководителя группы в 600 комсомольцев. В июне 1932 г. окружным руководством КСМГ Берлина-Бранденбурга был назначен руководителем профессиональной школы и руководителем молодых безработных в Берлине. В это время я был приговорен судом по делам подростков к трем месяцам тюрьмы за попытку нанести ущерб безопасности страны. Несмотря на репрессии, усиливалась борьба рабочих против нацистов. На основании статьи 48 Веймарской конституции фон Папен отдал приказ о проведении обысков и о запрещении рабочей газеты «Роте фане» («Красное знамя») в Берлине. По распоряжению руководителя молодежи члена ЦК КСМГ, погибшего в Испании, Артура Беккера я стал руководителем КСМ в подрайоне Веддинг.

С января 1933 г. я жил в Берлине нелегально. 17 марта 1933 г. в Берлине-Веддинг, Тюркенштрассе 17, я был арестован СС, как политический руководитель. После этого меня переводили из одного участка СС в другой до тех пор, пока я не был отдан в руки СА — обергруппенфюрера Карла Эрнста в Берлине, зюд-вест, Хедеманнштрассе. После этого в камерах СС и СА настали дни ужаса. Через три недели ночью меня доставили в берлинский ад, Берлин-Шёнеберг, Генераль-Папештрассе, где производились допросы с применением резиновых дубинок, кнутов, холодной воды и пр. Через три недели меня отправили в полицай-президиум в Берлин, Александер-платц, где я слышал, а затем видел нашего Тэдди — Эрнста Тельмана, вождя нашей партии... 17 июня 1933 г. я был ошибочно выпущен. По освобождении я сразу же связался с руководителями организации КП Берлина-Бранденбурга и получил задание немедленно отправиться в Лейпциг (Саксония) и заново организовать работу КСМ в Саксонии. Мне удалось хорошо выполнить это поручение. В ноябре 1933 г. в Хемнице вместе с другими руководящими товарищами: Карлом Шлоттербек, Артуром Гофман, Альфред Зауэр я был арестован. Год просидел в одиночной камере. 11 ноября 1934 г. судом в Хемнице был приговорен к двум годам тюремного заключения, но просидел до 1939 года. Отбыв наказание, опять отправился в Берлин.

15 февраля 1943 года, как негодный к военной службе из-за моей политической работы, я был зачислен в батальон 999, где 75% личного состава были товарищи, боровшиеся против фашизма и наказанные за это.

Я попал на Балканы, в Грецию, оттуда на остров Родос, где мы жили совершенно изолированно. Затем началось отступление. Мы организовались в группы по пять человек, начали уничтожение оружия и боеприпасов. В декабре 1944 года нас вернули в Германию и тотчас разоружили, пригрозив военным трибуналом. После этого нас по 8 человек под охраной отправили в охранный батальон в Ольшц, Чехословакия. Мы организовали группы по десять человек и вели агитацию среди солдат. Когда победоносная Красная Армия вошла в Моравскую низменность, все мои знакомые товарищи в одну из туманных ночей были переведены неизвестно куда. 10 апреля 1945 г. мы проезжали Берлин. По дороге стало известно, что эшелон отправляется на русский фронт, в Прибалтику.

Я мог бы нелегально остаться в Берлине, но как коммунист я решил, что моя антимилитаристская работа в отправлявшейся на фронт группе товарищей важнее, чем та, которую бы я вел в тылу. 17 апреля мы были посажены на корабль и 21 апреля прибыли в Либаву, Прибалтика. Осужденные за политическую работу попали в батальон особого назначения 491, 5 рота, в том числе депутат рейхстага от КПГ т. Вилли Агац из Эссена. В Прибалтике нам пришлось валить лес, переносить его, строить заграждения перед передним краем обороны. Справа и слева были посты пулеметчиков, так что перебежать на сторону Красной Армии было невозможно. В течение 10 дней мы разведывали минные поля и собирали боеприпасы. Мы хотели вооруженным путем обеспечить Красной Армии проход через заграждения, чтобы ускорить ее победоносное движение, но мы были безоружны, к тому же через несколько дней германская армия капитулировала. С этих пор я, немецкий коммунист, стал пленным, «военным преступником», как тысячи настоящих фашистов. Тюрьма, карцер, пытки, концлагерь, вермахт, штрафной батальон — ничего не могло поколебать во мне идей Карла Либкнехта, Карла Маркса, Энгельса, Ленина. Но обидно и тяжело немцу, боровшемуся за свободную Германию против фашизма и реакции, быть пленным родины трудящихся. С чувством горькой обиды читаю я письмо моей жены от 19.8.46. г. из Берлина, Эркштрассе, 10: «Дорогой Вальтер! Наци живут здесь хорошо, опять занимают важные должности. А ты, который боролся против них, ты — в плену в стране рабочих».

С сентября 1945 г. я заболел (дистрофия). В январе 1946 г. приехал в Сталинград, работал, будучи больным. Долгое время работаю агитатором, член политбюро лагеря, организовал открытие такой столовой в лагере, равной которой нет ни в одном лагере военнопленных в Сталинграде. Поддерживаем заболевших военнопленных. Через столовую многое сделано для проведения массовых мероприятий. Качество работы военнопленных на восстановлении шахт, разрушенных немецкими оккупантами, растет из месяца в месяц.

Здесь имеется моя просьба (5 страниц) и свидетельство о моем освобождении из концлагеря. Кроме того, сведения обо мне можно получить из штрафного батальона и НКВД. Мои документы в Ваших руках, и я уверен, тов. Маленков, что Вы, как старый большевик, проверив мои честные

показания, не потерпите, чтобы немецкий коммунист, с ранней молодости несший знамя марксизма и с 1933 года видевший лишь плохие стороны жизни, продолжал оставаться у русских товарищей за колючей проволокой.

Прошу извинить, что пишу Вам по-немецки. До сих пор не представлялась возможность изучить русский язык.

В надежде, что в день 29-й годовщины победоносной революции я уже не буду сидеть за колючей проволокой, а буду помогать пролетариату, в надежде на скорый ответ, с немецким боевым «Рот Фронт»!

21 октября 1946 г. Вальтер Заров.

Примечание. Вышеприведенное письмо было переадресовано в ГУПВИ МВД на предмет изучения просьбы о репатриации. Оттуда в секретариат Оргбюро ЦК ВКП(б) ушел ответ: «Заров используется на антифашистской работе, проводимой среди военнопленных, и МВД СССР считает целесообразным воздержаться от его освобождения».

ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 15е, д. 2, лл. 124–127, 131. Подлинник.

13

Сов. секретно

ПРИКАЗ
министра внутренних дел Союза ССР
за 1946 год

СОДЕРЖАНИЕ:

№ 001196. О завозе из Германии 27500 человек немцев, содержащихся в тюрьмах и спецлагерях МВД и вывозе в Германию такого же количества больных и нетрудоспособных военнопленных и интернированных немецкой национальности.

№ 001196.

26 декабря 1946 года.

гор. Москва.

В соответствии с постановлением Совета Министров Союза ССР № 2728-1124сс от 23 декабря 1946 года — «о вывозе из Германии немцев, содержащихся в тюрьмах и лагерях» —

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Заместителю Министра внутренних дел СССР генерал-полковнику тов. СЕРОВУ:

а) отобрать из числа содержащихся в специальных лагерях и тюрьмах МВД в Германии физически здоровых немцев — мужчин в количестве 27500 человек, пригодных для трудового использования на предприятиях Министерства угольной промышленности восточных районов и Министерства строительства топливных предприятий СССР и в 2-х месячный срок, равномерно, отправить их в СССР, согласно разнарядке МВД СССР;

б) принять и поместить в тюрьмы и спецлагери МВД на территории Германии вывозимых из СССР военнопленных и интернированных, которые по компрометирующим материалам подлежат изоляции.

2. Для отбора интернированных, организации их отправки из Германии в СССР, а также для приема поступающих из СССР контингентов, подлежащих освобождению или передаче для изоляции в тюрьмы и спецлагери МВД на территории Германии — командировать в Германию комиссию МВД СССР в составе:

Полковник ЯКОВЕЦ (председатель), майор медслужбы КРУПЯНКО от ГУПВИ МВД СССР

Подполковник ЗУБАРЕВ — от ГУВС МВД СССР

Капитан КОРНЕЕВ и лейтенант КОПЕРИН — от Отдела железнодорожных и водных перевозок МВД СССР.

Прием и передачу производить через лагерь МВД № 69 во Франкфурт-на-Одере. Привлечь к этой работе аппарат лагеря и Отдела МВД по делам о военнопленных при штабе тыла Группы советских оккупационных войск в Германии.

3. Обязать комиссию — полковника ЯКОВЕЦ:

а) обеспечить отбор и направление в СССР только трудоспособного контингента, годного для работ на подъемной добыче угля;

б) в соответствии с п. 2 постановления Совета Министров Союза ССР № 2728-1124сс получить от СВА и командования Советской Армии в Германии для всех направляемых в СССР интернированных немцев по одному комплекту новой зимней одежды и постельных принадлежностей, по две пары белья и месячный запас продовольствия на путь следования интернированных;

в) нуждающихся интернированных обеспечить необходимыми предметами из этих запасов, остальные комплекты по числу не получивших вещевое имущество, направить в эшелонах с каждой партией интернированных к месту назначения;

г) обеспечить эшелоны интернированных необходимым кухонным инвентарем, посудой для приготовления в пути горячей пищи и кипятка, запасом топлива на весь путь следования и необходимыми медикаментами и перевязочными средствами;

д) обеспечить в лагере МВД № 69 комплексную санитарную обработку и необходимые противоэпидемические мероприятия контингентам, проходящим через лагерь.

Обслуживание интернированных в пути их из Германии в тыловые лагеря МВД возложить на команды, сопровождающие военнопленных и интернированных, вывозимых в Германию.

4. Начальнику ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенанту тов. КРИВЕНКО:

а) взамен ввозимых в СССР трудоспособных немцев отобрать из лагерей МВД, спецгоспиталей и батальонов интернированных такое же количество нетрудоспособных и больных военнопленных и интернированных немцев, в том числе, независимо от физического состояния, женщин старше 35-летнего возраста и женщин, имеющих детей и беременных;

б) в число отправляемых включить больных и нетрудоспособных военнопленных и интернированных, которые по компрометирующим материалам подлежат изоляции, для содержания их в тюрьмах и спецлагерях МВД в Германии;

в) план завоза и вывоза с указанием численности каждой из категорий вывозимых военнопленных и интернированных по республикам, краям и областям представить мне на утверждение 5 января 1947 года и сообщить разверстку министрам внутренних дел республик и начальникам УМВД по краям и областям.

К завозу и вывозу приступить с 15 января 1947 года и закончить, равномерно, до 1 марта 1947 года.

5. Министрам внутренних дел республик и начальникам УМВД по краям и областям по разверстке ГУПВИ МВД СССР отобрать в лагерях, спецгоспиталях и батальонах интернированных контингент, подлежащий вывозу в Германию и произвести его отправку с соблюдением следующих условий:

а) всех отобранных к отправке обеспечить годной к носке зимней одеждой и обувью. Произвести комплексную санобработку, выдать на руки по паре запасного нательного белья, личные принадлежащие им вещи, ценности и документы;

б) эшелоны снабдить кухонными очагами, необходимой посудой, инвентарем, обеспечивающим двух-трех разовое в сутки приготовление в пути горячей пищи и кипятка, запасом топлива на весь путь следования;

в) эшелоны обеспечить полностью по норме продовольствием с расчетом на 30 суток пути;

г) погрузку производить только в оборудованные и утепленные вагоны, для чего силами и средствами лагерей военнопленных оказать помощь железнодорожной администрации в дооборудовании и утеплении вагонов, предназначенных для перевозки военнопленных и интернированных;

д) для сопровождения эшелонов и обеспечения необходимого порядка в пути, организации питания, медицинского и санитарного обслуживания военнопленных и интернированных назначать команды сопровождения в составе: опытных начальников эшелонов из числа заместителей начальников лагерей и офицеров отделов снабжения, оперативных и учетных; на каждый эшелон обязательно выделять по одному врачу и по два медицинских работника, снабдив их медикаментами и перевязочными средствами в достаточном количестве.

6. Отбор и организацию отправки военнопленных и интернированных, в соответствии с указанными выше требованиями, возложить на заместителей МВД республик, заместителей начальников УМВД и ответственных работников МВД-УМВД не ниже начальников отделов.

7. Начальнику Отдела железнодорожных и водных перевозок МВД СССР генерал-майору тов. АРКАДЬЕВУ:

а) обеспечить подачу вагонов под вывоз военнопленных и интернированных, оборудованных в соответствии с требованиями людских перевозок в зимних условиях по плану, составленному совместно с ГУПВИ МВД СССР;

б) обеспечить перегруз контингентов на станции Брест в вагоны европейской и союзной колеи.

8. Начальнику ГУВС МВД СССР генерал-майору интендантской службы тов. ГОРНОСТАЕВУ:

а) обеспечить лагеря и спецгоспитали обмундированием, обувью по зимнему плану и предметами хозяйского, потребными для отправки военнопленных и интернированных;

б) снабдить отправляемых военнопленных и интернированных 30-ти суточным запасом продовольствия.

9. Заместителю Министра внутренних дел СССР генерал-полковнику тов. АПОЛЛОНОВУ выделить в распоряжение заместителя Министра внутренних дел СССР генерал-полковника тов. СЕРОВА, за счет войск МВД, дислоцированных в Германии, 500 человек солдат и офицеров для конвоирования немцев на территории Германии и Польши, а также обеспечить конвоирование их по территории СССР от и до государственной границы.

Обеспечить пропуск эшелонов с военнопленными и интернированными и сопровождающих их команд и конвоев через государственную границу СССР.

10. Организацию перегруза военнопленных и интернированных, дообеспечение в необходимых случаях продовольствием и вещным имуществом, госпитализацию больных, не могущих следовать далее в эшелонах, производить на станции Брест.

Для руководства и проведения этих мероприятий командировать в Брест опергруппу в составе ответственных работников ГУПВИ, ГУВС, УКВ и Отдела железнодорожных и водных перевозок МВД СССР.

Министру внутренних дел БССР генерал-лейтенанту тов. БЕЛЬЧЕНКО оказывать в работе оперативной группы всемерное содействие и необходимую помощь силами личного состава МВД-УМВД и средствами лагеря МВД для военнопленных № 284.

11. Передачу военнопленных и интернированных местным германским властям и в лагеря и тюрьмы МВД на территории Германии произвести по актам и именным спискам по форме: №№ по порядку, фамилия, имя и отчество, год рождения, национальность, подданство или гражданство, воинское звание.

Оформление учетной документации на отправляемых в Германию про-
извести в соответствии с директивой ГУПВИ МВД СССР № 8/50 от 11 июля
1946 года.

12. Бланки актов и передаточных списков заготовить в Москве и напра-
вить их во Франкфурт-на-Одере с отъезжающими туда представителями
ГУПВИ МВД СССР.

Начальнику ХОЗУ МВД СССР генерал-лейтенанту тов. СУМБАТОВУ
обеспечить изготовление в типографии бланков актов и именных списков по
заявке ГУПВИ МВД СССР до 1 января 1947 года.

13. Контроль за выполнением настоящего приказа возложить на замести-
теля Министра внутренних дел СССР генерал-полковника тов. ЧЕРНЫШОВА.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
С. КРУГЛОВ.

Верно: подпись.

ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 12, д. 204, лл. 116—121. Копия.

14

СЕКРЕТНО

ТЕЛЕГРАММА
(Распоряжение)

МИНИСТРАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИК
НАЧАЛЬНИКАМ УПРАВЛЕНИЙ МВД РЕСПУБЛИК И ОБЛАСТЕЙ

По указанию Министра, в отмену пункта «б» § 4 приказа МВД СССР
№ 001196 от 26 декабря 1946 года, для отправки в Германию отобрать только
военнопленных и интернированных, подлежащих освобождению. Лица, на
которых имеются компрометирующие материалы и которых предполагалось
вывезти в Германию для содержания там в тюрьмах и лагерях, вывозу не
подлежат.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
генерал-полковник ЧЕРНЫШОВ

Верно: подпись.

№ 13

11 января 1947 года.

Архив УВД ВО, ф. 6, оп. 1, д. 509.

ЦК ВКП(б)
Товарищу Сталину И. В.

На совещании Совета Министров Иностранных Дел в связи с обсуждением вопроса о демилитаризации Германии, союзники, вероятно, спросят нас о количестве немцев-военнопленных, находящихся в Советском Союзе.

Всего немецких военнопленных солдат, офицеров и генералов находится в Советском Союзе 988500 человек. Освобождено из плена к настоящему времени 786975 человек.

Мы считаем возможным огласить цифру немцев-военнопленных, находящихся в Советском Союзе, с сокращением примерно на 10%, учитывая их повышенную смертность, при условии, что и союзники огласят цифры немцев-военнопленных, находящихся в странах союзников. Это целесообразно сделать и потому, что реакционная пресса раздувает этот вопрос, называя цифру немецких военнопленных в Советском Союзе в 5 миллионов человек.

Примечание. На документе отсутствуют дата и подпись. Однако в правом верхнем углу синим карандашом сделана пометка, видимо, означающая, что проект письма И. В. Сталину требует доработки.

АВП РФ, ф. 0431, оп. 4, п. 5, д. 21, л. 5.

Тов. Сталину

На совещании Совета Министров Иностранных Дел в связи с обсуждением вопроса о демилитаризации Германии союзники, вероятно, спросят нас о количестве немцев-военнопленных, находящихся в Советском Союзе.

Всего немецких военнопленных солдат, офицеров и генералов находится в Советском Союзе 988500 человек. Освобождено из плена к настоящему времени 965974 человека.

По данным прессы на конец 1946 г. союзники имели около 2 миллионов человек немецких военнопленных, в том числе:

в английском плену	780 тысяч человек
в американском «—»	450 «—»
во французском «—»	750 «—»

Мы считаем возможным огласить цифру немцев-военнопленных, находящихся в Советском Союзе, при условии, что и союзники огласят цифры немцев-военнопленных, находящихся в странах союзников. Это целесообразно сделать и потому, что реакционная пресса союзников и подконтрольная союзникам немецкая пресса раздувает этот вопрос, называя цифру немецких военнопленных в Советском Союзе в 5 миллионов человек.

При этом мы считаем целесообразным сообщить и количество военнопленных немцев, освобожденных нами из плена.

Прошу утвердить прилагаемый проект сообщения по этому вопросу.

12 марта 1947 года

В. Молотов

АВП РФ, ф. 0431, оп. 4, п. 5, д. 21, л. 1. Копия.

17

О ЧИСЛЕННОСТИ ГЕРМАНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

12 марта на заседании Совета Министров Иностранных Дел был поднят вопрос о численности немецких военнопленных, находящихся под контролем союзных держав.

Вчера министры иностранных дел Великобритании, Франции, СССР и США обменялись соответствующими данными по этому вопросу. Во Франции находятся 631483 немецких военнопленных, из которых свыше 500000 используются во французском народном хозяйстве, 19601 чел. находятся в Сев. Африке и 18606 — во французской зоне оккупации Германии. Под контролем британских властей находится вне Германии 435295 немецких военнопленных. На территории Советского Союза остается в настоящее время 890532 военнопленных немцев: со времени капитуляции Германии освобождено из плена и возвращено из СССР в Германию 1003974 немецких военнопленных. Соединенные Штаты Америки держат под своим контролем 30976 немецких военнопленных, из которых 15103 — вне пределов Германии и 15873 — в американской оккупационной зоне Германии.

(ТАСС).

«Правда», 1947, 13 марта.

18

Секретно

Москва, 5 апреля 1947 года

Уважаемый г-н Бевин,

В связи с Вашим письмом от 4 апреля сообщаю, что с моей стороны нет возражений против предложения обсудить в начале следующей недели на заседании Совета Министров Иностранных Дел вопрос о репатриации германских военнопленных вместе с вопросом о перемещенных лицах.

Прошу Вас, г-н Министр, принять уверения в моем весьма высоком уважении.

В. Молотов

Его Превосходительству г-ну Э. Бевину,
Министру Иностранных Дел Соединенного Королевства
Москва

Верно: подпись.

АВП РФ, ф. 0431, оп. 4, п. 5, д. 21, л. 24.

19

О РЕПАТРИАЦИИ ГЕРМАНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Обменявшись мнениями по вопросу о репатриации германских военнопленных, министры приняли предложение, внесенное по этому вопросу советской делегацией.

Принятое решение предусматривает, что немецкие военнопленные, находящиеся на территории союзных держав и на всех других территориях, будут возвращены в Германию до 31 декабря 1948 года. Репатриация германских военнопленных будет произведена в соответствии с планом, который разработан Контрольным Советом в Германии, не позднее 1 июля 1947 года.

Затем с заявлением по вопросу о договоре о восстановлении независимой и демократической Австрии выступил Д. Маршалл.

«Правда», 1947, 25 апреля.

20

Сов. секретно

ПРИКАЗ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР за 1947 год

СОДЕРЖАНИЕ:

№ 00535. Об отправке в Германию нетрудоспособных военнопленных бывшей германской армии (немцев) и интернированных немцев

№ 00535

20 мая 1947 года

гор. Москва

Во исполнение постановления Совета Министров Союза ССР от 16 мая 1947 года № 1571-414сс «Об отправке в Германию нетрудоспособных военнопленных бывшей германской армии и интернированных немцев» —

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Освободить в 1947 году из лагерей МВД, спецгоспиталей, рабочих батальонов Министерства вооруженных сил и батальонов для интернированных и отправить в Германию 100 тысяч нетрудоспособных военнопленных бывшей германской армии (немцев) и 13 тысяч нетрудоспособных интернированных немцев.

Передачу освобожденных нетрудоспособных военнопленных бывшей германской армии (немцев) и интернированных немцев произвести через лагерь МВД № 69 во Франкфурт-на-Одере органами Советской военной администрации в Германии.

2. Освобождение и отправку военнопленных бывшей германской армии (немцев) и интернированных немцев в лагерь № 69 во Франкфурт-на-Одере произвести в мае-сентябре 1947 года ежемесячно в следующем количестве:

Месяцы	Количество военнопленных бывшей герм. армии (немцев)	Количество интернированных немцев
в мае	4.000 чел.	—
в июне	25.000 »	4.000 чел.
в июле	25.000 »	3.000 »
в августе	23.000 »	3.000 »
в сентябре	23.000 »	3.000 »
Итого:	100.000 чел.	13.000 чел.

Количество подлежащих отправке интернированных военнопленных бывшей германской армии (немцев) и интернированных немцев по каждой республике, краю и области установить согласно приложениям 1 и 2 к данному приказу.

3. Освобождению и передаче подлежат:

а) больные и нетрудоспособные военнопленные бывшей германской армии (немцы), содержащиеся в лагерях МВД, спецгоспиталях, рабочих батальонах МВС СССР, включая офицеров от младшего лейтенанта до капитана включительно;

б) больные и нетрудоспособные интернированные немцы из рабочих батальонов Министерств.

4. Освобождению не подлежат:

а) военнопленные — участники зверств, служившие в частях «СС», «СА», «СД» и гестапо, и другие, на которых имеются соответствующие компрометирующие материалы, независимо от физического состояния;

б) интернированные и арестованные группы «Б»;

в) нетранспортабельные больные.

5. Министрам внутренних дел республик и начальникам УМВД по краям и областям:

а) для отбора нетрудоспособных военнопленных бывшей германской армии (немцев) и интернированных немцев, подлежащих освобождению и отправке в Германию, создать комиссии во главе с ответственными работниками МВД—УМВД с привлечением врачей и руководящего состава политпаратов, оперативных и учетных отделов управлений лагерей.

В комиссии для отбора военнопленных из спецгоспиталей привлечь начальников спецгоспиталей, а для отбора из батальонов МВС СССР и батальонов для интернированных — командиров и врачей батальонов.

Комиссиям по отбору военнопленных и интернированных, подлежащих освобождению и отправке в Германию, приступить к работе НЕМЕДЛЕННО и закончить к 27 мая 1947 года;

б) всех отобранных к отправке сосредотачивать группами не менее 100 человек в пунктах, расположенных у железнодорожных станций, в сроки согласно плану перевозок;

в) к 27 мая 1947 года сообщить в ГУПВИ МВД СССР по телеграфу или «ВЧ» количество отобранных военнопленных и отдельно интернированных немцев, какое количество из них кожных больных и сколько инвалидов и нетрудоспособных из оздоровительных команд лагерей МВД, спецгоспиталей, ОРБ МВС СССР и батальонов для интернированных, станции погрузки и потребное количество вагонов для их вывоза.

6. Начальнику ГУПВИ МВД СССР генерал-майору тов. ФИЛИПОВУ:

а) разработать общий план вывоза 100 тысяч нетрудоспособных военнопленных бывшей германской армии (немцев) и 13 тысяч нетрудоспособных интернированных немцев и доложить мне 28 мая 1947 года. Календарные планы вывоза составлять ежемесячно, докладывая их мне за 15 дней до начала планируемого месяца;

б) первую партию в количестве 4000 человек отправить из лагерей МВД и спецгоспиталей Московской области, согласно особым указаниям;

в) отправку интернированных немцев — женщин производить в отдельных вагонах;

г) для обеспечения передачи представителям Советской военной администрации в Германии освобождаемых военнопленных и интернированных и оказания помощи в их приеме и временном размещении в лагере № 69 — Франкфурт-на-Одере — командировать двух ответственных представителей ГУПВИ МВД СССР и одного представителя в гор. Брест — последнего с задачей обеспечения перегруза контингента в вагоны европейской колеи.

7. Министрам внутренних дел республик, начальникам УМВД по краям и областям:

а) всех подлежащих репатриации военнопленных бывшей германской армии (немцев) и интернированных немцев обеспечить исправной одеждой и обувью. Перед отправкой всем произвести тщательную комплексную санобработку со сменой постельного белья и выдачей одной запасной пары белья. Личные вещи, ценности и документы выдать на руки:

б) эшелоны оборудовать кухонными очагами, посудой, инвентарем, обеспечивающими двух-трехразовое приготовление в пути горячей пищи и кипятка, и постоянное наличие в вагонах достаточного количества доброкачественной питьевой воды. Снабдить эшелоны топливом для приготовления пищи на весь путь следования;

в) эшелоны с нетрудоспособными военнопленными бывшей германской армии (немцами), вывозимыми из лагерей МВД, спецгоспиталей, рабочих батальонов МВС СССР, обеспечить продовольствием на путь следования до пунктов передачи из расчета продвижения 300 километров в сутки и 5-суточным выгрузным запасом по госпитальной норме;

г) погрузку производить только в оборудованные вагоны, для чего силами и средствами лагерей МВД для военнопленных оказать помощь железнодорожной администрации в дооборудовании вагонов, предназначенных для перевозки военнопленных и интернированных;

а) для сопровождения эшелонов, обеспечения необходимого порядка в пути следования, организации питания и медико-санитарного обслуживания военнопленных и интернированных назначать начальников эшелонов из числа заместителей начальников управлений лагерей и в каждый эшелон по одному офицеру от отделов снабжения и оперативного, по одному врачу и по два средних медицинских работника.

Указанных лиц назначать только из числа надежных и проверенных офицеров, не имеющих за собой компрометирующих материалов. Списки офицеров, сопровождающих эшелоны, сообщать по телеграфу или «ВЧ» в ГУПВИ МВД СССР с указанием звания, фамилии, имени, отчества, занимаемой должности и кратких установочных данных для их утверждения.

Из состава конвойных войск МВД СССР в помощь начальникам эшелонов назначаются команды сопровождения во главе с офицером;

е) офицерам, сопровождающим эшелоны, и командам конвойных войск после сдачи контингента немедленно возвращаться в СССР. Обязать начальников эшелонов обеспечить быструю сдачу сопровождаемых военнопленных и интернированных и возврат своих команд в СССР немедленно после сдачи эшелона;

ж) эшелоны обеспечить необходимым количеством медикаментов, дезинтерийного бактериофага, перевязочного материала и дезинфицирующих средств. Начальнику эшелона выдать санитарный паспорт.

Тщательно проинструктировать начальников эшелонов и медсостав о порядке обеспечения в пути следования эшелонов, сдачи отяжелевших больных в спецгоспитали;

з) потребовать от руководителей хозорганов, на предприятиях которых заняты подлежащие отправке в Германию интернированные немцы, снабдить их на все время нахождения в пути продовольствием по установленной норме и обеспечить исправной одеждой, нательным бельем и обувью;

и) состояние оборудования эшелонов, их обеспеченность продовольствием и медицинским имуществом активировать. В актах указывать, из каких лагерей, спецгоспиталей, ОРБ МВС и рабочих батальонов для интернирован-

ных погружен контингент, его численность и физическое состояние. Акты немедленно выслать в ГУПВИ МВД СССР.

8. Начальнику ГУВС МВД СССР генерал-майору интендантской службы тов. ГОРНОСТАЕВУ обеспечить:

а) снабжение эшелонов военнопленных продовольствием на весь путь следования и 5-суточным выгрузочным запасом в необходимом ассортименте по госпитальной норме, а также доброкачественным обмундированием, бельем, обувью и предметами хозяйского по количеству отправляемых военнопленных;

б) доснабжение при необходимости обмундированием и продовольствием прибывающих военнопленных в Бресте.

9. Начальнику Управления конвойных войск МВД СССР генерал-лейтенанту тов. БОЧКОВУ в соответствии с п. 7 «д» настоящего приказа назначить в распоряжение начальников эшелонов команды сопровождения во главе с офицером для оказания помощи начальникам эшелонов по обеспечению в пути следования необходимого порядка.

10. Начальнику Отдела железнодорожных и водных перевозок МВД СССР генерал-майору тов. АРКАДЬЕВУ обеспечить:

а) подачу вагонов для перевозки репатрируемых бывшей германской армии (немцев) и интернированных немцев в сроки, согласно планам ГУПВИ МВД СССР;

б) перегрузку контингента на ст. Брест в вагоны европейской колеи, для чего командировать в Брест ответственного представителя.

11. Начальнику Главного управления пограничных войск МВД СССР генерал-лейтенанту тов. СТАХАНОВУ обеспечить пропуск через государственную границу СССР эшелонов с военнопленными и интернированными немцами и сопровождающих их команд и организовать контроль за обратным возвращением в СССР в установленные сроки всех сопровождавших эшелоны лиц.

12. Министру внутренних дел Белорусской ССР генерал-лейтенанту тов. БЕЛЬЧЕНКО командировать в Брест представителей МВД БССР с задачей переправки военнопленных и интернированных с территории Советского Союза в Германию транзитом через Польшу.

О ходе поступления эшелонов в Брест и их отправке в Германию немедленно доносить в ГУПВИ МВД СССР.

13. Начальнику Отдела МВД по делам о военнопленных при Управлении тыла группы Советских оккупационных войск в Германии подполковнику тов. ВЕЛЬМИНОВУ подготовить лагерь № 69, обеспечить прием и временное размещение прибывающих военнопленных и интернированных до передачи их представителям Советской военной администрации в Германии.

14. Передачу освобождаемых военнопленных и интернированных немцев произвести по актам и именным спискам по форме:

№№ по порядку, фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность, подданство или гражданство, воинское звание.

15. Контроль за выполнением настоящего приказа возложить на Заместителя Министра внутренних дел СССР генерал-полковника тов. ЧЕРНЫШОВА.

16. Пункты 1, 3, 4, 5 и 7 настоящего приказа передать по телеграфу.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Генерал-полковник С. КРУГЛОВ

Верно: подпись.

Архив УВД ВО, ф. 6, оп. 1, д. 493.

21

Сов. секретно

ПРИКАЗ
МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
за 1947 год

СОДЕРЖАНИЕ:

№ 00596. О порядке репатриации из СССР военнопленных и интернированных гражданских лиц

№ 00596.

5 июня 1947 года

гор. Москва

Согласно постановлению Совета Министров Союза ССР № 1731-462с от 26 мая 1947 года проведение репатриации из СССР военнопленных и интернированных гражданских лиц (немцев, австрийцев, румын, поляков, югославов, чехословаков и др.) возложено на Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации.

Во исполнение указанного постановления Совета Министров Союза ССР

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Начальнику ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенанту тов. Филиппову:

а) передать Министерству вооруженных сил СССР лагерь МВД № 69 во Франкфурте-на-Одере с полным оборудованием и личным штатным составом, а также Отдел по делам о военнопленных при группе советских оккупационных войск в Германии, сократив содержание личного состава лагеря и Отдела за счет численности ГУПВИ МВД СССР;

б) закрепить на время репатриации за лагерем МВД № 69 спецгоспиталь № 1762 для обслуживания больных военнопленных и интернированных гражданских лиц;

в) сверхштатный состав лагеря МВД № 69 и спецгоспиталь № 1762, а также лиц, находящихся в прикомандировании, направить в СССР;

г) передачу лагеря МВД № 69 и спецгоспиталя № 1762 закончить к 25 июня 1947 года.

2. Министрам внутренних дел республик и начальникам УМВД по краям и областям при отправке из лагерей МВД, спецгоспиталей, рабочих батальонов МВС СССР и рабочих батальонов интернированных подлежащих репатриации военнопленных и интернированных гражданских лиц указанных выше национальностей обеспечить:

а) снабжение отправляемых по репатриации военнопленных и интернированных гражданских лиц предметами питания на путь следования от лагерей МВД, спецгоспиталей, рабочих батальонов МВС и рабочих батальонов интернированных до транзитных лагерей управления Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации;

б) экипировку репатрируемых военнопленных и интернированных гражданских лиц в пригодное к носке обмундирование (по сезону).

3. Начальнику ГУВС МВД СССР генерал-майору интендантской службы тов. Горностаеву обеспечить создание в лагерях МВД соответствующих запасов продовольствия и годного к носке вещевого имущества, необходимых для обмундирования репатрируемых военнопленных и интернированных гражданских лиц и питания их на весь путь следования до транзитных лагерей органов репатриации.

4. Заместителю Министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанту тов. Обручникову сократить штатную численность ГУПВИ МВД СССР на 15 единиц, в том числе две единицы по центральному аппарату ГУПВИ МВД СССР и 13 за счет Управления лагерей МВД для военнопленных.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

генерал-полковник С. КРУГЛОВ

Верно: подпись.

ГА РФ, ф. Р.— 9401, оп. 12, д. 225, лл. 68—68 об. Копия.

22

Сов. секретно

**РАСПОРЯЖЕНИЕ
МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
за 1947 год**

№ 411. Об усилении проверки оперсоставом лагерей МВД для военнопленных отправляемого контингента из лагерей на родину

№ 411.

30 июня 1947 года

гор. Москва

МИНИСТРАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИК
НАЧАЛЬНИКАМ УПРАВЛЕНИЙ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПО КРАЯМ и ОБЛАСТЯМ (по списку)

В связи с возвращением военнопленных на родину, за последнее время отмечается безответственное отношение оперативных работников ряда лаге-

рей к проверке отправляемого контингента. Из Ленинградской, Сталинградской и Харьковской областей в мае-июне 1947 года были отправлены с эшелонами на родину более 10 участников зверств и другие военные преступники. По просьбе УМВД указанных областей МВД СССР вынуждено было задерживать преступников в пути следования.

Такую невнимательность можно объяснить ослаблением бдительности и нечеткостью оперативных работников по проверке отправляемого контингента.

ПРЕДЛАГАЮ:

Предупредить весь оперативный состав лагерей и УПВИ-ОПВИ МВД-УМВД, что в случае пропуска военных преступников в дальнейшем МВД СССР будет привлекать виновных к строгой ответственности.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Генерал-полковник ЧЕРНЫШОВ

Архив УВД ВО, ф. 6, оп. 1, д. 510. Копия.

23

Секретно

Тов. А. Я. ВЫШИНСКОМУ

В соответствии с решением Московской сессии Совета Министров Иностранных Дел Контрольный Совет в Германии разрабатывает план принятия и размещения немецких военнопленных, подлежащих возвращению в Германию.

Для составления такого плана союзные державы должны представить Контрольному Совету сведения о сроках, в которые предполагается возвратить на родину немецких военнопленных. В настоящее время такие сведения представлены лишь американским и британским командующими. Французский командующий на последнем заседании Комитета Координации заявил, что он не в состоянии представить такие сведения ввиду трудностей, связанных с заменой военнопленных другой рабочей силой.

Наш представитель в Контрольном Совете запрашивает сведения относительно ориентировочного плана возвращения немецких военнопленных из СССР.

Министерство Внутренних Дел СССР представило сведения о количестве находящихся в СССР немецких военнопленных и свои предложения в отношении сроков возвращения их на родину. В сообщении Министерства Внутренних Дел СССР о количестве находящихся в СССР немецких военнопленных имеется расхождение по сравнению с теми данными, которые были нами представлены на сессии СМВД в Москве.

В связи с вышеизложенным считаю необходимым запросить мнение Министерства Внутренних Дел СССР в отношении расхождения данных о количестве немецких военнопленных, находящихся в СССР, а также просить Министерство Внутренних Дел СССР войти в Правительство с проектом решения об утверждении календарных сроков возвращения немецких военнопленных.

Полученные от Министерства Внутренних Дел СССР сведения о количестве немецких военнопленных, распределение их по зонам и примерные календарные сроки возвращения их в Германию для ориентировки полагаю необходимым переслать Маршалу Соколовскому.

Проекты писем т.т. Круглову и Соколовскому прилагаются.

9 июля 1947 года.

А. СМЕРНОВ

Верно: подпись.

АВП РФ, ф. 082, оп. 34, п. 148, д. 19, л. 65. Копия.

24

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

от 11 июля 1947 г.

заместителя министра иностранных дел А. Я. Вышинского
на имя министра внутренних дел С. Н. Круглова

Телеграммой от 8 июля с. г. за № 266 тов. Гаврилов сообщил из Германии о большой смертности в пути среди немецких военнопленных, репатрируемых из СССР. По его сообщению смертность вызывается отправкой в Германию больных немцев, которые не могут перенести перевозки.

Прошу Вас информировать МИД СССР о мерах, предлагаемых в связи с сообщением тов. Гаврилова.

АВП РФ, ф. 082, оп. 34, п. 19, д. 148, л. 117. Копия.

25

Диттманн Курт Густав

Зауер Лео Иозеф

Цинхобль Альфред Мориц

Талици, особый объект № 2041

Талици, 3. 8. 1947.

Министру Вооруженных Сил
тов. БУЛГАНИНУ

Диттманн Курт Густав, 1920 г. рождения, партизан и военнослужащий Красной Армии, политотдел штаба 168 п. д. 42 армии, 2 Прибалтийский фронт.

Зауер Лео Иозеф, партизан бригады Жукова, отряд Пономаренко Минский район,

Цинхобль Альфред Мориц, 1907 г. рождения, партизан бригады Жукова, отряд Пономаренко, Минский район —

просят ответить на посылаемое ими письмо: после расформирования партизанских отрядов, т. е. после окончания войны, мы не были отправлены на родину, как это нам обещали, а были направлены на работы в лагеря военнопленных. Тогда использование нас на работе было необходимо, однако мы не можем понять, почему сейчас, когда немецкие и австрийские военнопленные освобождаются из плена, нас продолжают задерживать. Несмотря на то, что нами было послано в соответствующие инстанции несколько прошений, мы до сего времени (прошло два года после окончания войны) не получили положительного ответа. Все это нам очень непонятно после того, как мы с оружием в руках боролись на стороне Советского Союза против германского фашизма и были за это награждены.

Мы просим вас, тов. БУЛГАНИН, войти в наше положение и дать разрешение после проверки наших документов и нашей деятельности на выезд в Германию.

Мы все трое проживаем в Советской зоне, и мы думаем, что там мы принесли бы большую пользу не только нашей родине, но и Советскому Союзу в борьбе против реакции, как нас учили Маркс и Энгельс и претворили в жизнь наш великий Ленин и Генералиссимус Сталин.

Мы не верим, чтобы все то, что было сделано нами как друзьями Советского Союза, когда мы боролись плечом к плечу с красноармейцами и партизанами против фашизма, будет забыто. В действительности нас рассматривают как любого другого военнопленного, который до последнего момента дрался с оружием в руках против нас. Часто у нас создается такое впечатление, что мы имеем меньше прав, чем те, которые хотели нас видеть на виселице и которые сейчас еще этого хотят.

Мы снова просим вас не отказать нам в Вашей помощи и отправить нас на родину, но ни в коем случае не оставлять наше письмо без ответа.

Дитманн Курт

Зауер Лео

Цинхобль Альфред

ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 19е, д. 3, л. 3. Подлинник (перевод с немецкого).

26

Служебная записка

министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова и начальника Первого
Главного управления при Совете Министров СССР Б. Л. Ванникова,
направленная 20 марта 1948 года
заместителю председателя Совета Министров СССР Л. П. Берия

В связи с телеграммой тт. Соколовского и Кобулова о передаче акционерному обществу «Висмут» в Германии 50 тысяч немцев военнопленных из числа граждан Чехословакии и Румынии докладываем:

В лагерях МВД — 14759 трудоспособных немцев негерманского подданства: 8468 подданных Чехословакии, 1716 — Югославии, 2072 — Польши, 2503 — Румынии.

В рабочих батальонах в числе интернированных иностранных граждан, мобилизуемых на восстановительные работы в СССР, имеется трудоспособных немцев: подданных Югославии — 2991, Румынии — 21042, Чехословакии — 105, Польши — 343, всего 24481 человек. Из этих 24481 интернированных немцев — 14948 женщин.

Считаем возможным передать как военнопленных, так и интернированных советскому акционерному обществу «Висмут».

Полагаем установить следующий порядок:

а) направлять только давших согласие работать на «Висмуте» не менее 3 лет;

б) лица, давшие согласие, освобождаются из лагерей и рабочих батальонов и направляются в лагерь № 69, где их на месте принимают представители акционерного общества;

в) акционерное общество расселяет прибывших в районе предприятий и оказывает помощь в трудовом устройстве.

Проект Постановления Совета Министров Союза ССР прилагаем.

Просим Ваших указаний.

ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 01а, д. 46, лл. 156–157. Подлинник (перевод с немецкого).

27

12 апреля 1948 г

Исх. № 16/0313

Секретно.

Экз. № 1.

ЗАВЕДУЮЩЕМУ 3-М ЕВРОПЕЙСКИМ ОТДЕЛОМ МИД СССР тов. СМЕРНОВУ А. А.

Ниже представляю Вам сведения о межзональном обмене немецкими военнопленными и беженцами в 1947 году и за три месяца 1948 года.

I.

1. Прибыло из западных зон в Советскую зону в 1947 г.

Зоны	Немцев-беженцев	Бывших военнопленных	Всего
Из Английской	14111	64238	78349
Из Американской	20860	33281	54141
Из Французской	503	33681	34184
Всего:	35474	131200	166674

2. Передано из Советской зоны

В Английскую	47896	58764	1066660
В Американскую	48569	52473	101042
Во Французскую	2801	11306	14107
Всего:	99266	122543	221809

II.

1. С 1 января и по 1 апреля с. г. в Советскую зону прибыло:

Из Английской	1526	20391	21917
Из Американской	1865	2225	4090
Из Французской	70	23485	23555
Всего:	3461	46101	49562

2. Передано из Советской зоны:

В Английскую	7072	20455	27527
В Американскую	6372	11038	17410
Во Французскую	—	4199	4199
Всего:	13444	35692	49136

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОВЕТНИКА СВА В ГЕРМАНИИ
12/IV (М. ГРИБАНОВ.)

АВП РФ, ф. 082, оп. 35, п. 163, д. 21, лл. 35–36. Копия.

28

Совершенно секретно

10 июня 48 г.

экз. № 2.

3332/к

**ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР
товарищу МОЛОТОВУ В. М.**

Министерство внутренних дел СССР докладывает:

В соответствии с постановлением Совета Министров Союза ССР, в 1948 году будет репатрировано 660759 человек военнопленных, в том числе:

немцев — 343961 человек
венгров — 93802 »
румын — 40946 »
австрийцев — 1050 »
японцев — 175000 »

После репатриации указанного количества военнопленных — к 1 января 1949 года останется 534804 человека военнопленных, в том числе:

немцев — 421221 человек
венгров — 7478 »
румын — 3569 »
австрийцев — 7191 »
японцев — 91563 »
прочих — 3782 »

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
(С. КРУГЛОВ)

ГА РФ, ф. Р. -9401, оп. 2, д. 204, л. 33. Копия.

29

Ходатайство военнопленного лагеря № 465 Вальдемара Будраса
о предоставлении ему советского гражданства,
адресованное заместителю Председателя Совета Министров СССР
В. М. Молотову

РАПОРТ

Дорогой Вячеслав Михайлович!

Обращаюсь к Вам третий раз и прошу Вашего разрешения остаться мне в Советском Союзе и принять Советское подданство. Я не желаю возвращаться на свою родину, так как у меня родные погибли. Я родился в 1918 году в Кенигсберге. В плену нахожусь с 1945 года при Можайском лагере военнопленных. В течение трех лет я привык к русскому народу и мне очень нравится жить в Советском Союзе. В СССР все народы живут независимо и свободно. Я очень прошу Вашего разрешения оставить меня в Советском Союзе и принять гражданство Советского человека [...]

2/VII — 48 г.

Вальдемар Будрас

ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 18в, д. 36, л. 22. Подлинник (перевод с немецкого).

30

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

от 10 августа 1948 года на предмет приема в советское гражданство
военнопленного Эриха Фелькера

Я, заместитель начальника ОПВИ УМВД Ставропольского края майор Розенблит, сего числа рассмотрел заявление о приеме в гражданство СССР военнопленного:

Фелькер Эрих Якоб 1924 года рождения, уроженец с. Вайфенбах — округ Винденконер, немец, германский подданный, член «Гитлер Югенд», холост, сын мелкого ремесленника, слесарь. В германской армии с 1 октября 1942 года, служил в 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» и 37-й кавалерийской дивизии СС — разведотдел, воинское звание — унтер-офицер, имеет награды: железный крест 2 класса, кресты 1 и 2 класса за боевые заслуги, пленен 9 мая 1945 года — Австрия, содержится в лагере № 424 МВД

НАШЕЛ:

Военнопленный Фелькер Э. Я., содержась в Ставропольском лагерном отделении для военнопленных, вошел в связь со студенткой мединститута гор. Ставрополя, имел намерение совершить побег и при содействии последней скрываться от преследования органов власти. В целях исключения возможности побега военнопленный Фелькер был переведен в лагерь № 424 МВД.

Учитывая, что личность военнопленного Фелькер полностью не изучена, равно, как и прохождение им службы в войсках СС,

ПОЛАГАЛ БЫ:

Просьбу военнопленного Фелькер Эрих Якоб о приеме его в гражданство СССР отклонить.

ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 18е, д. 36, л. 34. Подлинник.

31

«Снятие копий без разрешения
Секретариата МВД — запрещается»

Сов. секретно
экз. № 2

1/12441

20 августа 48

Товарищу МОЛОТОВУ В. М.

В январе 1948 года МВД СССР представило Вам соображения относительно использования руководящих членов Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров» для ведения политической разведки и контрпропаганды в Германии, в целях противодействия распространяемым в западных зонах Германии провокационным и антисоветским слухам.

По Вашему указанию, в дальнейшем совместно с Комитетом Информации, был проведен ряд мероприятий по подготовке отправки членов Национального Комитета и «Союза немецких офицеров» в Германию.

В Подмосковном лагере было собрано 47 участников этих организаций, которые наряду с проведением с ними политических занятий по специальной

программе, были подвергнуты тщательному агентурному изучению с тем, чтобы выявить и отсеять политически неблагонадежных лиц.

Учитывая, что бывшие члены Национального Комитета и «Союза немецких офицеров» по согласованию с тов. СОКОЛОВСКИМ и УЛЬБРИХТОМ, а также с Комитетом Информации будут использоваться в административных органах советской зоны оккупации Германии, у 22-х немцев было запрошено согласие на вывоз их семей из западных зон в советскую зону.

В результате проводимых совместно с КИ мероприятий отобрано 25 бывших членов Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров», характеризующихся по перепроверенным агентурным данным и по своему поведению в лагерях военнопленных положительно, и которых МВД СССР считает возможным, в связи с окончанием подготовительных мероприятий к их отправке в Германию, репатриировать.

К числу их относятся:

1. Бывший генерал-лейтенант МЮЛЛЕР Винценц
2. Бывший генерал-майор КОРФЕС Отто
3. Бывший генерал-майор ВУЛЬЦ Ганс
4. Бывший генерал-майор БРАНДТ Артур
5. Бывший генерал-майор медицинской службы ШРАЙБЕР Вальтер
6. Бывший полковник АДАМ Вильгельм
7. Бывший полковник ЛЮДВИГ Гюнтер
8. Бывший полковник МИХАЭЛИС Ганс
9. Бывший полковник ШЕРХОРН Генрих
10. Бывший подполковник БЕХЛИ Гергардт
11. Бывший подполковник МАЦМОР Вильгельм
12. Бывший майор ХЕТЦ Карл
13. Бывший майор ХОМАН Гейнрих
14. Бывший майор фон ФРАНКЕНБЕРГ унд ПРОШЛИЦ Экхардт
15. Бывший майор ШУМАН Курт
16. Бывший майор ЭНГЕЛЬБРЕХТ Эрвин
17. Бывший майор ЛЕВЕРЕНЦ Герман
18. Бывший майор (военный священник) АРНДТ Эрих
19. Бывший капитан ШТЕГНЕР Людвиг
20. Бывший обер-лейтенант ВОЛЬФ Фридрих
21. Бывший лейтенант ТАППЕРТ Рейнгольд
22. Бывший лейтенант, граф фон ТУН Фердинанд
23. Бывший унтер-офицер БАЙЕР Пауль
24. Бывший унтер-офицер РЕКК Рихард
25. Бывший обер-ефрейтор ПРЕТШ Рейнгольд

К этой группе может быть присоединен для отправки в Германию военнопленный генерал-майор бывшей германской армии ВЕЕХ Ганс, не входивший в состав членов Национального Комитета, но намеченный к репатриации, в связи с мероприятиями по отбору немецких генералов для использования на руководящих должностях в органах полиции в советской зоне оккупации.

Прошу Вашего решения.

Проект распоряжения Совета Министров при этом представляется.

ЗАМ. МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
(И. СЕРОВ)

Верно: подпись.

ГА РФ, ф. Р. -9401, оп. 2, д. 204, лл. 209-211. Копия.

32

23 сентября 48

Секретно

3848/к

**ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ
СОЮЗА ССР товарищу МОЛОТОВУ В. М.**

В связи с проводимой репатриацией военнопленных и сокращением количества больных в лагерях МВД и спецгоспиталях, высвобождается значительная часть военнопленных врачей, которых использовать на работе по специальности не представляется возможным.

МВД СССР просит разрешить репатриировать 1000 военнопленных врачей из числа не имеющих компрометирующих материалов, семьи которых проживают в Советской оккупационной зоне Германии.

Репатриация указанного количества врачей может быть произведена в счет контингента репатрируемого в соответствии с постановлением Совета Министров Союза ССР № 396-152 сс от 21 февраля 1948 года «О репатриации в 1948 г. 300000 человек больных и малотрудоспособных немцев».

Прошу Вашего решения.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
(С. КРУГЛОВ)

ГА РФ, ф. Р. -9401, оп. 2, д. 204, л. 311. Копия.

33

4371/к

Совершенно секретно

27 октября 48

экз. № 2

Товарищу МОЛОТОВУ В. М.

Политсоветник при Главном начальствующем СВАГ тов. СЕМЕНОВ 24 октября 1948 года сообщил, что в американский сектор Берлина бежал бывший военнопленный генерал-майор медицинской службы ШРАЙБЕР Вальтер, отправленный 10 октября с. г. из Москвы в числе пяти других генералов, отобранных для пополнения немецкой полиции.

По сообщению тов. СЕМЕНОВА, ШРАЙБЕР намечался на должность главного врача и начальника санитарной службы полиции советской зоны, но он попросил не зачислять его в полицию, а использовать в области здравоохранения или в качестве профессора университета. Ему было подобрано место в Гальском университете и он, ожидая назначения, жил в гостинице в гор. Дрезден. 17 октября с. г. ШРАЙБЕР вместе с прибывшей к нему дочьерю под видом прогулки уехал в Берлин, где и проживает в своей квартире в американском секторе.

О ШРАЙБЕРЕ МВД СССР располагает следующими данными:

ШРАЙБЕР был взят в плен 30 апреля 1945 года в Берлине, где он работал с 1943 года в качестве начальника отдела по руководству научно-исследовательскими институтами в Военно-Медицинской Академии, имея в это время прямое отношение к подготовке германским верховным командованием бактериологической войны против Советского Союза.

Будучи допрошенным, ШРАЙБЕР дал подробные показания о своем участии в подготовке Германией бактериологической войны.

Затем ШРАЙБЕР 10 апреля 1946 года написал по этому вопросу заявление на имя Советского Правительства, которое было представлено 14 апреля 1946 года товарищу СТАЛИНУ И. В., Вам, товарищам БЕРИИ Л. П. и МАЛЕНКОВУ Г. М.

По принятому решению ШРАЙБЕР был направлен на Нюрнбергский процесс в качестве свидетеля от советского обвинения и 26 августа 1946 года успешно выступил на процессе, разоблачив нацистские планы подготовки бактериологической войны. На обратном пути ШРАЙБЕРУ в Берлине была дана возможность увидеться с дочерью.

Проявляя себя положительно, ШРАЙБЕР в сентябре-октябре 1947 года привлекался к участию в работах антифашистской конференции военнопленных врачей, где в выступлениях проявлял себя как антифашист и демократ. Он, в частности, являлся основным автором принятого конференцией открытого письма к немецким женам и матерям, призывающим их выступать против антисоветской клеветы, организовываемой англо-американцами.

В январе 1948 года ШРАЙБЕР выполнил по вопроснику Научно-исследовательского института питания Вооруженных Сил работу «Эпидемиологическая санитарная служба в бывшей германской армии».

Проходя перед отправкой на родину политическую подготовку в подмошковском лагере ШРАЙБЕР проверялся попутно и агентурным путем. Полученными материалами он характеризовался как сторонник единой демократической Германии и сторонник сотрудничества с Советским Союзом.

Во Франкфурте-на-Одере ШРАЙБЕР вместе с другими репатриантами подписал заявление, в котором благодарит советские органы за идеологическую работу с ним и за проявленную заботу в плену, а также указывает, что он будет бороться за демократическую Германию и дружбу с Советским Союзом.

После передачи ШРАЙБЕРА органам репатриации дальнейшее наблюдением за его поведением являлось компетенцией Советской Военной Администрации в Германии.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
(С. КРУГЛОВ)

ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 204, лл. 363–365. Копия.

34

Сов. секретно

ЗАМЕСТИТЕЛЮ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ

товарищу СЕРОВУ И. А.

В соответствии с решением Бюро Совета Министров Союза ССР от 11/XI-48 г. ст. 24 ГУПВИ МВД СССР была произведена генеральная сверка оперативно-статистических данных о количестве освобожденных военнопленных из лагерей МВД, спецгоспиталей, рабочих батальонов МВС и быв. фронтовых лагерей и сборных пунктов для военнопленных за период с 1945 г. по 1/IX-48 г. с данными имеющихся документов, подтверждающих передачу военнопленных лагерями МВД представителям иностранных государств, органам репатриации и освобожденных на фронтах по спискам.

В результате этой сверки оказалось, что между оперативно-статистическими данными о количестве освобожденных военнопленных и документами, подтверждающими их освобождение, имеется разрыв на 100025 чел. и 5432 чел. не расшифрованных.

В связи с тем, что оперативно-статистический учет наличия и освобождения военнопленных с начала войны осуществлялся нарастающим итогом по телеграфным донесениям с фронтов из отделов по делам военнопленных, а также фронтовых лагерей и сборных пунктов не исключена возможность взятия на учет одних и тех же военнопленных дважды.

Исходя из изложенного образовавшийся разрыв на 100025 человек считаем необходимым списать с общего оперативно-статистического учета освобожденных военнопленных.

Докладывая, прошим Вашего решения.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ (Т. ФИЛИППОВ)

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ (И. ПЕТРОВ)

21 ноября 1948 г.

Примечание. На документе имеется резолюция: «Надо было это раньше сделать, а не тогда, когда полагается отчитываться. Ведь пайки-то получали на всех. И. Серов 30.XI.48.»

ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 01е, д. 46, л. 155. Подлинник.

СООБЩЕНИЕ ТАСС

В последнее время в английской и американской печати появились сообщения относительно репатриации германских военнопленных, находящихся в СССР. При этом в сообщениях указывается, что на Московской сессии Совета Министров Иностранных Дел в апреле 1947 года было принято решение об их репатриации.

Необходимо напомнить, что на Московской сессии Совета Министров Иностранных Дел в апреле 1947 г. рассматривалось внесенное Советской Делегацией предложение о репатриации германских военнопленных, находящихся на территории союзных держав и на всех других территориях. В предложениях Советской делегации предусматривалось, что репатриация германских военнопленных должна быть произведена в соответствии с планом, который поручалось выработать к установленному сроку Союзному Контрольному Совету в Германии. Однако Контрольный Совет не выработал такого плана ввиду того, что правительства Франции и Англии, при поддержке правительства Соединенных Штатов Америки, отказались включить в план репатриации значительную часть германских военнопленных, которых они до сих пор удерживают на своей территории в качестве якобы работающих по найму на предприятиях и в сельском хозяйстве. Таким образом, вследствие противодействия со стороны английских и французских властей Контрольный Совет не принял никакого решения по плану репатриации германских военнопленных.

Что касается репатриации германских военнопленных в Советском Союзе, то подавляющее большинство их уже репатриировано. Репатриация остающихся военнопленных производится по плану, принятому Советским Правительством, и имеет быть законченной в течение 1949 года.

Таким образом, сообщения английской и американской прессы о том, что Советский Союз якобы не выполняет решение о репатриации германских военнопленных, являются ложными и клеветническими. Эти злостные измышления преследуют цель прикрыть задержание английскими и французскими властями на неопределенный срок большого количества германских военнопленных под видом работающих по найму, а также задержание свыше 250 тысяч советских граждан, угнанных гитлеровцами во время войны в Германию и до сих пор всякими способами задерживаемых в лагерях в американской, английской и французской зонах оккупации Германии и Австрии.

«Правда», 1949, 4 января.

К ВОПРОСУ О РЕПАТРИАЦИИ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

3 января 1949 года Советским Правительством были получены ноты правительств США, Великобритании и Франции по вопросу о репатриации германских военнопленных.

В ответ на эти ноты 24 января Министерством Иностранных Дел СССР был направлен правительствам США, Великобритании и Франции следующий меморандум Советского Правительства.

«Советским Правительством получены ноты Правительств США, Великобритании и Франции от 3 января 1949 года по поводу репатриации германских военнопленных. В этих нотах в извращенном виде освещается положение дел, связанное с вопросом репатриации германских военнопленных. Как обстоит дело в действительности, видно из следующего.

На Московской сессии Совета Министров Иностранных Дел СССР, США, Великобритании и Франции в апреле 1947 года было рассмотрено предложение Советской делегации о репатриации германских военнопленных, находящихся на территории союзных держав и на других территориях. В этом предложении, с которым согласились делегации США, Великобритании и Франции указывалось, что «репатриация германских военнопленных будет произведена в соответствии с планом, который будет разработан Контрольным Советом».

Известно, что такого плана Контрольным Советом выработано не было по вине Правительств Великобритании, Франции и США, поскольку указанные Правительства, в лице своих представителей в Контрольном Совете в Берлине, отказались включить в план репатриации значительное количество германских военнопленных под тем предлогом, что эти военнопленные используются ими в качестве работающих по найму.

В то время, как в Контрольном Совете обсуждался вопрос о составлении плана репатриации германских военнопленных, между Правительствами США, Великобритании и Франции велись переговоры и были заключены соглашения об оставлении на контролируемых ими территориях германских военнопленных под видом работающих по найму. Это подтверждается рядом фактов. Так, например, французский представитель генерал Дромар на заседании Военного Директората 19 сентября 1947 года заявил: «В настоящее время ведутся переговоры между американским и французским правительствами о наборе немецкой рабочей силы для Франции. План репатриации германских военнопленных и, в особенности, скорость этой репатриации зависят от переговоров, которые имеют место в настоящее время».

На заседании Политического Директората Контрольного Совета 29 октября 1947 года американский представитель Чейс заявил, что «между США и Бельгией существует соглашение, которое передает в распоряжение последней германских военнопленных, взятых в плен американскими войсками».

Соглашение о передаче германских военнопленных для использования под видом работающих по найму было заключено также между Великобританией и Бельгией, что подтверждается письмом Бельгийской военной миссии в Берлине, которое рассматривалось в Политическом Директорате 1 октября 1947 года.

Западные державы отказались информировать Контрольный Совет о происходящих между ними переговорах об оставлении германских военнопленных в качестве наемных рабочих, а 20 января 1948 г. генерал Клей предложил вообще снять с повестки дня Контрольного Совета вопрос о разработке плана репатриации германских военнопленных, что и было сделано. Так была сорвана указанными державами разработка плана репатриации германских военнопленных.

По имеющейся у Советского Правительства информации, на территориях, находящихся под контролем Великобритании, Франции и США, до сих пор задерживается большое количество германских военнопленных как работающих по найму.

Из заявления Министра Труда Великобритании Айзекса, сделанного в Палате Общин 21 сентября 1948 года, и из других заявлений официальных лиц Великобритании видно, что германские военнопленные, используемые Военным Министерством Великобритании на работах по уничтожению бомб, будут задержаны в Англии до конца 1949 года.

По данным газеты «Манчестер гардиан» от 5 января 1949 года, в одном лишь сельском хозяйстве Англии в настоящее время занято 15 тысяч германских военнопленных. Кроме того, германские военнопленные используются на строительных работах для британских войск, находящихся на Среднем Востоке.

По данным Центрального Управления по делам военнопленных при Французском Министерстве Национальной Обороны, опубликованном газетой «Монд» 6 января 1949 года, в настоящее время во Франции задержано 137 тысяч германских военнопленных под видом работающих по найму.

Что касается репатриации германских военнопленных из Советского Союза, то Советское Правительство уже репатриировало подавляющее большинство германских военнопленных и производит по принятому им плану репатриацию остающихся военнопленных, которая будет закончена в течение 1949 года.

Из вышеизложенного следует, что содержащееся в упомянутых нотках заявление о том, что в Советском Союзе задерживаются германские военнопленные, вопреки обязательству, данному от имени Советского Правительства, извращает действительное положение.

Не оставляет никакого сомнения, что такого рода заявления преследуют цели, не имеющие ничего общего с интересами ускорения решения вопроса о репатриации германских военнопленных. Такими заявлениями стремятся отвлечь внимание общественного мнения от многочисленных фактов задержания большого количества германских военнопленных под видом работающих по найму на территориях, контролируемых британскими и французскими властями.

ми, а также от того недопустимого факта, что свыше 250 тысяч советских граждан, угнанных гитлеровцами во время войны в Германию, до сих пор всякими способами задерживаются в лагерях американской, английской и французской зон оккупации Германии и Англии.

(ТАСС).

«Правда», 1949, 30 января.

37

АКТ*

26 июня 1949 г.

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что сего числа в эшелоне № 98282 в пути следования на ст. Брянск-1 скоропостижно умер военнопленный Циммерман Фриц Генрих 1913 г. р., немец, оберфрейтор, проживающий в Советской зоне г. Гера, Тейхштрассе, 18 от (диагноз) эмболии сердца.

Подписи: Начальник эшелона № 98282 майор Лужецкий
Врач эшелона старший лейтенант м/с Сидельцев
Оперуполномоченный эшелона лейтенант Земских
Труп для погребения сдал: Сидельцев
Труп принял: подпись неразборчива

ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 02в, д. 525, л. 163. Подлинник.

38

Сов. секретно

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ И. В.

По состоянию на 1 июля 1949 года в лагерях МВД СССР содержится 252 военнопленных немецких генералов. Из этого числа в отношении 62 военнопленных генералов в настоящее время ведется следствие по обвинению их в зверствах на территории СССР. Кроме того, 124 генерала подлежат дальнейшей проверке, в связи с чем репатриация их в настоящее время была бы преждевременной.

Что касается оставшихся 66 генералов, то оставление их в плену не вызывается необходимостью. К числу их относятся 42 престарелых и отстав-

* Акт написан от руки на обычном листе бумаги.

ных генерала, являющиеся больными и инвалидами, и 24 генерала, проявившие себя в плену положительно.

В соответствии с Постановлением Совета Министров Союза ССР от 19 февраля с. г. МИД СССР и МВД СССР предлагают указанные выше 66 генералов репатриировать в течение 1949 года, отправив в советскую зону оккупации 39 человек, в английскую и американскую зоны — 27 человек, по месту жительства их семей. Компрометирующих материалов на этих лиц за время пребывания их в лагерях МВД не имеется.

Проект решения Совета Министров Союза ССР и именной список на 66 генералов, подлежащих репатриации, прилагается.

Просим утвердить.

А. ВЫШИНСКИЙ

9 июля 1949 года

№ 186-ВК

С. КРУГЛОВ

3077/к

11/ -49

ГА РФ, ф.Р.-9401, оп. 2, д. 235, л. 269. Копия.

39

ПОДПИСАНИЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИЕЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНВЕНЦИЙ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ ВОЙНЫ

БЕРН. 13 декабря. (ТАСС). Вчера в БЕРНЕ представители СССР гг. Н. В. Славин, Украинской ССР — О. А. Богомолец и Белорусской ССР — И. П. Кутейников подписали Международные конвенции о защите жертв войны, выработанные дипломатической конференцией в Женеве в апреле — августе 1949 г.

При подписании конвенции о защите гражданского населения во время войны глава советской делегации тов. Славин сделал следующее заявление:

Несмотря на то, что конвенция о защите гражданского населения не распространяется на гражданское население, находящееся на неоккупированной противником территории, в силу чего эта конвенция не вполне отвечает требованиям гуманности, советская делегация, признавая, что конвенция идет навстречу интересам защиты гражданского населения на оккупированной территории и в некоторых других странах, заявляет, что она уполномочена правительством СССР подписать настоящую конвенцию со следующими оговорками:

1. По статье 10-й:

СССР не будет признавать законным обращение державы, во власти которой находятся покровительствуемые лица, к нейтральному государству или к какой-либо организации с просьбой принять на себя функции, выпол-

няемые державой-покровительницей, если на это не имеется согласия правительства страны, гражданами которой являются покровительствуемые лица.

Аналогичные оговорки делаются по статье 10-й конвенции об обращении с военнопленными, по статье 10-й конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях и по статье 10-й об улучшении участи раненых и больных, а также потерпевших кораблекрушение из состава вооруженных сил на море.

2. По статье 45-й:

СССР не будет считать законным освобождение державы, передавшей находившихся в ее власти покровительствуемых лиц другой державе, от ответственности за соблюдение конвенции в отношении переданных лиц на время, пока они находятся на попечении державы, которая согласилась их принять.

При подписании конвенции об обращении с военнопленными, помимо замечаний по статье 10-й, глава советской делегации сделал следующие оговорки:

По статье 12-й:

СССР не будет считать законным освобождение державы, передавшей захваченных ею военнопленных другой державе, от ответственности за соблюдение конвенции в отношении этих военнопленных, пока они находятся на попечении державы, согласившейся их принять.

По статье 85-й:

СССР не считает для себя обязательным вытекающее из статьи 85-й распространение действия конвенции на военнопленных, осужденных по закону страны, где они находятся в плену, за совершение военных преступлений и преступлений против человечности в соответствии с принципами Нюрнбергского процесса, так как осуждение за эти преступления должно подчиняться режиму, установленному в данной стране для лиц, отбывающих наказание.

Делегаты Украинской и Белорусской ССР при подписании конвенций сделали оговорки аналогичного содержания.

«Красная звезда», 1949, 14 декабря.

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ И. В.

Постановлением Совета Министров СССР за № 3308-1384 сс от 2 августа 1949 года МВД СССР было разрешено репатриировать в 1949 году из числа содержащихся в лагерях МВД 49 генералов.

Указанное постановление Совета Министров о репатриации 49 генералов МВД СССР в августе-сентябре с. г. выполнено, за исключением генерал-лейтенанта в отставке Кернера Вилли, 1877 года рождения, который по состоянию здоровья не мог быть отправлен на родину, генерал-лейтенанта Ноак Рудольфа, на которого были добыты новые материалы о причастности его к зверствам, за что он был осужден Военным Трибуналом на 25 лет заключения, и двух умерших: генерал-майора медицинской службы Вробель Карла, 1882 года рождения, умершего с диагнозом — злокачественная опухоль, цирроз печени, и генерал-майора медицинской службы в отставке Клуге Вернера, 1879 года рождения, умершего в связи с общим склерозом и кровоизлиянием в мозг.

Тем же постановлением Совета Министров МВД СССР обязывалось представить совместно с МИД СССР предложения о дальнейшей репатриации военнопленных немецких генералов.

В настоящее время в лагерях МВД СССР, кроме Кернера Вилли и Ноака Рудольфа, содержится еще 202 генерала бывшей германской армии. Из них:

а) на основании следственных материалов 57 генералов осуждены Военными Трибуналами сроком на 25 лет ИТЛ каждый за зверства, совершенные на временно оккупированной территории СССР;

б) в отношении 51 генерала ведется следствие в связи с их причастностью к зверствам на временно оккупированной территории СССР за период Великой Отечественной войны;

в) на 59 генералов имеются агентурные данные об их враждебных, реваншистских настроениях против СССР. Эти генералы намереваются по возвращению на родину включиться в борьбу против демократических элементов в Германии. К ним относится и бывший генерал артиллерии фон Зайдлиц, взятый в плен под Сталинградом. Фон Зайдлиц являлся президентом организованного в СССР в 1943 году «Союза немецких офицеров» и вице-президентом Национального Комитета «Свободная Германия».

Считаем необходимым враждебно и реваншистски настроенных генералов привлечь к уголовной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев»;

г) на 9 генералов имеются документальные данные об их службе в карательных, разведывательных, полицейских органах и частях СС, которых считаем также целесообразно передать суду Военного Трибунала;

д) на 3-х немецких генералов добыты материалы относительно их причастности к военным преступлениям на территории Чехословакии. Считаем целесообразным передать их чехословацким властям;

е) на 23 генерала не добыто компрометирующих материалов. В их число входит и фельдмаршал Паулюс, который, находясь в плену, во время войны неоднократно выступал с антигитлеровскими воззваниями, принимал активное участие в работе Национального Комитета «Свободная Германия», а также выступал свидетелем советского обвинения на Нюрнбергском процессе. Пау-

люс дал согласие поселиться в восточной зоне и работать под руководством правительства Германской демократической республики.

МИД и МВД считают возможным репатриировать 23 генерала в Германию.

Одновременно МИД и МВД просят рассмотреть вопрос о репатриации 19 военнопленных бывшей германской армии, являвшихся в прошлом руководящими членами Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров».

В сентябре 1948 года 22 члена этих организаций по распоряжению Совета Министров СССР № 12095 рс от 28 августа 1948 года были репатриированы и используются на работе в Германской демократической республике, а 19 бывших членов Национального Комитета и «Союза немецких офицеров» были задержаны в плену в связи с тем, что они изъявили желание выехать на жительство в западные оккупационные зоны Германии.

В настоящее время МИД и МВД считают возможным репатриировать в Германию оставшихся 19 бывших членов указанных организаций, учитывая их известную положительную роль в плену, а также отсутствие на них компрометирующих материалов за время пребывания в лагерях МВД.

Проект постановления Совета Министров СССР прилагается.

Просим рассмотреть.

А. Вышинский

С. Круглов

Верно: подпись.

№ 128/к

12.1.50 г.

* * *

СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР ПОСТАНОВЛЕНИЕ

« » января 1950 года

гор. Москва, Кремль

1. Обязать МВД СССР (тов. Круглова) привлечь к уголовной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев» 119 генералов бывшей германской армии (приложение № 1), в том числе:

51 немецкого генерала, в отношении которых имеются материалы об их причастности к зверствам на временно оккупированной территории СССР;

59 немецких генералов, реакционно и реваншистски настроенных;

9 немецких генералов, служивших в карательных, разведывательных и полицейских органах, а также в войсках СС;

Обязать Министерство Юстиции СССР (тов. Горшенина) рассмотреть дела на указанных генералов в месячный срок.

2. Разрешить МВД СССР тов. Круглову репатриировать в Германию 23 немецких генерала (приложение № 2), в отношении которых не добыто компрометирующих данных, в том числе бывшего фельдмаршала Паулюса Фридриха, изъявившего согласие жить и работать в Германской демократической республике.

Обязать МГБ СССР (тов. Абакумова) организовать за ПАУЛЮСОМ в Германии соответствующее наблюдение.

3. Поручить МИД СССР (тов. Вышинскому) договориться с правительством Чехословацкой народной республики о передаче им 3-х немецких генералов, в отношении которых имеются материалы об их преступных действиях на территории Чехословакии (приложение № 3).

4. Разрешить МВД СССР (тов. Круглову) репатриировать 19 военнопленных бывших членов Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров» (приложение № 4).

5. Обязать Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации (тов. Голикова) принять от МИД СССР военнопленных в количестве 42 человек, перечисленных в приложениях №№ 2 и 4 к настоящему постановлению, и направить их по месту жительства в Германию.

* * *

Проект

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б)

Утвердить представленный МИД СССР и МВД СССР проект Постановления Совета Министров Союза ССР о репатриации военнопленных бывшей германской армии и бывших членов Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров» (прилагается).

К. № 176

ГА РФ, ф. Р. -9401, оп. 2, д. 269, лл. 32—34, 35, 36—37. Копия.

**План основных мероприятий по выполнению решения Правительства
о репатриации немецких военнопленных и концентрации
в специальных лагерях МВД осужденных военных преступников**

№№ п/п	Краткое содержание вопроса	Сущность мероприятия
1	2	3

1. О репатриации путем выдворения за пределы СССР 5126 немецких военнопленных, осужденных на протяжении 1943-1949 годов за бандитизм, преступления против жизни и здоровья, хищения и кражи, симуляцию, членовредительство, нарушение режима в лагерях и другие бытовые и воинские преступления.
 1. Для отбора немецких военнопленных, подлежащих выдворению за пределы СССР — командировать в ИТЛ МВД и лагерь № 270 с наибольшей концентрацией этой категории лиц, сотрудников Оперативного Управления ГУПВИ:
 Карагандинский ИТЛ МВД (2334 человека) — подполковника ЛЕОНОВА и лейтенанта РУСАКА.
 Сибирский ИТЛ МВД 713 чел. — майора ШЕСТАКОВА и лейтенанта ФИЛЯЕВА.
 Лагерь МВД № 270 (гор. Боровичи, Новгородской области), где будут концентрироваться мелкие партии — подполковника РУБАНОВА и майора КИРКИНА.
 2. На основании поступивших из МВД-УМВД, лагерей и ИТЛ МВД данных о наличии осужденных немецких военнопленных, подлежащих выдворению за пределы СССР в количестве 5126 человек, — дать указание соответствующим МВД-УМВД, лагерям и ИТЛ МВД о направлении этой категории осужденных вместе с учетными и тюремными делами в Брест в лагерь МВД № 284 для последующей их репатриации.
 Перечень концентрации этой категории осужденных прилагается.
 3. На основании поступивших копий приговоров и предварительного отбора составить персональные списки на 5126 осужденных немецких военнопленных, подлежащих выдворению за пределы СССР, и передать эти списки вместе с приговорами в Военную Коллегию Верховного суда СССР на предмет оформления их выдворения.

1	2	3
2.	<p>О репатриации путем выдворения за пределы СССР 7038 немецких военнопленных, осужденных после 1 ноября 1949 года по формальным признакам за принадлежность к рядовому и унтер-офицерскому составу СС и СА, полицейским и охранным частям, за мелкие грабежи на временно оккупированной территории СССР и стран народной демократии, в отношении которых междуведомственные комиссии из представителей МВД, МГБ, МЮ, МИД и Прокуратуры СССР приняли решение о возможности репатриации.</p>	<p>1. На основании материалов, рассмотренных Межведомственными комиссиями, составить персональные списки осужденных этой категории военнопленных, подлежащих выдворению за пределы СССР, и вместе с приговорами передать в Военную Коллегию Верховного суда СССР на предмет оформления их выдворения.</p> <p>2. Составить персональные списки на подлежащих выдворению за пределы СССР осужденных указанных категорий немецких военнопленных с учетом мест их содержания и разослать таковые соответствующим МВД-УМВД с указанием, что эти осужденные военнопленные подлежат репатриации путем выдворения за пределы СССР через Брестский лагерь МВД № 284.</p>
3.	<p>О репатриации 5.293 немецких военнопленных, находящихся под следствием, привлеченных к уголовной ответственности за принадлежность к рядовому и унтер-офицерскому составу СА и СС, полицейским и охранным частям, за мелкие грабежи на временно оккупированной территории СССР и стран Народной демократии, в отношении которых междуведомственные комиссии приняли решение о возможности их репатриации.</p>	<p>Составить персональные списки на эту категорию военнопленных с учетом мест их содержания и разослать таковые вместе со следственными делами соответствующим МВД-УМВД с указанием, что перечисленные в списках военнопленные подлежат репатриации, а возбужденные против них следственные дела — прекращению.</p>
4.	<p>Об окончательной проверке и отборе в Бресте лиц, подлежащих репатриации.</p>	<p>Для проверки и окончательного отбора немецких военнопленных, подлежащих репатриации путем выдворения за пределы СССР из числа осужденных и находящихся под следствием, командировать в г. Брест в лагерь МВД № 284 оперативную группу в составе:</p> <p>Начальника отдела Оперативного Управления ГУПВИ полковника МАЙОРОВА П. П. (руководитель группы), Начальника отделения майора ИЛЬИНА Ф. И., Зам. Нач. отделения майора НАГИБИНА К. В., оперуполномоченного ст. лейтенанта ГОРФАН К. Л., оперуполномоченного ШТЕРН В. С., пом. оперуполномоченного —</p>

1	2	3
---	---	---

— ст. лейтенанта ВАСИЛЬЕВА Д. Г., ст. оперуполномоченного — ст. лейтенанта ВОЛКОВА И. С., сотрудника СУСАНИНУ С. Г., сотрудника БУРМИСТРОВУ Е. Я., сотрудника РУСАНОВУ Л. И., сотрудника ГАВРИЛОВУ В. Д.

5. О репатриации 23-х немецких генералов, в отношении которых не получено компрометирующих данных, в том числе бывш. фельдмаршала ПАУЛЮСА, а также 19 военнопленных, быв. членов Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров».

1. Бывшего фельдмаршала ПАУЛЮСА в сопровождении сотрудника доставить самолетом или пассажирским поездом в мягком вагоне (в зависимости от метеорологических условий) в г. Берлин, где передать его представителям СКК и Германской демократической республики, о чем телеграфно известить генерала армии тов. ЧУЙКОВА.

2. Военнопленных генералов в количестве 22-х человек и 12 членов Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров», содержащихся в Красногорском лагере МВД № 27 доставить из Москвы в Брест в лагерь № 284 пассажирским поездом в отдельном пассажирском вагоне в сопровождении одного офицера и 2-х вахтеров.

Отправку этой группы из Бреста во Франкфурт-на-Одере, включая 7 человек членов Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров», содержащихся в Брестском лагере № 284, произвести в пассажирском вагоне.

Обязать генерал-майора тов. АРКАДЬЕВА договориться с Министерством Путей Сообщения о предоставлении отдельного вагона в пассажирском поезде Москва — Брест, а начальника УМВД по Брестской области тов. ОДИНЦОВА обеспечить пассажирским вагоном в составе вертушки из Бреста до Франкфурта-на-Одере для перевозки 22-х генералов и 19 членов Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров».

3. Разрешить ГУПВИ выписать воинские требования для проезда из Москвы до Бреста в пассажирском поезде 22-х генералов, 12 членов Национального Комитета «Свободная Гер-

1	2	3
		<p>мания» и «Союза немецких офицеров» и 3-х человек сопровождающих, а также израсходовать на дополнительное питание этой группы военнопленных в пути следования за счет ст. 9 сметы МВД до 2000 рублей.</p>
6.	<p>В отношении 1679 немецких военнопленных, находящихся под следствием, подлежащих привлечению к уголовной ответственности по указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев», следственные дела на которых рассмотрены Межведомственными комиссиями и принято решение передать этих военнопленных суду Военного Трибунала.</p>	<p>Следственные дела на эту категорию военнопленных вместе с протоколами Межведомственных комиссий из представителей МВД, МГБ, МЮ, МИД и Прокуратуры СССР возвращать соответствующим МВД-УМВД с предложением в месячный срок закончить следствие по этим делам и передать на рассмотрение Военных Трибуналов.</p>
7.	<p>В отношении 137 военнопленных немецких генералов (18 генералов числятся за МГБ), подлежащих преданию суду Военного Трибунала.</p>	<p>1. 51 генерал находится на местах совершения ими преступлений и ведения по их делам следствия, в том числе: МВД УССР — 7 человек, МВД БССР — 5, УМВД Ивановской области — 9, УМВД Смоленской области — 2, УМВД Новгородской области — 1, УМВД Воронежской области — 5, УМВД Сталинградской области — 3, УМВД Краснодарского края — 1, УМВД Московской области — 1, МВД Эстонской ССР — 2, Лагерь МВД № 27 — 15 человек.</p> <p>2. В целях более успешного проведения следствия по делам на остальных 68 генералов, подлежащих преданию суду Военного Трибунала, считать целесообразным организовать следствие по их делам:</p> <p>а) этапировать на места, где проходили военные операции немецких частей, подчиненных этим генералам, чем будет облегчена и ускорена документация преступной деятельности:</p> <p>в МВД УССР — 6 генералов в МВД БССР — 5 -" в УМВД Новгород. обл. — 3 -" в УМВД Сталинградск. обл. — 3 -"</p>

1	2	3
---	---	---

в УМВД Ростовской обл. — 2 -"-

в УМВД Московской обл. — 3 -"-

б) на 5 генералов, содержащихся в лагере МВД № 48, из коих 3 предаются суду как реакционно настроенные и 2 за службу в разведывательных органах, ведение следствия поручить УМВД Ивановской области;

в) в отношении 41 генерала, реваншистски настроенных, поручить следствие оперативно-му отделу лагеря МВД № 27;

г) этапирование генералов из лагеря МВД № 48 (Ивановская область) в распоряжение соответствующих МВД-УМВД и лагеря МВД № 27 (гор. Красногорск), а также из лагеря МВД № 27 в распоряжение соответствующих МВД-УМВД на места ведения следствия по их делам произвести пассажирскими поездами в сопровождении офицерского и вахтерского состава лагерей МВД №№ 48 и 27. При этапировании генералов к местам ведения следствия по их делам обеспечить охраной с расчетом: при этапировании 1-2 генералов охраны 3 человека; 3-4 генералов, охраны 4 чел., 5-6 генералов, охраны 7 человек.

Пересброску из лагеря № 48 в лагерь № 27 — 20 генералов произвести пассажирским поездом в отдельном вагоне в сопровождении 10 человек охраны.

Поручить МВД-УМВД и лагерю МВД № 27, на которые возлагается ведение следствия по делам генералов, закончить следствие по их делам и передать дела на рассмотрение Военных Трибуналов в месячный срок.

Оперативному Управлению ГУПВИ установить строгий контроль за ведением следствия по делам военных преступников из немецких военнопленных, подлежащих преданию суду Военного Трибунала.

8. В отношении оставляемых в СССР 13515 военнопленных, в том числе:

Для содержания осужденных военнопленных организовать в системе ГУПВИ МВД СССР

1	2	3
	а) осужденных в период 1943-1949 годов за зверства, шпионаж, диверсию, вредительство и другие государственные преступления — 5152 человека.	специальные лагеря и лагерные отделения, проект приказа прилагается (), в которых сконцентрировать всех осужденных немецких военнопленных, подлежащих оставлению в СССР.
	б) осужденных в ноябре-декабре 1949 года по конкретным материалам, а также офицеров СС и СА, штабных и кадровых офицеров — 6565 чел.;	
	в) подследственных, подлежащих преданию суду Военного Трибунала — 1798 человек.	

«8» февраля 1950 года

Генерал-лейтенант А. Кобулов

«СОГЛАСЕН»

Генерал-полковник И. Серов

«8» февраля 1950 г.

ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 21а, д. 4, лл. 26–31. Подлинник.

42

Экз. № 8

Товарищу Сталину И. В.

Представляем проекты постановлений Совета Министров Союза ССР о немецких и японских военнопленных и проекты сообщений ТАСС.

Проект постановления по немецким военнопленным предлагает репатриацию последней группы немецких военнопленных в количестве 17552 человек. В число репатрируемых не включен фельдмаршал Паулюс, поскольку о нем необходимо иметь отдельное решение.

Не будут репатриированы и останутся в СССР 13532 чел., осужденные за совершенные ими тяжкие военные преступления и частично находящиеся под следствием по обвинению в таких преступлениях.

В сообщении ТАСС об окончании репатриации немецких военнопленных указано, что всего со времени капитуляции Германии было репатриировано из Советского Союза в Германию 1939077 немецких военнопленных, в том числе 58103 немецких военнопленных, выявленных на протяжении 1947—1949 годов среди военнопленных других национальностей, находившихся в Советском Союзе, что объясняется следующими обстоятельствами:

На Московской сессии Совета Министров Иностранных Дел в марте 1947 года Советской Делегацией было заявлено, что со времени капитуляции Германии по март 1947 года было освобождено из плена и возвращено в

Германию 1003974 чел. и что в СССР оставалось на то число 890532 военнопленных немцев.

Фактически же по март 1947 года в Советском Союзе оставалось 988287 чел. немецких военнопленных.

За время с марта 1947 года по февраль 1950 года было репатрировано в Германию 917551 чел., кроме того еще будет репатрирована последняя группа в количестве 17552 чел. и останется в СССР 13532 чел. немецких военнопленных, а всего — 948635 чел., что превышает заявленное нами на Московской сессии СМВД в марте 1947 года количество оставшихся в СССР немецких военнопленных на 58108 чел.

Эту разницу в цифрах мы считаем возможным объяснить тем, что эти 58103 немецких военнопленных были выявлены в 1947—1949 годах среди военнопленных других национальностей, находящихся в Советском Союзе.

Проект постановления по японским военнопленным предусматривает репатриацию 1585 японских военнопленных и 1683 интернированных. Кроме того, намечается передать правительству Китайской Народной Республики 971 чел. японских военнопленных, совершивших тяжкие преступления против китайского народа.

После репатриации указанного количества японцев в Советском Союзе останется 1487 японских военнопленных и 91 чел. интернированных, осужденных и частично находящихся под следствием.

Сообщения ТАСС об окончании репатриации немецких и японских военнопленных считаем целесообразным опубликовать после того, как будут репатрированы из Советского Союза последние группы немецких военнопленных в количестве 17552 чел. и японских военнопленных 1585 чел.

Проекты постановлений Совета Министров СССР и проекты сообщений ТАСС прилагаются.

Просим рассмотреть.

«5» марта 1950 года

№ 926/к

ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 269, лл. 178—180. Копия.

А. Вышинский

С. Круглов

Верно: подпись.

43

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

заместителя начальника ГУПВИ МВД

генерал-лейтенанта А. З. Кобулова, направленная 28 марта 1950 г.
министру внутренних дел СССР генерал-полковнику С. Н. Круглову

В прилагаемом проекте постановления Президиума Совета Министров СССР «Об утверждении инструкции о порядке истребования документов, касающихся личных прав и наведения справок о гражданах в СССР и за границей через МИД СССР», а также в самой инструкции — не предусмотрен

вопрос о возможности выдачи справок по запросам иностранных дипломатических представительств, иностранных обществ Красного Креста и частных лиц об умерших и осужденных военнопленных и интернированных, содержащихся в СССР [...]

Между тем в текущем году отмечается особенно большой поток запросов о судьбе военнопленных и интернированных со стороны различных национальных обществ Красного Креста, Международного Комитета Красного Креста и других организаций и частных лиц, поступающих в МВД через МИД СССР, Исполком СОКК и КП, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР, Прокуратуру, Министерство юстиции и т. д. Ссылки в некоторых запросах показывают, что заявители располагают подробными сведениями, полученными главным образом от репатриированных из СССР военнопленных, об осуждении или смерти интересующих их лиц, указываются при этом дата смерти, причина и место захоронения, а если касается осужденного, то где судился, за что и к какой мере наказания приговорен. Оставление такого рода запросов без ответа о запрашиваемом лице может создать предпосылки для нежелательных выступлений Международного Комитета Красного Креста о нарушении Женевской Конвенции 1949 года, принятой СССР.

Ввиду изложенного, ГУПВИ МВД СССР считает целесообразным по некоторым запросам, из которых явно видно, что заявитель располагает точными данными о судьбе военнопленного или интернированного — выдавать соответствующие справки через МИД СССР или Исполком СОКК и КП СССР. Во всех остальных случаях ограничиваться ответом, что запрашиваемые лица по учету военнопленных и интернированных не проходят. [...]

ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 24е, д. 7, лл. 10—11. Копия.

44

СООБЩЕНИЕ ТАСС об окончании репатриации из Советского Союза немецких военнопленных

В сообщении ТАСС от 4 января 1949 года указывалось, что подавляющее большинство германских военнопленных было репатриировано из Советского Союза в Германию к концу 1948 года и что репатриация оставшихся военнопленных производится по плану, принятому Советским правительством, и должна быть закончена в течение 1949 года.

ТАСС уполномочен сообщить, что к настоящему времени в Германию репатриирована последняя группа военнопленных в количестве 17538 человек.

Таким образом, к настоящему времени репатриация немецких военнопленных из Советского Союза в Германию полностью закончена. Всего со времени капитуляции Германии было репатриировано из Советского Союза в Германию 1939063 немецких военнопленных, в том числе 58103 немецких

военнопленных, выявленных на протяжении 1947—1949 г.г. среди военнопленных других национальностей, находившихся в Советском Союзе.

Из числа германских военнопленных на территории Советского Союза осталось 9717 человек, осужденных за совершенные ими тяжкие военные преступления, и 3815 человек, дела о военных преступлениях которых находятся в стадии расследования, а также 14 человек, временно задержанных вследствие их болезни, репатриация которых будет произведена после окончания их лечения.

«Правда», 1950, 5 мая.

45

НОТЫ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРАВИТЕЛЬСТВАМ США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ

Правительства США, Великобритании и Франции прислали ноты Советскому Правительству, в которых содержатся лишние всякого основания утверждения о том, будто в Советском Союзе продолжает находиться большое количество немецких военнопленных.

30 сентября в посольства США, Великобритании и Франции были направлены ответные ноты Советского Правительства.

Ниже публикуется текст ответной ноты Правительства Союза ССР Правительству США:

«Министерство Иностранных Дел СССР, подтверждая получение ноты Правительства США от 14 июля с. г., считает необходимым заявить следующее.

Содержащиеся в указанной ноте Правительства США утверждения о том, будто бы в Советском Союзе продолжает находиться большое количество немецких военнопленных, лишены всякого основания и не соответствуют действительности.

Как известно из сообщения ТАСС от 5 мая с. г., репатриация немецких военнопленных из Советского Союза была закончена в начале 1950 года. Все немецкие военнопленные, находившиеся в Советском Союзе, были репатрированы в Германию, за исключением 9717 человек, осужденных за совершенные ими тяжкие военные преступления, и 3815 человек, дела о военных преступлениях которых находятся в стадии расследования, а также 14 человек, временно задержанных вследствие их болезни.

Ввиду приведенных выше исчерпывающих данных относительно репатриации немецких военнопленных из Советского Союза, Советское Правительство не может расценить повторное обращение Правительства США по этому вопросу к Советскому Правительству иначе, как стремление использовать вопрос о немецких военнопленных в пропагандистских целях.

Советское Правительство направляет аналогичные ноты также правительствам Англии и Франции».

(ТАСС).

«Правда», 1950, 3 октября.

**Из письма матери военнопленного ефрейтора германской армии
Эриха Айхельсдёрфера министру иностранных дел СССР
А. Я. Вышинскому**

[...] Позволю обратиться к Вам со следующей просьбой. В настоящее время я читаю книгу «Военнопленные в Советском Союзе», выпущенную издательством СВАГ в Берлине. В этой книге я нашла фото, на котором увидела моего единственного сына Эриха[...]

Мой сын пропал без вести с февраля 1945 г., но у меня не исчезает чувство, что он жив. Последнее известие от него было датировано 9 февраля 1945 г. из Бреслау. Я очень прошу Вас помочь мне и сообщить мне, жив ли еще мой сын и где он находится. К этому письму я прилагаю Вам снимок из упомянутой книги, а также оригинальный снимок моего сына, может быть это даст Вам возможность сообщить мне благоприятные вести.

Фрау К. Добнер, Майнц на Рейне. Аугустштрассе, 4.

9 ноября 1950 г.

Примечание. Через два месяца ГУПВИ МВД уведомило заведующего 3-м Европейским отделом МИД М. Г. Грибанова, что германский подданный Эрих Айхельсдёрфер «в лагерях МВД для военнопленных и интернированных не содержится и ГУПВИ МВД СССР сведениями о нем не располагает».

ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 24в, д. 7, лл. 117–118, 123. Подлинник (перевод с немецкого).

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

**сотрудников Министерства иностранных дел,
направленная 4 декабря 1951 г. первому заместителю министра
иностраннных дел СССР А. А. Громыко**

[...] Вторично послана телеграмма т. Семенову* с просьбой еще раз обсудить с Ульбрихтом вопрос о возможности репатриации в Германию 637 чел. военнопленных и интернированных, поскольку у нас нет оснований не репатриировать их. Ульбрихт вновь настаивает на том, чтобы мы воздержались от репатриации в ГДР и Западную Германию социально-опасных лиц, могущих быть использованными американцами при комплектовании западногерманской армии.

М. Грибанов

М. Був

АВП РФ, ф. 082, оп. 38, п. 231, д. 53, л. 183. Подлинник.

* Семенов Владимир Семенович в 1949—53 гг. — политический советник Советской Контрольной Комиссии в Германии.

6 апреля 1951 г.

Заместителю министра
государственной безопасности СССР
тов. Питовранову Е. П.

В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 684-343 от 6 марта 1951 г. о репатриации в Германию 44 человек интернированных и взятых в плен на территории Польши, семьи которых были переселены из Польши и проживают в настоящее время в Германии, МИД СССР 30.03.51 г. дал указание тов. Пушкину Г. М.* договориться с правительством ГДР о принятии вышеуказанных 44 человек.

4.IV.51 г. Пушкин сообщил, что правительство ГДР согласно принять этих немцев и просит сообщить точную дату их прибытия.

Для подготовки ответа правительству ГДР прошу сообщить указанные данные.

Заместитель министра иностранных дел В. Зорин

АВП РФ, ф. 082, оп. 38, п. 231, д. 54, л. 2. Копия.

В МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

8 января Правительство США передало Советскому Правительству ноту, в которой содержатся клеветнические утверждения о том, будто в Советском Союзе продолжают оставаться «сотни тысяч немецких и японских граждан, взятых в плен Советским Союзом в ходе войны». В ноте выражается также пожелание о предоставлении Советским Союзом информации для так называемой комиссии ООН о военнопленных, созданной под давлением США и Англии, в нарушение Устава ООН на 5-й сессии Генеральной Ассамблеи в декабре 1950 г. Заседание этой Комиссии было назначено на 21 января с. г. в Женеве.

В ответ на указанную ноту Правительства США Министерство Иностранных Дел СССР направило 20 января посольству США ноту следующего содержания.

«В связи с нотой Правительства Соединенных Штатов Америки от 8 января 1952 года относительно репатриации японских и немецких военнопленных из Советского Союза, Министерство Иностранных Дел Союза Советских

* Пушкин Георгий Максимович в 1949—52 гг. — глава дипломатической миссии СССР в ГДР.

Социалистических Республик считает необходимым сослаться на ноты Посольства СССР Государственному Департаменту от 16 июля 1950 года и Министерства Иностранных Дел Посольству США от 30 сентября 1950 года, в которых был дан исчерпывающий ответ по этим вопросам.

Что касается ссылки правительства США на предстоящие заседания комиссии ООН по военнопленным, то, как известно, эта комиссия была создана под давлением США и Англии в нарушение Устава ООН и является незаконной.

Упомянутую американскую ноту нельзя расценить иначе, как клеветнический выпад против Советского Союза, к которому Правительство США прибегает, очевидно, для того, чтобы умалить вину тех немецких и японских военных преступников, которые втянули Германию и Японию в военную авантюру, развязав вторую мировую войну, и которые в настоящем используются правящими кругами для подготовки новой мировой войны.

Упомянутая нота Правительства была направлена Советскому Правительству, несмотря на то, что в официальных сообщениях ТАСС от 22 апреля и 5 мая 1950 г. уже заявлялось, что репатриация японских и немецких военнопленных из Советского Союза полностью закончена.

В сообщении ТАСС от 22 апреля указывалось, что всего в Японию было репатрировано 510409 японских военнопленных помимо 70880 чел., освобожденных в 1945 г. непосредственно в районе действий. В СССР оставалось 1487 японских военнопленных, осужденных за совершенные ими преступления, находившихся под следствием, 9 подлежавших отправке на родину для окончания лечения, из которых 8 уже репатрированы в Японию, и 971 чел. японских военнопленных, совершивших преступления против китайского народа, подлежали передаче Китайской Народной Республике.

В отношении немецких военнопленных в сообщении ТАСС от 5 мая 1950 г. говорилось, что всего из Советского Союза репатрировано 1939063 немецких военнопленных. Из числа немецких военнопленных в СССР оставалось 9717 чел., осужденных за совершенные ими лично тяжкие военные преступления, 3815 чел., дела о военных преступлениях которых находились в стадии расследования, и 14 чел. временно были задержаны вследствие их болезни, 11 из них репатрированы в Германию после выздоровления.

Таким образом, вопрос о японских и немецких военнопленных, как репатрированных из Советского Союза, так и оставшихся в СССР, был исчерпывающе разъяснен уже в упомянутых сообщениях ТАСС.

«Правда», 1952, 25 января.

**ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОВЕТНИКА СКК В ГЕРМАНИИ
ТОВ. ИЛЬЧЕВУ И. И.**

По сообщению ТАСС из Берлина от 26 января 1952 г. западногерманская газета «Ди нейе цейтунг» опубликовала клеветнические сообщения о ноте СССР по вопросу о военнопленных под заголовком «Москва вновь утаивает 8 тысяч немецких пленнх». В статье грубо извращаются цифровые данные о количестве осужденных военных преступников из числа немецких военнопленных, отбывающих срок наказания в СССР. В сообщении Министерства Иностранных дел СССР от 25 января 1952 г., опубликованном в советской печати, указано, что из числа немецких военнопленных в СССР осталось 9717 чел. осужденных за совершенные ими лично тяжкие военные преступления, тогда как «Ди нейе цейтунг» утверждает, что 5 мая 1950 г. будто бы было сообщено о 9717 немецких военнопленных, осужденных за совершенные ими военные преступления, а 20 января (в ответной ноте США) — 1717 осужденных немецких военнопленных.

В связи с этим прошу Вас проверить изложенный выше факт грубого извращения опубликованных МИД СССР цифр о количестве осужденных немецких военнопленных, находящихся в СССР, и, в случае подтверждения, поместить в демократической печати ГДР разоблачительную статью против американских клеветников из «Ди нейе цейтунг».

Зав. 3-м Европ. отд. п/п (М. Грибанов)

Верно: подпись.

АВП РФ, ф. 082, оп. 40, п. 257, д. 28, л. 1. Копия.

51

Перевод с английскогоЕвропейское отделение
Организации Объединенных НацийДворец Наций,
Женева
11 февраля 1952 года

Сэр,

В качестве председателя Специальной Комиссии по военнопленным имею честь обратить Ваше внимание на тот факт, что Комиссия желает закончить составление информации о тех бывших военнопленных, которые умерли во время пребывания в плену.

Комиссия отдает себе отчет в том, что в странах, наиболее сильно пострадавших от войны, ценные записи и архивы были уничтожены.

Если в силу этой причины Ваше Правительство не в состоянии представить Комиссии полный список имен тех иностранных военнопленных, которые умерли во время пребывания в плену в Советском Союзе, она была бы очень благодарна, если бы Вы смогли представить такую информацию, начиная по крайней мере с 1 января 1947 года.

Я хочу выразить заранее благодарность за любое действие, которое Вы смогли бы предпринять в этом отношении.

Имею честь быть, Сэр, вашим покорным слугой,

Х. Г. Герреро,

Председатель Специальной Комиссии по военнопленным

Министру Иностранных Дел
Союза Советских Социалистических Республик
Москва

Перевела: (К. Сушко)

вх. 247-ООН

АВП РФ, ф. 082, оп. 40, п. 257, д. 28, л. 103. Копия.

52

ИЗ СЛУЖЕБНОЙ ЗАПИСКИ

заведующего 3-м Европейским отделом МИД М. Г. Грибанова, направленной 18 февраля 1952 года

первому заместителю министра иностранных дел СССР А. А. Громыко

[...] Опубликование нами цифр о количестве военнопленных, находящихся в СССР, в связи с отбытием срока наказания, без опубликования списков осужденных военнопленных не дает полной ясности в том, кто же эти осужденные, которые по отбытии срока наказания вернутся к семьям и кто действительно пропал без вести.

Переписка осужденных со своими родственниками практически дает полную возможность составить списки таких лиц и они, несомненно, имеются у правительства Западной Германии.

[...] Опубликование списков разрядило бы атмосферу вокруг реакционной пропаганды о судьбе военнопленных. Опубликовать можно в печати ГДР.

Полагал бы первоначально запросить мнение МГБ и МВД (проект письма гг. Игнатьеву и Круглову прилагается).

АВП РФ, ф. 082, оп. 40, п. 257, д. 28, лл. 70–71. Копия.

МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР С. Н. КРУГЛОВУ

12 декабря 1949 г. СССР, УССР и БССР подписали Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны. Конвенции подписаны 61 государством. Кроме того, Правительство Китайской Народной Республики 13 июня 1952 года заявило о признании Женевских конвенций от 12 августа 1949 года.

К настоящему времени эти Конвенции ратифицированы 23 государствами. США и Англия указанные Женевские конвенции не ратифицировали.

Прошу сообщить мнение Министерства Внутренних Дел СССР по вопросу целесообразности ратификации Советским Союзом в настоящее время Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны.

Заместитель министра иностранных дел СССР Я. Малик
ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 30а, д. 2, л. 64. Подлинник.

54

«7» января 1953 г.

Секретно

Экз. № у 2

исх. № /3ое
26

Заместителю политсоветника при
председателе СКК
тов. Иванову Н. В.

На Ваш исх. АП/0448 от 9.12.52 г. УПВИ МВД СССР сообщило, что бывший начальник германского генерального штаба генерал Ханс Кребс в лагерях для военнопленных не содержался и сведениями о нем УПВИ не располагает.

Завед. 3-м Европ. отделом МИД СССР (М. Грибанов)
АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 271, д. 26, л. 12. Копия.

55

В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС
т. МАЛЕНКОВУ Г. М.

Совершенно секретно

В местах заключения Советского Союза содержится 32465 иностранцев, осужденных советскими судами к лишению свободы, в том числе 19048

бывших военнопленных и интернированных. Кроме того, 11814 иностранцев, осужденных военными трибуналами Советской Армии за границей, содержатся в местах заключения в Германской Демократической Республике, Венгрии и Австрии.

Из общего количества 44279 иностранцев, осужденных советскими судами к лишению свободы, 2219 человек подлежат освобождению из мест заключения по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года об амнистии.

Учитывая, что многие иностранцы были осуждены в период Великой Отечественной войны за маловажные преступления и в настоящее время не представляют серьезной опасности для нашего государства, — вносим предложение создать межуведомственную комиссию, которой поручить в месячный срок пересмотреть судебные приговоры в отношении иностранцев, осужденных к лишению свободы, освободить и отправить на родину тех из них, дальнейшее содержание которых под стражей не вызывается необходимостью.

Записка по этому вопросу, подготовленная т. т. ГОРШЕНИНЫМ, САФОНОВЫМ, КРУГЛОВЫМ, ФЕДОТОВЫМ и ДОЛГИХ, прилагается.

Представляем проект постановления ЦК КПСС.

Л. БЕРИЯ

В. МОЛОТОВ

14 апреля 1953 года

29/Б.

За Г. Маленков.

За Л. Каганович.

15.IV.

15.IV.

За Н. Хрущев.

За Булганин.

15.IV.

За М. Сабуров.

За К. Ворошилов.

5.IV.53 г.

15.IV.

За М. Первухин.

15.IV.

* * *

№ П6/1

Строго секретно

15.IV 1953 г.

Т. т. Берия, Молотову, Горшенину, Сафонову, Круглову, Пушкину, Федотову.

Выписка из протокола № 6 заседания Президиума ЦК
от 15 апреля 1953 г.

**1. О пересмотре судебных приговоров на осужденных
к лишению свободы иностранцев**

1. Поручить комиссии в составе т. т. Горшенина (Министерство юстиции СССР) — созыв, Сафонова (Прокуратура СССР), Круглова (МВД СССР), Пушкина (МИД СССР) и Федотова (МВД СССР) в месячный срок пересмотреть судебные приговоры, вынесенные советскими судами в отношении осуж-

денных к лишению свободы иностранцев, с целью освобождения и отправки на родину тех из них, дальнейшее содержание под стражей которых не вызывается необходимостью.

2. Обязать Министерство юстиции СССР (т. Горшенина) оформить упрощенным порядком через Верховный суд СССР пересмотр дел на осужденных иностранцев, которые по решению комиссии подлежат досрочному освобождению из мест заключения.

3. Репатриацию иностранцев возложить на МВД СССР в сроки, согласованные с МИД СССР.

4. Обязать МИД СССР (т. Пушкина) договориться с правительствами соответствующих стран о порядке, сроках и пунктах передачи им освобождаемых из мест заключения иностранцев — граждан этих государств.

ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС

* * *

Сов. секретно
экз. № 1

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г. М.

Докладываем, что в соответствии с постановлением Президиума Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза от 15 апреля 1953 года нами пересмотрены судебные приговоры в отношении 41551 иностранца, осужденных советскими судами к лишению свободы, в том числе 18393 военнопленных.

Комиссия признала возможным досрочно освободить из мест заключения 16547 человек осужденных иностранцев, дальнейшее содержание которых в местах заключения не вызывается необходимостью. Из общего числа 16547 иностранцев — 773 чел. осуждены Особым Совещанием при МВД СССР.

В числе подлежащих досрочному освобождению 6162 военнопленных и интернированных имеется: 13 генералов, 3037 офицеров и 2673 унтер-офицеров и рядовых.

Комиссия пришла к заключению о возможности досрочного освобождения генералов не только с учетом характера преступлений, совершенных ими, но также приняла во внимание их преклонный возраст и службу на не строевых должностях.

Военнопленные, подлежащие досрочному освобождению, были осуждены за такие виды преступлений, как насильственный угон советских граждан в Германию, ограбление мирного населения, уничтожение имущества. Кроме того, определенное количество таких лиц было осуждено за службу в органах разведки вражеских армий.

Большинство преступлений иностранцев — гражданских лиц, подлежащих досрочному освобождению, было совершено на территории Германии, Австрии, Венгрии в конце войны и в первые годы после победы над фашизмом. Эти

преступления выражались, главным образом, в получении заданий по сбору сведений о советских войсках, о настроении населения, создании небольших, разрозненных подпольных групп для борьбы против Советской Армии.

Подлежащие освобождению осужденные иностранцы, в том числе и военнопленные, содержатся: в лагерях СССР — 10396 чел. и в местах заключения Германской Демократической Республики и Австрии — 6151 чел. Эти лица являются гражданами следующих государств:

- а) Германии (ГДР и Западная Германия) — 12703 чел.
- б) Венгерской Народной Республики — 1398 чел.
- в) Австрии — 606 чел.
- г) Японии — 564 чел.
- д) Китайской Народной Республики — 295 чел.
- е) Польской Народной Республики — 280 чел.
- ж) Румынской Народной Республики — 273 чел.
- з) Чехословацкой Народной Республики — 123 чел.
- и) Ирана, Испании, Финляндии, Франции, Турции, Италии и др. государств — 305 чел.

Комиссия признала невозможным досрочное освобождение 25080 чел. осужденных иностранцев, как совершивших тяжкие преступления. Указанные лица содержатся: в лагерях МВД СССР — 7804 чел., в местах заключения Германской Демократической Республики и Австрии — 5045 чел. и в лагерях для военнопленных в СССР — 12231 чел., в том числе 228 генералов, 3255 офицеров и 7956 унтер-офицеров и солдат.

Судебные приговоры в отношении 655 осужденных иностранцев будут пересмотрены дополнительно ввиду трудностей розыска на них судебно-архивных дел.

В соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 15 апреля 1953 года именные списки на иностранцев, подлежащих досрочному освобождению из мест заключения, в том числе и на осужденных Особым Совещанием при МВД СССР, комиссией переданы в Верховный суд СССР для последующего оформления досрочного освобождения перечисленных в списках лиц.

К. Горшенин
Г. Сафонов
С. Круглов
Г. Пушкин
П. Федотов

20 мая 1953 г.

Печат. по: Источник, 1994, № 4, с. 110–112.

СПРАВКА

1. Всего в местах заключения в СССР содержится осужденных немцев 19848 человек, из них было намечено к освобождению и репатриации 6994 человека.

2. В общем количестве осужденных немцев имеется:

а) военнопленных — 14128 чел., в том числе 199 генералов и 5431 офицер.

б) интернированных — 754 чел.

в) гражданских лиц — 4966

3. Кроме того, в СССР содержится 625 человек неосужденных военнопленных и интернированных немцев, репатриация которых была задержана в связи с их осведомленностью об объектах государственной важности.

Начальник тюремного управления МВД СССР

Полковник М. Кузнецов

21 августа 1953 года

Верно: подпись

АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 272, д. 28, л. 93. Копия.

57

Из коммюнике о переговорах между Советским Правительством
и Правительственной Делегацией
Германской Демократической Республики

[...] В связи с обращением Правительственной Делегации Германской Демократической Республики была достигнута следующая договоренность: будут в установленном порядке приняты меры, чтобы освободить от дальнейшего отбывания наказания немецких военнопленных, осужденных за преступления, совершенные во время войны, за исключением остающихся для отбывания срока наказания лиц, совершивших особо тяжкие преступления против мира и человечности. [...]

«Правда», 1953, 23 августа.

5 сентября 1953 г.

Пушкину Г. М.

Направляется список на 11 осужденных военнопленных генералов*, подлежащих досрочному освобождению по определению Верховного Суда СССР, согласно заключения комиссии тов. Горшенина.

Эти генералы входят и число 5380 чел. военнопленных, подлежащих согласно решению Президиума ЦК КПСС освобождению и отправке в Германию в течение сентября-октября месяцев с. г.

Прошу сообщить Ваше мнение о целесообразности их репатриации.

Начальник тюремного управления МВД СССР М. Кузнецов
АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 272, д. 28, л. 135. Подлинник.

59

РЕПАТРИАЦИЯ ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

БЕРЛИН, 30 октября. (ТАСС). В соответствии с договоренностью, достигнутой между Советским правительством и Правительством Германской Демократической Республики при переговорах в Москве в августе с. г., за последнее время в Берлин прибыли репатриированные из Советского Союза немецкие военнопленные, освобожденные от дальнейшего отбывания наказания за преступления, совершенные ими во время войны. Всего прибыло 5374 солдата и офицера. Среди репатриированных имеется несколько генералов.

«Правда», 1953, 31 октября.

60

УКАЗ Президиума Верховного Совета СССР О ПРЕКРАЩЕНИИ СОСТОЯНИЯ ВОЙНЫ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И ГЕРМАНИЕЙ

22 июня 1941 года в результате вероломного нападения гитлеровской Германии Советский Союз оказался в состоянии войны с Германией. Своей

* В списке фигурировали: генерал-майор в отставке Отто Рембе, генерал-майор в отставке Венио Мориц, генерал-майор в отставке Бруно Вейзе, генерал-майор Август Мати, генерал-лейтенант в отставке Фридрих Франссен, генерал-майор Отто Кунце, генерал-лейтенант Герман Келлер, адмирал Гуго Кааниц, генерал-майор Фридрих Эббеке, генерал-лейтенант Теодор Кабанис, генерал авиации Фриц Кваде.

самоотверженной борьбой вместе с народами стран антигитлеровской коалиции советский народ разгромил гитлеровских агрессоров и освободил народы Европы, в том числе и германский народ, от фашистского порабощения. На Потсдамской конференции 1945 года были определены пути дальнейшего развития Германии, как единого, миролюбивого и демократического государства, и подтверждена необходимость заключения мирного договора с Германией.

Президиум Верховного Совета СССР считает ненормальным, что, хотя со времени прекращения военных действий с Германией прошло около 10 лет, Германия все еще находится в состоянии раскола и не имеет мирного договора, а германский народ продолжает оставаться в неравноправном положении по отношению к другим народам.

Президиум Верховного Совета СССР констатирует, что политика Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции, направленная на ремилитаризацию Западной Германии и ее включение в агрессивные военные группировки, нашедшая свое выражение в лондонском и парижских соглашениях, не позволила достигнуть необходимой договоренности о восстановлении единства Германии на миролюбивых и демократических основах и заключить мирный договор с Германией.

Имея в виду укрепление и развитие дружественных взаимоотношений между Советским Союзом и Германской Демократической Республикой, основанных на признании принципов суверенитета и равноправия, принимая во внимание мнение Правительства Германской Демократической Республики и учитывая интересы населения как Восточной, так и Западной Германии,

Президиум Верховного Совета СССР настоящим Указом объявляет:

1. Состояние войны между Советским Союзом и Германией прекращается и между ними устанавливаются мирные отношения.
2. Все возникшие в связи с войной юридические ограничения в отношении германских граждан, рассматривавшихся в качестве граждан вражеского государства, утрачивают свою силу.
3. Объявление о прекращении состояния войны с Германией не изменяет ее международных обязательств и не затрагивает прав и обязательств Советского Союза, вытекающих из существующих международных соглашений четырех держав, касающихся Германии в целом.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. ВОРОШИЛОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н. ПЕГОВ.

Москва, Кремль. 25 января 1955 г.

«Правда», 1955, 26 января.

Д-р Гедвига Баумкёттер

Мюнстер, (Вестфалия), 3.IX-55
Мельхерштрассе, 9

Ваше превосходительство

Глубокоуважаемый г-н Председатель Совета Министров

Я, супруга д-ра Гейнца Баумкёттер, род. 7.11-1912 г. находящегося по адресу: СССР, Москва, п/я 5110/36*, позволю себе настоятельно и горячо просить об освобождении и репатриации моего мужа.

Вот уже более 10 лет мы находимся в состоянии тяжелого душевного угнетения и страха за его судьбу. Наш ребенок уже с двух лет не знает своего отца, его ждут старые родители, и чем больше проходит времени, тем больше оно вселяет страх. Наказание разлукой всей своей тяжестью поражает не только тех, кого оно должно поразить, но и всех нас здесь.

Поэтому я еще раз настоятельно прошу Ваше превосходительство дать Вам высокое указание о скорейшем освобождении моего мужа путем акта о помиловании.

Твердо надеюсь на великодушие Вашего превосходительства, с высоким уважением и благодарностью

Д-р Гедвига Баумкёттер

Его Превосходительству г-ну Маршалу Булганину
гор. Москва

Перевел: Е. Жужжалов

АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 14, д. 209, л. 4. Подлинник (перевод с немецкого).

Проект

Совершенно секретно.

Экз. №

УКАЗАНИЯ к переговорам с правительственной делегацией Германской Федеральной Республики

[...] 8. Относительно бывших немецких военнопленных заявить, что, поскольку этот вопрос в равной степени касается как ГФР, так и ГДР. Советское правительство считает целесообразным обсудить его совместно с представителями ГДР и ГФР и предлагает пригласить для совместного решения этого вопроса представителей ГДР.

* Под этим шифром проходил лагерь № 6 в Воркуте — прим. В. К.

Если это предложение встретит возражение со стороны делегации ГФР, заявить, что, принимая во внимание переговоры о репатриации бывших немецких военнопленных, которые имели место между правительством ГДР и правительственной делегацией СССР в Берлине 24-27 июля с. г., а также ходатайство президента ГДР Вильгельма Пика, и учитывая просьбу правительства ГФР, Советское правительство рассмотрит вопрос о репатриации бывших немецких военнопленных и внесет свои предложения в Президиум Верховного Совета СССР после обсуждения этого вопроса наряду с другими вопросами отношений между СССР и ГДР с прибывающей 16 сентября в Москву Правительственной делегацией ГДР.

В случае, если будет достигнута договоренность по вопросу об установлении дипломатических отношений между ГФР и СССР, можно более определенно дать понять делегации ГФР, что вопрос о бывших военнопленных будет рассмотрен благожелательно.

Если делегация ГФР поставит вопрос о получении сведений относительно умерших в Советском Союзе немецких военнопленных и интернированных, заявить, что проживающие в Западной Германии родственники умерших военнопленных имеют возможность получить необходимые сведения через общество Красного Креста и Красного Полумесяца СССР.

Если делегация ГФР поднимет вопрос, затронутый в ноте правительства ГФР от 12 августа с. г., о немецких военнопленных, находящихся в дружественных Советскому Союзу странах, то заявить, что этот вопрос относится к компетенции правительств соответствующих стран, с которыми ГФР и ГДР могут самостоятельно вступать в переговоры по этому вопросу.

При обсуждении вопроса о военнопленных выдвинуть со своей стороны предложение о предоставлении в Западной Германии советским гражданам из числа так наз. перемещенных лиц свободы возвращения на родину и о содействии в этом советским организациям в Германии со стороны правительства ГФР. [...]

АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 14, д. 203, лл. 22, 30-31.

63

ЗАЯВЛЕНИЕ КАНЦЛЕРА ГФР КОНРАДА АДЕНАУЭРА 9 СЕНТЯБРЯ 1955 ГОДА

Разрешите мне начать с вопроса об освобождении тех немцев, которые в настоящее время находятся еще в заключении на территории Советского Союза или в странах, находящихся под советским влиянием, или которым так или иначе препятствуют выехать из этих районов. Я намеренно ставлю эту проблему первой, потому что здесь речь идет о вопросе, который затрагивает, пожалуй, все без исключения немецкие семьи. Я искренне желаю, чтобы Вы правильно поняли, в каком духе я хочу обсудить эту проблему. Меня интересует исключительно гуманная сторона этого вопроса. Невыносима мысль, что

более чем через 10 лет после окончания военных действий люди, которые так или иначе были втянуты в водоворот военных событий, задерживаются до сих пор вдали от своих семей, от своей родины, от своего нормального мирного труда. Вы не должны усмотреть ничего провокационного, если я скажу: немыслимо установить «нормальные» отношения между нашими государствами до тех пор, пока этот вопрос остается нерешенным. Этим я не ставлю какого-либо «предварительного условия». То, о чем я говорю, и есть сама нормализация. Давайте решительно подведем черту под тем вопросом, который каждый день является источником воспоминания о прошлом, полном страданий и разделяющем нас.

«Правда», 1955, 10 сентября.

64

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЛАВЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ТОВАРИЩА Н. А. БУЛГАНИНА 10 СЕНТЯБРЯ 1955 ГОДА

Федеральный Канцлер г-н Аденауэр выдвинул в качестве первого вопрос о военнопленных. По нашему мнению, здесь имеет место определенное недо-разумение. Никаких немецких военнопленных в Советском Союзе нет. Все военнопленные немцы освобождены и отправлены на родину. В Советском Союзе находятся лишь военные преступники из бывшей гитлеровской армии — преступники, осужденные советским судом за особо тяжкие преступления против советского народа, против мира и человечности. Действительно, таких еще осталось на 1 сентября в нашей стране 9626 человек. Но это люди, которые по самым гуманным нормам и правилам должны содержаться в заключении на правах преступников. Это — люди, потерявшие человеческий облик, это — насильники, поджигатели, убийцы женщин, детей, стариков. Они по заслугам осуждены советским судом и не могут рассматриваться как военнопленные.

Советский народ не может забыть такие тяжкие преступления, совершенные этими уголовными элементами, как расстрел 70 тысяч человек в Киеве на Бабьем Яру. Мы не можем забыть миллионы расстрелянных, задушенных и заживо сожженных людей в немецких концентрационных лагерях. Разве можно забыть о тоннах женских волос, снятых с замученных женщин и сложенных на складах Майданека. Мы, здесь присутствующие, сами видели все то, что было в Майданеке. В лагерях Майданека и Освенцима было убито свыше пяти с половиной миллионов ни в чем не повинных людей. Украинский народ не забудет невинно загубленных людей в Харькове, где были расстреляны и задушены многие тысячи людей. Я мог бы назвать концлагеря в Смоленске, Краснодаре, Ставрополе, Львове, Полтаве, Новгороде, Орле, Ровно, Каунасе, Риге и многие другие, где гитлеровцами были замучены сотни тысяч советских граждан.

Нельзя забыть безвинно убитых, задушенных, заживо погребенных людей, нельзя забыть сожженные города и села, убитых женщин, юношей и детей. И эти 9626 человек, о которых я упомянул, являются уголовными элементами, которые совершили эти чудовищные преступления.

Я хотел бы далее заметить, что если рассматривать здесь вопрос об этих преступниках, то пришлось бы сделать так, чтобы в этом рассмотрении принимали участие как представители Германской Федеральной Республики, так и представители Германской Демократической Республики. Поскольку мы не думаем, что Правительственная делегация ГФР сочтет для себя желательным в данных условиях такое рассмотрение указанного вопроса с участием представителей ГФР и ГДР, то, очевидно, этот вопрос нецелесообразно делать предметом настоящих переговоров.

«Правда», 1955, 12 сентября.

65

Из повторного выступления канцлера ГФР Конрада Аденауэра
10 сентября 1955 года

Господа, я хотел бы еще сказать вам пару слов со всей откровенностью. Мы думаем, что нам известны случаи — не малое число случаев, — когда немцы, которые, как солдаты попали в плен, были осуждены за преступления, совершенные ими после прекращения военных действий. Советский народ является народом, имеющим большое сердце и большую душу. То же самое я могу утверждать о своем народе, и поэтому именно этот вопрос играет в нашем народе такую огромную роль. Мы не желаем ничего иного, как того, чтобы вы с нами вместе все же изучили этот вопрос. Я очень прошу вас обсудить все же с нами этот вопрос. Не дайте нам, пожалуйста, возвратиться домой с заявлением: Советское правительство отказалось вообще говорить с нами по этому вопросу.

«Правда», 1955, 12 сентября.

66

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

ИЗ ВЕНТСПИЛС
11 сентября 1955 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
Н. А. БУЛГАНИНУ
Москва, Кремль

Сегодня стало известно из Вашего выступления в переговорах с канцлером Германской Федеральной Республики господином Аденауэром, что в

СССР находится 9526 человек преступников*, которые на нашей земле, а также в Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Югославии, Албании, Дании, Франции, Голландии, Бельгии, на всей территории, где были фашисты, эти 9526 и им подобные творили чудовищные преступления. Трудно представить горе и возмущение народа, когда известно стало, что эти преступники лагерей Освенцима, Майданека, уничтожения людей в Киеве, Харькове, где я сам был и видел замученных людей. Я, не только я, а миллионы советских людей возмущены тем, что и сейчас эти преступники живы и жрут наш хлеб. Приговор народа — смерть.

Безюлов В. И.

АВП РФ, ф. 06, оп. 14, д. 209, л. 19. Подлинник.

67

Перевод с немецкого

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЕЛЕГРАММА

ИЗ ГАННОВЕРА

(ЧЕРЕЗ БЕРЛИН)

12 сентября 1955 г.

Г-НУ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ
БУЛГАНИНУ И Г-НУ ХРУЩЕВУ
МОСКВА, КРЕМЛЬ

Ваши заявления господину Федеральному канцлеру и правительственной делегации, сделанные в субботу, 10 сентября 1955 года, вынуждают меня из ответственности за историческую правду сообщить Вам следующие факты.

4-го февраля 1945 года в Карпангене, южнее Штума (Западная Пруссия) советские солдаты убили из автоматов мою сестру Хильдегард, которой тогда было 33 года, брата Рейнгарда, 12 лет, и многих других немецких гражданских лиц. Благодаря случаю избежала смерти моя сестра Элизабет, спряталась и отправилась в начале апреля на родину, в Шэнфорст, округ Розенберг: (Западная Пруссия). На нашем земельном участке она нашла мертвыми нашу бабушку, которой было тогда 78 лет, моего отца, 58 лет, и мою мать, 56 лет. Немногие старые люди в деревне, которые в начале февраля также избежали смерти, подтверждают, что советские солдаты совершали убийства. Как доказано, мой отец очень пострадал при нацистском режиме, он говорил по-польски и по-русски. Поскольку эти события произошли в местах, расположенных друг от друга на расстоянии 100 км, нельзя сделать вывод о том, что это было случайностью. Их причиной является известный приказ Сталина, толкование которого дало повод советскому командованию к планомерным убийствам, преданию огню имений и дворов. Вы вообще обесцениваете перед мировым общественным мнением

* Ошибка автора телеграммы. В выступлении Н. А. Булганина была названа цифра 9626 человек.

и перед историей значение своих слов, которые Вы произнесли, не зная, по-видимому, этих ужасных фактов, теперь уже вошедших в историю. Пошли-те, пожалуйста, по Федеральной Республике комиссии к семьям изгнанных из своей родины с тем, чтобы Вы могли убедиться, что в других областях Германии и в Судетской области поступали таким же образом. Когда я на рождество 1945 года узнал об уничтожении членов моей семьи, я за несколько дней поседел, несмотря на то, что мне было 32 года.

Будучи последним представителем нашей семьи, я готов простить советскому народу, если правительство Советского Союза примет необходимые меры для того, чтобы исправить несправедливость, совершенную по отношению к беззащитным детям, женщинам и старикам на территориях, находящихся в настоящее время под управлением Польши и Чехословакии, и, тем самым, заложить действительный фундамент для мира, которого жаждут люди во всем мире.

Герхард Бар,
Нюрнберг, Вестторграбен, 9

Верно: подпись.

АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 14, д. 209, лл. 22–23. Подлинник (перевод с немецкого).

68

СТЕНОГРАММА (неправленная)

встречи первого заместителя председателя Совета Министров
и министра иностранных дел СССР В. М. Молотова
и министра иностранных дел ГФР фон Брентано

12 сентября 1955 года, 10.00
г. Москва

[...] Брентано. Я согласен с Вами в том, что то, о чем мы будем говорить, должно быть отражено в коммюнике. Я, конечно, готов представить Вам проект такого коммюнике в надлежащий момент. Но я думаю, что мы будем говорить здесь также искренне, как и в предшествовавших разговорах, и у меня сложилось такое впечатление, что по некоторым вопросам наши позиции пока еще недостаточно сближены, но у обеих сторон имеется желание взаимопонимания. Поэтому мне кажется, что мы уже сейчас должны остановиться на отдельных пунктах и при этом должны стараться не повторяться. Разрешите мне привести пример. Я говорю с вами откровенно, что для согласования нашего совместного коммюнике будет иметь решающее значение вопрос о том, удастся ли нам договориться о том, что обе стороны имеют желание решить вопрос о тех немцах, которые в настоящее время находятся в Советском Союзе, независимо от того, по каким причинам. Мы в субботу не

продолжали рассмотрение этого вопроса. Я говорю совершенно искренне, потому что мы понимаем чувства советской стороны, возбужденные этим вопросом. Разрешите мне поставить конкретный вопрос.

Господин Председатель Совета Министров Булганин назвал, поскольку я правильно помню, цифру 9626 человек, бывших военнопленных, осужденных вами, и которых вы называли военными преступниками. Существует ли возможность, чтобы вы нам сообщили фамилии этих лиц? Существует ли возможность, я знаю, что это очень трудный вопрос, но я его ставлю. чтобы ваше правительство согласилось на проверку дел этих 9626 человек и пользовалось, где это возможно, правилом помилования.

Кроме того, в Советском Союзе имеется известное число немцев, которые уже отбыли срок или же по трудовым договорам находятся в настоящее время в Советском Союзе, и которые, несмотря на то, что срок штрафа или трудового договора уже истек, сейчас еще находятся в Советском Союзе. Мы об этом узнали, и поэтому я говорю с благодарностью об этом. Мы узнали об отдельных местах нахождения таких лиц. Мы узнали о двух местах: Сухобезводном и Решеты. Существует ли возможность, чтобы мы, не здесь, не сегодня, но вели переговоры об этих лицах с тем, чтобы поставить их родных в известность. Я прошу это не рассматривать как требование, которое в какой-то степени связано с задачей нормализации наших отношений — предметом наших теперешних переговоров. Я прошу рассматривать это как поручение, которое было нам дано всем немецким народом. Имеются на самом деле тысячи и тысячи писем, которые поступают ко мне, к федеральному канцлеру от общества Красного Креста, и в этих письмах столько человеческого трагизма, что я чувствую обязательство не только перед немецким народом, но и перед своей совестью заботиться о разрешении этого вопроса.

[...] **Молотов.** Мы можем обойтись и без дипломатических отношений с ГФР, если она считает это несвоевременным.

У меня имеется вопрос, правильно ли я понял первоначальное предложение г-на министра по вопросу о военных преступниках, что Германская Федеральная Республика предлагает Советскому Правительству пригласить делегацию ГДР и ее представителя г-на Гротеволья для того, чтобы здесь г-н Аденауэр и г-н Гротеволь могли встретиться и вместе с нами рассмотреть этот вопрос.

Брентано. Г-н министр, я хотел бы сказать, что это с моей стороны не было предложением, а то, что я с благодарностью отношусь к Вашему предложению, и что я лично того мнения, что нужно было бы, чтобы правительства ГФР, ГДР и Советского Союза собрались для обсуждения судьбы еще задерживаемых на советской территории немцев, и я, со своей стороны, об этом доложу главе нашей делегации. Я лично рекомендовал бы перерыв переговоров.

Молотов. Я понимаю заявление г-на министра и полагаю, что нам потребуется некоторое время, чтобы договориться с ГДР о приезде в Москву соответствующей делегации во главе с т. Гротеволем.

АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 14, д. 207, лл. 1-4, 23.

СТЕНОГРАММА
(неправленная)
переговоров между правительственными делегациями
Союза ССР и Германской Федеральной Республики.
Третье заседание, 12 сентября 1955 года

16 час. 00 мин.

г. Москва

[...] **Булганин.** Мы сегодня подтвердили то, что было сказано в моем предыдущем заявлении относительно возвращения немцев, содержащихся у нас в Советском Союзе в заключении. Мы ни в коем случае не отказываемся от выдвинутого в заявлении господина фон Brentano предложения обсудить этот вопрос с участием обеих частей Германии — Германской Демократической Республики и Германской Федеральной Республики... Однако, это не означает, что мы должны отказаться от рассмотрения и решения главного вопроса, которое Советское Правительство выдвинуло в нашей переписке*, — это вопрос об установлении нормальных дипломатических отношений, вопрос о нормализации отношений между Советским Союзом и Германской Федеральной Республикой... В ноте от 12 августа, абзац 3, Вы нам сообщили, — я читаю: «В своей ноте от 30 июня 1955 г. Федеральное правительство уже выразило свое согласие с советским правительством от 7 июня, предусматривающим, — я подчеркиваю, — обсуждение вопроса об установлении дипломатических, торговых и культурных отношений между обеими странами и решение связанных с этим вопросов».

[...] **Аденауэр.** Вы сослались на ноту Федерального правительства от 12 августа с. г., в частности, на 4-й абзац этой ноты, из которой Вы проанализировали одно предложение. Но в этой же связи необходимо указать на 5-й абзац этой ноты, который гласит:

«Федеральное правительство считает, что обсуждение вопроса об установлении дипломатических, торговых и культурных отношений делает необходимым обсуждение других вопросов, политически связанных с вопросами, упомянутыми Советским правительством, и которые особенно не могут быть отделены от вопроса об установлении дипломатических отношений между обеими странами. Это включает вопрос национального единства Германии; от решения этого вопроса зависит создание системы, направленной на обеспечение европейской безопасности. Это включает, кроме того, вопрос об освобождении немцев, которые еще задерживаются в настоящее время на территории или в сфере влияния Советского Союза или которым чинятся другие препятствия покинуть названную территорию или указанную сферу

* Имется в виду обмен нотами — прим. В. К.

влияния. Весь немецкий народ горячо желает скорейшего урегулирования этого вопроса, который он рассматривает как необходимый элемент нормализации своих отношений с Советским Союзом. Федеральное правительство убеждено, что для достижения удовлетворительного разрешения вопросов, выдвинутых на первый план Советским правительством, необходимо, чтобы между обоими правительствами имело место откровенное обсуждение и взаимное согласие по всем проблемам, связанным с этим».

[...] Я прошу Вас, господин председатель Совета Министров, принять, таким образом, к сведению, что Германская делегация поступает в полном соответствии, что было выражено в ноте Федерального правительства от 12 августа и с чем Вы выразили свое согласие в вашей ноте от 19 августа.

[...] Хрущев. Нам фактически ставят ультиматум. Мы никак не можем с этим не только мириться, но и совершенно не можем этого терпеть. Я прямо говорю, резко говорю. Нет никаких вопросов дополнительных, ни вторых, ни третьих, ни четвертых, ни пятых к вопросу об установлении дипломатических отношений, если имеется к этому желание и добрая воля. Если у Вас этого желания и доброй воли нет, скажите прямо — мы не обидимся... Мы согласны разойтись полюбовно с Вами, пожмем друг другу руки и будем терпеливо ждать, когда создастся необходимость для установления дипломатических отношений. Это будет сделано рано или поздно. Но это будет сделано, я Вас уверяю.

АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 14, д. 206, лл. 64–66, 74.

70

СТЕНОГРАММА (неправленная)

переговоров между правительственными делегациями Союза ССР
и Германской Федеральной Республики.
Четвертое заседание, 13 сентября 1955 года

15 час. 00 мин.
г. Москва

Примечание. 13 сентября с 10 ч. 00 мин. до 11 ч. 45 мин. состоялось заседание Правительственных делегаций СССР и ГФР в узком составе, которое не стенографировалось. Со стороны СССР на этом заседании присутствовали: Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев, В. М. Молотов, В. С. Семенов.

Со стороны ГФР — Аденауэр, Брентано, Хальштейн.

[...] Кизингер. Хочется обратить Ваше внимание на то, что много немцев, — сотни тысяч немцев, — находятся в Советском Союзе, что нам известно из писем, поступивших в Германию за последние годы. Мы должны считаться с тем, что на территории Советского Союза находятся следующие группы лиц: первая группа состоит из бывших военнослужащих и состоявших

на службе в вооруженных силах. Насколько можно установить из писем, они находятся, главным образом, в Свердловской области. Вторая группа состоит из гражданских лиц немецкой национальности, находящихся в лагерях и тюрьмах. При этом среди них имеются, главным образом, такие лица, которые за последние месяцы войны были перемещены в Советский Союз. Третья группа состоит из таких лиц, которые после окончания военных действий по политическим причинам были перемещены из советской зоны оккупации в Советский Союз. Далее, гражданские лица, которые, например, жили раньше в Восточной Пруссии.

[...] **Аденауэр.** При сегодняшних утренних переговорах два пункта остались для нас неприятными. Во-первых, то, что могло возникнуть у Вас предположение, что названные нами цифровые данные взяты с потолка и, во-вторых, г-н Кизингер хотел бы как раз дать более полную справку.

Булганин. Это не данные, а речь. А нам нужны данные, которых Вы нам не даете.

Хрущев. Данные — это списки адресов.

Аденауэр. Мы их и дадим, но мы хотели только показать, что мы не устраиваем никаких фокусов, а главное, мы хотим показать, что тут не пропагандистский метод.

[...] **Хрущев.** Мы Вам даем джентльменское слово, что всех заключенных (Вы их называете военнопленными, мы их называем военными преступниками) мы освободим или по амнистии, как мы договорились, или же передадим их вашему правительству как преступников, а ваше правительство, согласно вашей совести, согласно вашим законам, поступит с ними так, как оно найдет нужным... Тех военнопленных, которые имеют отношение по своему месту рождения к боннскому правительству, передадим боннскому правительству; тех же военнопленных, которые относятся к Восточной Германии, мы передадим Восточной Германии. Просьбу об этом мы имеем в виде письма президента этой республики товарища Пика.

Кроме этого, у нас имеются немцы, которые работают по контрактам с нами. Мы поступали и впредь будем поступать так: когда кончатся контракты, эти люди возвращаются по своему усмотрению или к месту своего старого жительства, или же по их усмотрению, куда они хотят.

Других категорий немцев у нас нет, по нашим данным, за исключением тех немцев, которые являются гражданами Советского Союза, а таких немцев у нас много. Они сейчас у нас работают на заводах, у нас много немцев-инженеров, военных, колхозников — это граждане Советского Союза.

[...] Для нас совершенно неожиданно, — мы не знаем, на каких материалах основывается заявление г-на Канцлера, — что якобы у нас, судя по письмам, которые родственники получают от находящихся здесь немцев, таких немцев числится 130 тысяч. Это Ваше заявление. Вы за него отвечаете, мы за него ответственности не берем.

[...] Раз г-н Канцлер делает такое заявление, у нас нет никаких данных для его опровержения, — мы хотим данные проверить. Мы просим, для того, чтобы мы могли проверить это, дать списки этих людей с адресами, где эти

люди находятся: мы вам даем слово, что все лица, выявленные по этим спискам, если они действительно являются гражданами немецкого государства, будут возвращены. В этом просим нас верить под честное слово, которое мы вам даем. Я думаю, вы с нами согласитесь.

АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 14, д. 206, лл. 86–87, 90–91, 92–94.

71

**О ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ГЕРМАНСКИХ ГРАЖДАН,
ОСУЖДЕННЫХ СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ СССР
ЗА СОВЕРШЕННЫЕ ИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
В ПЕРИОД ВОЙНЫ**

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 г.

Принимая во внимание ходатайство Президента и Правительства Германской Демократической Республики от 27 июля с. г. и ходатайство Правительства Германской Федеральной Республики о досрочном освобождении и возвращении на родину германских граждан, отбывающих наказание за преступления, совершенные ими против народов Советского Союза в период войны, учитывая, что со времени окончания войны прошло более десяти лет и военные преступники, осужденные за свои преступления, уже отбыли значительную часть срока наказания,

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Освободить досрочно от отбывания наказания 8877 германских граждан и репатриировать их в зависимости от местожительства в Германскую Демократическую Республику и в Германскую Федеральную Республику.

2. Передать 749 германских граждан как военных преступников соответственно в распоряжение Правительства Германской Демократической Республики и Правительства Германской Федеральной Республики, в зависимости от местожительства этих граждан, поскольку Президиум Верховного Совета СССР не счел возможным досрочно освободить указанных лиц от дальнейшего отбывания наказания ввиду особой тяжести совершенных ими преступлений против советского народа.

Ведомости Верховного Совета СССР, 1955, № 17, ст. 351.

Жаркое лето 1941 года. Немецкий
летчик, обер-лейтенант Рейнгард
Хайн одним из первых оказался
в советском плену. Рядом сго
сбитый самолет
«Мессершмитт-109»

Отвоевались

Подмосковье. Январь 1942 года

Летчик граф Генрих фон Айнзидель, правнук Бисмарка,
пленен в ноябре 1942 года. В плену стал вице-президентом НКСТ.
Ныне — депутат Бундестага

Февраль 1943 года.
Фельдмаршал Паулюс и его
генералы. Впереди 10 лет
плена

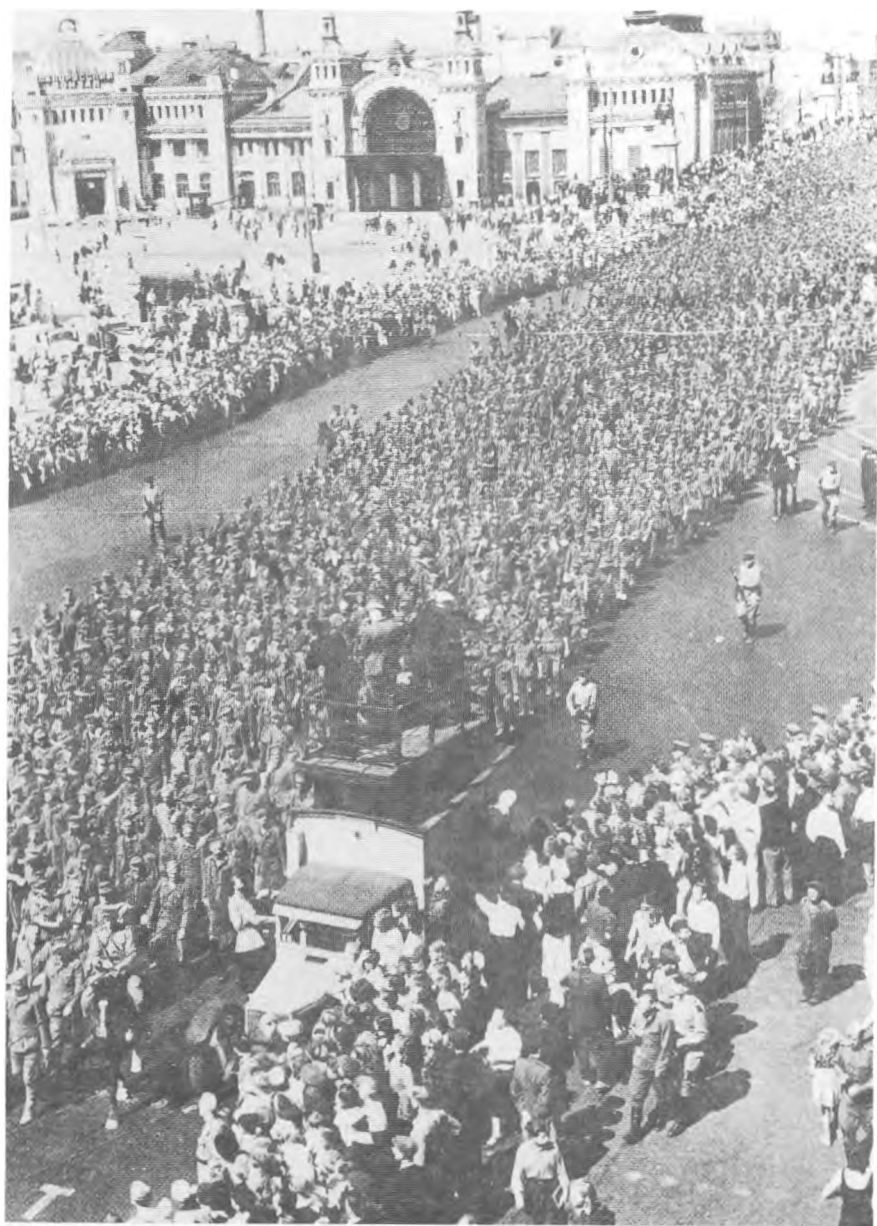
На сборном пункте военнопленных

«Обращение 158» — первое коллективное антифашистское воззвание

Лидеры НКСТ. В центре — генерал Вальтер фон Зайдлиц
и политэмигрант, поэт Эрих Вайнерт

«Большой вальс». Так неофициально именовался марш немецких военнопленных по Москве 17 июня 1944 года

Наглядный урок. Немецкие военнопленные в концлагере Майданек

Последний марш по Берлину

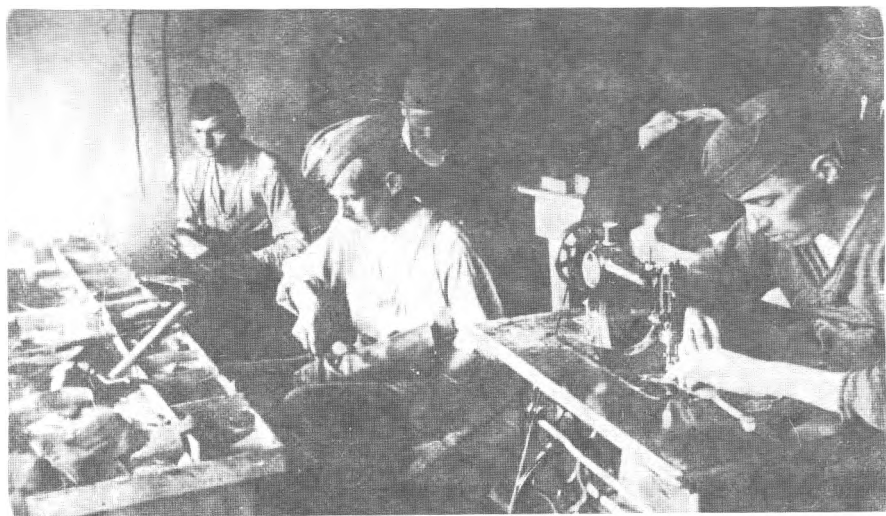
Генерал-лейтенант Франц Бентивеньи — начальник первого отдела абвера

Генерал-лейтенант Ханс Пиккенброк — начальник третьего отдела абвера

Приговор

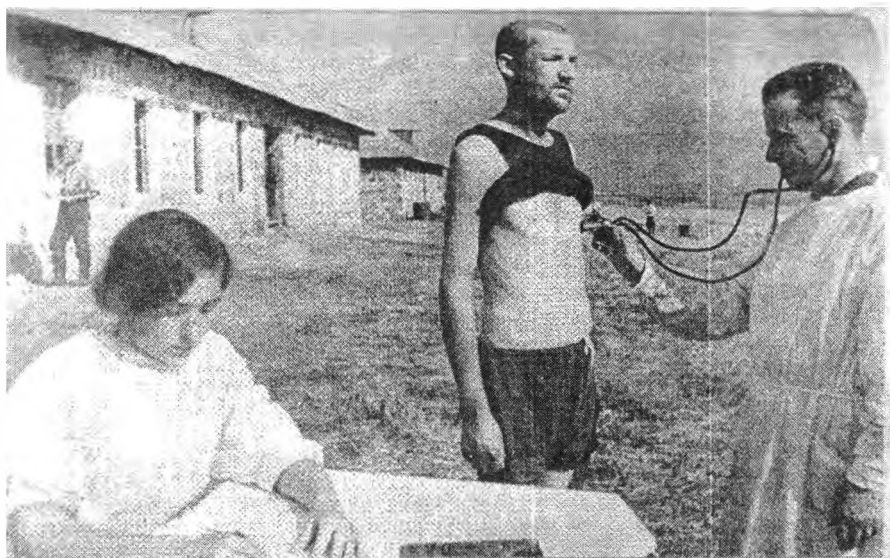
За работой в сапожной мастерской

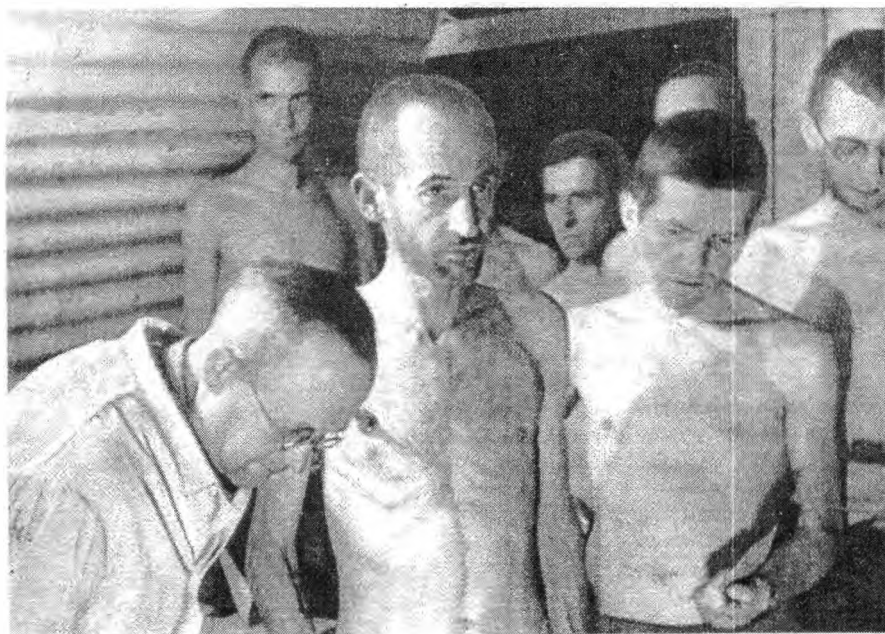
«...Неприятно и опасно было поднимать затонувшие бревна со дна реки...»
(Из письма бывшего военнопленного Рудольфа Хершеля)

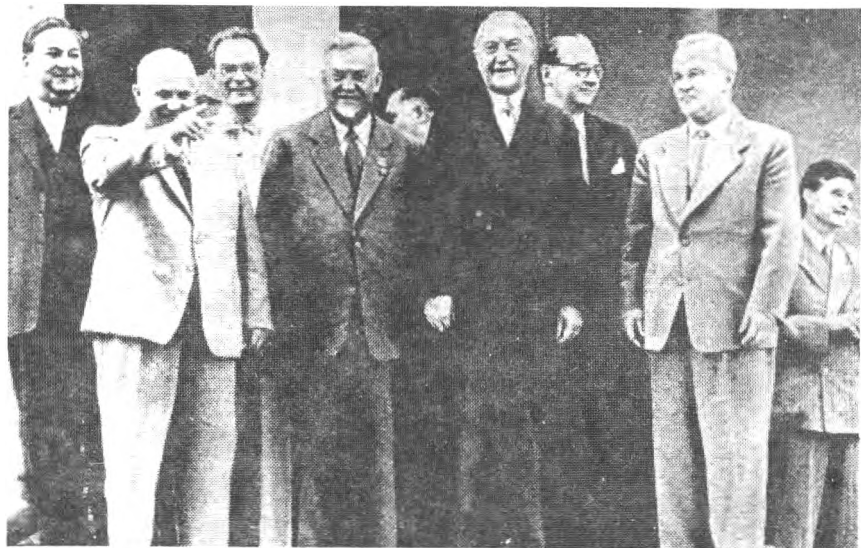
В библиотеке офицерского лагеря

Медосмотр в офицерском лагере

Степень пригодности к труду определяет лагерный медик

Соглашение о репатриации последних немецких военнопленных достигнуто. Сентябрь 1955 года

Генеральское кладбище лагеря № 48 (пос. Чернцы, Ивановской обл.).
1 декабря 1955 года здесь похоронен последний немецкий генерал
Райнер Штагель

Снова вместе после долгой
разлуки

Пересыльный лагерь Фридланд. Осень 1955 года

A black and white charcoal or pencil portrait of an elderly woman, likely a nun, wearing glasses and a head covering. The drawing is signed 'H. 1954' and 'in coll. (Gegenwartig) Mus. Nul' in the lower right corner.

Гамбург, июнь 1995 года.
 Организаторы выставки
 «Немецкие военнопленные
 в России»
 доктор Регина Денель,
 профессор В. В. Судаков
 и автор книги
 В. Б. Конасов

Глава третья

СУДЬБЫ ВОЕННОПЛЕННЫХ ГЕНЕРАЛОВ

Согласно справке, подготовленной 28 сентября 1956 года начальником тюремного отдела МВД полковником П. С. Булановым, в плену СССР находились 376 немецких генералов, из которых 277 были репатриированы и 99 умерли. В число плененных вошли: генералы сухопутных войск, генералы ВВС и адмиралы ВМФ, генералы войск СС и полиции, генералы в отставке, а также государственные чиновники, получившие высокий чин за заслуги перед нацистским рейхом. Среди обитателей лагерных бараков, занимавших некогда видное служебное положение, наибольший процент составляли представители сухопутных войск. Второй по численности была, как это ни покажется странным, категория отставных генералов. На 22 ноября 1948 года их, к примеру, насчитывалось 40 человек. Как докладывал министр внутренних дел С. Н. Крутлов, в плену эти «дряхлые и больные старики», требующие «постоянного медицинского ухода» и «особой заботы в быту», оказались уже после капитуляции Германии, в результате операций по очистке тыла Красной Армии¹.

В графу «умершие» внесены генералы, скончавшиеся по причине преклонного возраста, погибшие от ран и болезней, осужденные к смертной казни через повешение по Указу от 19 апреля 1943 года. По отчету ГУПВИ к высшей мере наказания было приговорено 18 человек. Что касается репатриации военной элиты вермахта, то здесь следует иметь в виду следующее: СССР, в отличие от союзников, никоим образом не намеревался форсировать этот процесс. Первые генералы Винценц Мюллер, Отто Корфес, Ганс Вульц, Артур Брандт и Вальтер Шрайбер были отправлены на родину только осенью 1948 года. Накануне активисты антифашистского движения, назначенные на руководящие посты в народной полиции, прошли соответствующую подготовку и агентурную проверку на благонадежность. Однако произошло нечто непредвиденное. Прекрасно зарекомендовавший себя генерал медицинской службы Шрайбер, выступавший свидетелем советского обвинения в Нюрнберге, сбежал в американскую зону оккупации². ЧП не прошло бесследно. Совет Министров постоянно урезал количество кандидатов на освобождение, которое фигурировало в проектах МВД. В 1949 году в Германию смогло вернуться 45 генералов, к маю 1950 года — еще 22. После этого процесс репатриации командного состава германской армии был практически завершен. Оставшихся в

Советском Союзе ждала скамья подсудимых. Как следовало из доклада на имя «товарища Сталина», подписанного заместителем министра внутренних дел Серовым и заместителем министра иностранных дел Громыко, на 21 июля 1950 года наказание отбывали 211 немецких генералов и 9 человек находились под следствием³.

Конечно, далеко не все генералы вермахта прошли через войну с чистыми руками. А вот шанс оказаться в немилости у советской Фемиды был одинаково велик у всех. Прямота суждений, неосторожное высказывание в адрес властей и даже мелкий бытовой конфликт могли обернуться печальными последствиями. Генерал-лейтенант Курт-Юнгер фон Лютцов имел неосмотрительность перепроверить на самодельных весах недельную норму сахара, которую ему отпустил рядовой Курт Штарке. Негодующие реплики антифашистского актива на подобные действия заместитель начальника лагеря № 48 капитан госбезопасности Г. К. Шульженков не замедлил включить в свой отчет. Видимо, в подтверждение вывода о том, что выявленная оперотделом группа реакционно настроенных генералов заслуживает сурового наказания. Входящие в нее лица в военных преступлениях, правда, не замешаны, но зато допускают антисоветские разговоры и, вероятно, по возвращении на родину войдут в союз с американцами и англичанами, дабы вести «подрывную деятельность против СССР»⁴.

Живописующие подробности и гипотетические заключения в конце концов становились основанием для далеко идущих выводов. В списки кандидатов на предание суду военного трибунала, направляемые в Кремль, обязательно включались «реваншистски настроенные генералы». Таковых, по докладу министра внутренних дел Сталину, на 12 января 1950 года насчитывалось 59 человек⁵.

В годы войны советские спецслужбы не жалели усилий, чтобы привлечь пленных немецких генералов на свою сторону. В результате массовой политической и психологической обработки многие подписывали различные антигитлеровские воззвания, выступали с антифашистскими заявлениями по радио и в печати. Не все шли на это по убеждению и с открытой душой. Однако данное обстоятельство мало смущало тех, кто отвечал за пропаганду на войска противника — важен был результат. Методы работы в мирное время не претерпели особых изменений. Накануне Нюрнбергского процесса одну группу пленных готовили к выступлению в зале суда, от другой требовали дать необходимые письменные показания. Пошли на компромисс с органами, в частности, сотрудники абвера генералы Ганс Пиккенброк и Франц Бентивеньи. Последнему несколько лет спустя, по-видимому, было сделано предложение занять ответственный пост в армии ГДР. В справке-характеристике, заготовленной на Бентивеньи за несколько месяцев до освобождения, однако, сказано: «Стоит на точке зре-

ния, что ни один честный немец... не смеет поступать на службу в армию, стоящую на платформе «куцей» Германии и дружбы с коммунистическим Советским Союзом»⁶. Впрочем, разве можно было ожидать иной реакции от человека, который более 10 лет провел в тюрьмах СССР, а на суде отрицал свое «участие в зверствах и злодеяниях».

Как и любое другое ведомство, ГУПВИ МВД было не прочь подчеркнуть заслуги в своей работе. Оперативные службы, к примеру, очень гордились, если им удавалось осуществить вербовку того или иного генерала. В отчете Амаяка Кобулова, направленном заместителю министра внутренних дел Серову, говорится о том, как успешно поработали его люди с генерал-лейтенантом К. «Для вербовки, — докладывал Кобулов, — был применен метод постепенного втягивания без немедленного требования обязательств в сотрудничестве. В результате проведения с К. ряда бесед и оказания ему незаметно для окружающих некоторых знаков внимания генерал стал представлять письменные сообщения о политических настроениях осужденных, а затем пошел и на оформление вербовки, избрав себе псевдоним «Лейман». В настоящее время он добросовестно выполняет задания оперотдела по разработке бывших генералов и старших офицеров»⁷. Однако вряд ли дела на поприще вербовки шли гладко, если сотрудники МВД не погнушались сделать своим помощником престарелого генерала трудовой повинности М., «члена НСДАП с 1932 года»⁸.

У некоторых немецких генералов в советском плену находились их сыновья, а в ряде случаев — и семьи. В июне 1950 года к длительному сроку лишения свободы был осужден бывший командир 39-й дивизии вермахта генерал-майор Ганс Веземан. Незадолго до вынесения приговора в лагере интернированных умерла его жена Фрида. За колючей проволокой осталась одиннадцатилетняя дочь генерала Роз-Мари. Власти решили проявить такт и понимание. Генералу было предложено либо оставить дочь с ним в лагере, либо дать согласие на ее репатриацию. Веземан, разумеется, выбрал последнее, обратившись в советские инстанции с единственной просьбой, создать девочке по дороге домой сносные условия...

В предлагаемых вниманию читателя очерках и документах идет речь о пребывании в советском плену двух немецких генералов — командующего 6-й армией Фридриха Паулюса и командующего обороной Берлина Гельмута Вейдлинга. Один примкнул к антифашистскому движению, у второго такой возможности никогда не было. Один жил на даче, ездил на лечение в Крым. Второй всю оставшуюся жизнь провел в местах заключения. Однако судьба и того, и другого по-своему трагична, равно, как и судьба сотен тысяч немецких военнопленных, прошедших через советский плен.

«...Я покидаю эту страну как ее друг»

Родился в 1890 году. Закончил гимназию в Касселе в 1909 году. Учился на юридическом факультете в Марбургском университете. Владеет французским языком, но слабо. Женат, имеет двух сыновей. Внешние данные: рост 187 см, худощавый, светлорусый. На момент пленения — командующий 6-й армией, воинское звание — генерал-фельдмаршал. Награжден «Рыцарским орденом Железного Креста». Репатриирован в ГДР 24 октября 1953 года.

(Из подучетного дела военнопленного бывшей германской армии генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса).

Утро 30 января 1943 года командующий 6-й германской армией Фридрих Паулюс и его штаб встречали в подвале сталинградского универмага. В этот день в ставку Гитлера ушла радиограмма: «Окончательное поражение невозможно оттянуть более чем на двадцать четыре часа». Берлин ответил сообщением о присвоении Паулюсу звания фельдмаршала. Ни один германский фельдмаршал не сдавался на милость победителя... Намек был понят, но доселе послушный воле фюрера Паулюс на этот раз выбрал не пулю в висок, а плен. Предвидел ли командующий 6-й армией в те дни грядущую катастрофу вермахта и третьего рейха? Осознавал ли тяжесть своей вины за бессмысленную гибель десятков тысяч солдат и офицеров? Или же процесс извлечения Паулюсом уроков из прошлого начнется гораздо позднее?

В ходе работы в архивах автору этой книги удалось ознакомиться с ранее неизвестными документами о пребывании фельдмаршала в СССР. Вероятно, в недалеком будущем исследователи пополнят коллекцию материалов о его судьбе. Однако даже выявленные документы существенно расширяют наше представление об эволюции мировоззрения Паулюса в советском плену. Намеренно не

комментируя публикуемые источники, автор оговаривает за собой право на экскурс в историю первых месяцев нахождения фельдмаршала в лагерях Советского Союза.

* * *

27 февраля 1943 года заместитель наркома внутренних дел Б. З. Кобулов санкционировал следующий ответ на запрос Международного комитета Красного Креста: «Паулюс жив, здоров, чувствует себя прекрасно. Содержится в специальном лагере высшего командного состава. Почтовый адрес лагеря — Советский Союз Социалистических Республик, лагерь военнопленных № 27»⁹.

Санкция Кобулова весьма необычна для практики НКВД. До сего времени десятки аналогичных запросов отправлялись в архив. Еще через несколько дней фельдмаршалу объявляют о возможности начать переписку с семьей. При этом подчеркивают, что письма на родину пойдут по дипломатическим каналам. В немногословных посланиях Паулюса германскому послу в Турции фон Папену и военному атташе посольства генерал-лейтенанту Роде речь идет в общем-то о самых прозаичных вещах. Фельдмаршал просит сообщить жене о том, что он здоров и с чисто немецкой педантичностью перечисляет предметы гардероба, необходимые ему в настоящий момент: мужские ботинки, носки, свитер, чемодан. Счет на покупку предлагает выставить «фрау Паулюс». А вот просьбой выслать «пару фельдмаршальских погон», «фельдмаршальские знаки», «генеральскую фуражку» Паулюс явно дает понять своим покровителям, что он и в плену продолжает считать себя связанным присягой фюреру¹⁰.

12 апреля 1943 года фельдмаршал обращается с личным письмом к военному атташе посольства Германии в Токио генерал-майору Альфреду Кречмеру. На этот раз он просит о джемпере, двух верхних рубашках, подтяжках, пачке бумаги и двух чернильных карандашах. Еще одно пожелание — послать «очень ценные» шоколад, кофе, чай, мармелад, крем для кожи, папиросы и сигареты. При этом Паулюс, как бы между прочим, замечает, что перечисленные деликатесы нужны ему, чтобы ...«не обессилеть»¹¹.

Ответов из Анкары и Токио обнаружить не удалось, хотя дипломатические каналы, судя по всему, не подвели. Первое письмо от жены фельдмаршалу вручили в Суздальском лагере, куда он отбыл из Красногорска 27 апреля 1943 года¹². Вне всякого сомнения, ни фон Папен, ни Роде, ни Кречмер не рискнули бы сохранить тайну необычной переписки — о ней должны были знать не только секретные службы рейха, но и сам Гитлер. Знали, но отнюдь не

препятствовали. В душевном спокойствии фельдмаршала были заинтересованы по обе линии фронта.

Опасения фюрера, что в «крысоловке» (так Гитлер называет тюрьму на Лубянке) Паулюс немедленно заговорит, выступит по радио с каким-либо порочащим воззванием¹³, не подтвердились. Благоразумное молчание не осталось незамеченным. В подучетном деле военнопленного есть запись о том, что в мае 1943 года фельдмаршал награжден «Дубовой ветвью» (регистрационный номер 187) к ранее врученному «Рыцарскому ордену Железного Креста»¹⁴.

В свою очередь Москва стремилась «разговорить» Паулюса, сделать его своим союзником. В Красногорском лагере Паулюса поместили вместе с адъютантом полковником Вильгельмом Адамом отдельно от других генералов и офицеров. Максимум удобств по возможности создали и в стенах Спасо-Ефимиева монастыря в Суздале, а позднее — в генеральском лагере № 48 (пос. Черницы Лежневского района Ивановской области).

Как-то раз пленный пожаловался на боль в предплечье — следствие старого ранения. Выяснилось, что требуется операция, причем довольно сложная, поскольку был задет лучевой нерв. Оперировал фельдмаршала опытный нейрохирург П. А. Карташов, специально приехавший из Ивановского медицинского института.

Личность фельдмаршала интересовала высшие эшелоны власти по ряду причин. Паулюс был одним из тех, кто стоял у истоков зарождения вермахта. Тридцать румынских и сорок венгерских дивизий появились на Восточном фронте во многом благодаря его связям в Бухаресте и Будапеште. Первый обер-квартирмейстер генерального штаба генерал-майор Паулюс отшлифовывал планы войны с Советским Союзом и докладывал Гитлеру о результатах своей работы в Цоссене 29 ноября 1940 года. Тогда в ходе «военной игры» на картах и макетах впервые были показаны прообразы наступательных операций, начавшихся 22 июня 1941 года. Именно ему было доверено принять командование 6-й армией после того, как скоропостижно скончался фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау.

К тому моменту, когда Паулюс оказался в Суздальском лагере № 160, антифашистское движение немецких военнопленных в СССР приняло уже достаточно массовый характер. Поражение под Сталинградом способствовало расслоению обитателей лагерных барakov. Видимый успех имела пропаганда среди солдат и унтер-офицеров. К марту 1943 года в адрес первых руководителей Советского государства поступило более 920 коллективных и индивидуальных заявлений с просьбой создать воинские части для вооруженной борьбы с фашизмом¹⁵. В одном из них, подписанном

антифашистами из Рябовского лагеря № 75 (Удмуртская АССР), необходимость открытого выступления на стороне Красной Армии мотивировалась следующим образом: «Чем же мы, военнопленные антифашисты, можем помочь уничтожению гитлеровской клики? Не слишком ли поздно придем мы на эту расправу? Не используют ли капиталистические элементы истощенные силы и неопытность немецкого народа для подчинения его своему влиянию? Не смогут ли интриги тайных советников и скрытых друзей фашизма вырвать из наших рук плоды победы? Не повторится ли обман трудящихся масс Германии, как это было после первой мировой войны?»¹⁶

Надо ли говорить, что ни Паулюс, ни подавляющее большинство немецких генералов и офицеров не разделяли подобных взглядов. Более того, в стенах Спасо-Ефимиева монастыря фельдмаршал был на стороне тех, кто считал для себя невозможным любые соглашения с властями, направленные на нарушение присяги Гитлеру. О своем отрицательном отношении к Национальному комитету «Свободная Германия» Паулюс позднее откровенно напишет в своем заявлении на имя правительства СССР.

В конце лета 1943 года генералов перевели из Суздаля во вновь организованный лагерь № 48, под который были задействованы помещения Дома отдыха железнодорожников. Именно в этом лагере фельдмаршал первым поставил свою подпись под меморандумом от 1 сентября, осуждавшим попытку генералов Вальтера фон Зайдлица, Мартина Латтмана и Отто Корфеса создать антифашистскую офицерскую организацию: «Мы их больше не считаем нашими товарищами, и мы решительно отказываемся от них»¹⁷.

В Кремле такого поворота событий не ожидали. НКВД было поручено срочно изолировать Паулюса от других пленных генералов. Воспитательные беседы с фельдмаршалом велись на объекте 15-В (пос. Лунево под Москвой). В идеологической и психологической обработке участвовали Зайдлиц, Латтман, Корфес, примкнувший к ним генерал-лейтенант Эдлер Даниэльс, а также начальник УПВИ НКВД И. А. Петров, его заместитель Н. М. Мельников и сотрудник этого же ведомства В. С. Штерн. В конечном итоге был достигнут определенный успех. 24 сентября Паулюс признал цели организованного «Союза немецких офицеров» честными, хотя вступить в него наотрез отказался. Одновременно он согласился воздействовать на генералов из лагеря № 48 с тем, чтобы меморандум правительства СССР от 1 сентября был отозван.

Однако потребовался почти год, прежде чем фельдмаршал открыто заявил о своем переходе на антигитлеровскую позицию. Вступая 14 августа 1944 года в «Союз немецких офицеров», Паулюс обратился с воззванием к немецкому народу и военноплен-

ным. В воззвании говорилось о криминальном характере режима третьего рейха, необходимости его ликвидации и проведении антифашистских преобразований в Германии. Печать и радио не замедлили придать подписанный фельдмаршалом документ гласности.

В принятии Паулюсом судьбоносного решения сыграл роль целый комплекс причин и обстоятельств. Среди них — осознание реального смысла победоносных операций Красной Армии летом 1944 года, заговор 20 июля и расправа Гитлера над его участниками, усиленная обработка со стороны «компетентных органов». Нельзя сбрасывать со счетов и вполне обоснованные опасения Паулюса за свою личную судьбу, связанные с перспективой оказаться не у дел или того хуже — на скамье подсудимых в качестве военного преступника.

* * *

В заключение просто необходимо сказать несколько слов о причудливом и трагическом пересечении судеб Паулюса и Зайдлица. В свое время командир 51-го армейского корпуса требовал от командующего 6-й армией осуществить еще возможный прорыв из «котла». Паулюс, однако, не посмел нарушить приказ Гитлера. На принципиально противоположных позициях находились первый и второй в начальный период пребывания в советском плену. Тогда президент «Союза немецких офицеров» настойчиво добивался от фельдмаршала согласия на сотрудничество с Москвой во имя новой Германии. Позднее же, ситуация в корне изменилась. Зафиксированные осведомителями высказывания Зайдлица относительно будущего германского народа и советской внешней политики власти явно не радуют, а заявления Паулюса неизменно лояльны и, как правило, солидаризуются с официальной позицией Кремля. В декабре 1949 года на подмосковной даче в Ильинке Паулюс без видимого сомнения поставит свою подпись под приветственным письмом по случаю семидесятилетия «товарища Сталина». Зайдлиц откажется пойти на этот шаг. Наконец, именно Паулюс станет автором письма в адрес заместителя начальника ГУПВИ по оперативно-чекистской работе Амаяка Кобулова, в котором прозвучит сомнение в политической устойчивости товарища по плену. В результате в марте 1950 года Зайдлиц окажется в списке генералов, «намеревающихся по возвращении на родину включиться в борьбу против демократических элементов в Германии», а посему подлежащих «уголовной ответственности по указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев»¹⁸. Так или иначе, но злополучное письмо не помогло Паулюсу в долгожданной репатриации на родину. Он сможет вернуться домой лишь три года спустя, уже после смерти Сталина.

1

21 августа 44
913/6

Совершенно секретно
экз. № 3.

ГОКО — товарищу СТАЛИНУ И. В.
СНК СССР — товарищу МОЛОТОВУ В. М.

По просьбе товарища ЩЕРБАКОВА НКВД СССР проведена работа по составлению обращения военнопленных немецких генералов к генералам и офицерам армейской группы «Норд», отрезанной в Прибалтике.

15 августа с. г. обращение было подписано ПАУЛЮСОМ и 29 генералами.

Кроме обращения, генералы Офицерского союза написали 11 личных писем к руководящим немецким генералам Северной группы «Норд», в которых, объясняя обстановку, рекомендуют им сложить оружие и прекратить сопротивление Красной Армии.

Перевод обращения к генералам и офицерам армейской группы «Норд» при этом представляется.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР —
(Л. БЕРИЯ)

Основание: спецсообщение Упр. по делам о военнопленных и интернированных т. Петрова № 28/00/6486 от 18.VIII-44 года, инд. 28, от 19.VIII-44 г.

Верно: Попова

ГА РФ, ф. Р. -9401, оп. 2, д. 66, л. 241. Копия.

2

17 февраля 45
42/6

Совершенно секретно
экз. № 2

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ —
товарищу СТАЛИНУ И. В.

При этом представляю докладную записку начальника Управления НКВД СССР по делам о военнопленных тов. КРИВЕНКО о его беседе с военнопленными фельдмаршалом ПАУЛЮС и генералом артиллерии ЗАЙДЛИЦ.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА СССР (Л. БЕРИЯ)

Совершенно секретно

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

товарищу БЕРИЯ А. П.

8 и 9 февраля мы посетили военнопленных — фельдмаршала ПАУЛЮС и генерала артиллерии ЗАЙДЛИЦ. В беседе с нами ПАУЛЮС напомнил о своей давнишней просьбе устроить ему встречу с советским политическим деятелем, который разъяснил бы ему принцип политики Советского Союза по отношению к побежденной Германии. ПАУЛЮС считает, что благодаря такому разъяснению он сможет более определенно обосновывать свои обращения к германскому народу и к вооруженным силам Германии. Не имея такой ориентировки, ПАУЛЮС считает, что проводимая им в настоящее время пропаганда слишком примитивна и как он выразился «он не чувствует почвы под ногами». Наряду с этим ПАУЛЮС подчеркнул, что он и другие военнопленные немецкие генералы взяли на себя большую ответственность, выступая с призывом свержения правительства Гитлера, и поэтому он имеет нравственное право знать принципиальную позицию Советского Правительства. При этом ПАУЛЮС заверил нас, что в своих выступлениях он не даст никаких поводов к нарушению отношений между союзниками.

Указывая на взаимную выгоду дружественных отношений между СССР и Германией, ПАУЛЮС заявил, что намечаемые планы капитуляции Германии лишат немецкий народ насущно необходимого для продолжения своего существования.

ПАУЛЮС был раздражен последним выступлением де-ГОЛЛЯ о границах Франции на Рейне. Притязания де-ГОЛЛЯ, заявил ПАУЛЮС, на присоединение Рейнской области к Франции, которая играла незначительную роль в борьбе с гитлеризмом, свидетельствуют о том, что великие державы спешат поделить Германию между собой.

ПАУЛЮС был в недоумении — почему ему до сих пор не разрешили выступить по радио с обращением к германскому народу и вооруженным силам, хотя на это у него было согласие президента Национального Комитета «Свободная Германия» ВАЙНЕРТА.

Следует отметить, что с перенесением военных действий на территорию Германии, настроение среди военнопленных генералов немецкой армии исключительно подавленное. В этой связи характерно высказывание военнопленного генерала артиллерии фон-ЗАЙДЛИЦ.

ЗАЙДЛИЦ был сильно расстроен сообщением о совещании руководителей трех держав. В беседе с нами ЗАЙДЛИЦ заявил, что по-видимому Германия будет поделена между США, Англией, СССР и Францией. Он высказал мысль, что «Союз немецких офицеров» больше ничего не может сказать немецкому народу, а немцам остается только покориться, свободного решения

они не имеют. От Германии останутся только одни клочки, лучшим исходом для Германии было бы присоединение ее к Советскому Союзу в качестве «17-й советской союзной республики».

ПАУЛЮС и ЗАЙДЛИЦ с нетерпением ждут подробного коммюнике о результатах переговоров товарища СТАЛИНА, РУЗВЕЛЬТА и ЧЕРЧИЛЛЯ.

Генерал-лейтенант подпись (КРИВЕНКО)

Комиссар Госбезопасности 3 ранга подпись (А. КОБУЛОВ)

«10» февраля 1945 г.

ГА РФ, ф. Р. -9401, оп. 2, д. 92, лл. 322-324. Копия.

3

7 августа 45

№ 880/6

Совершенно секретно

экз. №

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

товарищу СТАЛИНУ И. В.

СНК СССР — товарищу МОЛОТОВУ В. М.

Приводятся высказывания военнопленных генералов и офицеров германской армии в связи с решениями Берлинской Конференции трех Держав.

Фельдмаршал ПАУЛЮС:

«На вещи надо смотреть реально. Германия проиграла войну и должна мириться со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мы должны смотреть на вещи с точки зрения интересов Советского Союза, тогда все будет понятно.

После того, как сохранение сильной Германии путем переворота изнутри стало нереальным, Советский Союз проявил законный интерес к демократической Польше. Таким образом, до Одера он во всяком случае обеспечил себя, ибо в дальнейшем опять могут быть разногласия между социалистическим Востоком и капиталистическим Западом. Германии теперь приходится мириться с границами на Востоке. Она должна понять и поймет, что виновата в этом только Германия. Впрочем, союзники показали, что они хотят оставить германскому народу перспективы на будущее. Большого нельзя было ожидать».

[...]

ГА РФ, ф. Р. -9401, оп. 2, д. 98, л. 53. Копия.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР ТОВАРИЩУ Л. П. БЕРИЯ

В связи с заявлением японского правительства Советскому послу в Токио о готовности Японии принять условия Декларации Союзных стран от 26 июля с. г. зафиксированы следующие высказывания военнопленных и интернированных, содержащихся в лагерях НКВД.

Фельдмаршал ПАУЛЮС:

«Сообщение русского радио о капитуляции Японии, — если принять во внимание известную сдержанность русских в таких вопросах, — свидетельствует о том, что можно рассчитывать на очень скорое окончание войны на Дальнем Востоке. Условие японского правительства относительно суверенитета императора, по-моему мнению, союзниками будет принято; его права могут быть так обусловлены, что не нужно будет менять характера безоговорочной капитуляции.

Мысль о прекращении дальнейшего кровопролития понудит союзные правительства принять японское предложение о капитуляции.

За то, что союзники примут эти условия, говорит также уважение союзников, которое они, безусловно, питают к религиозным чувствам японского народа к своему императору.

Что касается значения капитуляции для всего мира, а вместе с тем для германского народа, то конец войны должны приветствовать и немцы, исходя из чисто человеческих и экономических причин, ибо все силы и экономика мира теперь опять могут быть использованы для мирных целей.

Промышленность и сельское хозяйство теперь будут средствами прежде всего, для устранения голода, в первую очередь в Европе.

Все эти мотивы позволяют надеяться, что союзники примут предложение Японии. Я лично, во всяком случае, был бы очень рад, если бы это было так».

[...]

3 августа 1945 года

Генерал-лейтенант — Кривенко

Генерал-лейтенант — А. Кобулов

ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 98, л. 187. Копия.

О РЕАКЦИИ ФЕЛЬДМАРШАЛА ПАУЛЮСА НА ЗАЯВЛЕНИЕ В. М. МОЛОТОВА ОТ 8 АВГУСТА 1945 ГОДА ПО ПОВОДУ ОБЪЯВЛЕНИЯ ВОЙНЫ ЯПОНИИ.

(Из доклада начальника ГУПВИ М. С. Кривенко
и его заместителя А. З. Кобулова на имя Л. П. Берии)

Япония — единственное государство, которое вступило в войну в качестве агрессора и еще не разгромлено. Так как демократические державы объеди-

нились с тем, чтобы обеспечить мир, то вступление Советского Союза в войну с Японией является последовательно правильным. Одновременно это служит целям сокращения сроков войны на Дальнем Востоке. К тому же, Япония откасалась от каких-либо мирных переговоров. Япония ведет империалистическую войну. В интересах обеспечения своих границ на Дальнем Востоке Советский Союз не может пассивно смотреть на то, что делается на его окраинах.

Без участия Советского Союза в урегулировании вопроса мира на Дальнем Востоке, империалистические державы провели бы в жизнь политические и государственные вопросы только в своем духе. Советский Союз является сильным поборником прогрессивных идей. Эти идеи окажут большое влияние на создание независимости и национальной самостоятельности народов Восточной Азии, что соответствует принципиальной политике Советского Союза, в противоположность политике капиталистических государств — Англии и Америки.

ГА РФ, ф. Р. -9401, оп. 2, д. 98, л. 216. Копия.

6

О РЕАКЦИИ ФЕЛЬДМАРШАЛА ПАУЛЮСА НА СООБЩЕНИЕ ОТ 29 АВГУСТА 1945 ГОДА О ПРЕДАНИИ ГЛАВНЫХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ СУДУ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА.

(Из доклада заместителя начальника ГУПВИ
А. З. Кобулова на имя Л. П. Берии)

Кроме опубликованного списка, к виновникам войны из числа военных должны быть причислены:

а) Командующие фронтами и армиями за продолжение борьбы в обстановке явного превосходства сил противника и неминуемого поражения. Критерием войны должно служить развитие борьбы на отдельных фронтах.

Так, на Восточном фронте, бесперспективной была борьба в Прибалтике после того, как фронт сузился до Курляндской группировки, после выхода из войны Румынии и начала широкого наступления Красной Армии у германских границ.

На Западе — после высадки союзных войск в Нормандии...

б) Руководящие генералы гарнизонов в самой Германии (командующие округов и т. п.), на чьих глазах производились расправы с населением и, которые могли оказать серьезное сопротивление нацистскому режиму внутри страны».

Подвергая сомнениям правовую основу обвинения и компетенцию Международного Трибунала, Паулюс продолжает:

«Вместе с тем, подобные обвинения являются небывалым казусом в юриспруденции и, поэтому, очень трудно юридически обосновать обвинение.

Кроме того, названные мною категории лиц виновны, в первую очередь, перед своей страной, следовательно, их должен судить сам немецкий народ.

ГА РФ, ф. Р. -9401, оп. 2, д. 100, лл. 84—86. Копия.

7

4 сентября 1945 г.

Совершенно секретно

**НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
товарищу БЕРИЯ Л. П.**

В связи с сообщением о предании суду Международного Военного Трибунала главных военных преступников агентурой и литерными мероприятиями зафиксированы следующие высказывания военнопленных генералов, офицеров и солдат немецкой, венгерской и румынской армий.

Генерал артиллерии ЗЕЙДЛИЦ, президент «Союза немецких офицеров»:

«Со всеми действительными преступниками войны нужно расправиться беспощадно. Приговор должен быть вынесен тем, кто фактически спровоцировал войну, кто в войне издавал приказы, обязывающие подчиненных на преступления, или из каких-либо побуждений сами совершили преступления. Мне больше нравилось бы, если военные преступники предстали бы перед германским судом».

При этом ЗЕЙДЛИЦ высказался в отношении ШАХТА, что он не заслуживает предания суду.

Фельдмаршал ПАУЛЮС:

«Большинство обвиняемых принимало участие в подготовке войны и поэтому они действительно являются преступниками перед народом.

Насколько это должно относиться к НЕЙРАТУ, ШАХТУ и к генералу ИОДЛЬ, я не знаю. Очень возможно, что эти лица не принимали участия в подготовке войны, тем более, что НЕЙРАТ и ШАХТ никогда не разделяли внешнюю политику Гитлера. Я сомневаюсь также в том, чтобы ИОДЛЬ был посвящен в военные планы Гитлера. Все же весьма вероятно, что они стали преступниками в ходе войны. Дело суда установить это.

На суде очевидно будет разоблачена вся дипломатическая подготовка к этой войне.

По праву к ответственности следует привлечь тех, кто был посвящен в преступные захватнические замыслы Гитлера и тех, кто в какой-либо форме — приказом или личным действием принимал участие в преступлениях.

Жаль, что германский народ не имеет возможности сам расправиться со своими бывшими лидерами. У меня нет никакого сочувствия ко всем этим молодчикам: они заслуживают смертной кары, поскольку вина их может быть доказана на суде, а это очень легко, в том числе и по отношению к ИОДЛЬ, ШАХТУ и НЕЙРАТУ.

Я надеюсь, что как только будет вынесен приговор преступникам, перестанут сравнивать с ними весь германский народ.

Что касается моей бывшей 6-й армии, то я считаю, что из служивших в ней, к военным преступникам могут быть отнесены лишь отдельные лица, которые совершили преступления личными приказами, или личными действиями».

[...]

ГА РФ, ф. Р. -9401, оп. 2, д. 98, лл. 364–365. Копия.

8

3 апреля 1946 г.
№ 1250/к

Совершенно секретно
экз. № 5.

Товарищу СТАЛИНУ И. В.
МИД СССР — товарищу МОЛОТОВУ В. М.
ЗАМ. ПРЕД. СОВМИН СССР — товарищу БЕРИЯ А. П.

Министерством Внутренних дел СССР были подготовлены для выступления на Нюрнбергском процессе в качестве свидетелей обвинения военнопленные германской армии бывший фельдмаршал ПАУЛЮС и бывший генерал от инфантерии БУШЕНХАГЕН. Состоявшиеся 11 и 12 февраля с. г. их выступления вызвали как в Германии, так и среди военнопленных, содержащихся в лагерях в Советском Союзе, определенные реагирования.

После сообщений о выступлении ПАУЛЮСА в Нюрнберге на его имя из различных городов Германии поступило 59 писем, направленных нам советским обвинением, оценивающих его выступление положительно.

Бывший бургомистр Саксонии ГАММЕРМЮЛЛЕР пишет:

«Глубокоуважаемый г-н фельдмаршал! Нюрнбергский процесс отчасти осветил перед германским народом и всем миром мотивы и конечные цели только что закончившейся агрессивной войны гитлеровцев и совершенных этими преступниками злодеяний. Весь мир слушал, когда радио передавало Ваши свидетельские показания на этом процессе».

Ассистент медицины из города Детмольда МЮЛЛЕР:

«Ваше превосходительство! С напряженным вниманием следя за ходом Нюрнбергского процесса, я только что услышал по радио Ваше имя в связи с вызовом Вас в суд для свидетельских показаний. Та почетная роль, которую Вы взяли на себя в драме, разыгранной под Сталинградом, пытаясь убедить Гитлера отказаться от плана захватить и удержать Сталинград, плана проти-

воречащего здравому смыслу — эта роль создала Вам особое положение как в глазах врагов, так и друзей».

В одном случае на имя ПАУЛЮСА была получена анонимка, содержащая угрозу:

«ПАУЛЮС! Стыдись дышать еще сейчас воздухом Германии. Изменник родины!!! Ты, подлец, не годишься на корм псам. Исчезни из нашей, истекающей кровью, Германии, это наша родина. Мы и сегодня еще верим в нашу Германию, несмотря ни на что! В своем предательстве ты должен будешь еще горько раскаяться. Несмотря ни на что Германия должна жить».

Из высказываний военнопленных, содержащихся в лагерях МВД СССР, представляют интерес следующие:

ГОЛЬВИТЦЕР Фриц — бывший генерал пехоты:

«В своих показаниях ПАУЛЮС отобразил историческую правду, а эта правда должна найти себе подобающее место в истории. Очень удачно сделано с русской стороны, что ПАУЛЮС выступил на процессе. Германская пропаганда в свое время усиленно распространяла слухи о том, что ПАУЛЮСА нет в живых. Русское обвинение представило прежде письменные показания ПАУЛЮСА. Защита, очевидно, спросила: «Где же ПАУЛЮС?» Русские ответили: «Пожалуйста, ПАУЛЮС может лично подтвердить свои показания». Это очень удачный ход русских».

ДРЕББЕР Мориц — бывший генерал-майор:

«Выступление ПАУЛЮСА в качестве свидетеля советского обвинения на Нюрнбергском процессе это настоящая и очень приятная сенсация. В особенности это приятно для генералов, взятых в плен в Сталинграде. ПАУЛЮС умный человек и он понимает, что фашизм довел Германию до катастрофы, а поэтому фашистское руководство надо не защищать, а обвинять и этим самым помогать немецкому народу находить новый путь своего развития».

ЗЕЙДЛИЦ — бывший генерал артиллерии:

«Все это отдает сенсацией! Испытываешь какое-то странное чувство. Пару лет тому назад мы предлагали ПАУЛЮСУ самому сделать русским заявление о том, что ему известно из его деятельности в ОКХ с тем, чтобы помочь вскрыть действительных виновников войны. ПАУЛЮС, ссылаясь на различные отговорки, отказывался от этого. Он колеблющийся человек».

ХИТТЕР Альфонс — бывший генерал-лейтенант:

«ПАУЛЮС выступает свидетелем советского обвинения в Нюрнберге. Ну и пусть выступает, если он хочет заслужить презрение всех немцев».

ПАУЛЮС и БУШЕНХАГЕН по возвращении в Советский Союз через представителей советского обвинения получили письма от членов семьи, в связи с чем вели между собой разговор, зафиксированный _____

Узнав из письма сына, что жена ПАУЛЮСА была гестапо заключена в концлагерь Дахау, ПАУЛЮС в разговорах с Бушенхагеном заявил:

«Если бы я раньше знал все, я бы использовал процесс и выступил бы более резко. Разве я не имел права выступить против этих свиней?! Жену мою бросили в Дахау — в лагерь уничтожения!».

И дальше:

«Жаль, что я не ответил защитникам резче. Надо было сказать, что мы подняли свой голос, чтобы объяснить немецкому народу: «Гитлер вел к преступлениям, а когда это от нас слышали, наши семьи были брошены в концлагерь».

В одном из разговоров с БУШЕНХАГЕНОМ, состоявшемся 30 марта 1946 года, ПАУЛЮС, касаясь вопроса возможности использования его в будущем, сказал:

«Я Вам скажу, какие должности русские могут предложить нам: 1) Главный начальник полиции в Советской зоне; 2) Президент «Красного Креста»; 3) русско-немецкое общество».

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ — (С. КРУГЛОВ)

ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 200, лл. 198–201. Копия.

9

8 июля
8650/к

Совершенно секретно
экз. № 3.

Товарищу СТАЛИНУ И. В.
Товарищу МОЛОТОВУ В. М.

С февраля 1946 года, после выступления на Нюрнбергском процессе генерал-фельдмаршал быв. германской армии ПАУЛЮС содержится на подмосковном объекте МВД СССР в Томилино. Вместе с ПАУЛЮСОМ содержатся демократически настроенные генералы: *Мюлер Винценц**, который представил разоблачающий материал для Нюрнбергского процесса по плану «Барбаросса» и является нашим агентом, и ШРАЙБЕР Вальтер, выступивший на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля от советского обвинения по вопросу подготовки немцами бактериологической войны против Советского Союза.

Бесной этого года здоровье ПАУЛЮСА ухудшилось. Врачебной комиссией установлено, что причиной ухудшения здоровья ПАУЛЮСА является процесс активизации застарелого двухстороннего фиброзно-очагового туберкулеза. По заключению врачебной комиссии ПАУЛЮСУ по состоянию здоровья рекомендуется лечение в условиях Крыма.

Министерство внутренних дел имеет возможность перевести ПАУЛЮСА на полтора-два месяца на подготовленный на южном берегу Крыма в районе Верхней Ореанды объект, организованный на базе лагеря МВД для военнопленных, и считает целесообразным направить вместе с ПАУЛЮСОМ содер-

* О завербованных из числа военнопленных агентах знал узкий круг лиц, к которому машинистка не принадлежала. Поэтому фамилия и имя генерала Винценца Мюллера вписаны в докладную записку от руки.

воречащего здравому смыслу — эта роль создала Вам особое положение как в глазах врагов, так и друзей».

В одном случае на имя ПАУЛЮСА была получена анонимка, содержащая угрозу:

«ПАУЛЮС! Стыдись дышать еще сейчас воздухом Германии. Изменник родины!!! Ты, подлец, не годишься на корм псам. Исчезни из нашей, истекающей кровью, Германии, это наша родина. Мы и сегодня еще верим в нашу Германию, несмотря ни на что! В своем предательстве ты должен будешь еще горько раскаяться. Несмотря ни на что Германия должна жить».

Из высказываний военнопленных, содержащихся в лагерях МВД СССР, представляют интерес следующие:

ГОЛЬВИТЦЕР Фриц — бывший генерал пехоты:

«В своих показаниях ПАУЛЮС отобразил историческую правду, а эта правда должна найти себе подобающее место в истории. Очень удачно сделано с русской стороны, что ПАУЛЮС выступил на процессе. Германская пропаганда в свое время усиленно распространяла слухи о том, что ПАУЛЮСА нет в живых. Русское обвинение представило прежде письменные показания ПАУЛЮСА. Защита, очевидно, спросила: «Где же ПАУЛЮС?» Русские ответили: «Пожалуйста, ПАУЛЮС может лично подтвердить свои показания». Это очень удачный ход русских».

ДРЕББЕР Мориц — бывший генерал-майор:

«Выступление ПАУЛЮСА в качестве свидетеля советского обвинения на Нюрнбергском процессе это настоящая и очень приятная сенсация. В особенности это приятно для генералов, взятых в плен в Сталинграде. ПАУЛЮС умный человек и он понимает, что фашизм довел Германию до катастрофы, а поэтому фашистское руководство надо не защищать, а обвинять и этим самым помогать немецкому народу находить новый путь своего развития».

ЗЕЙДЛИЦ — бывший генерал артиллерии:

«Все это отдает сенсацией! Испытываешь какое-то странное чувство. Пару лет тому назад мы предлагали ПАУЛЮСУ самому сделать русским заявление о том, что ему известно из его деятельности в ОКХ с тем, чтобы помочь вскрыть действительных виновников войны. ПАУЛЮС, ссылаясь на различные отговорки, отказывался от этого. Он колеблющийся человек».

ХИТТЕР Альфонс — бывший генерал-лейтенант:

«ПАУЛЮС выступает свидетелем советского обвинения в Нюрнберге. Ну и пусть выступает, если он хочет заслужить презрение всех немцев».

ПАУЛЮС и БУШЕНХАГЕН по возвращении в Советский Союз через представителей советского обвинения получили письма от членов семьи, в связи с чем вели между собой разговор, зафиксированный _____

Узнав из письма сына, что жена ПАУЛЮСА была гестапо заключена в концлагерь Дахау, ПАУЛЮС в разговорах с Бушенхагеном заявил:

«Если бы я раньше знал все, я бы использовал процесс и выступил бы более резко. Разве я не имел права выступить против этих свиней?! Жену мою бросили в Дахау — в лагерь уничтожения!».

И дальше:

«Жаль, что я не ответил защитникам резче. Надо было сказать, что мы подняли свой голос, чтобы объяснить немецкому народу: «Гитлер вел к преступлениям, а когда это от нас услышали, наши семьи были брошены в концлагерь».

В одном из разговоров с БУШЕНХАГЕНОМ, состоявшемся 30 марта 1946 года, ПАУЛЮС, касаясь вопроса возможности использования его в будущем, сказал:

«Я Вам скажу, какие должности русские могут предложить нам: 1) Главный начальник полиции в Советской зоне; 2) Президент «Красного Креста»; 3) русско-немецкое общество».

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ — (С. КРУГЛОВ)

ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 200, лл. 198—201. Копия.

9

8 июля
8650/к

Совершенно секретно
экз. № 3.

Товарищу СТАЛИНУ И. В.
Товарищу МОЛОТОВУ В. М.

С февраля 1946 года, после выступления на Нюрнбергском процессе генерал-фельдмаршал быв. германской армии ПАУЛЮС содержится на подмосковном объекте МВД СССР в Томилино. Вместе с ПАУЛЮСОМ содержатся демократически настроенные генералы: *Мюллер Винценц**, который представил разоблачающий материал для Нюрнбергского процесса по плану «Барбаросса» и является нашим агентом, и ШРАЙБЕР Вальтер, выступивший на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля от советского обвинения по вопросу подготовки немцами бактериологической войны против Советского Союза.

Весной этого года здоровье ПАУЛЮСА ухудшилось. Врачебной комиссией установлено, что причиной ухудшения здоровья ПАУЛЮСА является процесс активизации застарелого двухстороннего фиброзно-очагового туберкулеза. По заключению врачебной комиссии ПАУЛЮСУ по состоянию здоровья рекомендуется лечение в условиях Крыма.

Министерство внутренних дел имеет возможность перевести ПАУЛЮСА на полтора-два месяца на подготовленный на южном берегу Крыма в районе Верхней Ореанды объект, организованный на базе лагеря МВД для военнопленных, и считает целесообразным направить вместе с ПАУЛЮСОМ содер-

* О завербованных из числа военнопленных агентах знал узкий круг лиц, к которому машина не принадлежала. Поэтому фамилия и имя генерала Винценца Мюллера вписаны в докладную записку от руки.

жащихся с ним на подмосковном объекте военнопленных генералов *МЮЛЛЕРА* и *ШРАЙБЕРА*.

Прошу Вашего решения.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР (С. КРУГЛОВ)

ГА РФ, ф. Р. -9401, оп. 2, д. 170, л. 160. Копия.

10

7 июля 1948 г.
3276/к

Товарищу СТАЛИНУ И. В.
Товарищу МОЛОТОВУ В. М.
Товарищу БЕРИЯ Л. П.
Товарищу ЖДАНОВУ А. А.
Товарищу СУСЛОВУ М. А.

В связи с опубликованием в советской прессе заявления Министров иностранных дел восьми государств, принятого на совещании в Варшаве, среди военнопленных зафиксированы следующие высказывания:

Паулюс Фридрих, бывший фельдмаршал:

«Из Варшавского заявления, как и из постановлений Лондонской конференции, видна политика западных держав и политика русских. Экспансионистская политика западных государств ясна, они хотят превратить Германию в колонию. Основное для них — это оккупационный режим, при котором верховная власть будет принадлежать военной администрации. Все будет делаться только с ее разрешения.

Причина этой политики понятна — американские монополии вложили свои капиталы, они хотят получить их обратно. Вместе с тем военные власти создают себе базу для будущей агрессии.

Русские же хотят, чтобы власть была в руках народа, они настаивают на выполнении потсдамских решений, контроле над Руром с тем, чтобы нельзя было подготовить новую войну. Они хотят развития мирной промышленности, заключения мирного договора и создания правительства. Это выгодно для немецкого народа.

Я считаю возможным, что на Востоке будет создано правительство, но оно будет защищать интересы всего немецкого народа. Для этого у русских есть надежные люди. В экономическом отношении оно будет самостоятельно, а это самое надежное для создания лучших условий жизни. Возможно также, что русские откажутся тогда от части репатриаций.

Они ведут справедливую политику, и это приведет к тому, что восточная зона будет восстановлена скорее западной».

[...]

ГА РФ, ф. Р. -9401, оп. 2, д. 200, лл. 332–333. Копия.

16 июля 48 г.
№ 3721/к

Совершенно секретно
экз. № 5.

товарищу СТАЛИНУ И. В.
товарищу МОЛОТОВУ В. М.
товарищу БЕРИЯ Л. П.

МВД СССР представляет заявление на имя Советского Правительства, полученное от генерал-фельдмаршала бывшей германской армии ПАУЛЮСА Фридриха.

В своем заявлении ПАУЛЮС излагает развитие своих политических взглядов в период пребывания в плену, которое, как он указывает, привело его к пересмотру и критике прежнего мировоззрения и к новым прогрессивным взглядам на историю и события, связанные со второй мировой войной.

ПАУЛЮС указывает в своем заявлении, что в отношении проблем, касающихся Германии, он пришел к убеждению, что только создание единой демократической и миролюбивой Германии может быть основой для экономического и социального восстановления Германии и вкладом в дело установления мира в Европе. Основой для решения германского вопроса ПАУЛЮС считает Потсдамское соглашение.

В заключение ПАУЛЮС просит Советское Правительство рассмотреть вопрос о возможности его использования в восточной зоне Германии.

Докладываю на ваше решение.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР —(С. КРУГЛОВ)

Верно: подпись

Фридрих ПАУЛЮС
генерал-фельдмаршал
бывш. германской армии

Перевод с немецкого
29/VI-1948 года

СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ гор. Москва

Напряженность общего политического положения, центральной проблемой которого в настоящее время является вопрос о Германии, побуждает меня обратиться к Советскому Правительству с настоящим заявлением.

Прежде, чем обосновать этот шаг, я считаю необходимым остановиться на развитии моего мировоззрения за период моего пребывания в плену.

Я, Фридрих ПАУЛЮС, родился 23/IX-1889 г.; был генерал-фельдмаршалом немецкой армии, последнее время с 20/I-1942 до 31/I-1943 года, т. е. до дня пленения под Сталинградом, командовал 6-й армией.

Первое время моего пребывания в плену я находился в состоянии сильной депрессии в результате того, что я пережил под Сталинградом, и тревоги о том, как отразится эта катастрофа на военном положении Германии. По мере возвращения физических и духовных сил я начал продумывать пройденный путь. Я думал об ошибках, допущенных германским военным верховным командованием, и надеялся, что оно, наученное горьким опытом Сталинграда, в дальнейшем будет избегать таких ошибок и сумеет найти путь к скорейшему окончанию войны. Критика моя ограничивалась чисто военными мероприятиями Гитлера и его ближайших военных советников. До политической оценки всех связанных с войной обстоятельств и собственной ответственности каждого из нас я в то время еще не додумался.

В 1943 году стало все больше ухудшаться положение Германии на Восточном фронте. К тому же и союзники высадились в Италии. В этот период были созданы, — в июле 1943 г. Национальный Комитет «Свободная Германия», и затем, — в ноябре 1943 года «Союз немецких офицеров», целью которых было путем свержения Гитлера положить конец войне и тем самым спасти Германию от катастрофы.

Это намерение военнопленных, находясь в плену, вмешаться путем открытой пропаганды в дело ведения войны их страной, я отклонил и вот по каким причинам:

1. Ухудшение военного положения не может послужить основанием для того, чтобы поколебать единодушие армии и народа. Наоборот, именно в этот момент важно сохранение единодушия.

2. Будучи военнопленным, я не в состоянии охватить взглядом ни политического, ни военного положения Германии.

3. И наконец, я все еще находился под впечатлением лживой легенды об «ударе в спину» в 1918 г. Считая, что война не может быть уже выиграна, что главное состоит в том, чтобы выйти из войны на более или менее приемлемых условиях и, как солдат, осуждал намерения Национального Комитета, вредящие, как мне казалось, интересам германского народа.

Эта установка определяла и мое отношение к Национальному Комитету, хотя я не переставал анализировать обстановку и пересматривать свои убеждения.

В конце июля 1944 года я имел беседу с руководителями Национального Комитета.

После поражений в 1943 году и в начале 1944 года на Востоке и продвижения англичан и американцев в Италии безнадежное положение Германии, создавшееся в результате высадки союзников во Франции (6 июня 1944 г.) и уничтожения центральной группы армий (конец июня — начало июля 1944 года), — стало явным.

Кроме того, для меня имело решающее значение ознакомление, — хотя и ограниченное, со зверствами, совершенными по отношению к гражданскому населению восточных оккупационных районов и к русским военнопленным в прямой или косвенной связи с ведением войны.

И, наконец, события 20 июля 1944 года доказали мне, — благодаря участию известных генералов, — что и в Германии считают, что единственным выходом из войны является устранение Гитлера.

Благодаря этим фактам, отпали существенные препятствия и сомнения, которые до того момента определяли мое отношение к Национальному Комитету. Особенно ясно стало для меня положение в Германии и внутри армии после беседы с незадолго до этого попавшими в плен генералами из центральной группы армии.

Таким образом, я дошел до сознания, что дело уже не в том, чтобы закончить войну на приемлемых условиях, а в том, чтобы склонить силы, еще не окончательно связавшие себя с фашистским режимом, к прекращению войны, чтобы избежать ужасной заключительной катастрофы.

В результате я 8 августа 1944 года опубликовал воззвание, соответствовавшее тогдашнему положению в Германии, и заявил о своем присоединении к движению «Свободная Германия».

На мою долю, как на долю самого старшего по званию офицера в движении «Свободная Германия», выпадали особые задачи как, например, обращение с воззванием о капитуляции к курляндской группировке (в конце августа 1944 года), к немецким войскам в Румынии (в конце сентября 1944 года), выступление против Гимmlера в связи с мобилизацией «фольксштурма», что послужило непосредственным поводом к заключению моей семьи в концентрационный лагерь и, наконец, составленное мною «воззвание 50 генералов», явившееся последним настоятельным предупреждением непосредственно перед наступлением русских на Висле и в Восточной Пруссии, которое было началом окончательного разгрома.

Если даже движение «Свободная Германия», — в которое я внес этот незначительный и запоздалый вклад, — не дало таких результатов, каких от него ожидали, в интересах Германии и всех воюющих стран, то все же главные его идеи и принципы должны лечь в основу создания новой единой демократической Германии и ее вклада в дело сохранения всеобщего мира.

В процессе моей вышеописанной деятельности и в последующий период постепенно расширялось мое представление об обстоятельствах и событиях второй мировой войны. Это привело меня к пересмотру и критике всего моего прежнего мировоззрения, к новому прогрессивному взгляду на историю и заставило меня заняться изучением политических и экономических вопросов.

Я много думал также о сущности и человеколюбивых целях Советского Союза, о его политике мира, с одной стороны, и об ответственности, которую мы, немцы, возложили на свои плечи, совершив нападение на Советский Союз, — с другой.

Все эти размышления заставили меня поставить себя в распоряжение Советского Правительства в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе, что, конечно, не снимает с меня моей ответственности перед Советским Союзом.

Этот шаг был логическим следствием моего выступления против Гитлера в движении «Свободная Германия».

Свое участие в раскрытии всей преступной подоплеки войны, начатой Гитлером и его ближайшими советниками, отлично знавшими о его намерениях, я считал своим общечеловеческим долгом по отношению ко всем народам, которые подвергались нашему нападению, — особенно к Советскому Союзу, — а также и по отношению к немецкому народу. Ибо только тогда, когда немецкий народ признает несправедливость захватнической войны со всеми сопутствующими ей явлениями, — только тогда он сможет сделать выводы, которые помогут ему понять его теперешнее положение и найти путь к лучшему будущему.

После своего выступления на Нюрнбергском процессе я старался углубить свои знания путем изучения политических и экономических вопросов, анализируя политическую обстановку, внести полную ясность в свои личные взгляды.

В отношении проблем, касающихся моей родины, я пришел к убеждению, что только создание единой демократической миролюбивой Германии может послужить основой для экономического и социального восстановления Германии и вкладом в дело установления мира в Европе.

Основы для этого созданы, по моему мнению, Потсдамским соглашением. Проведенные в соответствии с ним мероприятия в советской зоне (денацификация и демократизация, роспуск промышленных и финансовых монополий, земельная реформа) я считаю принципиально правильными и нахожу, что их проведения следует требовать и в западных зонах.

Германия сейчас находится в таком тяжелом положении, что она без посторонней помощи не может обеспечить население питанием. Советское Правительство, оказывая экономическую и продовольственную помощь восточной зоне, учитывает это положение, но не связывает с ним никаких политических и экономических требований.

Иначе обстоит дело с включением Западной Германии в «план Маршалла». Несомненно, Западная Германия нуждается в поставке продовольствия и в займе. Если это будет сделано на нормальных экономических условиях, если будет сохранено, вернее, восстановлено единство Германии, то немецкий народ сможет, благодаря трудолюбию и творческим способностям своих трудящихся, не только выполнить свои ответные обязательства, но и уплатить репарации в ближайшее время в приемлемых пределах. Это возможно лишь в том случае, если немецким трудящимся снова будет создана основа для достойной человека жизни.

Но на Западе, видимо, злоупотребляют сейчас трудностями Германии в политических целях и в целях извлечения выгоды для западного монополистического капитала.

Проводимые сейчас мероприятия по расколу Германии ни к чему хорошему не приведут. Восточная и западная части Германии нуждаются во взаимной поддержке, они экономически тесно связаны между собой. Жизнеспособной может быть только единая Германия. Нельзя, не рискуя самыми тяжелыми последствиями, произвольно, по приказу извне расколоть герман-

скую экономику, как нельзя в 20-м столетии расколоть народ со старой культурой против его воли.

Поэтому так важно, чтобы немецкий народ, несмотря на все существующие препятствия, мог твердо выразить свою волю за единство и справедливый мир. Пренебрегать этим долгое время мир не сможет.

Единая демократическая Германия является также лучшей гарантией мира в Европе, так как она лишает империалистический лагерь главной базы в Европе, без которой империалистические устремления не могут иметь перспектив на успех.

Раскол Германии даст шовинистическим силам новый толчок, при чем вопрос о границах будет использован с особой остротой. Как бы ни было тяжело и чувствительно для каждого немца установление новой восточной границы, этот вопрос ни в коем случае не должен стать поводом для шовинистической травмы. Напротив, необходимо дожидаться, когда, в результате мирного демократического развития в Германии и установления хороших отношений с соседними государствами, назреет время для разумного и отвечающего немецким интересам урегулирования вопроса.

Исходя из современной политической обстановки, нельзя предвидеть, когда стремление к единству Германии увенчается успехом. Наряду с неустанной борьбой за единство Германии должна развернуться интенсивная работа в восточной зоне для того, чтобы на основе уже созданных демократических институтов в кратчайший срок добиться подъема германской экономики и тем самым возможно скорее снова обеспечить трудящимся заслуженный ими жизненный уровень.

Ввиду такого положения на моей родине, я считаю, что моя работа в восточной зоне — независимо от должности, — могла бы быть полезной.

В связи с этим я также хотел бы кратко описать свое семейное положение. Моей жене 59 лет, она живет в Баден-Бадене. Моей дочери 34 года, она вдова и имеет 6-ти летнего сына. Она тоже живет в Баден-Бадене и работает конторщицей. Мой сын, в возрасте 30 лет, женат и имеет двоих детей. Он окончил высшее коммерческое училище и работает сейчас на фабрике отопительных приборов, принадлежащей его тестю, в Рейнской области. Если я буду жить в восточной зоне, я уверен, что моя жена приедет туда, и мы будем жить вместе.

Ввиду изложенного положения вещей я прошу Советское Правительство рассмотреть вопрос о возможности моего использования в восточной зоне при восстановлении Германии.

ПАУЛИУС

генерал-фельдмаршал
бывш. германской армии

Перевели: Веденьева

Кикнадзе

ВЕРНО: Майор (Ипатов)

ГА РФ, ф. Р. -9401, оп. 2, д. 200, лл. 373—377. Копия.

24 декабря 49
5814/к

Секретно
экз. № 2

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

Представляю полученное на Ваше имя поздравительное письмо от военнопленных бывшей германской армии фельдмаршала ПАУЛЮСА и генерал-лейтенанта БАМЛЕРА, содержащихся на специальном объекте МВД СССР.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР — (С. КРУГЛОВ)

Верно: подпись.

20 декабря 1949 года

Перевод с немецкого

ГОСПОДИН ГЕНЕРАЛИССИМУС!

Миллионы миролюбивых, прогрессивных людей во всем мире объединяются в эти дни с народами Советского Союза, чтобы, в связи с Вашим семидесятилетием, пожелать Вам доброго здоровья и дальнейших успехов в Вашей великой работе на пользу мира.

Разрешите и нам, в прошлом ворвавшимся в слепом послушании в качестве врагов в Вашу страну, высказать Вам сегодня наши искренние поздравления как великодушному другу немецкого народа.

Путь от Сталинграда до этого поздравления был для нас нелегок. Тем более Вы можете быть уверены, что и мы, после возвращения на родину, приложим все наши силы, чтобы путем укрепления германо-советской дружбы помочь достижению Вашей великой цели — мира для всего человечества.

Фридрих ПАУЛЮС
генерал-фельдмаршал бывшей германской армии
Рольф БАМЛЕР
генерал-лейтенант бывшей германской армии
ВЕРНО: Майор (Ипатов)

ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 236, лл. 322–323. Копия.

Совершенно секретно
экз. № 9

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

По постановлению Совета Министров СССР за № 1108-396 сс от 17 марта 1950 года должна быть репатриирована последняя группа военнопленных

бывшей германской армии. Вопрос о репатриации бывшего главнокомандующего 6-й немецкой армией генерал-фельдмаршала ПАУЛЮСА был отложен до особого решения. В связи с этим МИД СССР и МВД СССР считают возможным в настоящее время решить вопрос и о ПАУЛЮСЕ.

После взятия в плен ПАУЛЮС в августе 1944 года примкнул к «Союзу немецких офицеров» и выступил с рядом антигитлеровских воззваний к немецкому народу и к немецким группировкам войск в Курляндии, Румынии, на Висле и в Восточной Пруссии. Вследствие этих выступлений семья Паулюса в ноябре 1944 года была арестована и содержалась в тюрьмах и концентрационных лагерях до капитуляции Германии.

Во время процесса в Нюрнберге ПАУЛЮС дал показания, разоблачающие главных немецких военных преступников, и выступал в Нюрнберге в качестве свидетеля советского обвинения на Международном Военном Трибунале.

По возвращении из Нюрнберга, Паулюс, по просьбе Генерального штаба Вооруженных сил СССР, разработал несколько военно-исторических тем, относящихся к Великой Отечественной войне, в освещении которых был заинтересован наш Генеральный штаб.

В своих заявлениях, в связи с возможной репатриацией, ПАУЛЮС выразил желание поселиться и работать в Германской демократической республике.

Тов. Чуйков считает возможным репатриацию ПАУЛЮСА из СССР в советскую зону Германии. Семьи у Паулюса нет. Жена его умерла в ноябре 1949 года, дочь проживает во французской зоне оккупации, а сын, бывший капитан германской армии, проживает со своей семьей в английской зоне.

МИД СССР и МВД СССР считали бы возможным репатриировать ПАУЛЮСА в советскую зону Германии, направив его в один из провинциальных городов и поручив МГБ СССР установить за ним соответствующее наблюдение.

Проект распоряжения Совета Министров представляем.

Просим Вашего решения.

Министр иностранных
ДЕЛ СОЮЗА ССР
А. ВЫШИНСКИЙ

Министр внутренних
ДЕЛ СОЮЗА ССР
С. КРУГЛОВ

«29» марта 1950 года

Верно: А. Ипатов

Совершенно секретно

РАСПОРЯЖЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

Москва, Кремль

« » марта 1950 года № _____

О репатриации генерал-фельдмаршала бывшей германской армии Фридриха ПАУЛЮСА.

1. Разрешить МВД СССР (тов. Круглову) репатриировать генерал-фельдмаршала бывшей германской армии Фридриха ПАУЛЮСА.

2. Обязать Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации (тов. Голикова) принять от МВД СССР Фридриха ПАУЛЮСА и направить его в распоряжение Председателя Советской контрольной Комиссии в Германии генерала армии ЧУЙКОВА для использования на работе в одном из провинциальных городов Германской демократической республики.

3. Обязать МГБ СССР (тов. Абакумова) установить за ПАУЛЮСОМ в Германии соответствующее наблюдение.

ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 269, лл. 268-269. Копия.

14

29 февраля 52
1507 с/к

Секретно
экз. № 5.

Товарищу СТАЛИНУ И. В.
Товарищу МОЛОТОВУ В. М.
Товарищу МАЛЕНКОВУ Г. М.
Товарищу БЕРИЯ Л. П.

Министерство внутренних дел СССР докладывает, что в ночь на 26 февраля 1952 года у содержащегося на специальном объекте под Москвой военнопленного бывшего фельдмаршала германской армии ПАУЛЮСА Фридриха вследствие обострения расстройства нервной системы произошел обморок с кратковременной потерей сознания. На месте ПАУЛЮСУ была оказана необходимая медицинская помощь.

27 февраля с. г. ПАУЛЮС был осмотрен квалифицированными врачами поликлиники МВД СССР, которые констатировали, что у ПАУЛЮСА в связи с возрастным атеросклерозом произошел спазм мозговых сосудов с кратковременной потерей сознания без нарушения функций со стороны органов.

ПАУЛЮСУ назначены медикаментозное лечение и комнатный режим в течение семи дней, а затем рентгеноскопия грудной клетки, электрокардиография, исследование глазного дна и консультация опытного невропатолога.

ПАУЛЮС содержится на положении военнопленного генерала. Питанием обеспечивается вполне удовлетворительно. Вместе с ПАУЛЮСОМ проживают и обслуживают его личный ординарец военнопленный солдат ШУЛЬТЭ, а также личный повар военнопленный ЖОРЖ.

Состояние здоровья ПАУЛЮСА до сих пор было удовлетворительным, однако вследствие длительного пребывания в плену и неизвестности разрешения вопроса о его репатриации в последнее время он стал проявлять нервное беспокойство.

Со своей стороны считал бы целесообразным рассмотреть вопрос о возможности репатриации ПАУЛЮСА в Германскую Демократическую республику.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (С. КРУГЛОВ)

ГА РФ, ф. Р. -9401, оп. 2, д. 337, л. 26. Копия.

15

ЗАЯВЛЕНИЕ ПАУЛЮСА СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

В связи с репатриацией немецких военнопленных из СССР репатрирован также генерал-фельдмаршал Паулюс, который по прибытии в Германию остался на постоянное жительство в Германской Демократической Республике. Перед своим отъездом из Советского Союза Паулюс передал на имя Правительства СССР следующее заявление:

«Советскому Правительству.

Возвращаясь из плена на родину, в связи с освобождением немецких военнопленных согласно совместному коммюнике Советского правительства и Правительственной делегации Германской Демократической Республики от 23 августа 1953 года, я хотел бы, прежде чем я покину Советский Союз, сделать следующее заявление.

Великодушное решение Советского правительства от 23 августа с. г. по вопросу о военнопленных служит новым доказательством того, что Советское правительство в своей политике по отношению к Германии не руководствуется чувством мести за те бесчисленные страдания, которые мы причинили советскому народу в результате развязанной нами войны. Напротив, оно своей мирной политикой, которая вновь нашла свое выражение в вышеупомянутом решении, облегчает всему германскому народу движение по мирному пути к единству Германии и тем самым к счастливому будущему.

Командуя германскими войсками в битве под Сталинградом, решившей судьбу моей родины, я до конца познал все ужасы агрессивной войны, которые испытали не только подвергшийся нашему нападению советский народ, но и мои собственные солдаты. Мой собственный опыт, а также исход всей 2-й мировой войны убедили меня в том, что судьбу германского народа нельзя строить на базе идеи господства, а только лишь на базе длительной дружбы с Советским Союзом и со всеми другими миролюбивыми народами. Поэтому мне кажется, что заключенные на Западе военные договоры, в основе которых лежит идея господства, не являются подходящим средством для мирного восстановления единства Германии и обеспечения мира в Европе. Более того, эти договоры только лишь усугубляют опасность, которую несет с собой раскол Германии, и затягивают этот раскол. Я убежден в том, что единственно реальным путем к достижению мирного воссоединения Германии и мира в Европе является согла-

шение между самими немцами и заключение мирного договора на основе Советской ноты Западным державам по германскому вопросу от 15 августа с. г.

Поэтому я решил по возвращении на родину приложить все свои силы к тому, чтобы содействовать достижению священной цели — мирному воссоединению Демократической Германии и дружбе германского народа с советским народом, а также со всеми миролюбивыми народами.

Прежде чем я покину Советский Союз, я хотел бы сказать советским людям, что некогда я пришел в их страну в слепом послушании как враг, теперь же я покидаю эту страну как ее друг.

24 октября 1953 года

Фридрих Паулюс
генерал-фельдмаршал бывш. германской армии». (ТАСС).

«Правда», 1953, 1 ноября.

Жизнь и смерть генерала Вейдлинга в советском плену

Родился в 1891 году в г. Хальберштадте в семье врача. Образование среднее: закончил гимназию и школу юнкеров. Кадровый офицер. В войну с Советским Союзом вступил в должности начальника артиллерии 40-го танкового корпуса. Накануне пленения 2 мая 1945 года — командующий обороной Берлина. Награжден «Рыцарским крестом с дубовой ветвью». Семейное положение: жена Вейдлинг Маргарита, сын Ганц 1925 г. р. (в советском плену), дочь Гизель 1931 г. р. Осужден 27 февраля 1952 года к лишению свободы сроком на 25 лет. Умер 27 ноября 1955 года.

(Из подучетного дела военнопленного бывшей германской армии генерала артиллерии Гельмута Вейдлинга).

В 1961 году «Военно-исторический журнал» опубликовал «Записки коменданта Берлина генерала Вейдлинга о последних днях третьей империи». Советские историки и авторы мемуаров о войне охотно использовали эти «Записки» с понятной целью — нарисовать яркую картину разложившегося и поверженного нацистского рейха. Однако никто из них ни разу не обмолвился о том, а как же сложилась судьба последнего командующего обороной Берлина в русском плену. Между тем у него, как и у каждого из нас, была семья. Его ждали на родине, ждали и надеялись на возвращение...

23 апреля 1945 года, когда отсчитывались последние дни фашистской империи, командир 56-го танкового корпуса генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг получил ошеломляющее известие. За то, что он, якобы, перенес свой командный пункт с передовой позиции в Дебериц (западнее Берлина), Гитлер потребовал его расстрелять. Правда, через несколько часов в имперской канцелярии признали, что произошло досадное «недоразумение». Еще через полчаса Вейдлинга приглашают к фюреру в бункер, а на следующий

день, 24 апреля 1945 года, назначают командующим обороной Берлина.

Финал служебной карьеры нового избранника на роль защитника германской столицы хорошо известен. 2 мая в 6 часов утра Вейдлинг вместе с сопровождавшими его офицерами сдался в плен гвардейцам 47-й стрелковой дивизии. В штабе 8-й гвардейской армии генерал-полковника В. И. Чуйкова он согласился отдать приказ войскам Берлинского гарнизона следующего содержания:

30.4.45 г. фюрер покончил жизнь самоубийством и тем самым бросил нас, тех, кто клялся ему в верности, на произвол судьбы.

По приказу фюрера вы считаете себя обязанными бороться за Берлин, хотя налицо нехватка тяжелых орудий, боеприпасов и общее положение позволяет сделать вывод о бессмысленности этой борьбы.

Каждый час, в который вы продолжаете борьбу, продлевает ужасные страдания гражданского населения Берлина и наших раненых. Каждый, кто приносит себя в жертву в борьбе за Берлин, гибнет бессмысленно. По согласованию с главным командованием советских войск я призываю вас безотлагательно прекратить сопротивление¹⁹.

В тот же день Вейдлинг был доставлен в штаб 1-го Белорусского фронта, где и состоялся обстоятельный допрос. 5 мая маршал Г. К. Жуков и генерал-лейтенант К. Ф. Телегин направили Сталину выдержки из показаний военнопленного. На вопрос, не является ли самоубийство Гитлера инсценировкой, генерал ответил отрицательно. Однако ни показания Вейдлинга, ни других лиц из ближайшего окружения фюрера не рассеяли подозрений советского вождя. Сообщение германского радио о смерти Гитлера ТАСС прокомментировало как «фашистский трюк», позволяющий главному военному преступнику «сойти со сцены и перейти на нелегальное положение»²⁰.

Примерно в эти же дни произошел один весьма любопытный эпизод. Вейдлинга неожиданно посадили в машину и повезли по районам Берлина, которые контролировали советские войска. Недоумение испарилось, когда застрекотали кинокамеры — операторы спешили снять исторические кадры еще не состоявшейся капитуляции противника.

9 мая из Штраусберга в Москву была доставлена группа пленных, насчитывающая 12 человек. Помимо Вейдлинга в Бутырскую тюрьму препроводили адъютанта фюрера Отто Гюнше, начальника личной охраны Гитлера группенфюрера СС Ганса Раттенхубера, командира боевой группы СС по охране правительственных кварталов Берлина бригаденфюрера СС Вильгельма Монке и других свидетелей последних дней жизни нацистского фюрера²¹. Всех

высокопоставленных военнопленных получило в свое распоряжение Разведуправление Генштаба, временно потеснив всемогущий «СМЕРШ». Именно офицерам из следственного отдела ГРУ во главе с полковником В. В. Ивановым²² было поручено отрабатывать версию Сталина об «исчезновении» Гитлера.

В Бутырской тюрьме у Вейдлинга первым делом изъяли солдатскую книжку, бумажник, фотокарточки близких и личную переписку. Затем начались интенсивные допросы. Только в мае начальник тюрьмы полковник А. Л. Пустынский²³ получает извещение о вызове заключенного камеры № 89 на допрос семь, в июне — восемь раз. Впрочем, каковы бы ни были результаты допросов Вейдлинга, Гюнше, Раттенхубера и других интересующих следствие лиц, они никоим образом не могли повлиять на официальную версию ТАСС о судьбе Гитлера. В конце мая Сталин в беседе с представителем американского президента Гарри Гопкинсом продолжает настаивать на своем — нацистский фюрер благополучно скрылся. Через несколько дней маршал Жуков на пресс-конференции для иностранных журналистов, отвечая на вопрос корреспондента газеты «Санди Таймс» Александра Верта прибегает к откровенной лжи: «Опознанного труп Гитлера мы не нашли. В самую последнюю минуту он мог улететь из Берлина, так как взлетные дорожки позволяли это сделать»²⁴. В конечном итоге дело приняло чуть ли не смехотворный оборот: в газетах появилось сообщение с намеком на то, что нацистский фюрер якобы исчез не без помощи англичан.

Допросы Вейдлинга, правда, вскоре прекратились, а 28 декабря 1945 года ГРУ передает его Главному управлению контрразведки «СМЕРШ». Как раз в эти дни в Нюрнберге набирал силу процесс над главными военными преступниками. Помимо прочих документов обвинительного характера, советская сторона представила суду протоколы допросов нескольких немецких генералов. Не исключено, что в какой-то момент могли понадобиться и показания Гельмута Вейдлинга.

Во внутренней тюрьме НКГБ на Лубянке у генерала явно не сложились отношения со старшим по 4-му корпусу. Старший сержант Д. Т. Белов в рапорте на имя начальника тюрьмы полковника А. Н. Миронова²⁵ обвиняет Вейдлинга в рукоприкладстве (ударил по руке надзирателя в ответ на команду «стать в угол»), «звирином взгляде», «бормотании по немецки». В другой раз Белову не понравилось, как вел себя заключенный во время обыска: «вульгарно громко кричал», «вырывал из рук полотенце, другие вещи»²⁶.

Так или иначе, но с представителями тюремной администрации Вейдлинг ведет себя подчеркнуто вежливо. Жалобы на неудобства

арестантского быта сопровождает деликатными просьбами о выдаче спичек («на нашем этаже плохо обстоит дело с прикуриванием»), починке ботинок в преддверий холодов и т. п. Впрочем, раздосадованный тем, что все его просьбы, как правило, остаются без ответа, не выдерживает и направляет в адрес Миронова собственноручное послание: «Начальник! Уже 22 ноябрь нет иголка! Мой носки весьма дрань! Я прошу давать иголку и нитку — шерсть за штопать!»²⁷

Именно в эти ноябрьские дни начинается новая серия допросов. Визиты к следователю сопровождаются перемещением заключенного из камеры в камеру. Бурная активность «компетентных органов» объясняется просто. 10 сентября 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление за № 3209-1046 сс о проведении судебных процессов над военными преступниками. Как следует из доклада Председателя Верховного Суда Н. М. Рычкова, Генерального прокурора К. П. Горшенкина и министра внутренних дел С. Н. Круглова «товарищу Молотову В. М.», к концу ноября дела на 548 обвиняемых были готовы к рассмотрению в закрытых заседаниях военных трибуналов²⁸. Осудили, однако, больше — 876 человек. И еще 137 военнопленных, в том числе 23 генерала, судили публично в городах Витебске, Новгороде, Бобруйске, Гомеле, Чернигове, Полтаве, Сталино и Кишиневе²⁹. Генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг на этот раз в подготовленный на утверждение в высшую инстанцию «список военных преступников» не попал.

Год 1948-й не принес арестанту с Лубянки особых потрясений. И все же томительная неизвестность о личной судьбе, запрет на переписку с родными и близкими, суровый тюремный быт давали о себе знать. Стараясь побороть чрезмерную раздражительность, Вейдлинг потихоньку изучает русский язык, обзаводится несколькими книгами. Вечера, с разрешения начальства, коротает с сокамерником за игрой в шахматы. Инцидент с тюремной обслугой, способный повлечь ужесточение тюремного режима, произошел в канун рождественских праздников.

Пер. с немецкого

Вейдлинг
камера 42

Москва 27.12.48 г.

Господин полковник!

Ставлю Вас в известность о следующем инциденте. В воскресенье 26.12. примерно в 20 часов, в камеру вошли три тюремных вахтера и заявили, что они должны произвести обыск.

Обыск начался, причем в такой форме, в какой мне до сих пор еще не приходилось его видеть. Во-первых, безо всякой видимой причины были опрокинуты фигуры игры — я и мой товарищ по камере как раз играли в шахматы. Затем все было перевернуто так, что спустя несколько минут камеру уже нельзя было узнать.

Против изъятия туалетной бумаги, выданной нам тюремной администрацией, был заявлен протест. Эта бумага скопилась благодаря тому, что мой товарищ по камере из-за геморроя неделями не мог пользоваться бумагой. В настоящее время бумага постоянно расходуется, так как нам иногда не выдают ее в течение нескольких дней.

Далее были изъяты, изготовленные из хлеба и использованных спичек маленькие «грабли». Так как в окнах камеры имеются щели, то необходимо было их заткнуть полосками бумаги или материи, чтобы в камеру не проникал холод. Несмотря на большую осторожность, эти полоски время от времени при открытии форточки падают между окон.

А так как вследствие недостатка материала эти полоски представляют ценность, я изготовил «грабли», чтобы с помощью их, — рука слишком коротка — доставать с подоконника эти полоски.

Когда один из вахтеров по своей неосторожности уронил полученный от господ комиссаров энциклопедический словарь, я очень разволновался и потребовал, чтобы вызвали офицера. На мои настоятельные просьбы мне лишь отвечали: «Спокойно, спокойно!» Затем все три вахтера покинули камеру. Так как они не обращали внимания на мои просьбы, я очень возбужденно, а поэтому громко крикнул им, что я желаю говорить со старшим или дежурным.

За дверь камеры я слышал только тихий разговор. Старший не появлялся. Тогда я начал стучать в дверь. На стук двери распахнулись. Под руководством старшего три вахтера набросились на меня, заломили мне руки за спину и потащили меня, как тяжелого преступника, на два этажа выше, в бокс, который расположен напротив служебной комнаты тюремной администрации.

Вошедший вскоре офицер, вероятно, не понял изложенную ему на немецком языке жалобу относительно подобного рода обращения — мои руки так были заломлены за спину, что и сегодня еще болят, — а поэтому я должен повторить Вам мои жалобы и просить взять меня в будущем под защиту от подобных телесных наказаний.

Из разговора офицера я понял, что изготовление подобных «граблей» не разрешается и что туалетную бумагу нам вернут.

После этого меня освободили из бокса. Туалетная бумага была тотчас же возвращена.

Три года я подвергаюсь этим камерным обыскам. И ни разу еще обыск не производился без присутствия офицера, ни разу это не имело место в воскресенье.

Особенно резким это представляется и потому, что такой обыск производился после 8-ми месячного перерыва, и в предпраздничный день, который нам, немцам (на религиозной основе), дороже всех других, в воскресный день рождест-

ва, когда все наши мысли заняты неизвестной судьбой наших родственников и близких.

Как раз поведение этого старшего охраны в данном случае меня не удивляет, так как оно соответствует его общему отношению к нам.

Вейдлинг

Перевел: переводчик следчасти по особо важным делам МГБ СССР лейтенант Соловьев³⁰.

В апреле 1949 года Вейдлинга переводят в Лефортовскую тюрьму. И хотя он уже притерпелся к арестантскому быту, ему не в новинку камера, обыски, грубость надзирателей и русский мат — нервы генерала сдают все чаще и чаще. Старшина Анохин жалуется: «Гельмут Вейдлинг и Адольф Беккер отказались вынуть руки из карманов, нарушили тюремный режим, обозвали меня сволочью». На заявлении старшины начальник тюрьмы подполковник Ионов накладывает резолюцию: «Лишить прогулки на 10 суток»³¹.

Подозрения Вейдлинга, что перевод в Лефортово — место для подследственных в чинах и погонах — ничего хорошего не сулит, были не напрасны. В судьбе нескольких тысяч немецких военнопленных намечался крутой поворот. Так называемые междуведомственные комиссии из представителей министерств госбезопасности, внутренних дел, юстиции и прокуратуры в срочном порядке рассматривают списки на предание пленных суду военного трибунала. 5 марта 1950 года министр иностранных дел Вышинский и министр внутренних дел Крутов представили Сталину проект постановления Совета Министров СССР, согласно которому от репатриации по различным причинам отстранялось 136 немецких генералов. К проекту прилагалось несколько списков. В один из них, носивший название «Генералы, служившие в карательных, разведывательных и полицейских органах и войсках СС», был внесен и генерал артиллерии Вейдлинг³².

Появление фамилии армейского командира, хотя и в высоком чине, в упомянутом списке, вообще-то нонсенс. Ни в войсках СС, ни тем более в разведывательных, карательных и полицейских органах, Вейдлинг службу не проходил. Однако «мелочи» подобного рода в расчет, как правило, не принимались. В августе 1951 года генерала ознакомили с постановлением «Об избрании меры пресечения». Необходимость заключения Вейдлинга под стражу мотивировалась так: «...Находясь на свободе, может уклониться от следствия и суда»³³. Если для офицеров следственного аппарата подпись обвиняемого под стандартной формулировкой была при-

вычной и пустой формальностью, то Вейдлинг, конечно же, имел полное право считать навязанную ему процедуру самой настоящей издевкой. Как будто бы прошедшие со дня плена шесть долгих лет генерал провел не за решеткой, а в беззаботных прогулках по улицам и площадям Москвы.

В декабре 1951 года дело за № 5125 направляется в военный трибунал войск МГБ Московского округа, а сам Вейдлинг конвоируется в уже знакомую ему Бутырскую тюрьму. В начале февраля 1952 года в судебную инстанцию уходит вежливое напоминание: «...Извещение о назначении дела к слушанию в тюрьму до сего времени не поступило. Просим принять меры и ускорить рассмотрение дела заключенного Вейдлинга, так как он под стражей содержится с нарушением норм УПК РСФСР»³⁴.

27 февраля 1952 года бывший командующий обороной Берлина генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг предстал перед судом военного трибунала. Морально сломленный, без погон, орденов и медалей, он, судя по всему, плохо воспринимал окружающее. Суд проходил при закрытых дверях, не было, разумеется, ни свидетелей, ни защитника. Приговор был оглашен в тот же день.

СЕКРЕТНО.
экз. № _____

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

1952 года февраля 27 дня гор. Москва

Военный трибунал Московского Округа в закрытом судебном заседании, в помещении военного трибунала, в составе: председательствующего генерал-майора юстиции ГОРЯЧЕВА и членов: подполковника ДЕНИСОВА и инженер-подполковника НАРЫШКИНА, при секретаре младшем лейтенанте юстиции БУРОБИНЕ, с участием переводчика немецкого языка СТЕСНОВОЙ, рассмотрев дело по обвинению военнопленного, военнослужащего бывш. германской армии —

ВЕЙДЛИНГ Гельмута, рождения 1891 года, уроженца гор. Хальберштадт (Германия), по национальности немца, подданного Германии, с общим средним образованием, воинское звание генерал артиллерии, перед капитуляцией являвшийся командующим обороной Берлина — в преступлениях, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года и ст. 2, §1, п. п. «А», «Б», «С» закона № 10 контрольного Совета в Германии,—

Судебным следствием Военный трибунал

УСТАНОВИЛ:

Являясь кадровым офицером с 1912 года бывшей германской армии Вейдлинг разделял фашистские «теории» Гитлера и с приходом последнего к власти в Германии стал горячим его сторонником, вследствие чего быстро продвигался по военной службе и активно участвовал в агрессивных войнах, проводившихся гитлеровским правительством с нарушением международных договоров и соглашений против Польши, Голландии, Бельгии, Франции, Греции и Югославии, а со дня вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз находился на Советской территории в составе германских войск на ответственных командных должностях.

Так, перейдя границу на советскую территорию в августе месяце 1941 года в должности начальника артиллерии 40 танкового корпуса, Вейдлинг вскоре был назначен командиром 86 пехотной дивизии, а затем командиром 41 танкового корпуса б. германской армии. Пользуясь особым доверием Гитлера, в апреле месяце 1945 года Вейдлинг был назначен командующим обороной г. Берлина.

Во все время нахождения на советской территории подчиненные Вейдлингу войска чинили злодеяния и зверства над советскими гражданами, над военнопленными и производили не вызывавшееся военной необходимостью варварское разрушение городов и деревень, а также расстреливали политработников советской армии, попавших в плен, и советских партизан.

Вейдлинг лично издавал приказы по вверенным ему войскам о создании «зон пустыни» на территории, которую оставляли его войска в связи с отступлением под натиском советских армий. Эти приказы подчиненные ему войска выполняли, взрывали и сжигали все постройки, а мирных советских граждан угоняли на запад, неподчинявшихся — расстреливали.

ВЕЙДЛИНГ являлся инициатором создания специальных команд, так называемой: «истребительной команды против партизан», которые зверски расправлялись с попавшими в плен партизанами. ВЕЙДЛИНГ также являлся участником зверского истребления мирных советских граждан путем заражения сыпным тифом в специальных «лагерях смерти», около местечка Озаричи Полесской области.

В этих лагерях погибло большое количество советских граждан, больше половины которых составляли дети.

В совершении вышеуказанных преступлений ВЕЙДЛИНГ на суде признал себя виновным, объяснив, что совершил их под влиянием фашистско-гитлеровской пропаганды.

Таким образом Вейдлинг виновен в совершении убийств и насилий над советскими гражданами и военнопленными, в совершении преступлений против мира, против человечности, а также в нарушении законов и обычаев войны, т. е. в совершении военных преступлений, что предусмотрено ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года и ст. 2, § 1 п. п. а, б, с закона № 10 контрольного Совета в Германии.

На основании вышеизложенного и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР Военный трибунал

ПРИГОВОРИЛ:

ВЕЙДЛИНГ Гельмута по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком на двадцать пять (25) лет.

Его же на основании ст. 2, §1 п.п. а, б, с, закона № 10 контрольного Совета в Германии на (25) двадцать пять лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. По совокупности, в соответствии со ст. 49 УК РСФСР, окончательную меру наказания определить по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года заключение в исправительно-трудовых лагерях сроком на двадцать пять (25) лет. Зачесть предварительное до суда заключение с 2 мая 1945 года, с какового срока и считать начало отбывтия наказания.

Приговор на основании ст. 400 УПК может быть обжалован в кассационном порядке в Военную Коллегию Верховного суда СССР, через Военный трибунал, вынесший настоящий приговор, в 72-х часовой срок с момента вручения копии приговора осужденному.

ПОДЛИННЫЙ ЗА НАДЛЕЖАЩИМИ ПОДПИСЯМИ.

Верно: председательствующий генерал-майор юстиции (Горячев)³⁵

Несколько слов о справедливости предъявленных Вейдлингу обвинений. Отнести строевого генерала к числу лиц, занимавшихся подготовкой и развязыванием войны против СССР — ст. 2, §1 п. «А», можно с очень большой натяжкой. Скорее под этот пункт подпадает фельдмаршал фон Паулюс — один из разработчиков плана «Барбаросса». В эпизоде с намеренным заражением мирных граждан сыпным тифом суд, похоже, опирался на сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии от 30 апреля 1944 года, в котором речь идет о генерал-лейтенанте... Вейдмане³⁶. К тому же, акты ЧГК, как ныне выясняется, далеко не всегда отличались точностью фактов и достоверностью свидетельских показаний. Возникают и другие вопросы. Почему о преступлениях Вейдлинга вспомнили только через семь лет? На каком основании содержали не в лагере военнопленных, а в тюрьме? Крайне сомнительно безоговорочное признание генералом своей вины. Зачем в таком случае он подает жалобу на необоснованность вынесенного приговора?

Вообще «компетентные органы» ведут себя довольно загадочно. Через несколько дней после скорого суда санчасть Бутырской тюрьмы выдает справку, согласно которой генерал Вейдлинг может использоваться на легких работах. 29 марта 1952 года заместитель начальника 2-го Главного управления МГБ полковник А. А. Новик подписывает заключение о направлении Вейдлинга в лагерь, но не

в исправительно-трудовой, а особый. Однако даже такое решение «наверху» кого-то не устраивает. Можно догадываться почему — контакты Гельмута Вейдлинга с массой других заключенных признаны нежелательными. В итоге Военная коллегия Верховного суда СССР принимает соответствующее решение³⁷.

Сов. секретно

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 2-0871/52

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

В составе: Председательствующего генерал-лейтенанта юстиции ЧЕПЦОВА
членов: генерал-майора юстиции ДМИТРИЕВА и генерал-майора юстиции ЗАРЯНОВА

рассмотрев в заседании от 19 апреля 1952 г. в порядке ст. 461 УПК РСФСР дело ВЕЙДЛИНГА Гельмута, осужденного 27 февраля 1952 года по приговору военного трибунала Московского округа за преступлен., предусм. ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года и ст. 2 §1 п.п. «а», «б», «с» Закона № 10 Контрольного Совета в Германии, к заключению в ИТЛ сроком на 25 лет.

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 29 марта 1952 года приговор в отношении ВЕЙДЛИНГА Г. оставлен в силе, заслушав доклад тов. ЗАРЯНОВА и имея в виду, что осужденный ВЕЙДЛИНГ Гельмут является особо опасным преступником, требующим строгой изоляции его от общества,

ОПРЕДЕЛИЛА:

на основании статьи 461 УПК РСФСР и примечания к статье 20 УК РСФСР внести в приговор военного трибунала Московского округа от 27 февраля 1952 года и в определение Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 29 марта 1952 года изменение и считать, что осужденный ВЕЙДЛИНГ Гельмут должен отбывать наказание не в исправительно-трудовых лагерях, как это указано в приговоре военного трибунала, а в тюремном заключении.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Начальник 2 Отделения Военной Коллегии
майор адмслужбы /Данилевич/.

Владимирская особая тюрьма МВД, куда препроводили генерала, славилась своей закрытостью, холодными стенами с замурованными окнами, почти полным отсутствием контактов заключенных

друг с другом и хорошей библиотекой. Генералу, впрочем, было не до чтения. Если раньше следователь, удовлетворенный поведением своего подопечного, мог отдать распоряжение о переводе арестанта на повышенную норму питания «Б» с выдачей папирос, то во Владимирской тюрьме все обстояло иначе. Не пробыв здесь и трех месяцев, Вейдлинг просит «ввиду недостатка в питании реализовать со склада свое золотое кольцо», чтобы на вырученные деньги прикупить кое-какие продукты. Позднее, преследуя ту же цель, пишет заявление о продаже кожаного пальто*.

Все эти просьбы, исполнение которых шло вразрез с существовавшими инструкциями, остались без ответа. Правда, когда заключенный потребовал вернуть ему часы, подчеркнув, что в «приговоре о конфискации имущества ни слова не было», бюрократическая машина пенитенциарной системы неожиданно заработала. Последовал запрос в Москву, но из Бутырской тюрьмы сообщили: никаких часов за Вейдлингом Гельмутом никогда не значилось³⁸.

В свою очередь надзиратели фиксируют каждый промах со стороны беспокойного генерала. Как-то раз по рассеянности Вейдлинг после помывки прихватил с собой в камеру мочалку. Соответствующий рапорт по случаю столь «серьезного» нарушения был тут же направлен начальнику тюрьмы.

Смерть Сталина, наказание виновников сфабрикованного дела «кремлевских врачей», арест и снятие со всех государственных постов шефа МВД Лаврентия Берия и его ближайшего окружения, пока еще робкие призывы к соблюдению законности с газетных полос — все эти знаки наступающей оттепели сопровождалось некоторым смягчением правил содержания заключенных. Последняя просьба Вейдлинга установить связь с семьей была удовлетворена. 27 ноября 1953 года начальник Владимирской тюрьмы подполковник Бегун подготовил следующее распоряжение: «Заключенному Вейдлингу Гельмуту в соответствии с приказом МВД СССР № 00576 от 24 июля 1953 года разрешена переписка с родственниками, проживающими за границей, а также получение посылок и денежных переводов». Увы, снятие запрета на то, что по правовым и нравственным нормам, казалось бы, не подлежит со-

* Весной 1956 г. родственник Гельмута Вейдлинга гражданин ФРГ Ф. Вехмар обратился к советским властям с просьбой сообщить подробности кончины генерала и выслать в память об умершем оставшиеся после него вещи. МИД СССР по этому поводу дал начальнику Тюремного управления МВД Ф. Я. Евсенину такое указание: направьте просителю свидетельство ЗАГС о смерти. Золотые коронки и прочие вещи умершего высылать нецелесообразно.

мнению, поступило слишком поздно. В начале 1954 года в состоянии здоровья стареющего генерала наступило видимое ухудшение. В марте его помещают на лечение в тюремную больницу. В поставленном врачами диагнозе фигурируют: атеросклероз, кардиосклероз, гипертония. В довершение всего выясняется, что пациент ранее перенес инсульт. Тем не менее уже через месяц Вейдлинг был «выписан на общий корпус», другими словами — водворен в камеру без предоставления каких-либо льгот по медицинскому обслуживанию. В итоге случилось то, чего и следовало ожидать. 17 сентября 1954 года надзиратель обнаружил, что заключенный камеры № 45 находится в бессознательном состоянии.

Врачам, лечившим Вейдлинга, было ясно: после второго, на сей раз обширного инсульта больной, оставаясь за решеткой, обречен. Из чувства ли профессионального долга, то ли под влиянием смерти одного за другим сразу нескольких обитателей тюрьмы, в частности фельдмаршала Эвальда Клейста и контр-адмирала Эрнста Крафта, они решились на беспрецедентный в истории Владимирской тюрьмы шаг. Особая медицинская комиссия, в которую вошла хорошо знавшая состояние больного начальник санчасти тюрьмы старший лейтенант медицинской службы Е. Н. Бутова, внесла ходатайство в областную суд об «активировании» заключенного. Чуда, однако, не произошло. В освобождении от наказания суд «особо опасному преступнику» отказал.

Последние месяцы жизни превратились для Вейдлинга в сущий ад, хотя сам он, возможно, уже не вполне адекватно воспринимал окружающее. Периодически терял память, мочился под себя, «вкусные питательные вещества (как сказано в истории болезни) бросал в судно, днем спал, ночью бодрствовал».

Указ об амнистии от 28 сентября 1955 года, объявленный немецким военнопленным после визита в СССР западногерманской делегации во главе с Конрадом Аденауэром, уже ничего не смог изменить в судьбе Вейдлинга. Он был внесен в список из 749 человек, которых Москва решила передать германским властям в статусе военных преступников. С отправкой этой категории военнопленных на родину власти не спешили. 27 ноября 1955 года надзиратель Владимирской тюрьмы Л. И. Тырса и старший по корпусу И. Ф. Никитаев обнаружили, что заключенный камеры № 48 не подает признаков жизни. Тут же был оформлен акт о смерти Вейдлинга, наступившей в 11 часов 15 минут. Капитан медицинской службы Богатова, судя по всему, поставила свою подпись под этим документом несколько позднее.

Акт патологоанатомического вскрытия подписали уже упомянутые врачи Бутова и Богатова, а также старший лейтенант медицинской службы Александровская. Причиной смерти заключенного названы «нарастающая слабость на почве атеросклероза, кардиосклероза, гипертонии с нарушением кровообращения второй степени». Чуть ниже следовала приписка — «смерть естественная».

Еще один документ в подучетном деле военнопленного — акт о захоронении, из которого узнаем, что генерал артиллерии бывшей германской армии, бывший командующий обороной Берлина, германский подданный Гельмут Вейдлинг погребен на городском Владимирском кладбище в могиле под № 814.

Эпилог

Более полувека прошло с тех пор, как отгремели последние залпы второй мировой войны — без преувеличения самого трагического события человеческой истории. Среди жертв этого вооруженного конфликта более 50 млн. погибших и умерших, 90 млн. раненых, из которых почти треть осталась инвалидами. Глобальность произошедшей катастрофы подтверждается и ни с чем не сравнимым количеством военнопленных — 35 миллионов человек! До сего времени историки с переменным успехом пытаются разобраться в причинах и характере минувшей войны, исследуют ее воздействие на судьбы народов, вновь и вновь возвращаются к вроде бы уже хорошо известным и, тем не менее, все еще не нашедшим объективного освещения проблемам.

Автор книги, обратившийся к истории немецких военнопленных, разумеется, не ставил перед собой цель дать исчерпывающие ответы на все вопросы, связанные с пребыванием солдат и офицеров вермахта в советском плену. Более подробного анализа требуют такие стороны лагерной жизни, как антифашистское движение, трудовое участие обитателей бараков в восстановлении экономики СССР, морально-психологический климат за колючей проволокой и т. д. Вместе с тем, было бы заблуждением считать, что рассматриваемая проблема представляет интерес лишь с точки зрения исторической ретроспекции, лишь как возможность оглянуться назад, перевернуть несколько успевших пожелтеть от времени страниц в книге памяти человечества. Проблеме этой, судя по всему, уготована непростая судьба, поскольку она зримыми и незримыми нитями связана с реалиями сегодняшней жизни, с российско-германскими отношениями.

Реабилитация незаконно осужденных, выплата денежной компенсации тем, кто получил тяжелое увечье в плену, обмен персональными списками умерших, приведение в порядок сохранившихся кладбищ военнопленных или хотя бы символическое обозначение места захоронения — каждый шаг в том или ином направлении будет свидетельствовать о намерении двух государств окончательно разрушить пропасть, пролегушую между ними 22 июня 1941 года.

Разумеется, подлинное примирение двух народов не имеет ничего общего с забвением преступлений фашизма, поскольку зиждется на доверии, взаимопонимании и переосмыслении прошлого с позиций общечеловеческих ценностей. Говорят, что великому русскому полководцу А. В. Суворову принадлежат слова: «Война не кончилась, пока не похоронен последний солдат». Исполнение освященного традициями ритуала погребения всех павших на поле брани, умерших в плену сегодня звучит как нельзя актуально. Безнравственно требовать уважения к праху погибших советских воинов в той же самой Германии, одновременно пренебрегая памятью другого народа. В этой связи остается только надеяться на то, что постановление Правительства от 13 января 1995 года «О мерах по реализации межправительственных соглашений об обеспечении сохранности и порядке содержания российских воинских захоронений за рубежом и иностранных воинских захоронений в Российской Федерации» будет воплощено в жизнь в полном объеме.

В настоящее время большую работу по восстановлению кладбищ иностранных военнопленных проделала Ассоциация «Военные мемориалы»: обрели подобающий вид могилы в Волгограде, Ленинградской, Ивановской и других областях. Заслуживает самых добрых слов инициатива руководителей Мемориального музея немецких антифашистов в Красногорске, коллектив которого не только взял шефство над кладбищами иностранных солдат, но и ведет большую поисковую работу, воскрешая из небытия имена и фамилии пропавших без вести военнопленных. Эти же цели ставит перед собой группа «Поиск» в Вологде, где завершается работа над книгой «Милосердие» — книгой, в которую будут внесены персональные данные на более чем 6000 тысяч солдат и офицеров, умерших в лагерях и спецгоспиталях Вологодской области.

Приближают процесс окончательного примирения двух великих народов инициативы деятелей науки и культуры, представителей церкви и частного капитала. В нелегкое послевоенное время с молодым лейтенантом вермахта Альфредом Беером делилась скудным пайком простая русская женщина. Акция «Спасибо, матушка!», вдохновителем которой годы спустя стал бывший немецкий военнопленный, а ныне католический пастор из маленького городка Хаслах, вызвала необычайно широкий резонанс в Санкт-Петербурге. Гуманитарная помощь в конечном счете обернулась гораздо большим — люди откровенно заговорили о самом сокровенном и в их письмах не было места ненависти. Прошедшая не так давно выставка немецкого художника Юргена Бертельсманна, отмеченная признанием москвичей и жителей города на Неве, напомнила

посетителям — чувство сопереживания, сострадания и милосердия не могут истребить самые страшные войны. На рисунке унтер-офицера вермахта, без вести пропавшего в мае сорок второго года, нет сцен сражений, на них прежде всего — русские люди. Русские крестьянки, дети, старики, к которым Бертельсманн питал дружеские чувства, несмотря на скрежет танков, разрывы бомб и льющуюся кровь.

И все же нельзя прийти к полному взаимопониманию между народами, пока в истории их отношений остаются белые пятна, недомолвки и недоговоренности. Проблема иностранных военнопленных в Советском Союзе по-прежнему остается одной из малоисследованных проблем истории второй мировой войны. Дальнейший поиск, новые подходы к вроде бы уже известным фактам и событиям, творческое сотрудничество с зарубежными коллегами — вот триединая задача, которую, на наш взгляд, должны ставить перед собой исследователи, решившие обратиться к этой весьма не простой теме.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение. Могла ли состояться дискуссия?

¹ Погребной Н. Г. Деятельность антифашистов в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны: Дис. канд. ист. наук. — М., 1979; Ежова Г. В. Национальный комитет «Свободная Германия»: Некоторые проблемы источниковедения и историографии: Дис. канд. ист. наук. — Л., 1987; Бланк А. С. Национальный комитет «Свободная Германия» — центр антифашистской борьбы немецких патриотов. 1943—1945. — Вологда, 1963; Шевченко А. М. Национальный комитет «Свободная Германия» в действии: Ежегодник германской истории. — М.: Наука, 1974; Гиндберг Л. И. Борьба немецких патриотов против фашизма 1939—1945. — М.: Наука, 1987; Селезнев К. Л. Геноссе политрук А. Пик // Новая и новейшая история, 1985, № 2 и др.

² Scheurig B. Freies Deutschland. Das Nationalkomitee und der Bund Deutscher Offiziere in der Sowjetunion 1943—1945. — München, 1960; Ders. Claus Graf Schenk von Stauffenberg. — Berlin, 1964; Fischer A. Sowjetische Deutschlandpolitik im Zweiten Weltkrieg 1941—1945. — Stuttgart, 1975; Kramarz J. Claus Graf von Stauffenberg. — Düsseldorf, 1970.

³ Frieser K.-H. Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion und das Nationalkomitee «Freies Deutschland». — Mainz, 1981, S. 206.

⁴ Scheurig B. Walther von Seydlitz — Kurzbach — General im Schatten Stalingrads // Beiträge zum Widerstand 1933—1945, — Berlin, 1986, № 23.

⁵ Scheurig B. Im Katalog: Flugblätter des Nationalkomitees «Freies Deutschland». Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz. — Berlin, 1989, S. 18. (В данном случае автор использует перевод сотрудника Мемориального музея немецких антифашистов Н. Н. Берникова).

⁶ См.: НКСГ — 50 лет. Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. 7 — 9 сентября 1993 г. — Красногорск, 1994, с. 45—51, 100—118, 175—183.

⁷ Петерсхаген Р. Мятая совесть. — М.: Прогресс, 1958; Мюллер В. «Я нашел подлинную Родину». Записки немецкого генерала. — М.: Прогресс, 1964; Вельц Г. Солдаты, которых предали. — М.: Мысль, 1965; Адам В. Трудное решение: мемуары полковника 6-й германской армии. — М.: Прогресс, 1967; Рюле О. Исцеление в Елабуге. Мемуары. — М.: Прогресс, 1969; Штейдле Л. От Волги до Веймара. Мемуары немецкого полковника, командира полка 6-й армии Паулюса. — М.: Прогресс, 1973. (Все перечисленные книги первоначально вышли в ГДР).

⁸ Крайнюков К. В. Оружие особого рода. — М.: Воениздат, 1977; Бурцев М. И. Прозрение. — М.: Воениздат, 1981; Пузырев Н. И. Военнопленные

генералы. Записки советского офицера // Волга, 1981, №№ 4, 5; Бланк А. С. Пленники Сталинграда // Новый мир, 1983.

⁹ Fehling H. M. Ich komme soeben aus Sowjet-Rußland. Tatsachenbericht aus 6 Jahren sowjetischer Kriegsgefangenschaft.—Köln, 1950; Hahn A. Ich spreche die Wahrheit. Sieben Jahre Kriegsgefangener in Rußland. — Eßlingen, 1951; Bohn H. Vor den Toren des Lebens. In russischer Kriegsgefangenschaft 1944 — 1947. — Überlingen, 1949; Reck M. (Pseudonym). Tagebuch aus sowjetischer Kriegsgefangenschaft 1945—1949 (Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges, Beiheft 1). — München, 1967.

¹⁰ Maschke E. (Hg.). Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges, 22 Bände.—München, 1962—1974.

¹¹ Цит. по: Безыменский Л. А. История одной «Истории» // Новое время, 1976, № 5, с. 12—13.

¹² Цит. по: Иваницкий Г. М. К истории немецких военнопленных во второй мировой войне // Информационный бюллетень. — М.: Институт военной истории МО СССР, 1977, № 18, с. 26 — 35.

¹³ Ржешевский О., Иваницкий Г. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-исторический журнал, 1978, № 10, с. 77 — 78.

¹⁴ Kriegsgefangene in der Sowjetunion. — Berlin, 1949.

¹⁵ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 37а, д. 1, лл. 257 — 259.

¹⁶ Марасанов Р. А., Мельничук А. Н. Медицинское обеспечение раненых и больных немецких военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Военно-медицинский журнал, 1981, № 5, с. 19—22; Войтенко М. Ф., Грибовская Г. А. Гуманизм советской военной медицины // Военно-медицинский журнал, 1985, № 5, с. 68 — 71.

¹⁷ ВММ МО, ф. 1, оп. 4073, д. 12, лл. 6, 45, 95, 261.

¹⁸ Blank A. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. — Köln, 1979.

¹⁹ Ibid., S. 198—208.

²⁰ Ibid., S. 45.

²¹ Ibid., S. 49.

²² Мерцалов А. Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. — М.: Наука, 1989, с. 30.

²³ Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. — М.: Юридическая литература, 1991, с. 130.

²⁴ Cartellieri D. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. — München, 1967; Fleischhacher H. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Der Faktor. — München, 1965; Ratza W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion—Der Faktor Arbeit. — München, 1973; Bährens K. Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion. — München, 1965; Schwarz W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Aus dem kulturellen Leben. — München, 1969; Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand — Eine Bilanz. — München, 1966; Robel G. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion — Antifa. — München, 1974.

²⁵ Эту цифру западногерманского историка В. Ратца не забыл упомянуть в своем критическом обзоре Г. М. Иваницкий. Однако от каких-либо комментариев насчет ее достоверности историк отказался. См.: Иваницкий Г. М. Указ. соч., с. 29.

²⁶ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 21а, д. 4, л. 36.

²⁷ Maschke E. Vorwort zu K. Bährens: Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion. Bd. 5/1, S. VI.

²⁸ Lang M. Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950. — Herford, 1981.

²⁹ Ibid., S. 81.

³⁰ Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. — München, 1986, S. 138—139.

³¹ Zayas A. Die Wehrmacht — Untersuchungsstelle. Deutsche Ermittlungen über alliierte Völkerrechtsverletzungen im Zweiten Weltkrieg, 3. Aufl. — München, 1980, S. 277.

³² Nolte H.-H. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Text und Dokumentation. — Hannover, 1991, S. 60.

³³ См.: Якушевский А. Расстрел в клеверном поле // Новое время, 1993, № 25, с. 40—42.

³⁴ См. напр.: Zentner Chr., Bedürftig F. (Hrsg.). Das Große Lexikon des Dritten Reiches. — München, 1985.

³⁵ Dehnel R. Deutsche Kriegsgefangene im Gebiet Wologda 1942 — 1949. — Hamburg, 1995.

³⁶ См.: Конасов В. Б., Судаков В. В. Эхо минувшей войны. — Вологда, 1995.

³⁷ См.: Прокопенко А. С., Зоря Ю. Н. Нюрнбергский бумеранг // Военно-исторический журнал, 1990, № 6, с. 47—57; Лебедева Н. С. О трагедии в Катыни // Международная жизнь, 1990, № 5, с. 113—130; Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: Судьба интернированных польских военнослужащих. — М.: Политиздат, 1991; Абаринов В. К. Катынский лабиринт. — М.: Новости, 1991.

³⁸ См.: Бабий Яр под Катынью? // Военно-исторический журнал, 1990, №№ 1, 12; Тот же журнал, 1991, №№ 7, 9.

³⁹ См.: Вопросы истории, 1993, № 1, с. 19 — 21.

⁴⁰ Фредерт Х. Приключения в русском плену. Из воспоминаний // Нева, 1992, № 2, с. 264 — 275; Штольц Э. Встречи с русскими людьми с 1942 по 1992 гг. В кн.: Уроки гнева и любви. Сборник воспоминаний о годах репрессий — СПб., 1993, с. 182—183; Нилов Г. Е. Лагерь № 447 // Север, 1995, с. 137—145, Шалов Х. Мне снится земля, где я был заключенным // Комс. правда, 1991, 27 ноября.

⁴¹ Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941 — 1945 гг.) // Военно-исторический журнал, 1990, № 9, с. 39—46; Он же. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право, 1990, № 4, с. 121—130; Он же. Репрессивная политика

Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939—1956 гг.). В сб.: Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. — Вологда, 1995, с. 3 — 13; Он же. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования, 1991, № 10, с. 48—63.

⁴² Последние пленники второй мировой войны. Документы из фондов ЦК КПСС о японских военнопленных. Публ. Петров А. М. // Исторический архив, 1993, № 1, с. 68—78; Бондаренко Е. Ю. Судьба пленных: Токийский и Хабаровский международные процессы над японскими военными преступниками и их последствия (1948 — 1949 гг.) // Россия и АТР, 1993, № 1, с. 117 — 123; Он же. «Школы коммунизма» для японских военнопленных: Об идеологической обработке в советских лагерях // Россия и АТР, № 1, с. 133 — 140; Он же. Долгое возвращение из плена. (К истории репатриации японских военнопленных из СССР) // Проблемы Дальнего Востока, 1994, № 4, с. 102 — 107; Галицкий В. П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал, 1991, № 4, с. 66—78; Он же. Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал, 1991, № 10, с. 44 — 55; Он же. А действительно, куда исчезли 20000 американцев // Военно-исторический журнал, 1991, № 8, с. 80—82; Konasov V., Tereixuk A. Els Presoners De Guerra a L'URSS: 1941—1955 // L'aveng revista d'Historia, 1993, № 173, p. 14—18.

⁴³ Конасов В. Б. Гриф секретности снят. К истории немецких военнопленных в СССР. — Вологда, 1991; Конасов В. Б., Подольский В. М., Терещук А. В. Неизвестные страницы истории: Немецкие военнопленные в СССР. — М.: Рарог, 1991; Конасов В. Б. Как лечили военнопленных // Резонанс, 1990, № 19, с. 14—16; Он же. К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР // Вопросы истории, 1994, № 11, с. 187—189; Он же. Последний рубеж генерала // Эхо планеты, 1994, с. 26—30; Он же. Военнопленные второй мировой войны: международноправовые, политические и нравственные аспекты проблемы. В сб.: Уроки и проблемы изучения истории второй мировой войны. Тезисы Российской научно-практической конференции. — Вологда, 1995, с. 10 — 12; Он же. К дискуссии о численности немецких военнопленных в СССР. В сб.: Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. — Вологда, 1995, с. 41—43; Конасов В. Б., Терещук А. В. Узники войны. (К истории иностранных военнопленных в России и СССР) // Новый часовой, 1994, № 1, с. 30—37; Они же. Долгий путь на родину. (Репатриация немецких военнопленных из СССР) // Новый часовой, 1994, № 2, с. 53—75; Они же. Под влиянием побеждающего народа: германские военнопленные в СССР (1941 — 1945 гг.). В кн.: Народ и война. — СПб., 1995, с. 282 — 304; Конасов В., Дзюба О. Фельдмаршал снова сдается // Эхо планеты, 1995, № 17, с. 25 — 28 и др.

⁴⁴ Scheidl F. Die Kriegsgefangenschaft. Von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart.—Berlin, 1943.

⁴⁵ Трайнин А. Н. Бесчеловечный гуманизм // Война и рабочий класс. 1944, № 9, с. 16—18.

⁴⁶ Maurach — Berlin, 1986. R. Die Kriegsverbrecherprozesse gegen deutsche Gefangene in der Sowjetunion. — Hamburg, 1950.

⁴⁷ Ibid., S. 78—87.

⁴⁸ См.: Галицкий В. П. Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939 — 1956 гг.).

⁴⁹ Meissner B. Sowjetunion und Haager LKO.—Hamburg, 1950; Laun R. Die Haager Landkriegsordnung. Das Uebereinkommen über die Gesetze und Gebrauche des Landkrieges.— Wolfenbüttel-Hannover, 1947.

⁵⁰ Ромашкин П. С. Военные преступления империализма.— М., 1953; Алексеев Н. С. Ответственность нацистских преступников.— М., 1968; Он же. Злодеяния и возмездие.— М., 1986; Полтарак А. И., Савинский А. И. Вооруженные конфликты и международное право. Основные проблемы.— М., 1976; Минасян Н. М. Международные преступления третьего рейха.— Саратов, 1977.

⁵¹ Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах.— М., 1991, с. 130.

⁵² Frieser K.—H. Krieg hinter Stacheldraht...—Mainz, 1981, S. 31—32.

⁵³ Junods Memoiren. Kämpfer beidseits der Front.— Zürich, 1947.

⁵⁴ Bernadotte F. An Stelle von Waffen (I stället för vapen, dt.).— Freiburg/Breisgau, 1948.

⁵⁵ Rapport du Comité International de la Croix-Rouge.— Geneve, 1948.

⁵⁶ Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen... S. 161 — 181.

⁵⁷ Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941 — 1945. (Ph.D. Diss.) — Stuttgart, 1978.

⁵⁸ Ibid., S. 226.

⁵⁹ Хоффманн Й. История власовской армии. Пер. с нем. — Париж, 1990, с. 110, 129—130.

⁶⁰ Правда, 1950, 5 мая.

⁶¹ Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen... S. 142 — 150.

⁶² Smith A. Die «vermißte Million». Zum Schicksal deutscher Kriegsgefangener nach dem zweiten Weltkrieg. Schriftenreihe der Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. Bd. 65. R. Oldenbourg Verlag GmbH. — München, 1991.

⁶³ Правда, 1947, 15 марта.

⁶⁴ Lang M. Stalins Strafjustiz... S. 114 — 115.

⁶⁵ Ibid., S. 115—116.

⁶⁶ Lehmann A. Gefangenschaft und Hemkehr... S. 147.

⁶⁷ Ридель М. Этнос политического диалога. В кн.: СССР — ФРГ: навстречу друг другу. Духовные предпосылки и проблемы сотрудничества. — М., 1990, с. 184.

Глава первая. Попытки решения проблемы на дипломатическом уровне

¹ См. напр. Hillgruber A. Hitlers Strategie, Politik und Kriegführung. — Frankfurt a/M., 1965. S. 577; Buchheim H., Broszat M., Jacobsen H.-A., Krausnik H. Anatomie des SS-Staates, Bd. II. — Olten — Freiburg, 1965, S. 279.

² Галицкий В. П. Верните деньги // Военно-исторический журнал, 1991, № 8, с. 28. Сравни: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Под общ. редакцией Г. Ф. Кривошеева. — М.: Воениздат, 1993, с. 337—338.

³ См. подробнее: Конасов В. Б. К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР // Вопросы истории, 1994, № 11, с. 187—189.

⁴ Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта. Перевод с немецкого. — М.: Прогресс, 1964, с. 135.

⁵ «Существовавшие до сих пор правила отменяются». Публикация К. Б. Ивановича // Военно-исторический журнал, 1991, № 11, с. 41.

⁶ См.: Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. — М.: Медгиз, 1932, с. 12.

⁷ См.: Декреты Советской власти. Т. 2. — М.: Политиздат, 1959, с. 224—225; Барсуков М. И. Красный Крест и Красный Полумесяц СССР. Краткий исторический очерк. — М.: Медгиз, 1946, с. 84—85.

⁸ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. — 1919, ст. 330.

⁹ Там же, 1920, ст. 209.

¹⁰ Коровин Е. А. К пересмотру «Женевской конвенции» // Советское право, 1925, № 3, с. 52.

¹¹ Там же, с. 53—54.

¹² Там же.

¹³ АВП РФ, ф. 054, оп. 22, п. 529, д. 61, л. 147.

¹⁴ Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. — М.: Госполитиздат, 1947, с. 275—276.

¹⁵ АВП РФ, ф. 054, п. 293, д. 6160, лл. 2—3.

¹⁶ Там же, л. 4.

¹⁷ Там же, л. 33.

¹⁸ Там же, л. 45.

¹⁹ Там же, д. 6164, лл. 7—8.

²⁰ Там же, л. 12.

²¹ Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях., с. 10.

²² ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 4е, д. 14, л. 66.

²³ См.: Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих. — М.: Политиздат, 1991, с. 79.

²⁴ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 4е, д. 14, л. 60.

²⁵ Там же, оп. 2в, д. 1, лл. 173—175; оп. 2е, д. 10, лл. 5, 73.

²⁶ Там же, оп. 4е, д. 14, л. 13.

²⁷ АВП РФ, ф. 054, оп. 20, п. 519, д. 92, л. 77.

²⁸ Цит. по: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. Т. 3. — М.: Госюриздат, 1958, с. 19—20.

²⁹ Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand — Eine Bilanz (Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges, Bd. VII). — München, 1966, S. 162.

³⁰ АВП РФ, ф. 054, оп. 22, п. 530, д. 73, л. 36.

³¹ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 4е, д. 14, лл. 113—115.

³² Текст «Положения о военнопленных» опубликован. См.: Военно-исторический журнал, 1991, № 10, с. 50—53. Что касается Женевской конвенции о военнопленных 1929 года, то она в СССР никогда не публиковалась. В данном случае автор воспользовался документом из ЦХИДК (ф. 1/п, оп. 30а, д. 2).

³³ Цит. по: Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта., с. 109—110.

³⁴ См. напр.: Nolte H.-H. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Text und Dokumentation. — Hannover, 1991, S. 158.

³⁵ Цит. по: Якушевский А. Расстрел в клеверном поле // Новое время, 1993, № 25, с. 42. Автор статьи, в частности, приводит факты из следующей работы: Zayas A. Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle. Deutsche Ermittlungen über alliierter Völkerrechtsverletzungen im Zweiten Weltkrieg, 3. Aufl., — München, 1980.

³⁶ Там же.

³⁷ Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945 (Phill& Diss.).— Stuttgart, 1978, S. 400.

³⁸ Цит. по: Якушевский А. Расстрел в клеверном поле., с. 41.

³⁹ В приказе, завизированном командующим, военным комиссаром и начальником штаба 6-го стрелкового корпуса, к примеру, говорилось следующее: «В ходе прошедших боев были случаи расстрела пленных. Необходимо принять решительные меры для предотвращения в дальнейшем таких случаев. Лица, нарушающие нормы международного права обращения с военнопленными, должны привлекаться к строжайшей ответственности». Цит. по: Война Германии против Советского Союза (1941—1945). Каталог выставки. Под ред. Р. Рюрупа. — Берлин: Аргон, 1992, с. 243.

⁴⁰ Правда, 1941, 7 июля.

⁴¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1945, с. 133.

⁴² Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen., S. 227.

⁴³ Ibid, S. 228.

⁴⁴ См. подробнее: Хоффманн Й. История власовской армии. — Париж, 1990, с. 129—130.

⁴⁵ Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen., S. 226, 230.

⁴⁶ См.: Наумов В., Решин Л. Советские военнопленные: такой трагедии история еще не знала // Российские вести, 1995, 27 января.

⁴⁷ Военно-исторический журнал, 1988, № 9, с. 28.

⁴⁸ АВП РФ, ф. 140, оп. 25, п. 33, д. 1, л. 2.

⁴⁹ Там же, ф. 0132, оп. 24а, п. 236, д. 7, лл. 356—357.

⁵⁰ Там же, л. 358.

⁵¹ Там же, л. 359.

⁵² Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen..., S. 165.

⁵³ Ibid, S. 165—166.

⁵⁴ Статья 14-я Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» гласит: «С открытия военных действий в каждом из воюющих Государств, а также и в нейтральных Государствах в том случае, если они приняли на свою территорию воюющих, учреждается справочное бюро о военнопленных. Бюро это, имеющее назначение давать ответы на все запросы, касающиеся военнопленных, получает от различных подлежащих учреждений все сведения относительно выдворения и перемещения, освобождения на честное слово, обмена, побегов, поступления в госпиталь, смерти, а равно другие сведения, требуемые для составления и своевременного распределения именной военной карточки о каждом военнопленном. Бюро обязано заносить на нее номер, имя и фамилию, возраст, место происхождения, чин, воинскую часть, день и место взятия в плен, водворения, получения ран и смерти, а равно все особые замечания. Именная карточка передается Правительству другого воюющего после заключения мира. Справочное бюро обязано равным образом собирать и хранить в одном месте, а также пересылать по принадлежности, все вещи, служащие для личного пользования, ценности, письма и проч., которые будут найдены на поле битвы или останутся после пленных, освобожденных на честное слово, обмененных, бежавших или умерших в госпиталях и полевых лазаретах.» Цит. по: Международное право в избранных документах. Т. 3. — М., 1957, с. 44.

⁵⁵ См. например: Хоффманн Й. Указ соч., с. 110.

⁵⁶ АВП РФ, ф. 140, оп. 25, п. 33, д. 1, л. 29.

⁵⁷ Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen..., S. 166.

⁵⁸ Ibid, S. 167.

⁵⁹ Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen..., S. 229.

⁶⁰ АВП РФ, ф. 054, оп. 21, п. 524, д. 66, л. 74.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, ф. 0132, оп. 24а, п. 236, д. 8, лл. 400—402.

⁶³ Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen..., S. 168.

⁶⁴ АВП РФ, ф. 0132, оп. 24а, п. 239, д. 47, лл. 1—2.

⁶⁵ Там же, ф. 054, оп. 20, п. 519, д. 92, л. 52.

⁶⁶ Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen..., S. 172.

⁶⁷ АВП РФ, ф. 054, оп. 20, п. 519, д. 92, лл. 51, 55.

⁶⁸ Штрайт К. Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941—1945 годах. Пер. с нем. — М., 1991, с. 354.

⁶⁹ Bundesarchiv — Militärarchiv (BA — MA). RW 6/v. 277. О дальнейшей судьбе советских военнопленных, отнесенных к категории инвалидов (слепые, ампутированные и т. п.), можно только догадываться. Командование 9-й армии, к примеру, 30 декабря 1941 г. распорядилось снять инвалидов со всех видов довольствия и в принудительном порядке передать гражданскому населению. См.: Штрайт К. Указ. соч., с. 355.

⁷⁰ АВП РФ, ф. 054, оп. 20, п. 519, д. 92, лл. 18—19.

⁷¹ См.: Правда, 1941, 31 декабря.

⁷² АВП РФ, ф. 129, оп. 26, п. 36, д. 1, лл. 133—134.

⁷³ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 23а, д. 1, л. 31.

⁷⁴ См.: Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта..., с. 136—137.

⁷⁵ В досье на шведского дипломата фигурировали такие данные: Вильгельм Густав Ассорссон в 1930—1931 гг. был советником шведской миссии в Москве, генеральным консулом в Ленинграде. Отозван из Советского Союза. В январе 1940 г. прибыл в Москву в ранге шведского посланника. Накануне полпреда СССР в Швеции А. М. Коллонтай представила на Ассорссона характеристику, в которой говорилось: «Начитанный и образованный. У шведов считается чудаком-философом... При его отзывании из Союза ходили слухи, что его считают слишком нам симпатизирующим и не дающим объективной информации» (цит. по документу: АВП РФ, ф. 0140, оп. 24, п. 123, д. 16, л. 1).

⁷⁶ АВП РФ, ф. 140, оп. 25, п. 33, д. 4, лл. 68—68об.

⁷⁷ Там же, ф. 06, оп. 3, п. 526, д. 352, лл. 13—15.

⁷⁸ Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen..., S. 170—171.

⁷⁹ Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen..., S. 400.

⁸⁰ Ibid, S. 228, 234.

⁸¹ АВП РФ, ф. 054, оп. 20, п. 519, д. 85, л. 11.

⁸² Там же, ф. 074, оп. 22, п. 12, д. 1, л. 80.

⁸³ Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen..., S. 227.

⁸⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны..., т. 1, с. 184—190.

⁸⁵ Цит. по: Военно-исторический журнал, 1991, № 11, с. 38.

⁸⁶ Цит. по: Война Германии против Советского Союза..., с. 114.

⁸⁷ Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen..., S. 170.

⁸⁸ АВП РФ, ф. 054, оп. 22, п. 529, д. 61, л. 13.

⁸⁹ Заместитель наркома обороны Е. А. Щаденко был занят подготовкой приказа «О персональном учете безвозвратных потерь на фронте». Этот приказ НКО за № 0270 появился на свет 12 апреля 1942 года, но о судьбе пленных красноармейцев в нем ничего не говорилось. См. подробнее по этой проблеме: Конасов В. Б., Терещук А. В. Новый подход к учету безвозвратных потерь в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории, 1990, № 6, с. 185—188.

⁹⁰ АВП РФ, ф. 054, оп. 21, п. 523а, д. 57, лл. 6, 10.

- ⁹¹ Там же, ф. 074, оп. 29, п. 111, д. 4, л. 22; ф. 054, оп. 22, п. 529, д. 61, л. 13.
- ⁹² Там же, ф. 140, оп. 26, п. 34, д. 1, л. 13.
- ⁹³ Там же, ф. 054, оп. 22, п. 529, д. 61, л. 13.
- ⁹⁴ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 9а, д. 14, лл. 19—20.
- ⁹⁵ Там же, лл. 2—3, 14, 15.
- ⁹⁶ Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen..., S. 402.
- ⁹⁷ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 9а, д. 10, лл. 35, 38—39.
- ⁹⁸ Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen..., S. 236.
- ⁹⁹ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 9а, д. 10, л. 35.
- ¹⁰⁰ АВП РФ, ф. 054, оп. 22, п. 530, д. 73, л. 195.
- ¹⁰¹ Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen..., S. 180.
- ¹⁰² АВП РФ, ф. 054, оп. 21, п. 524, д. 66, л. 74об.
- ¹⁰³ Там же, лл. 149—150.
- ¹⁰⁴ Там же, лл. 122, 134.
- ¹⁰⁵ Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen..., S. 235. Красный Крест США и Великобритании начали регулярно поставлять дополнительное питание для советских военнопленных с осени 1943 года. См.: Пиэтола Э. Военнопленные в Финляндии, 1941—1944 // Север, 1990, № 12, с. 119, 131.
- ¹⁰⁶ АВП РФ, ф. 0132, оп. 26, п. 264, д. 77, л. 4.
- ¹⁰⁷ Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen..., S. 235.
- ¹⁰⁸ АВП РФ, ф. 054, оп. 22, п. 529, д. 61, л. 128.
- ¹⁰⁹ Там же, ф. 0129, оп. 28, п. 158, д. 33, лл. 3—5.
- ¹¹⁰ Fries Deutschland, 1944, № 49, S. 53.
- ¹¹¹ В несколько сокращенном виде материал о посещении лагеря делегатом Международного Красного Креста помещен в книге А. Бланка, Б. Лёвеля «Наша цель — свободная Германия». — М.: Мысль, 1969, с. 138—139.
- ¹¹² Übershär G. R./Wette W. «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941—Padeborn, 1984, S. 199—204.
- ¹¹³ АВП РФ, ф. 054, оп. 22, п. 530, д. 73, лл. 37—38.
- ¹¹⁴ Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen..., S. 180.
- ¹¹⁵ См.: Трайнин А. Бесчеловечный гуманизм // Война и рабочий класс, 1944, № 9, с. 14—16.
- ¹¹⁶ См. подробнее: Конасов В. Б., Терещук А. В. «Будут немедленно преданы суду Военного Трибунала...» (Из истории интернирования гражданского населения Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии, Румынии, Чехословакии и Югославии в 1944—1945 гг.) // Русское прошлое, 1994, № 5, с. 317—337.
- ¹¹⁷ Брандт В. Воспоминания. — М.: Новости, 1991, с. 142.
- ¹¹⁸ АВП РФ, ф. 0129, оп. 54, п. 176, д. 80, лл. 44—45.
- ¹¹⁹ Там же, лл. 49—50.

¹²⁰ Цит. по: Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen..., S. 181.

¹²¹ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3, с. 490.

¹²² Хоффманн И. История власовской армии..., с. 205—206. По ошибке то ли автора, то ли переводчика, но в монографии Хоффманна доктор Отто Лехнер проходит как Ленин.

¹²³ См.: Советский Красный Крест, 1952, № 2, с. 2—3; этот же журнал, 1952, № 6, с. 29—30.

¹²⁴ См. Уткин А. И. Дипломатия Франклина Рузвельта. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990, с. 236—237.

¹²⁵ АВП РФ, ф. 054, оп. 22, п. 529, д. 61, лл. 147—147об.

¹²⁶ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: Документы и материалы. В 2-х томах. Т. 2. — М.: Политиздат, 1983, с. 45—47.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же, с. 47—48.

¹²⁹ См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками..., т. 7, с. 491.

¹³⁰ ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 12, д. 135, лл. 46—47.

¹³¹ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 23а, д. 6, лл. 43—44.

¹³² СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов. 1945—1949. Сборник документов. — М.: ИЦ «Россия молодая», 1994, с. 31.

¹³³ См.: Кышевский П. Н. Добыча. Тайны германских репараций. — М.: Соратник. 1994, с. 15.

¹³⁴ АВП РФ, ф. 054, оп. 21, п. 523а, д. 57, л. 24, 25—25об.

¹³⁵ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 9а, д. 11, л. 21.

¹³⁶ АВП РФ, ф. 169, оп. 17к, п. 123г, д. 4, лл. 3—4.

¹³⁷ ВММ МО, ф. 1, оп. 35484, д. 142, лл. 42, 46.

¹³⁸ Бем В. Судьба кладбищ немецких военнопленных. В кн.: Уроки гнева и любви. Сборник воспоминаний о годах репрессий. — СПб, 1993, с. 151.

¹³⁹ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 01е, д. 133, л. 11.

¹⁴⁰ Там же, д. 98, л. 23.

Глава вторая. Трудная дорога на родину.

(Репатриация немецких военнопленных из СССР: 1941—1955)

¹ См.: Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х книгах. Кн. 2. Перевод с англ. — М.: Воениздат. 1991, с. 604; Там же. Кн. 3., с. 211—212.

² Тегеран — Ялта — Потсдам. Сборник документов. Изд. третье. — М., 1971, с. 129, 121—122.

³ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 13а, д. 5, л. 10.

- ⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 3. — М.: Госполитиздат. 1947, с. 275.
- ⁵ ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 98, л. 54.
- ⁶ Текст статьи цитируется по архивному документу. См.: ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 21а, д. 47, л. 45.
- ⁷ АВП РФ, ф. 082, оп. 30, п. 129, д. 17, л. 41.
- ⁸ Там же, ф. 0129, оп. 29, п. 176, д. 80, л. 113.
- ⁹ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 01е, д. 46, лл. 192—194; оп. 326, д. 6, лл. 8—9.
- ¹⁰ Цит. по: Дёниц К. Двадцать дней на посту главы государства //Новая и Новейшая история. 1990, № 6, с. 198—199.
- ¹¹ ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 95, лл. 366—370.
- ¹² Там же, д. 96, лл. 10—11.
- ¹³ Там же, оп. 12, д. 177, лл. 331—335.
- ¹⁴ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 01е, д. 46, л. 269.
- ¹⁵ ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 98, лл. 135—137.
- ¹⁶ Там же, оп. 12, д. 180, лл. 21—26.
- ¹⁷ ВММ МО, ф. 39, оп. 69512, д. 98, л. 304.
- ¹⁸ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 01е, д. 46, лл. 10—11.
- ¹⁹ Там же, оп. 16е, д. 6, лл. 162—173.
- ²⁰ Там же, оп. 24е, д. 7, лл. 117—118, 123.
- ²¹ Там же, оп. 15а, д. 2, л. 15.
- ²² Там же, оп. 23а, д. 14, лл. 1—2.
- ²³ Внешняя политика Советского Союза... Т.3., с. 388—390.
- ²⁴ ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 98, лл. 263—265.
- ²⁵ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 23а, д. 26, лл. 1—26; оп. 02е, д. 531, лл. 1—1об.
- ²⁶ ВММ МО, ф. 39, оп. 69512, д. 3, л. 43.
- ²⁷ Там же, л. 154; оп. 8965, д. 13, л. 90.
- ²⁸ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 01е, д. 46, л. 171.
- ²⁹ ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 136, лл. 222—225.
- ³⁰ Там же, оп. 12, д. 199, лл. 100—107.
- ³¹ Там же.
- ³² АВП РФ, ф. 082, оп. 30, п. 129, д. 17, лл. 40—43.
- ³³ ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 139, лл. 249—250.
- ³⁴ Там же, л. 417.
- ³⁵ Там же, л. 251.
- ³⁶ Там же, л. 430.
- ³⁷ Полный текст приказа министра внутренних дел № 0450 от 15 ноября 1946 года опубликован. См.: Военно-исторический журнал. 1991, № 4, с. 75—77.
- ³⁸ ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 12, д. 257, лл. 25—25об.
- ³⁹ Там же, д. 204, лл. 116—121.
- ⁴⁰ Архив УВД ВО, ф. 6, оп. 1, д. 509.
- ⁴¹ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 15е, д. 2, лл. 50—51.

⁴² Цит. по: СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов. 1945—1949. Сборник документов. — М.: ИЦ «Россия молодая», 1994, с. 147.

⁴³ ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 138, лл. 352—354.

⁴⁴ АВП РФ, ф. 082, оп. 30, п. 129, д. 17, л. 82.

⁴⁵ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 16е, д. 6, лл. 6—8, 11.

⁴⁶ Там же, оп. 23, д. 14, л. 3.

⁴⁷ АВП РФ, ф. 082, оп. 34, п. 148, д. 19, л. 13.

⁴⁸ См.: СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов..., с. 194.

⁴⁹ ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 138, лл. 151—159.

⁵⁰ АВП РФ, ф. 0431, оп. 4, п. 2, д. 5, лл. 79—81.

⁵¹ Правда, 1947, 15 марта.

⁵² АВП РФ, ф. 0431, оп. 4, п. 2, д. 5, л. 98.

⁵³ Там же, ф. 082, оп. 34, п. 148, д. 19, лл. 14—15.

⁵⁴ Там же, ф. 0431, оп. 4, п. 5, д. 21, лл. 23—24.

⁵⁵ Правда, 1947, 24 апреля.

⁵⁶ АВП РФ, ф. 082, оп. 34, п. 148, д. 19, л. 65.

⁵⁷ Там же, ф. 0431, оп. 5, п. 4, д. 16, л. 346.

⁵⁸ Там же, л. 326.

⁵⁹ Там же, л. 14.

⁶⁰ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 01е, д. 46, лл. 143—144.

⁶¹ АВП РФ, ф. 0431, оп. 4, п. 5, д. 21, л. 5.

⁶² Böhm K. Die deutschen Kriegsgefangenen... S. 10—49.

⁶³ АВП РФ, ф. 082, оп. 34, п. 148, д. 19, л. 16.

⁶⁴ См. архивный шифр, указанный в сноске под № 60.

⁶⁵ ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 139, л. 427.

⁶⁶ АВП РФ, ф. 082, оп. 34, п. 148, д. 19, л. 66.

⁶⁷ ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 12, д. 223, л. 132. лл. 127—132.

⁶⁸ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 16е, д. 50, л. 8.

⁶⁹ ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 12, д. 225, лл. 68—68об.

⁷⁰ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 17е, д. 87, л. 27.

⁷¹ Там же, оп. 16е, д. 49, л. 21.

⁷² АВП РФ, ф. 082, оп. 34, п. 19, д. 148, лл. 117, 119.

⁷³ Там же, л. 82.

⁷⁴ Там же, л. 70.

⁷⁵ Архив УВД ВО, ф. 6, оп. 1, д. 494.

⁷⁶ ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 199, л. 68.

⁷⁷ Архив УВД ВО, ф. 6, оп. 1, д. 527.

⁷⁸ ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 199, л. 404.

⁷⁹ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 9а, д. 10, л. 96.

⁸⁰ Там же, оп. 21а, д. 4, лл. 36—38; Karner S. Der Arbeitseinsatz der deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion und ihre Repatriierung. Im Katalog: «Kriegsgefangene-Военнопленные». — 1995, S. 73.

⁸¹ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 9а, д. 10, л. 86.

⁸² Там же, оп. 01е, д. 132—133.

⁸³ ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 170, л. 160.

⁸⁴ Правда, 1949, 4 января.

⁸⁵ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 01е, д. 46, лл. 156—157; оп. 23а, д. 26, лл. 1—26.

⁸⁶ Правда, 1949, 30 января.

⁸⁷ Lang M. Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten... S. 17—18.

⁸⁸ СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов..., с. 133.

⁸⁹ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 9а, д. 10, лл. 82—83.

⁹⁰ Там же, л. 99.

⁹¹ Там же, оп. 21а, д. 4, лл. 43—46.

⁹² Там же, д. 60.

⁹³ См.: Женевские конвенции о защите жертв войны. — М.: Политиздат, 1969, с. 136.

⁹⁴ Правда, 1949, 14 декабря.

⁹⁵ См.: Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. — М.: Госюриздат, 1957, с. 26—32.

⁹⁶ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 37а, д. 1, л. 257—259.

⁹⁷ Протоколы этой комиссии, будучи важным историческим источником, одновременно представляют интерес для юристов, которые зададутся целью реабилитировать незаконно осужденных солдат и офицеров вражеских армий. См.: ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 22е, д. 50; оп. 27е, д. 28, лл. 1—8.

⁹⁸ Там же, оп. 01е, д. 46, лл. 217—218.

⁹⁹ Там же, оп. 15а, д. 381, лл. 68—69.

¹⁰⁰ Там же, оп. 23а, д. 26, лл. 1—26.

¹⁰¹ Там же, оп. 17а, д. 2, л. 76.

¹⁰² ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 269, лл. 178—180.

¹⁰³ В отчетах ГУПВИ данные о количестве находившихся в СССР и репатриированных немецких военнопленных почти не отличаются от тех сведений, которые фигурируют в докладах министра внутренних дел. А вот цифры, характеризующие смертность, в отчетах ГУПВИ явно занижены. К примеру, дается такая информация: на 1 июля 1948 года умерло 314221 человек; на 1 января 1949 года — 317512 человек. См.: ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 01е, д. 46, лл. 171, 212—215.

¹⁰⁴ Там же, лл. 140—142.

¹⁰⁵ Там же, л. 155.

¹⁰⁶ Исходной цифрой для расчетов послужило количество немецких военнопленных, умерших за период с 5 мая 1950 г. по сентябрь 1956 года, а именно: 964 человека. Эта цифра, в свою очередь, взята из проанализированных отчетов ГУПВИ. С 5 мая 1950 г. по 1 октября 1951 г. умерло, к примеру, 124 немца. (ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 01е, д. 97, л. 53). Возможность ошибки, конечно, не исключена, так как итоговой цифры, характеризующей количество скончавшихся, в отчетах ГУПВИ обнаружить не удалось. Однако вероятность ошибки не столь велика, чтобы принципиально изменить реконструированную нами картину событий.

¹⁰⁷ Справка, на которую ссылается в своих публикациях В. П. Галицкий, датирована 12 октября 1959 года. Имеется документ и более раннего происхождения — справка, подписанная начальником тюремного отдела МВД СССР полковником П. С. Булановым 28 сентября 1956 года. Этот документ опубликован. См.: Родина, 1995, № 7, с. 72—73.

¹⁰⁸ Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen... S. 147, 149.

¹⁰⁹ ЦХИДАК, ф. 1/п, оп. 01е, д. 46, л. 2.

¹¹⁰ Там же, оп. 9а, д. 8, лл. 41—42.

¹¹¹ Lang M. Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten... S. 145.

¹¹² Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr... S. 190—191.

¹¹³ Статья 107 Устава ООН гласит: «Настоящий Устав, ни в коей мере, не лишает юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами, в отношении любого государства, которое в течение второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав, а также не препятствует таким действиям» (Цит. по: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны... Т. 3, с. 433). Советская делегация интерпретировала эту статью следующим образом: послевоенное германское урегулирование является компетенцией ответственных за него четырех держав. Поэтому рассмотрение вопроса об «узниках войны» на заседаниях ООН, равно, как и создание при ООН комиссии по военнопленным, нельзя считать законными.

¹¹⁴ См.: Жульнические маневры вокруг вопроса о военнопленных // Правда, 1953, 8 сентября.

¹¹⁵ АВП РФ, ф. 082, оп. 40, п. 257, д. 28, лл. 3—7.

¹¹⁶ Правда, 1952, 25 января.

¹¹⁷ АВП РФ, ф. 082, оп. 40, п. 257, д. 28, л. 103.

¹¹⁸ Там же, л. 68. лл. 70—71.

¹¹⁹ Правда, 1952, 11 марта.

¹²⁰ АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 271, д. 26, лл. 81—82.

¹²¹ Там же, оп. 38, п. 231, д. 53, л. 183.

¹²² Там же, оп. 40, п. 257, д. 30, лл. 96—97.

¹²³ Там же, л. 143.

¹²⁴ Camphausen G. Rückführungsverhandlungen (машинописный текст выступления д-ра Кампхаузен на Международной конференции в Москве в ноябре 1995 года).

¹²⁵ Там же. Подробнее см.: Niemöller J. Erkundung gegen den Strom. 1952: Martin Niemöller reist nach Mookau. Eine Dokumentation. Im Radius — Verlag, S. 27—29, 46—51.

¹²⁶ Там же. Подробнее см.: Riesenberger (Hrsg.) Das Deutsche Rote Kreuz, Konrad Adenauer und das Kriegsgefangenenproblem. Im Donat — Verlag, S. 34—39, 70—76. Dok. 31, 32 (S. 100—101).

¹²⁷ АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 272, д. 28, л. 58.

¹²⁸ Там же, лл. 14—19.

¹²⁹ Там же, л. 59.

¹³⁰ Правда, 1953, 23 августа.

¹³¹ АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 272, д. 28, лл. 147, 157.

¹³² Одновременно 17 апреля 1954 года Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал еще три конвенции — Конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, Конвенцию об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море, Конвенцию о защите гражданского населения во время войны.

¹³³ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 30а, д. 2, лл. 64, 67, 79.

¹³⁴ АВП РФ, ф. 82, оп. 37, п. 134, д. 5, лл. 8, 9; ф. 06, оп. 14, п. 14, д. 206, л. 69.

¹³⁵ Borchard M. Zwischen den Fronten des Kalten Krieges. Im Katalog: «Kriegsgefangene — Военнопленные». — 1995, S. 90.

¹³⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 14, д. 204, лл. 24—26.

¹³⁷ Там же, д. 206, лл. 71—72.

¹³⁸ См.: Брандт В. Воспоминания. — М.: Новости, 1991, с. 47.

¹³⁹ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 31а, д. 91, лл. 88, 111; Решин Л. Е. Генерал артиллерии Вальтер Александр фон Зайдлиц в советском плену. 1943—1955 гг. // НКСГ — 50 лет. Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. — Красnogорск, 1994, с. 183.

Глава третья. Судьбы военнопленных генералов

¹ ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 204, лл. 400—405.

² Там же, лл. 363—365.

³ Там же, д. 170, лл. 373—374.

⁴ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 15, д. 93, лл. 12—14.

⁵ ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 269, лл. 32—34.

⁶ ЦХИДК, ф. 463/п, д. 443, л. 313.

⁷ Там же, ф. 1/п, оп. 9а, д. 10, лл. 210—214.

⁸ АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 272, д. 28, лл. 136—138. Полная фамилия и имя генерала автором не приводятся сознательно.

⁹ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 9а, д. 14, лл. 2—3.

¹⁰ Там же, ф. 463/п, д. 17, л. 8.

¹¹ Там же, л. 9.

¹² Там же, л. 20б.

¹³ См.: «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. — М.: Наука, 1967, с. 462—463.

¹⁴ ЦХИДК, ф. 463/п, д. 17, л. 30б.

¹⁵ Там же, ф. 1/п, оп. 23а, д. 8, л. 37.

¹⁶ Там же, оп. 9а, д. 10, лл. 1—4.

¹⁷ Цит. по: Галицкий В. П. Участие немецких военнопленных офицеров в антифашистском движении в плену СССР. 1941—1951 гг. // НКСГ — 50 лет.

Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. — Красноярск, 1994, с. 110.

¹⁸ ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 269, лл. 32—33.

¹⁹ Цит. по: Война Германии против Советского Союза (1941—1945). Каталог выставки. Под ред. Р. Рюрупа. — Берлин: Аргон, 1992, с. 236—238.

²⁰ См.: Известия, 1945, 4 мая.

²¹ ЦХИДК, ф. 463/п, д. 654, л. 25.

²² В январе 1955 г. Владимир Васильевич Иванов был лишен воинского звания «генерал-майор» за «нарушения социалистической законности».

²³ По приказу министра внутренних дел № 00819 от 11 сентября 1946 г. полковник Александр Львович Пустынский снят с занимаемой должности за незаконное расходование продовольственных фондов и хранение неоприходованного трофейного имущества.

²⁴ См.: Известия, 1945, 10 июня.

²⁵ Александр Николаевич Миронов прослужил в должности начальника внутренней тюрьмы НКВД-МВД более 20 лет. Уволен в отставку по болезни.

²⁶ ЦХИДК, ф. 463/п, д. 654, лл. 76, 81.

²⁷ Там же, л. 93.

²⁸ Там же, ф. 1/п, оп. 9а, д. 10, л. 59.

²⁹ ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 199, лл. 33—34.

³⁰ ЦХИДК, ф. 463/п, д. 654, лл. 97—99.

³¹ Там же, л. 106.

³² ГА РФ, ф. Р.-9401, оп. 2, д. 269, лл. 316—317.

³³ ЦХИДК, ф. 463/п, д. 654, л. 3.

³⁴ Там же, л. 154.

³⁵ Там же, лл. 12—13.

³⁶ См.: Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сборник документов в семи томах. Т. 4. — М.: Госюриздат, 1959, с. 143.

³⁷ ЦХИДК, ф. 463/п, д. 654, л. 16.

³⁸ Там же, л. 175. Далее в тексте сноски опущены. Используются материалы этого же фонда, этого же дела. («Подучетное дело военнопленного Гельмута Вейдлинга»).

Послесловие

Тяжелая, а порой и трагическая судьба миллионов военнопленных второй мировой войны глубоко запала в историческую память народов. Понятен поэтому повышенный общественный интерес к работам по данной проблеме, основанным на ранее недоступных архивных материалах. В этой связи книга В. Б. Конасова, несомненно, привлечет внимание читателя. Одновременно исследование российского историка дает новый импульс дискуссии о политической, идеологической и нравственной подоплеке истории немецких военнопленных в СССР, события которой неразрывно связаны с сегодняшними российско-германскими отношениями.

До середины XIX века положение военнопленных определялось главным образом сложившимися обычаями или двусторонними соглашениями воюющих государств. Впервые международноправовые нормы, регулирующие обращение с военнопленными, были закреплены по инициативе России в Брюссельской декларации 1874 г., кодифицированы в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг. Правовой статус военнопленных, узаконенный в Гаагской конвенции 1907 г., был развит и конкретизирован в Женевских конвенциях 1929 г. (Советским Союзом не ратифицирована) и 1949 г. (Советским Союзом ратифицирована 17 апреля 1954 г.), а также в Дополнительных протоколах I и II 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. (ратифицированы Советским Союзом 4 августа 1989 г.)*. В контексте этих исторических событий вопрос о правовом положении военнопленных второй мировой войны занимает особое место, о чем убедительно свидетельствует проведенное автором исследование.

Российская историография второй мировой войны насчитывает большое количество военно-исторических трудов. Тем не менее,

*Международное право в документах. — М., 1982, с. 751—772; Военная энциклопедия. — Т. 2. — М., 1994, с. 179.

проблема военного плена, замалчиваемая в бывшем СССР, еще не нашла достаточно полного и беспристрастного освещения в исторической науке. Лишь потепление климата в международных отношениях позволило отечественным и зарубежным ученым с большей степенью объективности взглянуть в прошлое, оценить трагическую судьбу сотен тысяч людей, не прибегая к идеологическим штампам и стереотипам.

Особую привлекательность придает книге то, что каждый очерк сопровождается подборка архивных документов, опираясь на которые автор достаточно глубоко раскрывает суть проблемы, воссоздает картину исторического прошлого во всем его многообразии. Одновременно он как бы приглашает читателя принять участие в дискуссии по наиболее принципиальным вопросам, не навязывая ему свою точку зрения.

8 ноября 1994 года вышел Указ Президента Российской Федерации «О комиссии при Президенте РФ по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести». Свое предназначение эта комиссия видит, в частности, в ликвидации белых пятен в истории военного плена, ибо только полная правда о минувших событиях способствует примирению, укреплению духа взаимопонимания и сотрудничества между народами. Именно с этих позиций — позиций общечеловеческих ценностей — следует подходить и к оценке труда автора.

В. Н. Вартанов, начальник управления зарубежной военной истории Института военной истории, доктор исторических наук, член-корреспондент АЕН РФ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Могла ли состояться дискуссия?	3
Глава 1. Попытки решения проблемы на дипломатическом уровне	16
Глава 2. Трудная дорога на родину. (Репатриация немецких военнопленных из СССР: 1945—1955)	123
Глава 3. Судьбы военнопленных генералов	257
Эпилог	298
Примечания	301
Послесловие	318

Виктор Борисович Конасов

СУДЬБЫ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СССР:

**дипломатические, правовые
и политические аспекты проблемы**

Очерки и документы

Технический редактор *Н. И. Тимонова*
Консультант *З. Н. Федосеева*
Корректор *А. Д. Чухина*
Компьютерная верстка *И. М. Зейфман*

Сдано в набор 6.12.95. Подписано в печать 29.1.96.

Формат 60х84/16. Гарнитура Балтика. Печать офсетная.

Усл. п. л. 19,53. Уч.-изд. л. 22,98. Тираж 1500.

Издательство Вологодского ИПКиППК 160012, Вологда, ул. Козленская, 114.

Отпечатано ТОО «Полиграфист» 160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Конасов Виктор Борисович родился в 1950 году. Автор книг и статей по истории Великой Отечественной и Второй мировой войн. Публиковался в России, Германии, Испании. Член редакционного совета военно-исторического журнала «Новый часовой».

ОТ АВТОРА

Выражаю искреннюю признательность сотрудникам Института военной истории МО РФ доктору исторических наук В. Н. Вартанову, кандидату военно-морских наук В. Н. Шевченко и кандидату исторических наук Ю. Е. Рыбалкину, работникам архивных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, дирекции Мемориального музея немецких антифашистов в Красногорске, а также коллегам и друзьям из Германии доктору Р. Денель, доктору Х. фон Зайдлицу, доктору Г. Кампхаузен и доктору К.-Г. Фризеру, которые предоставили в распоряжение автора некоторые материалы для работы над этой книгой.

